

404

604

703

402

808

608

808

608

808

608

808

608

808

608

808

608

808

608

808

608

808

608

808

608

808

608

808

608

808

608

808

608

808

(58) 5/12

ВЪ ПОМОЩЬ УЧАЩИМСЯ.

РОДНАЯ СТАРИНА.

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ

1341 с.

ВЪ РАЗСКАЗАХЪ И КАРТИНАХЪ.

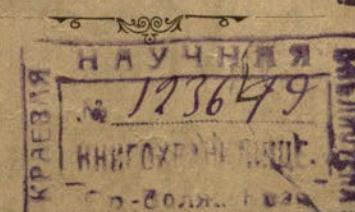
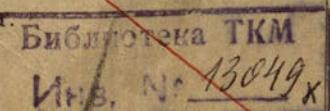

В. Д. Сиповскій.

ПЯТОЕ ИЗДАНИЕ.

Въ текстѣ помѣщено 151 полотицажныхъ изображеній.

Издание Д. Д. Полубояринова.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Паровая Скоропечатня М. М. Гутзель. Шпалерная, 26.

1897.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

	Стр.
Вступление.	7—12
Откуда узнаемъ мы наше прошлое	13—38
I. Восточная Европа до начала Русского государства	39—62
Природа страны. 13.—Древнійшіе обитатели Восточной Европы. 16.—Славяне (разселеніе ихъ, бытъ, нравы, обычай и вѣрованія ихъ за тысячу лѣтъ назадъ). 26.—Сосѣди восточныхъ славянъ. 35.	
II. Преданія о первыхъ русскихъ князьяхъ	63—91
О Рюрикѣ, Аскольдѣ и Дирѣ. 39.—Объ Олегѣ. 42.—Объ Игорѣ. 44.—Объ Ольгѣ. 47.—О Святославѣ. 50.—Бытъ русскихъ въ IX—X ст. 57.	
III. Принятіе христіанства и распространеніе его на Руси	92—120
Владимиръ-язычникъ. 63.—Сказание объ испытаніи вѣрь. 65.—Крещеніе Владимира, кievлянъ и новгородцевъ. 68.—Первоучители славянъ—Свв. Кириллъ и Меѳодій. 74.—Владимиръ-христіанинъ. 76.—Народныя былины о Владимирѣ Красномъ-Солнышкѣ и его богатыряхъ. 78.—Усобицы по смерти Владимира. 80.—Княженіе Ярослава. 83.—Русская Правда. 87.—Сношенія съ иноземцами. 90.	
IV. Время удѣльныхъ смутъ и усобицъ	121—139
Усобицы при сыновьяхъ Ярослава. 92.—Усобицы при внукахъ Ярослава. 96.—Ослѣпленіе Василька. 99.—Новыя усобицы. 101.—Борьба съ половцами 104.—Владимиръ Мономахъ. 106.—Поученіе Владимира Мономаха. 107.—Усобицы при сыновьяхъ и внукахъ Владимира Мономаха. 111.—Сказание о походѣ Игоря (Слово о полку). 116	
V. Монашество и просвѣщеніе на Руси въ XI—XII стол.	140—184
Начало русского монашества. 121.—Св. Феодосій. 123.—Значеніе Кіево-Печерского монастыря. 131.—Борьба съ язычествомъ. 132.—Проповѣденіе. 135.	174
VI. Новгородъ и Владимиръ	185—247
Древній Новгородъ и его торговля. 140.—Новгородская община. 143.—Былицы новгородскія. 148.—Новгородскіе церкви и монастыри. 152.—Суздальская область. 155.—Андрей Боголюбскій. 157.—Всеволодъ III. 167.—Борьба Суздаля съ Новгородомъ. 169.—Государственный строй и бытъ русскихъ XI—XIII столѣтія. (Раздробленіе земли.—Князь и дружина.—Жизнь князей.—Народъ.—Промыслы.—Города.—Жилища.—Одежда). 174	
VII. Злые времена татарщины	248—249
Первая встреча русскихъ съ татарами. 185.—Татары (ихъ нравы и обычай). 188.—Нашествие татаръ на сѣверную Русь. 191.—Нашествие татаръ на южную Русь. 195.—Поѣздки русскихъ князей въ Орду. 198.—Даниилъ Романовичъ. 200.—Александръ Невскій. 204.—Смуты присыновъяхъ Александра Невскаго. 211.—Юрій и Иванъ Даниловичи. 212.—Состояніе Русской земли въ XIII—XIV ст. 217.—Сѣверные монастыри. 222.—Симеонъ Гордый, Ioannъ II и Димитрій Донской. 227.—Куликовская битва. 231.—Нашествие Тохтамыша. 241.	
Родословные таблицы	250—256
Примѣчанія къ рисункамъ	

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 23 Января 1897 г.

Изъ предисловія къ 1-му изданію.

Преподаваніе отечественной исторіи въ нашихъ мужскихъ и женскихъ учебныхъ заведеніяхъ начинается обыкновенно въ среднихъ классахъ. Учащимся лѣтъ 13—15 дается въ руки учебникъ, который и представляетъ основу преподаванія. Учитель долженъ позаботиться, чтобы учащіе вполнѣ поняли и усвоили учебникъ. Учебники исторіи, даже и наилучшіе, представляютъ по самой сущности своей скатое и сухое изложеніе фактовъ, усвоить которые надо памятью. Объясненія учителя касаются смысла событий, значенія ихъ, причинной связи между ними и пр. и дѣйствуютъ преимущественно на разсудочную способность. Воображенію и чувству учащихся уроки исторіи, особенно отечественной, даютъ обыкновенно слишкомъ мало пищи. Даже и въ тѣхъ случаяхъ, когда учитель—хорошій разсказчикъ и могъ бы своими рассказами вызывать у учащихся живыя представленія историческихъ событий и лицъ, онъ очень рѣдко бываетъ въ состояніи это дѣлать: времени на уроки отечественной исторіи отводится обыкновенно немнога, да притомъ половина его уходитъ на необходимое спрашиваніе уроковъ. Сухое же изложение фактовъ, не затрагивая воображенія и чувства, плохо держится въ памяти; частыя и притомъ скучныя повторенія одного и того же мало помогаютъ бѣдѣ. Особенно же печально то, что при этомъ нерѣдко гибнетъ у учащихся интересъ къ родной исторіи.

Если примемъ во вниманіе, что только крайне незначительному меньшинству удается слышать профессорскія лекціи по Русской исторіи, что научные сочиненія малодоступны для обыкновеннаго читателя,—то поймемъ, почему знаніе родной исторіи не процвѣтаетъ у нашего юношества.

А между тѣмъ отечественная исторія и словесность считаются краеугольными камнями національного воспитанія. И дѣйствительно, только тотъ изъ образованныхъ людей можетъ понимать свой народъ,—не говоримъ уже—живѣ однимъ сердцемъ съ нимъ,—кто хорошо знаетъ пережитое и передуманное имъ.

Школа, если она хотя сколько-нибудь претендуетъ на національное воспитаніе, должна въ своихъ питомцахъ возбуждать интересъ къ отечественной исторіи и давать имъ навыкъ къ чтенію научныхъ историческихъ сочиненій.

Болѣе заботливые преподаватели обыкновенно и не ограничиваются только уроками, а мало-по-малу вводятъ своихъ учениковъ въ чтеніе историческихъ сочиненій, совсѣту имъ иногда прочесть извѣстныя главы или страницы изъ сочиненій Карамзина, Соловьева, Костомарова и др. (Подспорьемъ въ этомъ отношеніи можетъ служить Хрестоматія по Русской исторіи гг. Гуревича и Павловича, представляющая хорошій подборъ статей изъ научной литературы по Русской исторіи). Но чтеніе историческихъ сочиненій и научныхъ статей возможно лишь для старшаго возраста. Притомъ чтеніе это можетъ принести дѣйствительную пользу только при двухъ условіяхъ: во-первыхъ, необходимо, чтобы со стороны преподавателя при выборѣ статей для чтенія, и. во-вторыхъ, необходимо, чтобы у учащихся былъ сильный интересъ къ отечественной исторіи. А для того, чтобы этотъ интересъ былъ пробужденъ у нихъ, надо, чтобы съ первыхъ же шаговъ изученія родная исторія не ложилась только тяжелымъ бременемъ на память, но производила бы впечатлѣніе на чувство учащихся, давала бы пищу и воображенію ихъ.—Для этого необходимо, кромѣ учебника, кромѣ объясненій учителя,—подспорье въ самостоятельномъ чтеніи учащихся.

Вполнѣ подходящаго для этого и законченного труда нѣть въ нашей учебной литературѣ; мы дѣлаемъ попытку восполнить этотъ пробѣлъ. Мы задались цѣлью пересказать всѣ важнѣйшия события Русской исторіи, строго придерживаясь источниковъ и научной разработки ихъ,—пересказать такъ,

чтобы у читающихъ получилось сколько-нибудь живое представление о минувшихъ событияхъ, лицахъ и древнемъ строѣ жизни. Для вѣрнаго пониманія историческихъ лицъ и дѣлъ ихъ важно знать, какъ смотрѣли на нихъ современники или ближайшіе потомки. Въ этомъ отношеніи взглядъ лѣтописца, слова древняго проповѣдника, старинное сувѣрное преданіе, простодушное сказаніе современника и т. п. получаютъ высокую цѣну. Всюду, где можно было, мы и старались показать, какъ события и дѣла историческихъ дѣятелей отражались въ сознаніи современниковъ. Хотя мы и пользовались научными трудами, но всегда старались держаться какъ можно ближе къ источникамъ: нѣкоторые памятники (поученіе Владимира Мономаха, Слово о полку, мѣста изъ житія св. Феодосія и пр.) переданы нами почти дословно. Личная жизнь, какъ извѣстно, мало проявлялась въ древнія времена нашей исторіи; мало потому и біографического материала даютъ наши исторические источники; но все-таки по нимъ, хотя и въ общихъ чертахъ, можно представить нѣсколько типовъ, порожденныхъ складомъ древней жизни и историческими обстоятельствами. Съ типомъ князя—сурога и безпощаднаго воителя—читатели нашей книги познакомятся изъ преданій о первыхъ князьяхъ: Олегѣ, Игорѣ и Святославѣ; съ типомъ воителя, смягченнымъ и просвѣтленнымъ христіанскимъ ученіемъ,—изъ разсказа о Владимирѣ Мономахѣ; съ непосѣдливымъ княземъ-удальцомъ удѣльно-вѣчевого периода—изъ разсказа о Мстиславѣ Удаломъ. Типы монаховъ-подвижниковъ представлены въ разсказахъ о св. Феодосіи и св. Сергіи. Въ XIV ст. начинаетъ выясняться типъ князя-политика, скопидома, изворотливаго и дальновиднаго—въ разсказахъ о Юрии и Иванѣ Даниловичахъ.

Особенное вниманіе обращено нами на изложеніе. Мы старались довести языкъ до возможной чистоты и простоты, старались въ то же время избѣжать сухости.

4-го сентября 1879 г.

Предисловіе ко 2-му изданію.

При второмъ изданіи нашей книги мы воспользовались замѣчаніями рецензентовъ, почитавшихъ нашъ трудъ своимъ разборомъ; многое сообразно ихъ указаніямъ измѣнено или дополнено въ книгѣ. Приняты во вниманіе также и новые почтенные труды по Русской исторіи, которые явились въ свѣтъ послѣ изданія первого выпуска «Родной Старины»; главнѣйшіе изъ этихъ трудовъ: Исторія Русской жизни, 2-я ч., соч. И. Е. Забѣлина, Исторія Россіи, 2-я ч., Д. И. Иловайскаго, Очерки Русской исторіи въ памятникахъ быта, 2-я ч., П. Н. Полевого, Материалы для исторіи русской одежды В. Прохорова и др. Хотя мы болѣе всего держались первоисточниковъ,—русскихъ лѣтописей, сказаний иностранцевъ и пр., но тѣмъ не менѣе въ нѣкоторыхъ случаяхъ руководились соображеніями и выводами названныхъ трудовъ, сверхъ сочиненій С. М. Соловьева, Н. И. Костомарова, К. Н. Бестужева-Рюмина и др.

Болѣе существенные перемѣны въ новомъ изданіи 1-го выпуска «Родной Старины» слѣдующія: прибавлены разсказы подъ заглавіемъ «Древнѣйшіе обитатели Восточной Европы» (5—16 стран.) и «Государственный строй и бытъ русскихъ XI—XIII ст.» (187—198 стр.); затѣмъ сдѣланы дополненія въ разныхъ частяхъ книги, особенно въ IV главѣ «Время удѣльныхъ смутъ и усобицъ». Кромѣ того, каждую главу подраздѣлили на отдѣльные разсказы для болѣе удобнаго пользованія книгою. Всѣ эти дополненія и измѣненія увеличили объемъ книги почти на три печатныхъ листа. Самымъ важнымъ добавленіемъ считаемъ новыя политическая изображенія: ихъ прибавлено семь-

десягъ два, такъ что общее число рисунковъ въ книгѣ болѣе чѣмъ удвоилось, сравнительно съ первымъ изданиемъ, гдѣ ихъ было всего 53. Этой сторонѣ нашего труда мы придаемъ большое значение: изображенія древнихъ зданій, одежды, оружія и пр., разсѣянныя по многимъ дорогимъ изданіямъ и ученымъ трудамъ, недоступнымъ по цѣнѣ не только большинству преподавателей, но и многимъ школьнмъ библиотекамъ, собранныя въ нашей книгѣ, даютъ возможность примѣнить наглядность къ преподаванію отечественной исторіи у настѣ въ большей степени, чѣмъ это было до сихъ порь.

Желая своей книгой дать учащимся такое пособіе, которое, восполняя свѣдѣнія учебника или уроки учителя, возбуждало бы вмѣстѣ съ тѣмъ любознательность и послужило бы переходной ступеню къ чтенію большихъ научныхъ сочиненій по Русской исторіи, мы не могли ради занимательности жертвовать содержаніемъ и послѣдовательностью фактovъ, не останавливаясь только на болѣе эффектныхъ эпизодахъ, но говорили обо всемъ томъ, что находится въ общепринятыхъ руководствахъ по Русской исторіи. Но при этомъ обо всемъ второстепенномъ, неважномъ, говоримъ коротко, немногимъ болѣе, чѣмъ въ руководствахъ, говоримъ, насколько это нужно для связи событий и для пониманія ихъ; зато на болѣе существенномъ и характерномъ останавливаляемся иногда значительно болѣе, чѣмъ авторы большихъ научныхъ трудовъ,—стараемся, насколько позволяетъ историческій материалъ, дать читателямъ живое представление о событияхъ и лицахъ. Только при такомъ способѣ и возможно изложить въ небольшомъ объемѣ 3-хъ или 4-хъ выпусковъ сколько-нибудь полно и картиною важнѣйшая события отечественной исторіи, не упуская въ то же время изъ виду и связи между ними.

Въ нѣкоторыхъ рецензіяхъ на нашу книгу было выражено сожалѣніе, что къ ней не приложены карты. Не дали мы ихъ и теперь: хорошія карты значительно увеличили бы цѣну книги и сдѣлали бы ее менѣе доступною для учащихся, а помѣщать кое-какія мы не хотѣли. Притомъ существуетъ у насъ хороший учебный атласъ по Русской исторіи г. Добрякова, доступный по цѣнѣ и вполнѣ удовлетворяющій своей цѣли.

6-го декабря 1882 г.

Къ 3-му изданію.

Въ этомъ изданіи сдѣланы нѣкоторыя дополненія въ текстѣ (прибавленъ отдельный очеркъ «Первоучители славянъ—Св. Кириллъ и Меѳодій» и введенъ нѣсколько подробнѣйств въ разсказъ «Усобицы при сыновьяхъ и внукахъ Владимира Мономаха»). Сверхъ того добавлено 18 политипажей, и нѣкоторые изъ прежнихъ замѣнены новыми—лучшими. Въ концѣ книги мы помѣстили родословные таблицы всѣхъ князей, упоминаемыхъ въ текстѣ, съ обозначеніемъ годовъ смерти каждого изъ нихъ. Такія таблицы для справокъ, полагаемъ, не лишни въ учебномъ пособіи. Болѣе компактная печать дала возможность, при всѣхъ указаныхъ дополненіяхъ, немного даже уменьшить объемъ книги, и потому цѣна оставлена прежняя.

9-го ноября 1886 г.

Къ 4-му изданію.

На этотъ разъ мы ограничились лишь незначительными поправками и измѣненіями въ текстѣ и прибавленіемъ двухъ большихъ политипажей на отдельныхъ листкахъ: 1. Съездъ князей и 2. Побѣда св. Александра Невскаго надъ шведами на берегу Невы.

15-го декабря 1892 г.

V. Сиповскій.

ВСТУПЛЕНИЕ.

ОТКУДА УЗНАЕМЪ МЫ НАШЕ ПРОШЛОЕ.

Eолѣе тысячи лѣтъ минуло съ той поры, какъ положено начало Русскому государству. Много за это время свершилось на Руси крупныхъ дѣлъ, и хорошихъ и дурныхъ; не мало бѣдъ и горя пережилъ русскій народъ; были у него и свѣтлые дни радости; были и люди, память о которыхъ дорога всякому русскому сердцу. Есть о чёмъ поразсказать, есть что и послушать.

Откуда же узнать намъ о томъ, что было за нѣсколько вѣковъ до настѣ? Откуда провѣдать о стародавнихъ временахъ?

Жизнь народовъ обыкновенно не проходитъ безслѣдно. Устные разсказы о давнинувшихъ событияхъ, древніе письменные памятники, зданія, утварь, оружіе и другія вещи, уцѣлѣвшія отъ прежнихъ временъ,—все это слѣды минувшей жизни народа. Чѣмъ образованіе становится люди, тѣмъ больше они дорожатъ этими остатками старины: понимаютъ, что нельзя разумно жить среди народа, не зная его нравовъ, обычаевъ, учрежденій; а узнатъ и вполнѣ понять ихъ только и можно, уяснивъ себѣ, какъ складывались они въ многовѣковой жизни народа. Разъяснить это и изобразить былую жизнь народа есть задача исторіи, а всевозможные остатки старины служать источникомъ, откуда историкъ черпаетъ свѣдѣнія о быломъ.

Какъ отдельному человѣку, такъ и цѣлому народу врождено помнить свое прошлое и дорожить имъ. Кому не приходилось замѣчать, какъ любить разсказывать о минувшихъ дняхъ люди старые да бывалые,—какъ говорится, видавшіе виды на своемъ вѣку? Рассказываютъ они порой такъ хорошо, подробно да складно, что и заслушаться ихъ можно. Память у стариковъ бываетъ нерѣдко и богата и торовата,—были бы только охотники слушать ихъ, а за охотой рассказывать дѣло у нихъ не станетъ.

Такая охота у старыхъ людей была во всѣ времена. Рассказываютъ старики про былое своимъ дѣтямъ и внукамъ, и глубоко имъ въ память да-

въ сердце западаютъ эти разсказы. Пройдетъ десятка два-три лѣтъ, — дѣды уже въ могилу сошли, внуки ихъ и дѣти сами стали отцами и дѣдами; рассказываютъ и они своимъ дѣтямъ о старой дѣдовской были и о томъ, что сами на свое мѣсто видали. Такъ изъ рода въ родъ и передаются разсказы о быломъ, — потому и называютъ ихъ преданіями. Вѣка проходятъ, а сказанія о старинѣ, словно наслѣдство заповѣдное, на ряду съ дѣдовскими обычаями, переходятъ отъ поколѣнія къ поколѣнію.

Хоть и крѣпка бываетъ память у стариковъ на прошлое, а все-таки ей не удержать всего, что они сами видывали и отъ другихъ слыхивали: ускользаютъ имена, путаются события, забываются порой мѣсто и время, гдѣ и когда что случилось. Притомъ, вѣдь не все, что знаешь, и разсказывать хочется; что глубже врѣзалось въ память да къ сердцу ближе, только то и на языкъ просится. Лихія бѣды, подвиги молодецкіе, лютое горе и свѣтлая радость, — вотъ что больше всего оказывается въ народныхъ преданіяхъ. — На бѣду, когда сердце слишкомъ ужъ сильно заговорить, то умъ порой молчитъ... Иной разсказчикъ говоритъ о силѣ дивной могучаго богатыря, о чудесныхъ подвигахъ его, да невольно отъ полноты души и прикинетъ отъ себя слово-другое, — гдѣ преувеличить, гдѣ пріукрасить; смотришь, съ бѣдой ужъ и сплелась небылица. Прошелъ такой разсказъ чрезъ уста не сколько поколѣній, преданіе ужъ и въ сказку обратилось, и трудно въ ней распознать было отъ небылицы. А то найдутся въ народѣ и такие досужіе да умѣлые люди, что иная сказанія въ пѣсни переложатъ: въ пѣснѣ они выходятъ складнѣе и слушать ихъ пріятнѣе.

Жизнь не стойть: года идутъ за годами; совершаются новые дѣла; у каждого поколѣнія — свои печали, свои радости, свои заботы; зарождаются новые сказанія, новые пѣсни складываются. Онѣ мало-по-малу смѣшиваются между собою въ народной памяти; новое сплетается со старымъ или вытѣсняетъ его. Много древнихъ преданій и старыхъ пѣсенъ затерялось, забыто народомъ прежде, чѣмъ ученыe стали у насъ собирать, записывать и изучать ихъ; но все же не мало ихъ хранится и до сихъ порь въ народной памяти. Давнымъ-давно ужъ несть на свѣтѣ тѣхъ, про кого говорится въ иной пѣснѣ, даже и отъ могиль ихъ давно ужъ и слѣда неѣтъ, а живая пѣсня все еще говорить про ихъ дѣла; сотни лѣтъ проходятъ, а горе и радости ихъ все живутъ въ этихъ пѣсняхъ...

Народныe пѣсни, сказки, преданія служатъ историку драгоценнымъ устнымъ источникомъ. Не станетъ онъ черпать изъ нихъ свѣдѣній о событияхъ и лицахъ, но узнаетъ отсюда, во чѣмъ вѣрилъ народъ, на что надѣялся, что любилъ онъ, и чѣмъ изъ пережитаго и передуманнаго имъ особенно глубоко врѣзалось въ его память. Вотъ чѣмъ дороги для истории устная народная произведенія.

Въ древности, когда у нашихъ предковъ и въ поминѣ еще не было письменности, въ наши края заходили грамотные иноземцы или узнавали о нашей землѣ отъ бывалыхъ людей и разносili извѣстія о насъ, порой вели записи, описывали нравы, обычаи, бытъ нашихъ предковъ. Много изъ этого источника можно почерпнуть любопытныхъ подробностей о старинномъ житьѣ-бытьѣ русскихъ; притомъ, отсюда узнаемъ, какъ смотрѣли на нихъ иноземцы въ ту или другую пору.

Когда письменность стала распространяться на Руси, между грамотными монахами у насъ нашлись такие, которые стали вести записи о событияхъ въ родной землѣ. Дѣжалось это сначала очень просто: выставляли года и подъ ними коротко отмѣчали, чѣмъ случилось въ это время, а ничего особеннаго не было, то ничего и не писали, — годъ пустымъ оставался. Эти отрывочные записи и называются лѣтописями.

Такихъ начальныхъ записей до нашего времени не сохранилось. Самый древній лѣтописный трудъ, дошедшій до насъ, „Повѣсть временныхъ лѣтъ“ (полное его заглавіе: „Се повѣсти временныхъ лѣтъ, откуда есть пошла Русская земля, кто въ Киевѣ нача первѣ княжити и откуду Русская земля стала есть“), относится къ XII вѣку. Составитель этой лѣтописи, — былъ ли онъ иночъ Кіево-Печерской лавры Несторъ, какъ думали прежде, или Сильвестръ, игуменъ Выдубицкаго монастыря, какъ полагаютъ теперь, — потрудился не мало надъ своей книгой. Жилъ онъ въ концѣ XI и началѣ XII ст., а задумалъ начать ее по примѣру греческихъ лѣтописцевъ со временемъ всемирнаго потопа. Пришло ему собирать свѣдѣнія изъ греческихъ лѣтописей, изъ разныхъ сказаний и преданій, особенно же изъ древнѣйшихъ русскихъ лѣтописныхъ замѣтокъ; пришло все это сводить въ одно цѣлое, потому и называютъ трудъ его лѣтописнымъ сводомъ. Темное преданіе о первыхъ князьяхъ, благочестивое сказаніе о первыхъ христіанскихъ подвижникахъ на Руси, отрывочные замѣтки о походѣ князя или нападеніи хищныхъ враговъ, сказочный разсказъ бывалаго человѣка о какихъ-либо диковинахъ Русской земли, — все дорого для него, все старательно заносить въ свою книгу простодушный составитель; только позднѣйшія события могъ онъ описывать, какъ очевидецъ. Отрекся онъ отъ свѣта, хочетъ думать только о Богѣ, о спасеніи душевномъ, да не вырвать ему изъ сердца своего привязанности къ родной землѣ, сильно хочется ему знать, что на ней творится и творилось, хочется и другимъ повѣдать о томъ, чѣмъ самъ знаетъ. И вотъ, помолись Богу, берется онъ усердно за свой трудъ: скорбно повѣствуетъ о неурядицахъ на Руси, о злодѣяніяхъ, о княжескихъ усобицахъ, съ умилениемъ сердечнымъ заносить сказанія о подвигахъ христіанского благочестія, приводить изъ св. писанія подходящія мѣста. На трудъ свой смотрѣть онъ, какъ на дѣло богоугодное: будуть читать лѣтопись князья, бояре, монахи, — узнаютъ, сколько зла творилось на землѣ, какъ Богъ каралъ за это нечестивыхъ, узнаютъ и хорошия дѣла, подвиги лучшихъ русскихъ людей, — и легче будетъ добрымъ людямъ избирать правые пути въ жизни и отъ зла оторваться. Нелегко было написать цѣлую книгу, когда приходилось буквой вырисовывать; но лѣтописецъ усердно трудится: онъ надѣется „отъ Бога милость пріяти“, надѣется, что и люди прочтутъ его книгу и добрымъ словомъ помянуть его.

Великое дѣло совершилъ трудолюбивый составитель „Повѣсти временныхъ лѣтъ“: изъ нея болѣе всего мы и узнаемъ о древнѣйшихъ событияхъ на Руси, до 1110 года, которымъ заканчивается эта лѣтопись.

Всльдѣ за нею стали вести лѣтописныя сказанія и въ другихъ городахъ, по монастырямъ (Новгородскія лѣтописи, Псковская, Суздалская и друг.). Позднѣйшіе лѣтописцы обыкновенно списывали сначала „Повѣсть временныхъ

лѣтъ", а затѣмъ ужъ сами продолжали,—отмѣчали больше событія тѣхъ областей и городовъ, гдѣ сами жили. Лѣтописи велись у насъ до XVII вѣка. Множество рукописныхъ лѣтописей дошло до нашего времени; но, къ сожалѣнію, самая древня изъ дошедшихъ до насъ писаны не раньше конца XIV ст. и начала XV (Лаврентьевскій и Ипатьевскій списки); стало быть, "Повѣсть временныхъ лѣтъ" сохранилась лишь въ позднѣйшихъ спискахъ.

Кромѣ лѣтописей, отъ древней письменности уцѣлѣло много отдѣльныхъ сказаний о достопамятныхъ событіяхъ, житій святыхъ, записокъ современниковъ, посланій; сохранились также древніе договоры, княжескія грамоты, указы, постановленія правительства, уставы, законы. Все это—драгоценные для исторіи письменные источники.

Съ теченіемъ времени все больше и больше копировалось разныхъ рукописей. Цѣлые груды ихъ сотни лѣтъ таились въ полной неизвѣстности въ монастырскихъ и другихъ древнихъ книгохранилищахъ. Съ XVI вѣка началось въ Москвѣ книгопечатаніе; но долго никто и не думалъ печатать драгоценную для исторіи рукописи. Чтобы разобраться въ грудахъ ихъ, распознать важная отъ неважныхъ, нужны были не только трудъ и усердіе, но и знаніе и умѣніе; а ихъ-то и недоставало у нашихъ предковъ. Не умѣли они даже и беречь дорогихъ рукописей: многое ихъ затерялось, немало ихъ погибло не только отъ пожаровъ, но и отъ небрежности и невѣжества владѣльцевъ.

Только съ прошлаго вѣка въ нашемъ отечествѣ зародилась настоящая наука. По мысли Петра Великаго возникло въ Петербургѣ ученое учрежденіе, академія наукъ, куда призваны были ученые, за неимѣніемъ русскихъ, изъ Германіи. Между ними нашлись люди, знавшіе цѣну древнимъ рукописямъ,—стали ихъ старательно собирать, изучать, печатать. Начиная съ Ломоносова, первого русскаго ученаго, и русскіе люди принимаются за науку. Многіе стали усердно трудиться и надъ разными вопросами русской исторіи; иные пытались изложить ее послѣдовательно и связно съ древнѣйшихъ временъ. Въ началѣ нашего вѣка является знаменитый трудъ Карамзина: "Исторія государства Россійскаго" (доведена до 1613 г.). Съ этого времени любовь къ старинѣ все растетъ и растетъ: является все больше и больше изслѣдователей; учреждаются цѣлые общества любителей древностей; общими силами работаютъ надъ источниками русской исторіи. Дорога родная старина всякому, но дороже всего она тому, кто всю жизнь кладеть на изученіе ея: усердно роются ученые въ грудахъ старинныхъ рукописей, изучаютъ древнія сказанія, темныя преданія, сказки, пѣсни, обычаи, повѣрья, языки народа,—древнія могилы (курганы) раскапываются, отыскиваются древніе оружіе, утварь и пр.; всюду ищутъ остатковъ старины, какъ золотоискатели золота.

И не напрасенъ ихъ трудъ: все больше и больше набирается свѣдѣній о старинѣ, все яснѣе и яснѣе возникаетъ прошлое предъ нами,—словно оживаетъ. Учреждаются новыя ученые общества, работающія надъ русской стариной. Возникаетъ у насъ цѣлая наука древностей (археология) со многими отдѣлами, охватывающими всѣ стороны древняго быта (старинныя зданія, иконы, древнія письмена, утварь, оружіе, одежды, монеты и пр.). Кромѣ большихъ государственныхъ собраній и хранилищъ древностей, какъ, напр., Оружейная Палата

въ Москвѣ и Эрмитажъ въ Петербургѣ, изученію старины способствуютъ и частныя собранія древнихъ вещей у нѣкоторыхъ богатыхъ любителей древностей. Издаются, благодаря помощи правительства и частныхъ лицъ, лѣтописи, государственные грамоты, изображенія древнихъ зданій, вещей, одеждъ. Являются богатыя собранія устныхъ, народныхъ произведеній (пѣсенъ, сказокъ, пословицъ и пр.), издаются научные изслѣдованія народныхъ обычаевъ, повѣрій. Правительство открываетъ свои собранія древнихъ документовъ и бумагъ (архивы) для любознательныхъ ученыхъ. Частныя лица, владѣющія важными для исторіи записками или письмами, обнародываютъ ихъ. Возникаетъ нѣсколько историческихъ журналовъ ("Русская Старина", "Русскій Архивъ", "Исторический Вѣстникъ" и др.), которые издаются въ теченіе многихъ лѣтъ и не могутъ исчерпать всего нашего "исторического богатства", накопленнаго въ минувшіе годы.

Много даровитыхъ и высокоталантливыхъ ученыхъ, много и скромныхъ тружениковъ работало надъ русской стариной. Не одну страницу пришлось бы исписать ихъ именами, если бы мы вздумали всѣхъ ихъ назвать. Всѣмъ имъ скажетъ сердечное спасибо всякий русскій, кому дорога родная старина; скажетъ большое спасибо и историкъ, которому и подумать нельзя было обѣ изложеніи исторіи, не будь подготовлено для нея источниковъ. А собрать ихъ и подготовить, какъ говорится, материалы для исторіи—дело очень нелегкое. Довѣрчивый лѣтописецъ спокойно заносилъ въ свой трудъ всякія извѣстія, преданія, разсказы,—не задумывался долго надъ тѣмъ, вѣрны ли они, или нѣтъ; а настоящій ученый можетъ пользоваться ими лишь послѣ строгой, разумной проверки (критики) источниковъ. Откроетъ ли ученый какое-либо неизвѣстное раньше древніе сказаніе, онъ прежде всего, если не помѣченъ годъ, когда оно написано, постарается развѣдать по начертанію письменъ, по языку, какому времени принадлежать рукопись; если въ ней разсказано о какомъ-либо событіи, то изслѣдователь задумывается, могъ ли писавшій и хотѣлъ ли сказать правду; найдетъ ли ученый изслѣдователь старины древнюю монету онъ еще проверить, такъ ли стара она, какъ кажется, не поддельна ли она и т. д. Только послѣ осторожныхъ критическихъ изысканій, порою очень долгихъ и кропотливыхъ, указана будетъ настоящая цѣна памятника для исторіи.

Послѣ такой разработки, послѣ изданія источниковъ можно вѣрнѣе и полно излагать русскую исторію, чѣмъ прежде. Съ пятидесятыхъ годовъ Соловьевъ началъ свой огромный трудъ (теперь 29 томовъ); затѣмъ появились многочисленные труды Костомарова,—они усилили въ русскомъ обществѣ любовь къ историческому чтенію. Наконецъ, въ наше время начато нѣсколько новыхъ большихъ работъ по русской исторіи (Бестужева-Рюмина, Забѣлина и Иловайскаго), которые стараются решить нѣкоторые темные вопросы нашей исторіи и освѣтить полно древне-русскую жизнь.

Надъ разясненіемъ ея много еще придется поработать и теперешнимъ нашимъ историкамъ и будущимъ. Нелегко разобраться въ грудахъ письменныхъ, вещественныхъ и устныхъ источниковъ; еще труднѣе добыть изъ нихъ то, что составляетъ главную задачу всякой науки,—правду, ту правду, которую и народъ нашъ высоко цѣнитъ, говорить о которой

въ своихъ пословицахъ: „Правда свѣтлѣе солнца, дороже золота“, „Безъ правды не живутъ люди, а только маются“.

Образованные люди могутъ узнавать эту правду о родной старинѣ изъ трудовъ ученыхъ; грамотному простолюдину кое-что скажутъ о ней доступныя ему книжки; неграмотный же людъ узнаетъ о ней отъ грамотныхъ, а въ глухихъ уголкахъ нашей земли нерѣдко — тѣмъ же способомъ, какъ предки наши тысячу лѣтъ назадъ, — изъ рассказовъ стариковъ, изъ преданій да пѣсень. Все рѣже и рѣже слышатся въ нашихъ деревняхъ старинныя пѣсни: онъ мало-малу вытесняются новыми, книжными. Былины о старыхъ богатыряхъ сказываются только кое-гдѣ у насть на сѣверѣ уже немногими умѣлыми стариками; на югѣ Россіи былинъ этихъ народъ уже не знаетъ, — ихъ замѣнили пѣсни (лумы) о казацкихъ временахъ. Здѣсь встречаются еще, хотя и рѣдко, народные пѣвцы (кобзари), большою частью нищѣ-слѣпцы. Еще и до сихъ поръ можно видѣть, какое великое значеніе имѣли они для народа. Ходятъ они за своими проводырями (вожаками) изъ села въ село. Вездѣ кобзарь — желанный гость, — куда ни придетъ онъ, вокругъ него скоро собирается толпа и старого, и юного люда: всякому хочется послушать пѣсни о старинѣ. Играетъ кобзарь на своей кобзѣ (родѣ гитары) и подъ звуки ея струнъ поетъ свою пѣсню: поеть онъ о томъ, какъ попадали казаки въ татарскую или турецкую неволю, о музыкахъ мастеримыхъ, какія выносили они въ рукахъ басурманъ, — уныло звучить старческій голосъ пѣвца, струны жалобно стонутъ. Стоять кругомъ слушатели, стоять недвижно съ опущенными головами, словно слышать они стоянъ предковъ своихъ, — слышать, а помочь не могутъ... Кончилъ свою пѣсню кобзарь. Смутно у всѣхъ на душѣ. Но вотъ онъ снова запѣль, и запѣль иную пѣсню: поеть онъ про степь широкую, вольную, поеть о томъ, какъ по ней разливалась удаль казацкая, поеть про лихіе подвиги прадѣловъ, про силу ихъ могучую. Звонче гудятъ живыя струны; крѣпнетъ голосъ старого пѣвца, будто молодость вернулась къ нему. Подымаются опущенные головы слушателей, расправлиютъ свои согнутыя спины старые казаки, а у молодыхъ и глаза блещутъ, — почуяли они, что и въ ихъ жилахъ течеть казацкая прадѣловская кровь...

I.

ВОСТОЧНАЯ ЕВРОПА ДО НАЧАЛА РУССКАГО ГОСУДАРСТВА.

Природа страны.

Восточная часть Европы вовсе не походитъ на западную. Нигдѣ на всемъ земномъ шарѣ нѣтъ такого извилистаго, изрѣзанаго заливами морскаго берега, какъ на европейскомъ западѣ; нигдѣ не бросаются такъ въ глаза, какъ тутъ, слѣды упорной, вѣковѣчной борьбы моря съ материкомъ: оно здѣсь охватываетъ сушу съ трехъ сторонъ, своими волнами изрѣзываетъ берега, промываетъ низменности, отрываетъ клочки суши отъ материка, образуя прибрежные острова, врывается въ него множествомъ большихъ и малыхъ заливовъ; а материкъ, въ свою очередь, словно напрягая силы свои, вздымается горными кряжами, вторгается отрогами ихъ въ море, врѣзывается въ него скалистыми мысами, объ утесы которыхъ цѣляя тысячетѣтия разбиваются морскія волны...

Нигдѣ горы, долины и морскіе берега не сочетались такъ выгодно для человѣка, какъ въ западной Европѣ. Море расчленяетъ ее на нѣсколько большихъ полуострововъ, на сѣверѣ своими теплыми теченіями грѣетъ ее, на югѣ спасаетъ отъ жгучаго африканскаго зноя. Горные хребты, идущіе по ней вдоль и поперекъ, дѣлятъ ее на нѣсколько областей, на множество долинъ и уютныхъ уголковъ. Равнинны и долины, во многихъ мѣстахъ огражденныя горами отъ сѣверныхъ холодныхъ вѣтровъ, обильно орошенныя горными потоками и рѣками, прѣдѣтъ богатой растительностью. Горы всегда облегчали жителямъ Западной Европы защиту отъ враговъ; роскошная природа ея, — особенно на югѣ, издавна влекла населеніе, щедро осыпая человѣка своими

дарами, лаская взоры его своими красотами; а море, никогда не замерзающее, съ его многочисленными заливами и островами облегчало сношенія народамъ и манило смѣлыхъ на поиски за счастьемъ въ чужедальниe края..

Мудрено ли, что на европейскомъ западѣ богатыя, цвѣтущія страны рано наполнились густымъ населеніемъ,—что рано сложилось здѣсь нѣсколько государствъ, возникли многолюдные богатые города, развились промышленность, торговля, мореплаваніе и зацвѣли искусства и образованность?

Не то представляеть европейскій востокъ. Громадной равниной раскинулся тутъ материкъ отъ Сѣверного моря до Чернаго, отъ Уральскихъ горъ до Карпатъ и Балтійского моря. Трудно было поселенцамъ найти здѣсь уютное мѣсто и сѣсть плотными поселками гдѣ-либо на безграницной равнинѣ, трудно было не разбросаться въ разныя стороны по ея широкому простору. Много силъ и труда должно было пойти здѣсь у жителей на оборону отъ лютаго холода, отъ хищнаго врага, да и почва здѣсь большою частью скуча, — скучно платить человѣку за его трудъ.

Западно-европейская природа, справедливо замѣчающа одинъ изъ нашихъ историковъ, всегда была для человѣка нѣжной матерью, а восточная — суровой мачехой. Понятно, что на востокѣ Европы гораздо труднѣе было, чѣмъ на западѣ, сложиться государству, возникнуть большимъ городамъ, разрастись промышленности и торговль.

На громадной восточно-европейской равнинѣ, только по дальнимъ своимъ окраинамъ имѣющей естественные границы, рано или поздно должно было сложиться одно большое государство. Равнина эта предназначена была для нашего огромнаго государства, для многочисленнаго и могучаго нашего народа, медленно окрѣпшаго, закаленнаго въ бѣдахъ и невзгодахъ, много вѣковъ поливавшаго землю свою потомъ и кровью,—народа, терпѣніе и удаль котораго такъ же безграницы, какъ широкій просторъ его полей...

На крайнемъ сѣверѣ восточной Европы большую часть года стоитъ лютая зима; бѣлой пеленой снѣгъ покрываетъ промерзлую почву; страшной стужей вѣтъ съ Ледовитаго моря; ночной сумракъ полгода виситъ надъ землей. Не будь на дальнемъ сѣверѣ хорошей рыбной ловли, охоты за пушниной звѣремъ и птицей да быстрого и выносливаго сѣвернаго оленя, — не жить бы тамъ и человѣку. Край этотъ совсѣмъ бесплодный: ни посадить ничего, ни посеять нельзя; короткимъ лѣтомъ поверхность промерзлой болотнической, ни посеять нельз...

Средняя полоса Восточной Европы богата и теперь лѣсами, а за тысячу лѣть назадъ ихъ было гораздо больше: на цѣлыхъ сотни верстъ тянулись неоглядныя, непроходимыя лѣсныя дебри, которые перемежались озерами да болотами. Въ лѣсной глухи привольно было всякому лѣсному звѣрю: бѣлки, зайцы, волки, медведи, лисицы, куницы наполняли ихъ; стадами бродили дикие кабаны, серны, зубры; раздолье было здѣсь и лѣсной птицѣ! — На сѣверѣ въ лѣсахъ больше встрѣчаются хвойныя деревья — ель да сосна, а южнѣе идутъ

лиственныя — кленъ, дубъ, липа и другія. Здѣсь въ изобиліи роятся пчелы и кладутъ свой медъ въ дуплахъ старыхъ деревъ. Тутъ гораздо легче, чѣмъ на крайнемъ сѣверѣ, живется и человѣку: кроме разныхъ лѣсныхъ промысловъ, можетъ онъ воздѣлывать здѣсь рожь, овѣсть, гречиху, ленъ и другія полезныя ему полевыя и огородныя растенія.

Къ югу отъ средней полосы все реже и реже встрѣчаются лѣса: ониются по берегамъ рекъ да по влажнымъ низменностямъ и все больше и больше мѣста уступаютъ полямъ да лугамъ, а дальше разстилается широкая, неоглядная степь. Теплѣе грѣеть землю тутъ солнце, и тучная почва во многихъ мѣстахъ даетъ обильные урожаи пшеницы, растить нѣжныя плодовыя деревья, а въ самыхъ южныхъ частяхъ даже и виноградную лозу. Долго эта степная полоса не имѣла постояннаго населенія, — бродили тутъ лишь кочевники. — Раннею весною покрывалась степь густыми, высокими травами; словно волны ходили по этому зеленому травяному морю, когда степной вѣтеръ гулялъ здѣсь на просторѣ. Раздолѣ было въ стели дикихъ конемъ и другимъ травояднымъ животнымъ; привольно жилось и степной птицѣ: стрепеты, дрохвы, дикие голуби, горлицы цѣлыми стаями носились надъ степью; рои мелкихъ голосистыхъ птицъ наполняли воздухъ свистомъ и пѣньемъ. Раннимъ лѣтомъ степь пестрѣла яркими цветами, запахомъ ихъ наполнялся степной сухой воздухъ. Мудрено ли, что роскошная степь эта постоянно привлекала съ востока, изъ Азии, кочевниковъ? Но случалось, что жгучимъ лѣтнимъ зноемъ высушивало и даже выжигало степные травы, и тогда до весны степь обращалась въ мертвую пустыню...

Степь спускается къ берегамъ Чернаго, Азовскаго и Каспійскаго морей. Чѣмъ дальше уходитъ она на востокъ, тѣмъ низменнѣе и бесплоднѣе становится почва; попадаются здѣсь мѣстами и голые пески, пропитанные солью (солончаки). Дальше на востокѣ европейскія степи сливаются съ азіатскими.

Среди всего громаднаго простора Восточной Европы, хоть изъѣздить ее вдоль и поперекъ, — не найти настоящихъ горъ; попадутся кое-гдѣ развѣ небольшія возвышенности да холмы. Внутри эта громадная равнина незамѣтно поднимается и образуетъ плоскую возвышенность (Алаунскую), покрытую въ иныхъ мѣстахъ холмами; здѣсь много лѣсовъ, болотъ и озеръ, — отсюда и беруть начало наши большия реки.

Съ западной части возвышенности (Валдайскія горы) течеть на востокъ Волга сначала маленькій рѣчонкой; справа и слѣва бѣгутъ къ ней ея притоки, — ручьи и рѣчки; чѣмъ дальше, тѣмъ полноводнѣе, глубже и шире дѣлается она; а когда, принявъ въ себѣ Оку, сливается съ рѣкой Камой, то становится такой широкой, что съ одного берега еле видишь другой. Здѣсь Волга поворачиваетъ на югъ, медленно и величаво несетъ свои воды чрезъ дремучіе лѣса, чрезъ стены широкія въ Каспійское море. — Съ той же возвышенности береть начало Днѣпръ. И онъ начинается маленькій рѣчкой, а потомъ все растетъ и растетъ, принимая въ себѣ воды притоковъ, и тихо, не спѣша, пробирается чрезъ густые лѣса къ вольной степи. Въ одномъ мѣстѣ тутъ заслонили-было ему путь камни да утесы (пороги), и забурлили его воды: тѣсно имъ послѣ приволья да простора степного пробираться по узкимъ проходамъ между камнями! Пробившись

сквозь пороги, свободно и вольно разливается Днѣпръ вширь и впадаетъ въ Черное море такимъ широкимъ устьемъ, что и не разберешь, гдѣ кончается рѣка и гдѣ начинается море. Между Волгой и Днѣпромъ Донъ съ притоками орошаєтъ степь и несетъ свои воды въ Азовское море. Съ Валдайской возвышенности течеть Западная Двина въ Балтийское море. Тутъ же неподалеку начинаются и рѣки, текущія въ озеро Ильмень; изъ него Волховъ идетъ въ Ладожское озеро, а оно рѣкою Невою вливается въ Балтийское море. Съ Алакуртской гряды текутъ на сѣверъ притоки рѣки Сѣверной Двины, а на югъ—притоки Волги. Кроме этихъ рѣкъ, много другихъ меньшихъ пересѣкаютъ страну по всѣмъ направлѣніямъ. Изъ средины ея онѣ со множествомъ притоковъ расходятся на сѣверъ и югъ, на западъ и востокъ,—и словно водною сѣтью покрываютъ всю громадную равнину. Многія изъ этихъ рѣкъ, полноводныя, рыбныя, текутъ на цѣлые сотни верстъ,—текутъ спокойно, не спѣша, чрезъ лѣса, поля и степи.

Не будь этихъ рѣкъ, трудно было бы расходиться по странѣ первымъ поселенцамъ ея,—легко было затеряться въ безпредѣльныхъ степяхъ, заблудиться въ лѣсныхъ трущобахъ, да и пробираться сквозь непролазныя дебри по топкимъ болотамъ было очень тяжело и опасно: на каждомъ шагу можно было встрѣтиться съ хищнымъ звѣремъ. То-ли дѣло рѣка... Путь ровный! Сдѣлать членъ изъ старого дуплистаго дерева нехитро. По теченію рѣки плыть совсѣмъ легко—сама вода несетъ; да и вверхъ подыматься не тяжело по тѣмъ рѣкамъ, которыя текутъ тихо и ровно. Поднимешься къ верховью одной рѣки, плыть дальше нельзя,—смотрѣши,—недалеко начинается другая рѣка. Три-четыре человѣка могутъ безъ особаго труда перетащить членъ до нея; гдѣ мѣсто гладкое—можно тащить по землѣ волокомъ, а гдѣ нельзя—тамъ легкую ладью и на рукахъ не трудно перенести. Сдѣлать только добратись до другой рѣки, спустить лодку въ воду,—и плыви себѣ иной разъ хоть цѣлые сотни верстъ безъ помѣхи. Плавая по рѣкамъ, не заблудишься: онѣ и обратный путь показуютъ, если надо вернуться, да и опасности меныше. Приходится плыть сквозь темные лѣса; полны они рева и воя звѣринаго, да не опасно,—не достанетъ звѣрь людей среди большой рѣки. Случается имъ иной разъ и на берегъ выйти, походить, раздобыться дичью; приходится тутъ и съ большимъ лютымъ звѣремъ встрѣтиться. Опасно и это, но все же не то, что пробираться по лѣсамъ цѣлые дни, недѣли, не знать покою ни днемъ ни ночью, быть постоянно въ страхѣ среди лѣсного сумрака...

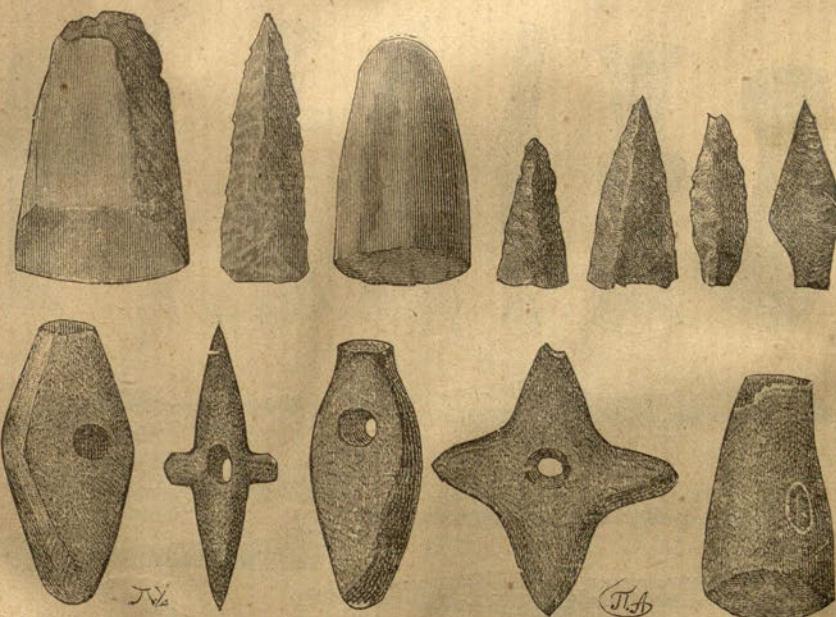
Понятно, почему населеніе болѣе всего ютилось къ рѣкамъ, а онѣ, текущія во всѣ стороны восточно-европейской равнинѣ, разносили его мало-по-малу во всѣ концы ея.

Древнѣйшіе обитатели Восточной Европы.

Въ глубокой древности, тысячи за три лѣта или болѣе, до Рождества Христова, въ разныхъ мѣстахъ Европы уже обитали люди. Тяжела и непримѣнна была жизнь этихъ первобытныхъ дикихъ поселенцевъ Европы.

Они еще не знали жѣлѣза; кости животныхъ и камни замѣняли имъ

жѣлѣзныя орудія. Изъ кремней и другихъ твердыхъ камней, терпѣливо отбивая кусокъ за кускомъ, тогда выдѣлывали себѣ люди необходимыя орудія: топоры, молоты, ножи, ломашнюю утварь, наконечники копій и стрѣль и пр. Трудно было сдѣлать ихъ, нелегко было и пользоваться ими; сколько надо было труда, чтобы каменнымъ топоромъ срубить толстое дерево. Сколько надо было поработать, чтобы каменнымъ ножомъ сдѣлать изъ дерева какую-нибудь вещь. Но съ теченіемъ времени и эти первобытныя каменные орудія человѣкъ ухитился довести до значительного совершенства, научился треніемъ при помощи песку придавать имъ гладкость (шлифовать), оттачивать ихъ, нашелъ способъ сверлить въ нихъ отверстія, удобнѣе прилагивать рукояти, сталь даже придавать своимъ издѣліямъ изящный видъ и выдѣлывать изъ камней украшенія, бусы и пр. Тѣ

Каменные орудія (топоры, молоты, наконечники копій и стрѣль), найденные въ разныхъ мѣстахъ Россіи.

времена, когда люди ютились въ пещерахъ или, для безопасности отъ лютаго звѣри и хищника-врага, устраивали себѣ шалаши по озерамъ на сваяхъ, провавлялись охотой да рыболовствомъ, довольствуясь каменными орудіями,—ученые назвали каменнымъ вѣкомъ.

Конечно, не одно столѣтіе первобытные обитатели Европы въ своемъ житейскомъ обиходѣ довольствовались каменными орудіями подобно тому, какъ стоять тому назадъ еще обходились ими, напр., наши камчадалы.

Великимъ событиемъ въ бытовой исторіи человѣка было открытие способа дѣлать вещи изъ бронзы (сплава мѣди и олова). Съ этой поры люди мало-по-малу научились отливать не только хороши мечи, ножи, серпы, наконечники копій и стрѣль, но и сосуды, и довольно красивыя украшенія: ожерелья, кольца, серьги и пр. Время господства бронзы называется бронзовымъ вѣкомъ.

Библиотека ТКМ
Инв. № 13049

12364
С.-Бол. прав.

Когда же, наконецъ, человѣкъ совладалъ съ твердымъ жѣзомъ, научился ковать его, дѣлать изъ него орудія, болѣе прочныя и удобныя, чѣмъ бронзовыя,— наступаетъ жѣзнѣй вѣкъ.

Какъ на западѣ Европы, такъ и на востокѣ сохранилось много остатковъ отъ каменнаго и бронзоваго вѣка.

Уже издавна въ разныхъ мѣстностяхъ Россіи случалось, что крестьяне выпахивали изъ земли маленькие, заостренные камешки,— называли ихъ „громовыми стрѣлками“, такъ какъ у суевѣрного народа сложилось повѣрье, будто они находятся тамъ, куда ударила молнія. Изученіе древностей каменнаго вѣка показало, что эти камешки—наконечники стрѣлъ, уцѣльвшіе отъ глубокой древности.

Бронзовыя и жѣзнѣя орудія (военные топоры, молоты, наконечники стрѣлъ и копій), найденные въ Россіи.

Раскопки и случайныя находки почти всюду въ Россіи доставили огромное количество каменныхъ вещей, разныхъ орудій отъ самыхъ первобытныхъ, грубо-отесанныхъ до красиво отдѣланныхъ, просверленныхъ; нашли также и куски глиняныхъ сосудовъ (горшковъ) отъ самыхъ грубыхъ, плохо вылѣпленныхъ, полу-обожженныхъ до искусно сдѣланныхъ и украшенныхъ затѣйливыми узорами. Точно также немало найдено на западѣ Россіи, въ сѣверныхъ и восточныхъ частяхъ ея, разныхъ бронзовыхъ вещей и жѣзныхъ, которыхъ относятся къ глубокой старинѣ.

Всѣ эти любопытные вещевые остатки ясно показываютъ, что восточная половина Европы была обитаема подобно западной уже за нѣсколько тысячелѣтій до Р. Х.; что древнѣйшимъ жителямъ ея много вѣковъ приходилось биться изо всѣхъ силъ, чтобы съ каменнымъ орудіемъ въ рукахъ поддерживать и охранять свою жалкую жизнь. Показываютъ эти остатки, какъ перво-

бытные люди путемъ вѣковыхъ усилий ума, приоровляясь и приспособляясь всячески къ окружающей ихъ природѣ, старались мало-по-малу улучшить, облегчить и скрасить свою жизнь, и какъ, наконецъ, дознались до искусства плавить нѣкоторые металлы и ковать жѣзо.

Кромѣ того, въ Россіи во многихъ мѣстахъ находить не мало древностей временъ хотя и позднѣйшихъ, но все же до-христіанскихъ. Въ нашихъ южныхъ степяхъ много смѣнилось кочевыхъ племенъ задолго еще до Р. Х. Отъ нихъ остались тоже вещевые слѣды.

Въ разныхъ мѣстахъ степи встрѣчаются и малые и большия курганы (могильники), попадаются и небольшия могилы, обложенныя или обставленныя камнами. На нѣкоторыхъ насыпяхъ найдено множество каменныхъ, по большей части грубо изваянныхъ изображеній женщинъ и мужчинъ. Значеніе этихъ загадочныхъ истукановъ, или „каменныхъ бабъ“, какъ ихъ называютъ, до сихъ поръ еще не объяснено.

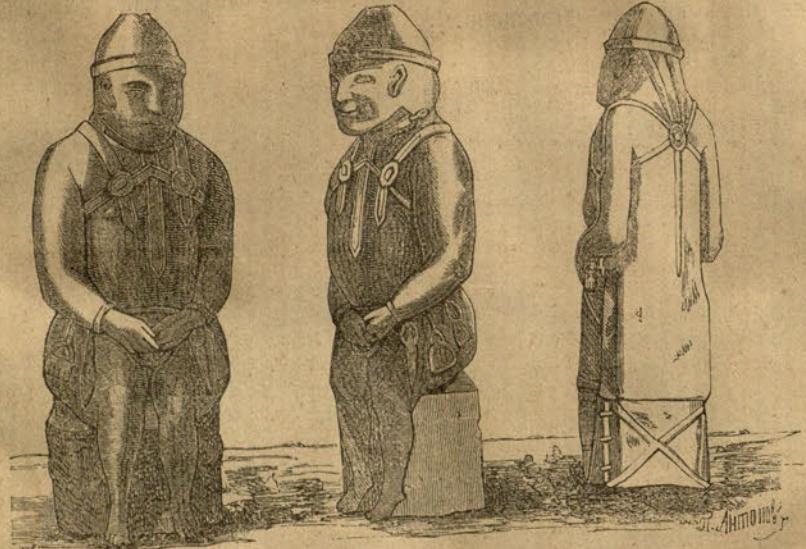
Видъ кургана (Александровольскій).

Все это—памятники давнинувшей жизни народовъ, но памятники нѣмыя; по нимъ можно судить только о состояніи искусства у этихъ народовъ въ разныя времена; путемъ домысловъ и догадокъ можно добыть и нѣкоторая свѣдѣнія о виѣшнемъ бытѣ; но не скажутъ ничего опредѣленного намъ эти нѣмыя памятники о внутренней жизни, о вѣрованіяхъ, о понятіяхъ народовъ; не разскажутъ намъ и о томъ, что пережили они. Повѣдать намъ объ этомъ можетъ только человѣческое слово: безъ него нѣть и быть не можетъ настоящей исторіи. Тѣ времена, отъ которыхъ не сохранилось словесныхъ извѣстій, называются доисторическими.

Первое вѣкое слово о народахъ Восточной Европы сказалъ греческій писатель Геродотъ, котораго назвали „отцомъ исторіи“. Уже въ VI столѣтіи

до Р. Х. по съверному берегу Чернаго моря процвѣтали греческія колоніи: Ольвія при устьѣ Буга, Херсонесъ и Пантикале на Таврическомъ полуостровѣ и др. Жители этихъ городовъ, особенно Ольвіи, были въ сношеніяхъ съ сосѣдними народами, жившими въ нашей южной степи, и, конечно, должны были многое знать о нихъ. Геродотъ, посѣтившій въ половинѣ V вѣка до Р. Х. Ольвію, не довольствовался одними слухами и рассказами о занимавшихъ сказаль подробно и живо все, что видѣлъ и слышалъ.

Прежде всего любознательного историка поразила громадность страны, раскинувшейся предъ нимъ, и величина рѣкъ, орошающихъ ее. Близайшими сосѣдями греческихъ колоній, жителями нашей южной степи, были скионы, кочевники, а къ съверу отъ нихъ вверхъ по Днѣпру жили, по словамъ Геродота,

Каменные бабы, найденные въ южно-русскихъ степахъ.

подвластные имъ скионы-пахари. Далѣе онъ приводить нѣсколько баснословныхъ рассказовъ о людоѣдахъ (антропофагахъ), будто бы живущихъ къ съверу отъ этихъ скионовъ, о чудовищахъ съ львинымъ туловищемъ, съ орлинымъ клювомъ и крыльями (грифахъ), стерегущихъ на съверѣ золото и пр. Въ такія басни облекались слухи о страшныхъ опасностяхъ, жущихъ смѣлыхъ путешественниковъ на дальнемъ съверѣ, и о богатствахъ, скрытыхъ въ Уральскихъ или Сибирскихъ горахъ. Но то, что разсказываетъ Геродотъ о скиоахъ-кочевникахъ, дышитъ простотой и правдивостью.

Скионы-кочевники, по его словамъ, очень мудро устроили свою жизнь: на нихъ трудно напасть врагу, трудно и уйти отъ нихъ; ни городовъ ни крѣпостей у нихъ нѣть; живутъ они не отъ плуга, а отъ скота; всѣ они конные стрѣлки, жилища свои имѣютъ при себѣ, — перевозятъ ихъ за собой на телѣгахъ.

Какъ трудно покорить кочевниковъ на широкомъ степномъ привольѣ, хорошо видно изъ разсказа того же Геродота о походѣ персидскаго царя Дарія на скиоевъ. Съ безчисленнымъ войскомъ двинулся онъ въ степь, надѣясь скоро обуздать ихъ, но ошибся въ расчетѣ: скионы не вступали въ бой, а безпрестанно переходили съ мѣста на мѣсто, уходя въ виду персидскаго войска все дальше и дальше вглубь своихъ степей.

Дарій потерялъ, наконецъ, терпѣніе и послалъ къ скиоскому царю гонца съ такими словами:

— „Если ты силенъ, остановись и сразись со мною; если же чувствуешь свою слабость, то все-таки не бѣгай, а дай мнѣ, какъ владыкъ своему, земли свои и воды, и вступи въ переговоры.“

— „Никогда, ни передъ кѣмъ не бѣгалъ я отъ страху, — отвѣчалъ персидскому владыкѣ скиоскій царь: — ни прежде, ни теперь. Ничего небывалаго не дѣлаю я и нынѣ. Я по своему обычаю кочую. Остановиться мнѣ негдѣ: у насъ нѣть ни городовъ, ни воздѣланной земли и защищать намъ нечего, а потому и сражаться съ вами у насъ нѣть ни случая ни причины. Если же непремѣнно хочешь битвы, то у насъ есть отцовскія могилы, — найдите ихъ и попробуйте тронуть, тогда вы узнаете, будемъ ли мы готовы на битву, или нѣть... Ты называешь себя моимъ владыкой. Да будетъ тебѣ вѣдомо, что надъ собой я знаю только одного владыку — Бога... За дерзкія слова твои заплатишь ты слезами.“

Съ этого времени скионы стали всячески вредить персамъ: не давали имъ покою по ночамъ, нападали во время обѣденныхъ приваловъ. Скиеская конница постоянно одолѣвала персидскую; когда же пѣхота готовилась вступить въ бой, то скионы уносились отъ нея на своихъ степныхъ коняхъ.

Сначала скионы, отступая предъ персами, засыпали колодцы и родники, уничтожали траву, чтобы всячески затруднить путь врагамъ; а теперь, наоборотъ, облегчали имъ походъ, даже подгоняли къ нимъ нарочно стада...

Догадался Дарій, что скионы хотятъ заманить персовъ подальше въ свои степи, чтобы вконецъ измучить ихъ внезапными нападеніями и затѣмъ истребить; убѣдился онъ, что при всѣхъ его громадныхъ силахъ ему не покорить степныхъ кочевниковъ, и поспѣшилъ выбраться изъ дикой ихъ страны.

Поклонялись скионы, по словамъ Геродота, многимъ богамъ (небу, солнцу, лунѣ и др.). Храмовъ, жертвенниковъ и кумировъ не ставили, — только одному богу войны устраивали жертвеникъ. Волхвовъ, гадателей и предсказателей у скионовъ было великое множество. Горе было тѣмъ изъ нихъ, предсказанья которыхъ не оправдывались: ихъ ставили на повозку, запряженную волами, въ кучу хвороста, зажигали его и пускали воловъ по степи... Въ жертву богамъ приносили скионы воловъ, коровъ, лошадей и другихъ домашнихъ животныхъ. Богу войны приносились жертвы иначе. Устраивали изъ хвороста огромный курганъ; на верхней площадкѣ его водружали старинный желѣзный мечъ, который и служилъ кумиромъ бога войны. Этому мечу приносили въ жертву скотъ и лошадей гораздо въ большемъ количествѣ, чѣмъ другимъ богамъ. Когда же брали въ пленъ непріятелей, то отъ каждой сотни одного

приносили въ жертву: возливъ вино на головы обреченныхъ въ жертву людей, рѣзали ихъ надъ сосудомъ, потомъ несли кровь на курганъ и лили ее на мечъ.

Скионы были вообще кровожадны. На войнѣ скионы пили кровь первого убитаго имъ врага. Головы убитыхъ непріятелей скионы относили царю, чтобы имѣть право участвовать въ добычѣ, а кто не приносилъ, тотъ ничего и не получалъ. Кожа съ вражьихъ череповъ искусно снималась и привѣшивалась на уздѣ къ коню. Тотъ воинъ считался храбрѣйшимъ, у которого было больше такихъ побѣдныхъ знаковъ. Изъ череповъ знатѣйшихъ и злѣйшихъ враговъ своихъ скионы дѣлали себѣ чаши; богатые отѣлывали ихъ золотомъ, а бѣдные отѣгивали воловьей кожей. На пирахъ и торжествахъ, которые устраивались

Золотая ваза изъ кургана Куль-Оба
(уменьш. въ 2 раза).

разъ въ годъ, болѣе отважнымъ воителямъ оказывался особенный почетъ: имъ подносили вино; тогда какъ не отличившися ничѣмъ сидѣли поодаль отъ храбрыхъ, безъ всякой почести и безъ вина... Вина пили скионы очень много, и притомъ чистаго, не разведенаго водою, что у древнихъ грековъ считалось признакомъ грубости и варварства.

Своихъ царей скионы погребали съ большими почестями и особынми образомъ. Тѣло умершаго, вынувъ изъ него внутренности, наполняли благовонными травами (бальзамировали), обмазывали воскомъ, клали въ колесницу и обѣзжали по всѣмъ подвластнымъ народамъ. Печаль ихъ выражалась тѣмъ, что они наносили себѣ раны, урѣзывали уши, царапали лицо, стригли волосы.

Серебряная ваза изъ Чертомлыцкаго
могильника (уменьш. въ 7 разъ).

Чѣмъ дальше везли погребальную колесницу, тѣмъ больше и больше народу присоединялось къ печальному шествию и, наконецъ, накоплялось велико мно-
жество людей. Когда привозили тѣло царя на царское кладбище (нѣкоторые
полагаютъ,—по близости Днѣпровскихъ пороговъ), здѣсь выкапывали большую
четырехугольную яму, а въ ней отдѣльныя пещеры. Въ одной погребали царя,
а затѣмъ, удушивъ одну изъ царскихъ женъ и самыхъ близкихъ къ царю
слугъ, хоронили ихъ въ остальныхъ пещерахъ. Съ ними клали царскую утварь,
оружіе и различныя украшенія, большую частью золотыя, такъ какъ скионы
серебра и мѣди употребляли мало. Наконецъ, всѣ собравшіеся на погребеніе,
нашерерывъ другъ передъ другомъ, засыпали могилу землей, стараясь сдѣлать
насыпь какъ можно выше; такимъ образомъ, сооружали иногда громаднѣй-
шій курганъ, сажень десять вышиною, шаговъ 500 въ окружности. Черезъ
годъ справлялись поминки: снова убивали лучшихъ изъ уцѣлѣвшихъ слугъ
умершаго царя, убивали и лучшихъ его коней и мертвыхъ всадниковъ на
мертвыхъ коняхъ ставили на кольяхъ вкругъ кургана.

Когда умирали простые скионы, то родственники умершихъ возили ихъ
на повозкахъ по ихъ друзьямъ; тѣ угощали провожатыхъ пирами. Такіе
похоронные объезды длились 40 дней; затѣмъ совершалось погребеніе.

Строго соблюдали свои обычай, скионы, по словамъ Геродота, питали
отвращеніе къ обычаямъ иноземцевъ и ничего не заимствовали отъ нихъ...

Изъ приведенного разсказа ясно рисуются суровые нравы скиоевъ-
кочевниковъ. Нравы и обычай скиоевъ-пахарей, къ сожалѣнію, не описаны;
но они, конечно, отличались большою мягкостью и миролюбіемъ, какъ осѣд-
лые мирные промышленники. Они не только для себя воздѣливали хлѣбъ,
но и для продажи.

Къ разсказамъ Геродота о богатствѣ скиоевъ могиль ученые отно-
сились долго недовѣрчиво; но когда стали раскапывать курганы, то разсказы
„отца исторіи“ блестательно подтвердились.

Несмотря на то, что сокровища многихъ скиоевъ могиль оказались
расхищенными еще въ глубокой древности, несмотря на то, что при раскопкѣ
одного царского кургана (Куль-Оба) близъ города Керчи было сдѣлано напа-
дение грабителями и захвачено множествомъ древнихъ золотыхъ вещей, все-таки
найти и сберечь удалось огромное количество скиоевъ древностей. При рас-
копкѣ, напр., одной могилы въ 1863 г. (Чертомлыцкой) близъ Днѣпровскихъ
пороговъ, неподалеку отъ мѣстечка Никополя, было найдено множество при-
надлежностей и украшеній конской сбруи, колесницъ, шатровъ; найдены золо-
тые и серебряные обручи, серьги, около 700 золотыхъ бляхъ, золотые перстни...
Раскопка этого кургана производилась почти два года; но труды увѣнчались
блестящимъ успѣхомъ: добыто было около 2500 предметовъ, драгоценныхъ
для науки. Хотя большая часть вещей греческой работы, но дѣлались онѣ
сообразно нравамъ и вкусамъ скиоевъ.

Особенно важны двѣ вазы: одна—золотая, найденная въ курганѣ близъ
Керчи, другая—серебряная, добытая изъ Чертомлыцкой могилы, недалеко
отъ мѣстечка Никополя. Оба эти изящные сосуда греческаго издѣлія укра-
шены изображеніями скиоевъ и даютъ понятіе о вооруженіи и одеждахъ ихъ.

Скифская одежда была одеждою лихого наездника. Короткий кафтанъ не мѣшалъ верховой єздѣ; запахивался онъ пола на полу и того опоясывался ременнымъ поясомъ, украшеннымъ бронзовыми пластинками. Кафтаны были ходные и теплые; послѣдніе подбивались и опушались по краямъ мѣхомъ. Обувь

Совѣщаніе скиѳовъ (съ Куль-обской вазы).

скиѳа состояла изъ короткихъ сапогъ, которые перевязывались ремнемъ. У царей и богатыхъ вельможъ и кафтаны и шаровары украшались золотыми бляшками, изъ которыхъ составлялись узоры; кроме того, одежда украшалась множествомъ блестящихъ пуговокъ. Скиѳы носили бороды и длинные волосы,

Скиѳ, стреножающій коня (съ Никопольской вазы).

зачесывая ихъ назадъ; башлыки, которыми они прикрывали голову, точно такъ же, какъ и одежда, украшались нацивными бляхами и пуговками. Вожди носили на головѣ золотыя ленточныя перевязи въ родѣ вѣнчиковъ. На шею надѣвали гривны, т.-е. ожерелья, цари и вельможи — золотыя въ полфунта и больше вѣсомъ, простые люди — бронзовыя. Женщины у скиѳовъ очень любили украшенія: въ ихъ могилахъ найдено множество золотыхъ и бронзовыхъ ожерелей, обручей (браслетъ), перстней, колецъ, серегъ.

Главнымъ оружиемъ скиѳовъ были лукъ и стрѣлы; на поясѣ у каждого висѣлъ лукъ въ налучье, при которомъ былъ небольшой колчанъ со стрѣлами; кроме того, употреблялись короткіе мечи и копья. Самымъ цѣннымъ богатствомъ степнаго наездника былъ, конечно, конь. Простые скиѳы, какъ видно по изображеніямъ, довольствовались ременной уздечкой и незатѣльнымъ сѣдломъ; но цари и вельможи у нихъ щеголяли великколѣпными конскими уборами, которые были обильно украшены золотыми разнообразными бляхами; на шеи конямъ иногда навѣшивались гремящія цѣпочки съ бубенчиками и колокольцами.

Изъ утвари скиѳовъ найдены большия котлы на высокихъ подставахъ: они, очевидно, ставились прямо на землю и подъ ними разводился огонь. Кроме того, найдены чаши и роги, служившіе скиѳамъ на ихъ пирахъ, а также вазы, блюда, ложки, ножи и проч.

Скиѳские котлы.

Хотя и послѣ Геродота греки говорятъ о скиѳахъ, жителяхъ восточной Европы, а затѣмъ римскіе писатели сообщаютъ нѣкоторыя извѣстія о ся обитателяхъ, называя ихъ сарматами и другими именами, но извѣстія эти по большей части темны и сбивчивы. Подъ скиѳами и сарматами древніе писатели разумѣли вообще жителей южной части малоизвѣстной восточной Европы; между тѣмъ на ея равнинахъ обитало разомъ по нѣскольку различныхъ племенъ; притомъ, кочевые народы здѣсь часто смѣнялись одинъ другимъ. Нѣкоторые наши ученые думаютъ, что подъ общими названіями скиѳовъ и сарматовъ скрываются и наши предки — славяне.

Послѣ Рождества Христова греческіе и римскіе писатели начинаютъ уже различать на европейскомъ востокѣ нѣсколько племенъ и называютъ ихъ раз-

ними именами; но въ путаницѣ этихъ именъ очень трудно разобраться. Въ IV вѣкѣ въ юго-западной части нашего отечества готы, народъ германского племени, образовали-было большое государство; но страшное нашествіе азіатскихъ кочевниковъ гунновъ уничтожило его и произвело въ средней Европѣ общее передвиженіе народовъ, такъ называемое „великое переселеніе племенъ“.

Съ V ст. по Р. Х. появляются уже довольно ясныя извѣстія о славянахъ.

Славяне.

Разселеніе славянъ, бытъ, нравы, обычаи и вѣрованія ихъ за тысячу лѣтъ назадъ.

Сравненіе языковъ, древнихъ вѣрованій и обычаевъ европейскихъ и нѣкоторыхъ азіатскихъ народовъ показало, что славяне принадлежать къ большой семье племенъ, которая ведутъ начало отъ одного праотца-народа — арійцевъ, въ незапамятный времена жившихъ въ Азіи, на Иранской возвышенности. Арійское племя, размножаясь, постепенно выдѣляло изъ себя части, которая мало-по-малу, подвигаясь отъ своей родины на югъ и на западъ, разселялись по разнымъ странамъ и складывались въ отдѣльные племена (въ Европѣ греко-италійцы, кельты, германцы, литовцы, славяне, въ Азии — иранцы и индійцы). Тѣмъ же способомъ дознано, что славяне, пришедши въ Европу еще въ доисторическія времена, не походили на древнѣйшихъ дикихъ обитателей ея, чтили уже родственныя связи и обязанности, могли приручать животныхъ, занимались скотоводствомъ, имѣли свѣдѣнія о земледѣліи, умѣли плести, ткать, шить, знакомы были съ золотомъ, серебромъ, мѣдью; стало быть, давно уже вышли изъ первобытного состоянія дикарей.

Гдѣ въ Европѣ поселились славяне по выходѣ изъ Азіи — неизвѣстно. Вѣроятно, не разъ имъ приходилось менять мѣсто во время народныхъ движений. По древнимъ преданіямъ славянъ, можно заключить, что древнѣйшимъ мѣстомъ ихъ въ Европѣ были страны по нижнему и среднему теченію Дуная и земли къ сѣверу отъ него до Карпатскихъ горъ. На Дунаѣ жить было привольно: воздухъ здѣсь теплый, земли плодоносныя, растительность богата. Не ушли бы славяне отсюда по своей волѣ, да стали ихъ тѣснить съ юга, какъ говорить преданіе, другіе народы (воловхи), — пришло славянскому племени раздробиться и двинуться въ другія земли. Одна только часть ихъ осталась на Дунаѣ; отъ этихъ славянъ ведутъ начало сербы и болгары. Другая часть ихъ пошла дальше на сѣверъ; отъ нихъ прошли чехи, мораване, словаки и поляки, а тѣ славяне, которые поселились по рѣкѣ Эльбѣ да по берегу Балтійскаго моря, мало по-малу затерялись среди сильныхъ нѣмецкихъ племенъ, слились съ ними въ одинъ народъ, — онѣмѣчились. Третья часть славянъ пошла на сѣверо-востокъ по Днѣпру и его притокамъ. Эти восточные славяне — наши предки; отъ нихъ-то и ведетъ начало русскій народъ.

Мѣста по Днѣпу было вдоволь; тѣсниться было нечего, — свободно расходились хоть во всѣ стороны! Пробираются по рѣкѣ поселенцы; пригляднется имъ какое-нибудь мѣсто на берегу, — остановится, поживутъ нѣсколько времени. Хорошо живется, можно добывать пищу и не очень опасно, — устроить незатѣй-

ливые жилища и живутъ себѣ; а худо, — пойдутъ дальше искать новыхъ мѣсть. Широко раскинулись по долинѣ Днѣпра, по его притокамъ и дальше къ сѣверу и востоку поселя восточныхъ славянъ, и разбились они на нѣсколько частей, или небольшихъ племенъ. Тѣ славяне, что разселились на поляхъ по среднему теченію Днѣпра, назывались полянами. Къ западу отъ нихъ водворились древляне, въ лѣсахъ (деревахъ) по рѣкѣ Припяти. Къ сѣверо-востоку отъ полянъ, по рѣкѣ Деснѣ, — сѣверяне. Отъ рѣки Припяти до Западной Двины болотистую мѣстность заняли дреговичи (отъ слова дрягва, что значитъ болото). По верховьямъ Днѣпра и Западной Двины поселилось большое племя кривичей; самая сѣверная часть славянъ, жившая по озеру Ильменю и по рѣкамъ, впадающимъ въ него, не имѣла особаго названія, а называлась общимъ именемъ — словенами. Къ востоку отъ Днѣпра, по рѣкѣ Сожи жили радимичи, а еще далѣе къ верховьямъ Оки жили вятичи, самое восточное изъ славянскихъ племенъ. По Западному Бугу жили дулѣбы, или бужане, а далѣе по Карпатскимъ горамъ — хорваты. По Днѣстру, къ Дунаю и Черному морю поселились угличи и тиверцы.

Изъ отрывочныхъ извѣстій византійскихъ, германскихъ, арабскихъ писателей (съ VII до X ст. по Р. Х.) и нашей лѣтописи можно добыть кое-какія свѣдѣнія о житьѣ-бытьѣ нашихъ предковъ до начала государства.

Разбросавшись по огромному пространству, не только всѣ эти племена восточныхъ славянъ неслись въ одинъ народъ, но и каждое племя въ свою очередь дробилось на отдѣльные общины, и каждый поселокъ жилъ особнякомъ. До IX ст. по Р. Х. не было такой силы, такой одной власти, которая сплотила бы ихъ въ одинъ народъ. Въ каждой отдѣльной семье повелителемъ былъ отецъ; нѣсколько семействъ, происшедшіхъ отъ одной семьи, составляли родъ. Если живъ былъ дѣдъ, отъ которого вели начало эти семьи, то онъ былъ и главою всего рода; всѣ родичи должны были слушаться своего родоначальника, какъ дѣти отца. Умираль дѣдъ, тогда братъ его или старшій сынъ становился главою рода. Когда же съ теченіемъ времени роль разрасталася, многіе забывали уже о томъ, что они ведутъ начало отъ одной семьи, не помнили о кровномъ родствѣ между собою, тогда родъ распадался на нѣсколько отдѣльныхъ родовъ. Они порой даже враждовали между собою; но одинъ языкъ и одинаковые нравы отличали ихъ отъ иноземныхъ народовъ и напоминали имъ, что они одноплеменники.

Разселившись по полямъ, по лѣсамъ, по степямъ, восточные славяне не могли, конечно, вести повсюду одинъ и тотъ же образъ жизни. По среднему теченію Днѣпра земля плодородная, — тучная почва давала здѣсь богатые урожаи, могла прокормить много народа, и потому поляне могли тутъ селиться большими поселками и промышлять земледѣліемъ. А древляне, занявшие лѣсную область, привуждены были пробавляться больше всего звѣроловствомъ, охотою и жили небольшими поселками вразброску. Такъ и другія племена промышляли, кто чѣмъ могъ, смотря по мѣсту: гдѣ охотою и звѣроловствомъ, гдѣ рыболовствомъ, а гдѣ были хорошие луга, тамъ — скотоводствомъ; но издавна больше всего славяне любили заниматься хлѣбопашествомъ. Не только на югѣ, гдѣ

тучная почва давала богатую жатву, но и на съверѣ, среди дремучихъ лѣсовъ, на бѣдной землѣ, гдѣ только можно было, славянинъ выбиралъ полянку для своей пашни, бороздилъ лѣсную глинистую почву своимъ раломъ, и хотя скудный плодъ давала съверная почва, но и тутъ издавна нашъ народъ чтилъ землю, свою „мать-кормилицу“, какъ величаетъ онъ ее.

Селиться славяне любили по берегамъ рѣкъ и озеръ, на высокихъ мѣстахъ, чтобы жилья не затопило во время весеннихъ разливовъ. За тысячу лѣтъ тому назадъ славяне еще не умѣли строить хорошихъ жилищъ,—сплетали себѣ жалкія лачуги изъ хвороста, покрывали соломой, лишь бы укрыться отъ дождя да непогоды; жили и въ землянкахъ. Ненастье и стужа заставили однако уже въ древности предковъ нашихъ задуматься о томъ, какъ бы получше устраивать себѣ жилища: стали они свои плетеные изъ вѣтвей шалаши обмазывать глиною (до сихъ порь такъ дѣлаются въ иныхъ мѣстахъ на югѣ мазанки, или хаты), а тамъ, гдѣ было вдоволь лѣсу, научились дѣлать стѣны изъ плотно сложенныхъ бревенъ и строить себѣ избы. Печей и дымовыхъ трубъ совсѣмъ не умѣли дѣлать въ древности, а устраивали среди жилища очаги, гдѣ и разводили огонь, а дымъ уходилъ въ отверстіе въ крышѣ или въ стѣнѣ (до сихъ порь еще въ съверныхъ деревняхъ у насъ встрѣчаются курныя избы безъ дымовыхъ трубъ и безъ хорошо устроенныхъ печей). Скамьи, столы и домашняя утварь дѣлались въ древности, какъ и теперь, изъ дерева.

Ненастье да морозъ заставили нашихъ предковъ, зашедшихъ съ юга, подумать и о теплой одеждѣ. Гдѣ нужда, тутъ и помога: лѣса были полны пушнымъ звѣремъ; надо было только изловчиться, а добыть шубы можно было. Быстрая стрѣла догонить и зайца въ полѣ, и птицу въ небѣ. Силенъ лѣсной богатырь-медведь, да и съ нимъ можетъ управиться человѣкъ, когда въ рукахъ у него рогатина или копье да тяжелый топоръ, или сѣкира, про запасъ. Умѣли издавна наши предки ловить звѣрей и живѣть капканами и западнями.

Изъ шкуръ пушныхъ звѣрей дѣлали себѣ славяне шубы и шапки; обувались сначала въ лапти, а потомъ научились дѣлать и кожаные сапоги. Лѣтомъ мужчины носили только рубахи и шаровары, а въ бою, въ жаркую пору, сбрасывали и рубашки, бились полунагие; вмѣсто рубахъ иногда накидывали на плечи куски грубой ткани въ родѣ плаща. Женщины носили длинные сорочки и такие же плащи, какъ и мужчины, и очень любили рядиться; издавна были въ большомъ ходу у славянокъ разныя украшенія: обручи (браслеты), ожерелья, кольца, серьги, бусы.

Предки наши, стройные, русые, румяные, по словамъ иноземцевъ, отличались могучимъ тѣлосложеніемъ, высокимъ ростомъ, большой силой и необыкновенной выносливостью: могли долго терпѣть зной, холодъ и голодъ, пищею довольствовались самою простою, а иногда въ случаѣ нужды питались даже сырымъ мясомъ животныхъ и рыбой. Изъ хлѣбныхъ растеній особенно охотно воздѣльвали просо и гречиху.

Не будь у нашихъ предковъ большой выносливости, которой удивлялись иноземцы, не подъ силу было бы имъ обжиться въ суровыхъ съверныхъ страахъ; не будь они сильны и стойки въ бою, не отстоять бы имъ своихъ земель отъ тѣхъ степныхъ хищниковъ, которые то и дѣло что налетали на своихъ

быстрыхъ коняхъ на поселяя славянъ, грабили ихъ, захватывали людей въ рабство. Особенно много терпѣть отъ степняковъ приходилось славянамъ, жившимъ близъ степей; а съвернымъ славянамъ не давали покою морскіе удальцы, варяги, рыскавшіе на легкихъ ладьяхъ по морямъ и рѣкамъ. Живи славяне большими плотными поселеніями, они смогли бы, конечно, дать врагу сильный отпоръ и наказать дерзкаго хищника; но на бѣду раскидались они на огромномъ пространствѣ небольшими, рѣдкими поселками, притомъ не ладили между собою, — и сотня-другая степныхъ или морскихъ грабителей, нагрянувъ внезапно, могла натворить имъ много зла, не давши имъ даже и времени собраться съ силами. Вотъ почему много бѣдъ пришлось вынести отъ враговъ восточнымъ славянамъ, хотя они уже издавна славились силой и храбростью въ бою.

— „Славяне, говорить одинъ арабскій писатель:—народъ столь могущественный и страшный, что не будь они раздѣлены на множество поколѣній и родовъ, ни одинъ народъ въ мірѣ не помѣрялся бы съ ними силою.“

Жилища себѣ славяне устраивали иногда со многими выходами, чтобы легче было уйти при внезапномъ нападеніи; пожитки свои и запасы они обыкновенно зарывали въ землю, а сами уходили и скрывались въ лѣсахъ. Научились они хорошо прятаться въ высокой степной травѣ, умѣли устраивать засады въ лѣсу; часто сами нападали нежданно-негаданно на непріятеля и одерживали верхъ даже надъ сильнымъ врагомъ; умѣли ловко притворнымъ бѣгствомъ заманить непріятеля въ лѣсную глушь и тамъ, скрываясь сами за деревьями, поражали враговъ стрѣлами, концы которыхъ иной разъ намазывали ядомъ. Особенно ловко умѣли славяне плавать по рѣкамъ и нырять; могли даже по нѣсколько часовъ скрываться на днѣ рѣки: они брали въ ротъ одинъ конецъ выдолбленаго тростника (камыша), а другой выставляли изъ воды и такимъ образомъ могли дышать, лежа на днѣ рѣки; у береговъ ихъ росли тростники, и потому врагамъ трудно было замѣтить хитрость славянъ. Кромѣ копий и стрѣлъ, они употребляли на войнѣ еще большие деревянные щиты; панцирей и латъ сначала не имѣли.

Постоянно славянамъ грозила бѣда отъ нечаяннаго нападенія; стали они на высокихъ берегахъ рѣкъ или озеръ, на холмахъ, устраивать укрѣпленныя мѣста, городить города; егородять небольшое пространство тыномъ изъ толстыхъ бревенъ, насыплютъ земляной валъ, — и крѣпость (городъ) готова. Заслышать врага, — и спѣшить жители окрестныхъ поселковъ снести свои пожитки въ городъ. Если врагъ неособенно силенъ, по пытаются въ открытомъ бою сразиться съ нимъ; въ противномъ случаѣ старались укрыться въ городъ и обороняться изъ-за ограды. До сихъ порь въ Приднѣпровье встрѣчаются много остатковъ древнихъ земляныхъ валовъ, такъ называемыхъ городищъ. Они-то, по мнѣнию пѣкоторыхъ ученыхъ, и служили въ древности укрѣпленіями, куда въ случаѣ нападенія сильныхъ враговъ сѣгались окрестные жители-славяне для обороны.

Враги сильно беспокоили славянъ; больше и больше городили они городовъ; все ближе и ближе къ ихъ оградамъ ютились поселенцы. Прежде каждый родъ, даже каждая семья старались жить особнякомъ, а тутъ,

напротивъ, опасность заставляла ихъ сблизиться: сообща можно скорѣй и крѣпкій городъ срубить, и легче съ врагомъ справиться.

Сначала въ каждомъ родѣ былъ свой старшина (называли его восточные славяне иной разъ княземъ), а тутъ, когда вмѣстѣ жило не сколько родовъ, приходилось, чтобы сообща какое-либо дѣло сдѣлать, старшинамъ родовъ собирались на совѣщеніе, на мірскую сходку, какъ говорятъ теперь у настѣ въ деревняхъ. Въ древности такіе мірскіе сходы называли вѣчемъ. Сначала на вѣче, вѣроятно, ходили только старшины родовъ, а потомъ и другіе взрослые люди. Здѣсь уже не отдѣльные родовые старшины орудовали всѣмъ, какъ было это прежде, когда каждый родъ жилъ особнякомъ, а рѣшали всякое дѣло сообща. Община управлялась не однимъ лицомъ, а міромъ, какъ говорить нашъ народъ.

Нравы славянъ вѣковъ за двѣнадцать назадъ были еще очень грубы. Встрѣчалось у нихъ даже многоженство: кто былъ побогаче, тотъ могъ имѣть двѣ, три жены и больше. У грубыхъ древлянъ, у которыхъ дольше держалась вражда между родами, мужчины силою уводили изъ другихъ родовъ себѣ женъ, похищали ихъ, „умыкали“, по словамъ лѣтописца. У полянъ, где уже по не сколько родовъ жило вмѣстѣ, въ союзѣ, мужчины брали себѣ женъ съ согласія ихъ родителей, платили за девицъ вѣно (плата за невѣсту), т.-е. покупали себѣ женъ. До сихъ поръ у народа нашего сохранились свадебные обряды, которые указываютъ на древніе обычай похищать или покупать себѣ женъ. Въ иныхъ деревняхъ нашихъ, когда невѣстѣ приходитсяѣхать къ вѣнцу, женихъ долженъ ее перенести черезъ порогъ, какъ бы силою оторвать отъ родного дома. А въ другихъ мѣстахъ женихъ обязанъ дать какую-нибудь монету брату невѣсты, который иначе не пускаетъ его сѣсть рядомъ съ ней.

Сурова была доля женщины: она становилась безответствено рабою своего мужа; на ея рукахъ лежали самыя трудныя домашнія работы. Но какъ ни тяжка была участь женщинъ, они все-таки были привязаны къ своимъ мужьямъ: есть извѣстіе, будто некоторые по смерти мужа даже добровольно сожигались на кострахъ съ ихъ трупами.

Во времія войны, по разсказамъ византійцевъ, славяне иногда становились такъ свирѣпы, что не давали пощады ни женщинамъ ни дѣтямъ и страшно истязали попавшихся къ нимъ въ руки враговъ; порою приносили въ жертву богамъ плѣнныхъ и даже своихъ дѣтей. У тѣхъ племенъ, которые вели охотничью жизнь, нравы были гораздо суровѣе, чѣмъ у земледѣльческихъ племенъ. Къ жестокимъ обычаямъ относится и родовая месть. Если кому-нибудь наносилась обида, то самъ обиженній или его родичи должны были непремѣнно отомстить обидчику или его роднѣ. Въ случаѣ убийства, не только убийца, но и весь его родъ могъ ждать гибели отъ дѣтей убитаго или родичей его: позорнымъ считалось не отомстить жестоко за обиду. Суда такого, которому повиновались бы разные роды, не было, и потому приходилось самому обиженному чинить и судь и расправу надъ обидчикомъ, если онъ принадлежалъ къ другому роду. Немудрено, что у предковъ нашихъ въ древности безпрестанно совершаилась

кровавая расправа, и долго отдѣльные роды враждовали между собою. Постоянная взаимная вражда была главнымъ несчастіемъ славянъ.

— „Между ними, говоритъ греческій писатель:— постоянный раздоръ: ни въ чемъ они не могутъ согласиться между собой; всѣ питаютъ одинъ къ другому вражду, и никто не хочетъ повиноваться другому.“

Но вотъ населеніе все больше и больше скучивается около городовъ, отдѣльные роды входятъ въ союзы, и нравы понемногу начинаютъ смягчаться. Между родами, которые сблизились, породнились между собою, вражды стало гораздо меньше. „Въ мірѣ жить—съ миромъ жить“, говоритъ пословица. Начинаютъ больше заниматься мирными промыслами, вступаютъ съ сосѣдними племенами въ мирнаго сношенія, заводятъ мѣновую торговлю: вымѣниваютъ звѣринные шкуры, мѣхѣ, которые добывались въ изобилии въ сѣверныхъ лѣсахъ,—на оружіе, разныя металлическія вещи и ткани, которымъ привозятъ иноземцы. Мѣхѣ предкамъ нашимъ за тысячу лѣтъ назадъ между прочимъ замѣняли деньги.

Иноземцы, заходившіе къ славянамъ, очень хвалили ихъ дѣбродушіе, почтительность къ родителямъ и особенно радушіе и гостепріимство: всякаго гостя они принимали ласково, старались угостить, чѣмъ только могли; даже не считали порокомъ, если бѣдный хозяинъ краль что-либо у богатаго сосѣда для угоженія гостя. Хотя и суровы были обычай у славянъ, но жестокость, которая проявлялась въ пылу боя или тотчасъ послѣ него, не была постояннымъ ихъ свойствомъ: съ плѣнными обходились они дружелюбно, назначали срокъ ихъ рабству, отпускали ихъ за выкупъ на родину, а если освобожденные не хотѣли возвращаться, то могли жить и среди славянъ на свободѣ. Любили предки наши и повеселиться: умѣли пѣть пѣсни, играть и плясать; были у нихъ уже издавна и гусли, и гудокъ, и дудка. Пляски были, вѣрно, такія же лихія, какъ и теперь въ ходу у нашего народа (въ родѣ трепака или казачка).

Къ дурнымъ свойствамъ восточныхъ славянъ надо отнести склонность къ пьянству и неряшество: пили они не въ мѣру и ходить въ грязной одеждѣ было имъ ни-по-чемъ. Конечно, чѣмъ болѣе смягчалась грубость нравовъ, тѣмъ рѣже становились эти недостатки.

До конца десятаго вѣка предки наши были язычниками: боготворили разныя силы и явленія природы. Люди въ глубокой древности, какъ дѣти, совсѣмъ не понимали еще, что творится вокругъ нихъ въ природѣ: всюду чудились имъ могучія существа, благія и злыя. Благодѣтельнымъ существомъ считали они солнце: оно своимъ свѣтомъ прогоняло ночную тьму, своимъ тепломъ согревало землю. Предки наши думали, что солнце ведеть, какъ живое существо, постояннную борьбу съ холодомъ и тьмою. Зимою, по древнимъ вѣрованіямъ, бралъ верхъ надъ солнцемъ холодъ, морозъ: въ зимнюю пору хоть и показывается на небѣ солнце, да рѣже, чѣмъ лѣтомъ; сизый холодный туманъ часто скрываетъ его; а если оно и проглянетъ, то недолго остается на небѣ, хоть и свѣтить, да не грѣеть. Морозъ гуляетъ по землѣ, и она костенѣеть отъ его дыханія. Всѧ природа словно замираетъ: ни травы въ полѣ, ни листьевъ на дерѣвѣ,—холодной снѣжной пеленой покрыта помертвѣвшая земля. Тяжело было на душѣ

у первобытного человѣка въ такую пору: не знать онъ еще навѣрно, вернется ли снова красное солнышко на небо, отогрѣть ли своимъ тепломъ застывшую землю... Но воть наступаетъ весна. Солнце понемногу входитъ въ силу: дольше остается оно на небѣ, свѣтить ярче, начинаетъ пригрѣвать землю; морозъ слабѣеть; ледь и снѣгъ начинаютъ таять; стекаютъ съ полей въ рѣки ручьи воды изъ растаявшаго снѣга. Входятъ рѣки въ силу, взламываютъ подтаявшій ледъ, чѣмъ сковывалъ ихъ всю зиму, и несутъ его въ море. Входитъ въ силу и „матерь-сыра-земля“: показывается трава, разбиваются въ листья древесныя почки; защебетали весело въ свѣжей листвѣ и лѣсныя пташки. Повеселѣло и у людей на сердцѣ: радостно встрѣчаютъ они пѣснями ясное солнце, радуются его побѣдѣ,— побѣдѣ жизни надъ смертью, молять его, чтобы оно побольше дало тепла и свѣта...

Черные тучи представлялись первобытнымъ людямъ страшными чудовищами, драконами, громадными птицами,— врагами солнца. Страшно становилось людямъ, когда темная грозовая туча надвигалась на небо, будто невѣдомое темное существо ползло по небу, все ближе и ближе подбиралось къ солнцу, и вдругъ хватало его. Вместо яснаго солнечнаго свѣта тяжелая мгла охватывала землю: смутно становилось и на душѣ у людей. Вдругъ ударъ грома, грохотъ раскатывается по всему небу, огненные стрѣлы пронизываютъ тучу: то идеть страшная небесная борьба, то богъ-громовникъ разить чудовище-тучу своими молниями-стрѣлами. Изъ тучи льется дождь: это—живая вода, которую таило чудовище, но заставилъ его богъ-громовникъ пролить ее на землю. Жадно пьетъ земля живую воду и входитъ еще въ большую силу. Разбита стрѣлами бога-громовника черная туча; сильный вѣтеръ разносить клочки ея и гонить своимъ могучимъ дыханiemъ съ неба. Снова голубое небо привѣтно обнимаетъ землю; снова надъ нею весело сіяеть красное солнышко; радуются ему люди, приносятъ благодарность и небесному воителю, богу-громовнику, и могучему вѣтру.

Но не всегда эти боги благодѣтельны для человѣка: иногда солнце такъ жжетъ землю, что почва трескается отъ зноя, травы выгораютъ на поляхъ, хлѣбъ на нивахъ; вѣтеръ порою задуетъ съ такою яростью, что выворачиваетъ изъ земли вѣковыя деревья, разметываетъ жалкія хижини людей... Но страшный всѣхъ богъ-громовникъ, когда раздаются надъ землей его страшные удары, когда онъ разить и землю своими могучими огненными стрѣлами. Вѣковой дубъ разлетается мелкой щепой отъ ихъ ударовъ. Не щадить порою эти стрѣлы и человѣка. Велика милость боговъ къ нему, но ужасны ему эти боги въ гнѣвѣ своемъ! Въ страхѣ падаетъ на землю несчастный человѣкъ, умоляетъ грозныхъ боговъ о пощадѣ; готовъ онъ все отдать имъ въ жертву, показать имъ полную свою покорность.

Такимъ путемъ воображеніе первобытныхъ людей наполняло природу множествомъ мнимыхъ существъ и создавало себѣ боговъ. До сихъ поръ еще въ нашихъ народныхъ сказкахъ, сложившихся въ глубокой древности, видно, какъ олицетворялись различныя силы и явленія природы, какъ народъ представлялъ ихъ въ видѣ животныхъ или людей. (Солнце, напр., представлялось въ видѣ жаръ-птицы, златогриваго коня и др., морозъ—въ видѣ Кощея безсмертнаго, выюга—Бабы-Яги и т. д.).

Мало дошло до насъ свѣдѣній о языческой вѣрѣ славянъ; притомъ она не успѣла еще окончательно сложиться, какъ предки наши приняли христіанство. Изъ отрывочныхъ извѣстій мы знаемъ, что восточные славяне чтили бога-громовника подъ именемъ Перуна, бога вѣтра—подъ именемъ Стрибога. Божество солнца называли Дажь-богомъ, Хорсомъ, чтили Велеса, или Волоса, который считался покровителемъ стадъ и потому назывался „скотыимъ богомъ“, и нѣкоторыхъ другихъ. Всѣ эти боги считались дѣтьми одного божества,—бога неба Сварога, и потому ихъ всѣхъ называли иногда Сварожичами. Кромѣ этихъ главныхъ боговъ, вѣрили во многихъ другихъ: въ лѣсу, по древнему вѣрованію нашихъ предковъ, жилъ лѣсной богъ, лѣшій; въ водѣ—водяной богъ, въ руслахъ рѣкъ—русалки; особенно же чтили домашнаго бога, домового.

Славяне, какъ и другіе родственные народы, думали, что души умершихъ предковъ не покидаютъ родного очага, что онѣ заботятся о своемъ потомствѣ, хранятъ его отъ всякихъ бѣдъ, если оно чтить память ихъ; если же нѣть,—тогда эти домашніе боги становятся беспокойными, производятъ часто тревогу въ домѣ, наводятъ бѣду. Души предковъ чтились подъ именемъ „домовыхъ“; называли ихъ также „чурами“, или „щурами“. Въ случаѣ какой-нибудь бѣды говорили встарину: „чуръ меня защити“. (До сихъ поръ въ играхъ деревенскихъ дѣтей слышатся слова: „чуръ меня“; произносятся они, конечно, безъ пониманія древняго смысла ихъ).

Давно уже народъ нашъ принялъ христіанскую вѣру, а много еще осталось у него обрядовъ, пѣсень и праздниковъ отъ языческой старины; осталось у него немало и нелѣпыхъ вѣрованій, т.-е. суевѣрій. Когда случится перебираться изъ старой избы въ новую, то въ иныхъ деревняхъ у насъ совершаются такой обрядъ: старуха выгребаетъ изъ печки нѣсколько тлѣющихъ угольковъ въ горшокъ, бережно несетъ ихъ въ новую избу, высypаетъ въ печку и говоритъ при этомъ: „Пожалуй, батюшка, домовой!“. Суевѣрный народъ думаетъ, что при этомъ домовой переходитъ изъ старой избы въ новую. Если домовой недоволенъ чѣмъ, тогда и въ избѣ неспокойно. Когда что-то стучитъ подъ кровлею, лошадь бѣтесь въ стойлѣ, или скотина—въ хлѣвѣ, то нерѣдко народъ говоритъ, что это—дѣло домового, что онъ невзлюбилъ лошади и пр.

Много древнихъ языческихъ праздниковъ въ честь бога-солнца до сихъ поръ удержалось у нашего народа. Въ концѣ декабря, когда дни начинаютъ прибывать, когда солнце, какъ говорить народъ, поворачивается на лѣто, встарину язычники радовались, что солнце одерживаетъ верхъ, приносили ему жертвы, молились. А теперь въ нѣкоторыхъ деревняхъ наканунѣ Рождества (24-го декабря) молодые люди и дѣти собираются подъ окнами богатыхъ крестьянъ, поютъ пѣсни, величаютъ Коляду (вѣроятно, одно изъ названий солнца).

Вотъ одна изъ этихъ пѣсень:

За рѣкою, за быстрою,
Ой Колядка, ой Колядка!
Лѣса стоять дремучie,
Во тѣхъ лѣсахъ огни горятъ,
Огни горятъ велиkie.

Вокругъ огней скамьи стоять,
Скамьи стоять дубовыя;
На тѣхъ скамьяхъ добры молодцы,
Добры молодцы, красны девицы
Поютъ пѣсни колядушки.

Ой Колядка, ой Колядка!
Въ срединѣ ихъ старики сидитъ;
Онъ точить свой булатный ножъ.
Котель кипитъ горючий.
Возлѣ котла козелъ стоитъ,
Хотятъ козла зарѣзати...

Въ этой пѣснѣ говорится о старомъ языческомъ празднике въ честь солнца, при чёмъ приносили въ жертву козла. Обычай на святкахъ гадать, переряживаться—тоже древніе языческие. Весну (во время теперешней масленицы), когда солнце уже замѣтно входило въ силу, предки наши встрѣчали опять радостными пѣснями и празднествами. И теперь у нашего народа сохранился обычай закликать весну пѣснею:

Весна, весна красна!
Приди, весна, съ радостью,
Съ радостью, радостью,
Съ великою милостью,
Со льномъ высокимъ,
Съ корнемъ глубокимъ,
Съ хлѣбами обильными.

Въ нѣкоторыхъ деревняхъ въ концѣ масленицы сожигаютъ соломенное чучело, которое называютъ „Зимою“ (въ другихъ мѣстахъ „Мораной“), и разрушаются уничтоженію зимы. Въ первый день Пасхи, по народному вѣрованію, солнышко во всемъ своемъ блескѣ играетъ на небѣ. Если набѣжитъ тучка, въ деревняхъ поютъ дѣти:

Солнышко, ведрышко.
Выглядя въ оконечку!
Твои дѣтки плачутъ.
Солнышко, покажись,
Красное, снарядись!

При наступленіи лѣта, до сихъ поръ празднуется праздникъ „Красная горка“: поютъ пѣсни, водятъ хороводы, пляшутъ. Эти пѣсни и хороводы ведутъ начало отъ древнихъ языческихъ обрядовъ и богослужений.

Въ разгарѣ лѣта, въ концѣ июня (23-го числа), совершается праздникъ Купалы (одно изъ названий солнца). Солнце въ эту пору еще въ полной силѣ, но съ этого времени наступаетъ поворотъ къ осени. Въ иныхъ деревняхъ совершается въ ночь съ 23-го на 24-е июня такой обрядъ: берутъ колесо, обвертываютъ его соломою, зажигаютъ и скатываютъ съ горы. Катящееся съ горы огненное колесо знаменуетъ солнце, сходящее съ прежней своей высоты. Кроме того, зажигаютъ костры, прыгаютъ чрезъ огонь, купаются въ рѣкѣ.

Встарину почитали огонь и воду, вѣрили, что въ иныхъ случаяхъ они

имѣли очистительную и цѣлечную силу. (До сихъ поръ у народа нашего считается грѣхомъ плевать въ огонь и на воду). Старухи-лѣкарки стараются въ Купальский день набрать побольше цѣлебныхъ травъ; по ихъ вѣрованію, травы, собранныя въ это время, имѣютъ особенно врачующую силу. Много еще и другихъ вѣрованій и обрядовъ языческой старины до сихъ поръ сохранилось у нашего народа; всѣхъ здесь не переберешь. Многіе изъ обрядовъ и обычаевъ уже совсѣмъ непонятны и для самого народа, и онъ держится ихъ только по привычкѣ. Въ народныхъ сказкахъ особенно много уцѣльло слѣдовъ языческихъ вѣрованій.

Особыхъ языческихъ храмовъ у предковъ нашихъ не было, а молились они своимъ богамъ въ лѣсной глухи, у озеръ, у рѣкъ, на возвышенныхъ мѣстахъ, потомъ въ городахъ. Дѣлали идоловъ, т.-е. изображенія своихъ боговъ въ видѣ людей, обыкновенно изъ дерева (вѣроятно, въ родѣ тѣхъ „каменныхъ бабъ“, о которыхъ говорилось выше). Въ жертву приносили имъ разныхъ животныхъ, молились, гадали о будущемъ по разнымъ примѣтамъ. Особенныхъ жрецовъ у восточныхъ славянъ не было, а совершили жертвы старцы, старшины родовъ. Было у славянъ вѣрованіе и въ будущую загробную жизнь. Покойниковъ своихъ они зарывали въ землю, а иногда сожигали; съ покойникомъ зарывали въ могилу или клали съ нимъ на костеръ пожитки его, утварь, а также оружіе и боевого коня, если покойникъ былъ воинъ. Предки наши, видно, вѣрили, что загробная жизнь походитъ на земную, и умершимъ понадобятся ихъ пожитки. Послѣ погребенія на могилахъ совершали пиры (трины).

Вѣрили славяне и въ предзнаменованія,—думали, что боги разными примѣтами даютъ людямъ возможность узнавать будущее. Отсюда ведеть начало обычай гадать. Тѣ люди, которые умѣли объяснять знаменія и гадать, назывались волхвами, кудесниками, вѣдунами, знахарями и пр. По вѣрованіямъ славянъ, они даже могли своими заклинаніями и волхвованіями отвратить бѣду или накликать ее.

До сихъ поръ суевѣрный народъ не только затменіе солнца, появленіе новой кометы, но и волкъ собаки, карканіе вороны, кукованіе кукушки и т. п. принимаетъ за предзнаменованія. Въ нѣкоторыхъ деревняхъ наши до сихъ поръ встречаются знахари и знахарки, которые заговориваютъ отъ разныхъ болѣзней, и многіе суевѣрные простолюдины вполнѣ вѣрятъ имъ. Всѣ эти говоры, заклинанія, примѣты, повѣрья—остатки темной языческой старины.

Сосѣди восточныхъ славянъ.

По сосѣдству съ восточными славянами въ девятомъ вѣкѣ жило нѣсколько инородныхъ племенъ.—На востокѣ, по Волгѣ, у Каспійскаго моря жили хозары, народъ турецко-татарскаго происхожденія. Хотя у хозаръ были уже города (напр. Итиль, при устьѣ Волги), но все-таки вѣрѣли ихъ считать кочевниками, чѣмъ осѣдлыми: немногіе богатые хозары имѣли глиняныя мазанки, и только у кагана (такъ называли хозары главнаго вождя своего) были высокія кирпичныя хоромы. Лѣтомъ городъ пустѣлъ: жители забирали свои

пожитки и откочевывали въ степь. Хозары вели торговлю съ азиатскими народами и съ восточными славянами, а нѣкоторыхъ изъ нихъ принудили платить себѣ дань.

Къ сѣверу отъ хазаръ, по Волгѣ и Камѣ, жили болгары. Они были того же происхожденія, какъ и хазары; но съ ними смѣшились въ одинъ народъ финны, жившіе въ тѣхъ же краяхъ. Болгары занимались хлѣбопашествомъ, но главнымъ ихъ промысломъ была торговля: по рѣкамъ они сносились и торговали съ хазарами, финнами и славянами.

Весь сѣверный край нынѣшней Россіи былъ населенъ въ древности финскими племенами. Предки наши звали ихъ Чудью (теперь народъ нашъ зоветъ ихъ чухнами). Финны дробились подобно славянамъ на нѣсколько племенъ (Весь, Меря, Мурома, Мордва и др.) и жили среди лѣсовъ и болотъ, по берегамъ рѣкъ и озеръ, занимались рыболовствомъ и звѣроловствомъ. Жили они разбросанно, небольшими поселками и не были опасны своимъ сосѣдямъ. Сѣверные славяне вели съ ними мирныхъ сношеній и могли разселяться въ сѣверномъ краю безъ особенной помѣхи.

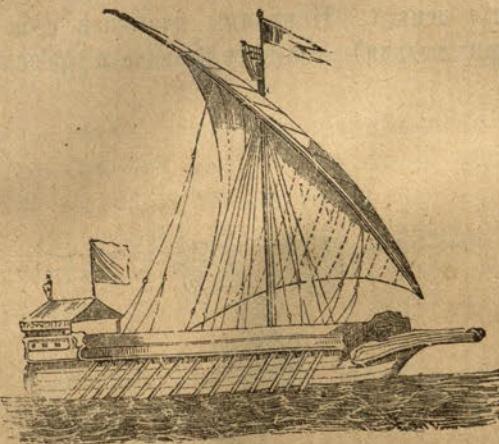
Западными сосѣдями славянъ были литовцы. Они тоже дѣлились на нѣсколько племенъ (Литва, Прусы, Жмудь и др.) и жили по большей части въ лѣсной и болотистой мѣстности, по нижнему теченію рѣкъ: Западной Двины, Нѣмана и Вислы. По языку, древнимъ вѣрованіямъ и обычаямъ видно, что литовцы того же происхожденія, какъ и славяне.

Кромѣ этихъ сосѣднихъ племенъ, за тысячу лѣтъ до нынѣшняго времени предкамъ нашимъ приходилось сталкиваться еще съ нѣсколькими народами. По Днѣпру восточные славяне вели сношенія съ греками, получали отъ нихъ разныя ткани, оружіе и другія издѣлія, а взамѣнъ продавали имъ мѣхѣ, медь и воскъ. Сношеніямъ этимъ много мѣщали степнія хищныя племена, похожія на нынѣшихъ калмыковъ и киргизовъ. Заходили эти степняки изъ Азіи, кочевали въ степяхъ между Дономъ и Днѣпромъ, рыскали по степямъ на своихъ быстрыхъ лошадяхъ и выжидали только удобнаго случая, чтобы нагрянуть врасплохъ на поселенія или на караванъ купцовъ.

На сѣверѣ славянамъ пришлось рано познакомиться и съ морскими удальцами — норманнами, — народомъ германского происхожденія, уже издавна поселившимся въ Скандинавіи. Страна эта сурова: покрыта она большею частію скалами, озерами, дремучими хвойными лѣсами... Трудно было тутъ заниматься земледѣліемъ; а тѣмъ, кому пришлось жить по берегамъ, гдѣ были голые утесы или пески, и совсѣмъ невозможно: имъ приходилось искать пропитанія въ морѣ. Рыболовство стало главнымъ промысломъ этихъ береговыхъ жителей. Приходилось тутъ имъ выносить жестокую стужу, бороться съ бурями, нерѣдко терпѣть и голодъ. Слабые не выносили такой жизни и гибли; но зато люди здоровые, сильные, свыкались съ тяжелыми лишеніями; постоянная борьба съ невзгодами и препятствіями закалила ихъ, становились они крѣпкими и тѣломъ и духомъ, равнодушными къ холоду и голоду; а когда буря завывала, гудѣлъ прибрежный сосновый лѣсъ, море бѣшено билось своими волнами въ береговыя скалы, имъ

даже любо становилось. Смолуды роднились они съ моремъ, привыкали отлично управлять своими легкими лодками. Буря имъ была ни-по-чемъ: тутъ можно было показать лучше и свое молодечество и сноровку въ морскомъ дѣлѣ.

Такимъ удальцамъ не по вкусу было заниматься рыбной ловлей; нашли они себѣ другое дѣло: стали рыскать по морямъ, грабить вѣтрѣчные корабли съ товарами да прибрежныхъ жителей разныхъ странъ. Все лучшее на землѣ принадлежитъ храбрѣшему и сильнѣшему, — вотъ правило, которымъ они руководились. На то боги дали и силу и удаль, вѣрили они, чтобы пользоваться ими. Мирнаго труда они не уважали, законовъ никакихъ не знали, смерти не боялись. По ихъ вѣрованіямъ, только тотъ и въ рай-то могъ попасть, кто погибалъ въ бою или въ морской пучинѣ; находились между ними и такие бойцы, что въ пылу битвы съ открытой грудью неистово кидались на врага, чтобы погибнуть, но не попасть въ плѣнъ, въ рабство. Всюду, куда можно было зайти смѣльчакамъ на ходкихъ ладьяхъ, заходили они и добы-

Норманская ладья.

вали все, что можетъ добыть храбрый и могучій воинъ тяжелой сѣкирой и длиннымъ мечомъ. — Шайки этихъ морскихъ удальцовъ съ VI вѣка, подъ начальствомъ своихъ безстрашныхъ вождей (морскихъ королей), наводили ужасъ на всѣхъ береговыхъ жителей Европы. Норманны не только грабили приморскихъ жителей, но по рѣкамъ входили на своихъ легкихъ плоскодонныхъ ладьяхъ въ глубину страны, грабили жителей, брали богатые окупы съ горожанъ, или обращали города въ груды пепла и развалинъ. Нагнали норманны такого страха на прибрежныхъ жителей Европы, что тѣ въ церквяхъ въ особыхъ молитвахъ молили Бога объ избавленіи страны отъ норманнского погрома. До сихъ поръ во Франціи, въ Бельгіи, по берегамъ рѣкъ: Сены, Рейна и др. видныются развалины замковъ (небольшихъ крѣпостей, или укрепленныхъ жилищъ), гдѣ въ былыя времена помѣщики со своими семьями и людьми искали спасенія отъ норманского меча.

Шайки морскихъ воителей не всегда состояли изъ однихъ норманновъ. Нерѣдко къ нимъ присоединялись удальцы и изъ другихъ племенъ, жившихъ у берега моря, по близости Скандинавіи, изъ литовскихъ и славянскихъ племенъ, обитавшихъ по южному берегу Балтійского моря. Отвага, жажда добычи, одинъ вождь да общая опасность свизывали такую сбродную шайку въ крѣпкую дружину.

Пришлое и нашимъ предкамъ столкнуться съ этими воителями. Норманны издавна уже пробирались по рекамъ Восточной Европы въ Черное море. Изъ Финскаго залива по Невѣ плыли они въ Ладожское озеро, затѣмъ подымались по Волхову въ озеро Ильмень; отсюда плыли по Ловати. Здѣсь доходили они до верховья и, гдѣ нельзя было плыть по какой-нибудь рѣкѣ, тащили волокомъ по землѣ свои лады или несли ихъ, добирались до верховья Днѣпра, спускались по течению до пороговъ его; тутъ опять тащили лодки нѣсколько времени волокомъ и затѣмъ безъ помѣхи доходили до Чернаго моря и плыли въ Константинополь, столицу Грекіи. Были сюда они для наживы, вели торговлю, занимались въ императорскую гвардию; рослыхъ и сильныхъ воиновъ охотно брали на службу и платили имъ хорошія деньги. Норманны называли себя по-своему „варингеръ“ (вооруженными людьми), — потому славяне и прозвали ихъ „варягами“.

II.

ПРЕДАНІЯ О ПЕРВЫХЪ РУССКИХЪ КНЯЗЬЯХЪ.

О Рюрикѣ, Аскольдѣ и Дирѣ.

лавянское племя, раскидавшись небольшими поселками на огромномъ пространствѣ въ Приднѣпровской равнинѣ и по Ильменю, не могло сохранить независимость.

Въ 859 году, по словамъ лѣтописца, „варяги изъ-за моря“ брали дань со славянъ, жившихъ по Ильменю, и со всѣхъ кривичей, а также съ двухъ сосѣднихъ финскихъ племенъ: чули и мери; а хозары — съ полянъ, сѣверянъ и вятичей.

Въ 862 г. ильменские славяне и кривичи, собравшись съ силами, свергли власть варяговъ, прогнали ихъ за море и начали сами собой управляться; но не стало между ними правды, возсталъ родъ на родъ и начались усобицы. Терпѣть ихъ, видно, не въ мочь было, и порѣшили тогда ильменские славяне, кривичи и чудь: „Поищемъ себѣ князя, который бы владѣлъ нами и судилъ по праву.“

Послы отправлены были къ варяжскому племени Русь и сказали русскимъ князьямъ:

— „Земля наша велика и обильна, а наряда (порядка) въ ней нѣть; идите княжить и владѣть нами.“

Братья согласились и въ 862 году пришли въ землю сѣверныхъ славянъ и сосѣднихъ финновъ. Старшій изъ этихъ братьевъ — Рюрикъ — водворился сначала при устьѣ Волхова, у Ладожскаго озера, срубилъ себѣ здѣсь городъ Ладогу, а потомъ перешелъ къ истоку Волхова и поселился въ Новгородѣ; второй братъ — Синеусъ — водворился на Бѣломъ озерьѣ, а третій — Труворъ — въ Изборскѣ. Отъ нихъ и страны, гдѣ они утвердились, стала называться Русью.

Такъ разсказываетъ о началѣ нашего государства преданіе, занесенное въ древнюю лѣтопись.

Но гдѣ именно жили эти варяго-русы и къ какому племени принадлежали, — на это нѣтъ сколько-нибудь точного указанія. Много трудились наши ученые надъ разясненіемъ этого темнаго вопроса: одни предполагали, что подъ „варяго-русами“ надо разумѣть норманновъ; другіе думали, что призванные князья-варяги были вождями сборной дружины, въ которой было очень много славянъ, и потому эта пришла дружина скоро вполнѣ слилась съ призвавшими. Наконецъ, въ наше время нѣкоторые думаютъ, что русы — славяне: одинъ ученый полагаетъ, что они — балтійские славяне; другой — что они изъ Приднѣпровья и ведутъ начало отъ роксоланъ. Словомъ, вопросъ о томъ, откуда, какъ пришли и кто были первые наши князья, несмотря на всѣ усилия и домыслы ученыхъ, вопросъ — темный, нѣрѣшенный, и такимъ, вѣроятно, останется навсегда, если не будетъ открыто какихъ-либо новыхъ источниковъ.

Два года спустя, говорить преданіе, умерли оба младшіе брата Рюрика, и онъ сталъ властствовать на сѣверѣ одинъ. Приказывалъ онъ своимъ дружинникамъ въ разныхъ мѣстахъ области рубить (строить) новые города, т. е. строить деревянныя ограды, крѣпости, гдѣ легко было держаться противъ внутреннихъ и вѣнчихъ враговъ, и гдѣ можно было хранить добычу и держать пѣнниковъ. Враговъ у Рюрика довольно было и между славянами: не всѣ изъ нихъ хотѣли подчиниться чужеземцу и платить ему дань, — приходилось многихъ силою принуждать къ повиновенію. Въ Новгородѣ, по преданію, произошло даже восстаніе: попробовали свергнуть Рюрика, но онъ одержалъ верхъ и казнилъ Вадима, главнаго мятежника, и многихъ сообщниковъ его. Много городовъ роздалъ Рюрикъ своимъ старшимъ дружинникамъ; они имѣли при себѣ вооруженные отряды и заставляли окрестныхъ жителей повиноваться князю и платить дань.

Двое изъ дружины Рюрика, не получивши въ управлѣніе городовъ, отпросились у него ити со своими родичами въ Константинополь искать счастья. Отправились они обычнымъ путемъ варяговъ, — пошли по Днѣпру мимо Смоленска, города кривичей, мимо Любеча, города сѣверянъ, дошли до невѣдомаго имъ городка въ очень красивой мѣстности, на крутомъ берегу Днѣпра. Узнали они, что городъ этотъ называется Кіевомъ по имени Кія, который нѣкогда основалъ здѣсь первые поселки съ братьями: Щекомъ и Хоривомъ и сестрою Лыбедью. Узнали также, что кіевляне платятъ дань хозарамъ. Полюбилось Аскольду и Диру это мѣсто; они помогли кіевлянамъ освободиться отъ власти хозаръ, и сами стали властствовать здѣсь; набрали они себѣ сильную дружину изъ своихъ земляковъ и утвердились въ странѣ полянъ. Такъ явилось новое Русское государство на среднемъ течѣніи Днѣпра.

Недолго усидѣли на одномъ мѣстѣ эти воинственные дружинники: привыкли они къ боевымъ тревогамъ, и скучна была для нихъ мирная жизнь; а тутъ еще то и дѣло приходилось имъ слышать отъ бывалыхъ людей баснословные рассказы о дивныхъ богатствахъ Константинополя, о необычайной его роскоши. Слышали они часто и о томъ, что греки — народъ слабый, изнѣженный; что они боятся войны; что готовы скорѣе золотомъ откупаться отъ враговъ, чѣмъ встрѣчаться съ ними въ полѣ или морѣ съ оружіемъ въ рукахъ. Соблазнъ былъ великъ. Добраться до Константинополя было неособенно трудно. —

Начались приготовленія къ походу. И вотъ собрались непосѣдливые, предпримчивые удальцы съ разныхъ сторонъ къ Аскольду и Диру, — охотники до воинскихъ угѣхъ и богатой добычи, и пустились на двухстахъ лодкахъ въ путь. Легко было плыть по теченію Днѣпра до самыхъ пороговъ его; здѣсь приходилось съ немалымъ трудомъ проводить лодки между камнями, а въ иныхъ мѣстахъ надо было волочить ихъ по землѣ, а кое-гдѣ нести и на плечахъ. Затѣмъ опять теченіе широкаго Днѣпра несло лады въ Черное море. Въ затишье приходилось плыть по морю на веслахъ, а при попутномъ вѣтре подымались ~~и~~ русы, и легкія лады быстро скользили по поверхности моря, — неслись, словно чайки морскія, по широкому его простору.

Напали русы на Константинополь врасплохъ. Императоръ былъ въ это время съ войскомъ въ Азіи, у восточныхъ предѣловъ имперіи. Ужасъ охватилъ все населеніе роскошной столицы, когда изъ соединенныхъ прибрежныхъ селеній бѣглецы принесли страшную вѣсть, что множество русскихъ лодокъ плыветъ къ столицѣ. Заперли городскія ворота, разставили въ разныхъ мѣстахъ по стѣнѣ городской и по башнямъ стражу, и послали къ императору вѣсть о бѣдѣ.

Страшны были для изнѣженныхъ византійцевъ суровые воины сѣвера. Это были рослые, рѣвные и крѣпкіе ~~люди со свѣтлорусыми~~ волосами, съ быстрыми глазами; самые знатные изъ нихъ ~~были~~ ^{СЕМІАЧИ} длинными усами, съ бритыми подбородками; тяжелые шлемы ~~покрывали~~ ^{на} головы; грудь защищена была кольчугой; сверхъ нея накидывали они плащи, углы которыхъ соединялись на правомъ плечѣ запонкой. Тугіе луки, оstryя оперенные стрѣлы, дротики, копья, тяжелыя сѣкири (топоры) и обоюдоострые мечи составляли наступательное оружіе этихъ воиновъ. Больше, полуокруглые сверху и заостренные снизу щиты хорошо охраняли ихъ отъ вражьихъ ударовъ.

Подошли русы съ моря къ Константинополю, высадились на берегъ, отрядами разсѣялись по окрестнымъ селамъ и беззащитнымъ предмѣстямъ столицы и, по свидѣтельству византійцевъ, принялись страшно свирѣпствовать, разорять ихъ, истреблять все мечомъ и огнемъ. Ни старому ни малому пощады не было; ни вопли дѣтей, ни мольбы матерей, — ничто не трогало свирѣпыхъ воителей! — Отчаяніе овладѣло жителями столицы. Духовенство безпрерывно совершало молебствія въ церквиахъ; они полны были молиція. Патріархъ Фотій говорилъ проповѣди. Онъ называлъ нашествіе руссовъ карою, посланною Богомъ за пороки и тяжкіе грѣхи, въ которыхъ погрязло населеніе столицы.

— „Народъ жестокій и дерзкій, — говорилъ онъ: — разоряетъ и губить все: нивы, жилища, стада, женщины, дѣти, старцевъ, юноши, всѣхъ сражая мечомъ, никого не милуя, никого не щадя. Онъ, какъ саранча на нивѣ, какъ жгучій зной, какъ наводненіе, явился въ странѣ нашей и губилъ жителей ея...“

Указывалъ патріархъ и на малодушіе жителей, обезумѣвшихъ отъ страха.

— „Не вопите, не шумите, перестаньте плакать, молитесь спокойно, будьте мужественны!“ увѣщавалъ онъ ихъ.

Но все напрасно: страхъ былъ сильнѣе его краснорѣчія! — Русы у стѣнъ

города насыпали огромный валъ, добрались до верхъ а, и жители трепетали отъ ужаса, что враги вотъ-вотъ ворвутся въ городъ... Но этого не случилось: русы совсѣмъ неожиданно для осажденныхъ поспѣшили изъ подъ стѣнъ Константинополя. Буря ли, поднявшаяся на морѣ, или вѣсть о приближеніи императора съ большимъ войскомъ побудила ихъ къ этому—неизвѣстно. Долго послѣ того сохранилось у грековъ преданіе объ этомъ первомъ нападеніи на ихъ столицу руссовъ. Есть извѣстіе, что около этого времени нѣкоторые изъ нихъ приняли христіанство отъ грековъ.

Въ 879 г. умеръ Рюрикъ. Сынъ же Игорь былъ еще очень малъ, и за малолѣтствомъ его стала княжить его родичъ Олегъ.

Преданія объ Олегѣ.

Олегъ, по преданію, былъ князь очень предпріимчивый и воинственный. Только что власть попала въ его руки, какъ онъ задумалъ большое дѣло—овладѣть всѣмъ теченіемъ Днѣпра, забрать въ свои руки весь водный путь въ богатую Грецію; а для этого приходилось покорить всѣхъ славянъ, жившихъ по Днѣпу. Тутъ одной княжеской дружины было мало: Олегъ набралъ изъ ильменскихъ славянъ, изъ кривичей, подчиненныхъ ему, изъ финскихъ племенъ большое войско и двинулся съ нимъ и дружиной на югъ.

Овладѣлъ Олегъ прежде всего Смоленскомъ, городомъ тѣхъ кривичей, которые не были еще подвластны никому, затѣмъ взялъ Любечъ, городъ сѣверянъ, оставилъ въ этихъ городахъ отряды своей дружины подъ начальствомъ надежныхъ, опытныхъ воеводъ, а самъ пошелъ дальше. Наконецъ, показался и Киевъ. Зналъ Олегъ, что силою нелегко будетъ взять этотъ городъ: княжили тамъ Аскольдъ и Диръ, опытные вожди, да и дружины были у нихъ храбрая, бывалая; пришлося пуститься на хитрость: войско было оставлено позади, а Олегъ съ нѣсколькими лодками подплылъ къ Киеву, остановился неподалеку отъ города и послалъ сказать Аскольду и Дири, что ихъ земляки, купцы варяжские, ёдутъ въ Грецію, хотятъ повидаться съ ними и просятъ ихъ притти къ лодкамъ. Кіевскіе князья, не подозрѣвая вовсе злого умысла, вышли одни на берегъ. Тогда воины, спрятанные въ лодкахъ, выскочили и окружили ихъ.

— „Вы не князья и не княжескаго рода“, сказали имъ Олегъ и прибавилъ, указывая на Игоря: „а вотъ сынъ Рюрика!...“

По знаку Олега воины его бросились на Аскольда и Дири и убили ихъ. Погребли ихъ у берега Днѣпра на горѣ (доныѣ одна прибрежная гора у Кіева называется Аскольдовой могилой). Кіевляне, оставшиеся безъ князей и застигнутые врасплохъ, подчинились Олегу.

Полюбился ему Кіевъ, назвать онъ его „матерью русскихъ городовъ“, и сталъ Кіевъ съ этого времени главнымъ русскимъ городомъ. Чтобы утвердить свою власть въ покоренной области, Олегъ началъ строить новые города, какъ Рюрикъ устраивалъ ихъ на сѣверѣ. Города эти раздавалъ онъ подъ начало своимъ дружиликамъ и установилъ дань съ покоренныхъ племенъ.

Не сидѣлось Олегу спокойно въ Кіевѣ. Каждый годъ, лишь только вскрывались рѣки, съ дружиною своей пускался онъ въ путь на быстрыхъ ладьяхъ,

входилъ въ притоки Днѣпра съ правой и съ лѣвой стороны, подчинялъ себѣ жившія по берегамъ славянскія племена: по Припяти покорилъ древлянъ и принудилъ ихъ платить себѣ дань по черной кунице съ жилья; въ слѣдующемъ году поднялся по Деснѣ, побѣдилъ сѣверянъ, даниковъ хозаръ, и заставилъ ихъ платить себѣ небольшую дань; затѣмъ принудилъ онъ и радиими чай, по рѣкѣ Сожи, платить себѣ дань, которую прежде они платили хозарамъ. Покорилъ Олегъ и еще нѣкоторыя славянскія племена, жившія на западѣ отъ Днѣпра, по Бугу и Днѣстру, всюду строилъ города, или крѣпости, ставилъ намѣстниками своихъ дружиниковъ и ежегодно ходилъ съ дружиною собирать дань съ подчиненныхъ племенъ.

Но, видно, дани этой было мало князю и дружинѣ, или слишкомъ ужъ расходилась ихъ удаль: задумалъ Олегъ большой походъ на Византію. Силы у него было гораздо больше, чѣмъ у Аскольда и Дири. Закипѣла работа, — приходилось однѣхъ ладей заготовить, по преданію, до двухъ тысячъ. Каждая ладья могла поднять до 40 человѣкъ; войско, стало быть, для того времени было огромное; составилось оно изъ варяговъ, славянъ и финновъ.

Въ 906 г. явились во второй разъ русы подъ стѣнами Византіи. Запылали опять сёла въ скрѣстностяхъ столицы; загородные дворцы, дачи и церкви гибли въ пламени... Горѣ было тѣмъ, кто пробовалъ противиться свирѣпымъ волнамъ и попадалъ въ ихъ руки: плѣнныхъ рубили они мечами, разстрѣливали стрѣлами,топили въ морѣ. Византійцы успѣли загородить входъ въ свою гавань громадной цѣпью и заперлись въ городѣ. Олегъ сталъ готовиться къ приступу. Византійский дворъ предложилъ уплатить большую дань русскимъ, лишь бы они не разоряли города. Олегъ потребовалъ по двѣнадцати гривенъ (фунтовъ) серебра на человѣка. Выплатить сразу такую громадную дань было не подъ силу и богатымъ византійцамъ: приходилось выдать нѣсколько тысячъ пудовъ серебра. Серебро и золото въ то время цѣнилось гораздо дороже, чѣмъ теперь. Начались переговоры. Олегъ нѣсколько сбавилъ свои требованія, но все-таки взялъ съ грековъ большую дань: она была разсчитана не только на дружиниковъ и воиновъ, бывшихъ съ нимъ въ походѣ, но и на тѣ отряды, что стояли по разнымъ русскимъ городамъ. Кроме того, князь потребовалъ разныхъ льготъ русскимъ купцамъ, или „гостямъ“, какъ ихъ звали ветарину. Согласились греки на все требованія, и Олегъ съ дружиною и воинами вернулись домой обремененные добычей.—Дивились всѣ необычайной удачѣ походовъ удалого князя, уму и хитрости его. Стали ходить изъ устъ въ уста всякия рассказы о немъ: говорили, будто онъ велѣлъ подъ Константинополемъ вытащить лады на берегъ, приспособить къ нимъ колеса и при попутномъ вѣтрѣ на парусахъ подкатить на лодкахъ къ самымъ стѣнамъ греческой столицы и навѣль на жителей ужасъ. Разсказывали, какъ онъ не поддался на разныя уловки грековъ, которые славились своей хитростью,— какъ прибилъ на воротахъ города свой щитъ въ знакъ победы; какъ приказалъ на всѣхъ лодкахъ простыхъ воиновъ сдѣлать паруса изъ полотна, а на лодкахъ дружины — изъ шелковой матеріи, взятой въ добычу у грековъ, и т. д. Разсказы эти перешли потомъ въ

преданія. Стали даже многие думать, что Олегъ одаренъ былъ какими-то особыми, нечеловѣческими свойствами, прозвали его вѣщимъ (чародѣемъ). Черезъ пять лѣтъ послѣ похода онъ скрѣшилъ свой миръ съ греками письменнымъ договоромъ. Для этого онъ послалъ нѣсколько знатнѣйшихъ мужей изъ дружины своей въ Константинополь.

Олегъ умеръ въ 912 г. Кончина его, по преданію, была необычайна. Спросилъ онъ разъ у волхва, или кудесника, о причинѣ своей смерти.

— „Князъ, сказалъ кудесникъ: умрешь ты отъ своего любимаго коня.“

Съ тѣхъ поръ Олегъ не садился больше на этого коня; велѣлъ его и кормить и холить, но не подводить къ себѣ. Прошло много лѣтъ. Какъ-то разъ вспомнилъ князъ о своемъ конѣ, а узнавъ, что онъ уже давно окончательно, посмѣялся надъ лживымъ предсказаниемъ кудесника и вздумалъ посмотреть кости коня. Пріѣхавъ на то мѣсто, гдѣ лежали онѣ, Олегъ наступилъ на черепъ коня и съ усмѣшкой сказалъ:

— „Не отъ этой ли кости умереть мнѣ?“

Вдругъ изъ черепа взвилась змѣя и укусила князя въ ногу. Отъ этого онъ заболѣлъ и умеръ...

Преданія обѣ Игорѣ.

Послѣ Олега сталъ княжить Игорь. Древляне возмутились-было, думали освободиться отъ дани; Игорь усмирилъ ихъ и заставилъ платить болѣе прежняго. Онъ тоже совершаѣтъ походы въ чужie края; но удачи ему такой, какъ Олегу, не было. При немъ совершилъ былъ набѣгъ на прикаспiйскихъ жителей. Въ 913 г. русскie на пятистахъ ладьяхъ явились въ Черномъ морѣ, проплыли въ Азовское, поднялись по Дону до того мѣста, гдѣ онъ близко подходитъ къ Волгѣ, и послали къ хозарскому кагану просить пропуска черезъ его владѣнія по Волгѣ въ Каспiйское море; обѣщали отдать хозарамъ половину всей добычи, какую захватятъ. Каганъ согласился. Переяловки русскie воины свои лады въ море, разсѣялись по южнымъ и западнымъ берегамъ его, стали безпощадно избивать жителей, забирать въ плѣнъ женщинъ и дѣтей. Попробовали жители сопротивляться; но русскie разбили ихъ рать. Огромную добычу захватили побѣдители и поплыли обратно въ Волгу; здѣсь отдали они, какъ условились раньше, половину награбленной добычи кагану; но захотѣли хозары и другую половину отнять у руссовъ. Послѣ трехдневной страшной битвы, большая часть русской рати была истреблена, а остатки ея, спасавшіеся вверхъ по Волгѣ, почти всѣ погибли въ борьбѣ съ болгарами.

Въ концѣ девятаго вѣка по соображенію съ русскими появились новыя орды кочевниковъ—печенѣgovъ. Они стали кочевать въ степяхъ, отъ Дуная до Дона. Византiйское правительство, чтобы спасти свои владѣнія отъ ихъ набѣговъ, старалось жить съ ними въ мирѣ, посыпало богатые подарки ихъ вождямъ; а иногда коварные греки подкупали печенѣgovъ, чтобы тѣ нападали на руссовъ. Въ мирное время печенѣги продавали русскимъ коней, быковъ, овецъ, занимались иной разъ перевозить товары и такимъ образомъ помогали торго-

вымъ сношеніямъ съ греками. Но по большей части эти кочевники враждовали съ русскими; неожиданно врывались небольшими отрядами въ русскую область, грабили ее, сжигали поселенія, уничтожали нивы; часто нападали на русскie купеческие караваны, поджигая ихъ у Днѣпровскихъ пороговъ.

Печенѣги были рослые, сильные люди, дикаго, свирѣпаго вида. Они были превосходные наездники и отличные стрѣлки. Стрѣлы и копья были главнымъ ихъ оружіемъ, а кольчуги и шлемы защищали ихъ отъ враждѣихъ ударовъ. На своихъ легкихъ степныхъ коняхъ съ дикими криками кидались они на враговъ, осыпая ихъ стрѣлами. Затѣмъ, если не могли сразу сломить противника, обращались въ притворное бѣгство, стараясь завлечь врага въ погоню за собой и при помощи засады окружить его и уничтожить.

Игорю, первому изъ русскихъ князей, пришлось оборонять свою область отъ этихъ степныхъ хищниковъ.

Задумалъ онъ, по примеру Олега, сдѣлать большой набѣгъ на Грецiю и промыслить себѣ и дружинѣ большую добычу. Собравъ огромную рать, направился онъ обычнымъ путемъ на ладьяхъ къ берегамъ Грецiи. Какъ только показались безчисленныя суда русскiя на Черномъ морѣ, дунайскiе болгары дали знать объ этомъ императору.

На этотъ разъ руссы напали на азiатскie берега имперiи и стали здѣсь, если вѣрить греческимъ извѣстiямъ, страшно свирѣпствовать: они предавали разнымъ истязанiямъ плѣнныхъ, выжигали селенія, грабили церкви и монастыри. Наконецъ, греки собрались съ силами, снарядили корабли и выступили противъ враговъ. Игорь былъ вполнѣ увѣренъ, что руссы одержать побѣду, но ошибся. Когда сошлись греческiя суда съ русскими, вдругъ греки стали метать огонь на русскiя лады. Попадеть онъ на лодку,—спасенiя нѣть! Пламя охватываетъ ее; вода его не погасить; упадетъ огонь на воду—и на водѣ горить!... Ужасъ овладѣлъ всѣми; самые смѣлые, боевые дружины, и тѣ дрогнули,—все пустилось въ бѣгство. Иные кидались съ загорѣвшихъ лодокъ прямо въ воду итонули; множество руссовъ погибло тутъ; много ихъ попало въ руки грековъ. Спаслись немногiе и рассказывали потомъ съ ужасомъ, что у грековъ во время этого боя была въ рукахъ небесная молнiя; что они бросали ее на русскiя лады, и тѣ гибли въ пламени. Дѣло въ томъ, что греки употребляли на войнѣ особый составъ изъ нѣсколькихъ горючихъ веществъ (нефти, сѣры, смолы и др.). Когда составъ этотъ зажигали, огонь нельзя было погасить водою; она даже усиливала пламя. По водѣ составъ этотъ плавалъ и горѣлъ. На греческихъ судахъ на носовой части устраивались особыя мѣдныя трубы; при помощи ихъ греки, подойдя близко къ непріятельскимъ судамъ, бросали горящiй составъ и зажигали ихъ. Этотъ „греческий огонь“, какъ его называли, не однихъ руссовъ приводилъ въ ужасъ, но и другихъ иностранныхъ, нападавшихъ на грековъ.

Игорь хотѣлъ, во что бы то ни стало, загладить стыдъ своего пораженiя и отомстить грекамъ. Онъ послалъ за море звать охочихъ людей изъ норманновъ въ походъ на Грецiю. Толпы хищныхъ воителей, падкихъ на добычу, направились въ Кіевъ. Три года собирался Игорь; наконецъ,

изготовился, наяль и печенѣговъ, а чтобы они не измѣнили, взялъ у нихъ заложниковъ и отправилъ въ путь.

Пришла въ Константинополь грозная вѣсть изъ Корсуня (греческаго города на Таврическомъ полуостровѣ): „Идеть Русь безъ числа: корабли ихъ покрыли все море!... За этой вѣстью послѣдовала другая отъ болгарь: „Идеть Русь и печенѣги съ ними!“

Императоръ разсудилъ, что лучше ублажить какъ-нибудь враговъ, не вступая съ ними въ новую борьбу, и послалъ нѣсколькихъ знатныхъ боярь сказать Игорю:

— „Не ходи на насть, возьми дань, какую бралъ Олегъ, мы еще и прибавимъ къ ней.“

Отправили греки и печенѣгамъ богатые дары,—много золота и дорогихъ паволокъ (шелковыхъ тканей). Руссы въ это время дошли уже до Дуная. Созвалъ Игорь свою дружину, сказалъ ей о предложении императора и стала совѣтovаться, какъ быть. Порѣшили принять предложеніе.

— „Когда императоръ,—сказала дружина:—и такъ предлагаетъ уплатить дань, и мы можемъ взять золото, серебро и паволоки безъ боли, то чего же намъ еще? Развѣ извѣстно, кто одолѣть, — мы или они! Да и съ моремъ не уговоришься. Не по землѣ вѣдь ходимъ, а по глубинѣ морской,—общая всѣмъ намъ можетъ быть смерть.“

Принялъ этотъ совѣтъ князь, взялъ у грековъ золото и паволоки себѣ и на всѣхъ воиновъ своихъ и вернулся въ Киевъ.

На слѣдующій же годъ онъ и императоръ обмѣнялись посольствами и заключили новый договоръ, похожій на договоръ Олега съ греками. Игорь пришелъ со старшими своими дружинниками (боярами) на холмъ, где стоялъ идолъ Перуна. Всѣ положили свое оружіе, копья, мечи, щиты, и клялись греческимъ посламъ, что будутъ соблюдать договоръ. Были между дружинниками и христіане; они присягали въ церкви св. Иліи.

Одарилъ князь греческихъ пословъ мѣхами, воскомъ и челядью (т.-е. рабами) и отпустилъ ихъ.

Договоры съ греками Игоря и раньше Олега показываютъ, что русские совершили не просто дикіе набѣги, но имѣли въ виду и торговый выгода. Въ договорахъ этихъ уже выговариваются русскимъ торговцамъ разныя льготы; обязываются съ той и другой стороны оказывать помощь купцамъ, потерпѣвшимъ крушеніе,—справедливо разбирать и судить разныя ссоры, могущія возникнуть при торговыхъ сношеніяхъ и пр. Опасливые греки, видимо, побаиваясь воинственныхъ руссовъ, требуютъ, чтобы въ столицу не входило ихъ разомъ болѣе 50 человѣкъ, притомъ безоружныхъ...

Подъ старость Игорь не ходилъ самъ на полюдіе. (Полюдіемъ называлася сборъ дани; князь съ дружиной обыкновенно ходилъ по селамъ и городамъ, „по людямъ“, и собирая дань, которую дѣлилъ съ дружинниками). Сталъ князь поручать сборъ дани своему боярину Свенельду. Это невыгодно было для Игоревой дружины, и стала она роптать:

— „Отроки (дружинники) Свенельда разбогатѣли оружіемъ и платьемъ, а мы наги; пойди, князь, съ нами за данью, и ты добудешь, и мы!“

Послушался ихъ Игорь, пошелъ въ землю древлянъ собирать дань, при чёмъ онъ и дружина его прибѣгали къ насилию. Князь уже возвращался въ Киевъ съ данью; но захотѣлось ему пособрать еще; большую часть дружины отпустилъ онъ, а съ небольшимъ отрядомъ вернулся опять въ землю древлянъ производить поборы. Древляне возмутились, собрались на вѣче и порѣшили съ Мalomъ, своимъ старшиною, или княземъ, какъ величали они его:

— „Когда повадится ходить волкъ въ стадо овецъ, то все стадо расхитить, если не убить его; такъ и этотъ (Игорь), если не убьемъ его,—всѣхъ настъ погубить.“

Когда Игорь снова началъ силою собирать дань, древляне изъ города Корostenя перебили маленький отрядъ Игоря и самого его убили (945 г.). Есть извѣстіе, будто они, пригнувъ стволы двухъ деревьевъ одинъ къ другому, привязали къ нимъ несчастнаго князя, потомъ отпустили ихъ, и онъ былъ разорванъ на двѣ части.

Преданія объ Ольгѣ.

Положеніе Руси было опасно по смерти Игоря. Святославъ, сынъ его, былъ еще ребенкомъ, а тутъ древляне подняли мятежъ; за ними могли возвстать и другія недовольныя племена; степные сосѣди — печенѣги тоже только и ждали случая пограбить Русскую землю. Но Ольга, мать Святослава, оказалась женщиной очень умною, притомъ твердаго и решительнаго нрава; къ счастью, были и между боярами опытные военачальники, вполнѣ преданные ей.

Прежде всего она жестоко отомстила мятежникамъ за смерть мужа.

Вотъ что говорятъ преданія объ этой мести. Древляне, убивши Игоря, порѣшили уладить дѣло съ Ольгою: выбрали изъ среды своей двадцать лучшихъ мужей и послали къ ней съ предложеніемъ выйти замужъ за князя Мала. Когда они прибыли въ Киевъ, и княгиня узнала, въ чёмъ дѣло, то сказала имъ:

— „Люба маѣ ваша рѣчъ; мужа своего мнѣ не воскресить. Хочу вамъ завтра оказать почетъ передъ людьми моими. Идите теперь въ лады ваши; завтра я приду за вами людей, а вы скажите имъ: не хотимъ ни верхомъ Ѣхать, ни пѣшкомъ идти, несите насъ въ лодкахъ,—васъ и понесутъ.“

Когда на другой день утромъ къ древлянамъ пришли отъ Ольги люди звать ихъ, они отвѣчали такъ, какъ она научила.

— „Намъ неволя, князь нашъ убить, а княгиня наша хочетъ выходить за вашего князя!“ сказали кievляне и понесли древлянъ въ лодкѣ.

Послы же сидѣли спесиво, гордясь высокую честью. Принесли ихъ на дворъ и бросили съ лодкою въ яму, которую раньше вырыли по приказу Ольги. Наклонилась она къ ямѣ и спросила:

— „Хороша ли вамъ честь?“

— „Честь эта намъ хуже Игоревой смерти!“ отвѣчали несчастные.

Ольга приказала засыпать ихъ живыхъ землею. Затѣмъ отправила пословъ къ древлянамъ сказать:

— „Если вправду вы просите меня, то пришлите за мною самыхъ лучшихъ мужей вашихъ, чтобы съ великой честью я пришла къ вамъ; иначе не пустить меня кievляне.“

Прибыли новые послы отъ древлянъ. Ольга по тогдашнему обычаю приказала приготовить для нихъ баню. Когда они вошли туда, ихъ по приказу княгини заперли и сожгли вмѣстѣ събаней. Тогда послала она опять сказать древлянамъ:

— „Я уже иду къ вамъ; приготовьте побольше меду, — хочу сотоврить на могилѣ моего мужа тризну (поминки).“

Древляне исполнили ея требованіе. Ольга съ небольшою дружиною пришла къ могилѣ Игоря, плакала по мужу своемъ и приказала своимъ людямъ насыпать высокій могильный холмъ. Затѣмъ стали править тризну. Древляне сѣли пить; отроки (младшіе дружины) Ольгины услуживали имъ.

— „Гдѣ же наши послы?“ спрашивали древляне у княгини.

— „Идутъ съ дружиною мужа моего“, отвѣчала она.

Когда древляне опьянились, княгиня велѣла своей дружинѣ рубить ихъ мечами. Много ихъ было изрублено. Ольга поспѣшила въ Кіевъ, стала собирать войско и на слѣдующій годъ пошла на Древлянскую землю; при ней былъ и сынъ. Древляне думали было сразиться въ полѣ. Когда обѣ рати сошлись, маленький Святославъ первый бросилъ копье; но слаба была еще его дѣтская рука: копье едва пролетѣло между ушей коня и упало къ ногамъ его.

— „Князь уже началь!“ крикнули воеводы: „дружина, впередъ, за княземъ!“

Древляне были разбиты, бѣжали и укрылись въ городахъ. Ольга хотѣла приступомъ взять главный изъ нихъ — Коростень; но тутъ всѣ усилия были напрасны. Отчаянно оборонялись жители: знали они, что ждеть ихъ, если сдадутся. Цѣлое лѣтоостояла кіевская рать подъ городомъ, а взять его не могла. Гдѣ сила не беретъ, тамъ иной разъ умомъ да сноровкою можно взять. Послала княгиня сказать коростенцамъ:

— „Чего вы не сдаетесь? Всѣ города ваши уже сдались мнѣ, платить дань и спокойно воздѣлываютъ нивы свои; а вы, видно, хотите досидѣться до голодной смерти?!“

Коростенцы отвѣчали, что они опасаются мести, а дань они готовы дать и медомъ и мѣхами. Ольга послала сказать имъ, что она уже достаточно отомстила и требуетъ отъ нихъ лишь малой дани: по три голубя и по три воробья съ каждого двора. Обрадовались осажденные, что такъ дешево могутъ отѣлаться отъ бѣды, и исполнили ея желаніе. Ольга приказала воинамъ своимъ привязать къ ногамъ птицъ куски трута (т.-е. тряпокъ, пропитанныхъ сѣрою), и, когда смеркнется, зажечь трутъ ипустить птицъ. Воробы полетѣли подъ крыши въ свои гнѣзда, голуби въ свои голубятни. Жилья въ то время были все деревянныя, крыши соломенныя. Скоро Коростень запыпалъ со всѣхъ концовъ; всѣ дома охватилъ пожаръ! Въ ужасѣ кинулся народъ вонъ изъ города и попадалъ прямо въ руки враговъ своихъ. Старшинъ княгиня взяла въ плѣнь, а простыхъ людей — однихъ велѣла избить,

другихъ отдала въ рабство дружииникамъ своимъ, а на остальныхъ наложила тяжелую дань.

Многихъ плѣнныхъ древлянъ Ольга принесла въ жертву богамъ и велѣла похоронить вокругъ могилы Игоря; затѣмъ справила тризну по мужу; при чемъ въ честь покойнаго князя происходили воинственные игры, какъ требовали тогдашніе обычай.

Если Ольга и не была такъ хитра, а древляне такъ прости и довѣрчивы, какъ говорить преданіе, то все-таки въ народѣ и въ дружиинѣ вѣрили, что дѣло было именно такъ: хвалили княгиню за то, что она хитро и жестоко отомстила древлянамъ за смерть мужа. Суровы были встарину нравы нашихъ предковъ: кровавой мести требовалъ обычай, и чѣмъ ужаснѣе мститель мстилъ убийцамъ за смерть своего родича, тѣмъ большей похвалы заслуживалъ.

Усмиривъ древлянъ, Ольга съ сыномъ и дружиною пошла по ихъ селамъ и городамъ и установила, какую дань должны они платить ей. На слѣдующій годъ обошла она съ дружиною и другія свои владѣнія, дѣлила земли на участки, опредѣляла, какіе подати и оброки должны были жители платить ей. Умная княгиня, какъ видно, ясно понимала, сколько зла было оттого, что князь и дружина брали дани, сколько вздумается, а народъ не зналъ впередъ, сколько онъ обязанъ уплатить. Самымъ же важнымъ дѣломъ Ольги было то, что она первая изъ княжеской семьи приняла христіанство.

Со временемъ Аскольда и Дира, какъ говорить преданіе, христіанство стало понемногу распространяться среди полянъ. Руссы давно уже сносились съ греками, частоѣздили въ Царьградъ для торговли и тамъ могли познакомиться съ христіанской вѣрою. Великолѣпіе греческихъ храмовъ и торжественность богослуженія возбуждали у нихъ удивленіе. При Игорѣ и въ Кіевѣ была уже христіанская церковь св. Иліи; было нѣсколько христіанъ и въ дружиинѣ — стало быть, съ той поры русские могли и у себя дома узнать, въ чёмъ состоить христіанская вѣра. Не трудно было Ольгѣ при ея умѣ понять, насколько эта вѣра выше языческой.

Въ 957 г. Ольга отправилась въ Константинополь; она хотѣла принять крещеніе отъ самого патріарха. Когда русская княгиня прибыла въ Царьградъ, здѣсь пришлось ей въ гавани довольно долго ждать доступа къ императорскому двору. При дворѣ долго обдумывали, какъ-бы устроить ей торжественный приемъ такъ, чтобы и достоинства императора не унизить, и высокую гостью не обидѣть: придворнымъ церемоніямъ византійцы придавали слишкомъ большое значеніе. Наконецъ, послѣ разныхъ проволочекъ и выполненія всякихъ придворныхъ обычаевъ и обрядовъ, она была допущена во дворецъ и удостоилась видѣть императора и императрицу.

Императоръ сидѣлъ на великолѣпномъ золотомъ тронѣ въ одеждѣ, сияющей драгоценными камнями; около него стояли знатнѣшіе вельможи въ пышныхъ нарядахъ. Затѣмъ, длиннымъ рядомъ богатыхъ покоевъ повели Ольгу къ императрицѣ. Въ огромной палатѣ, которая роскошно была отѣлана мраморомъ, блестала позолотой и драгоценными матеріями, находилось возвышение, покрытое пурпуровой тканью. На немъ стояла золотой тронъ, на которомъ сидѣла императрица; подъ нея, также на золотомъ тронѣ, сидѣла ея не-

вѣстка. Около нихъ стояли паредворцы и придворные женщины въ извѣстномъ порядкѣ, смотря по знатности. Одинъ изъ сановниковъ отъ имени императрицы привѣтствовалъ русскую княгиню; послѣ чего она и сопровождавшія ее русскія боярыни были отведены въ особый покой для отдыха.

Затѣмъ послѣдовалъ торжественный обѣдъ. Когда ввели русскихъ въ палату, гдѣ былъ приготовленъ столъ, всѣ сѣѣли очень низкій поклонъ императору и императрицѣ. Ольга же только слегка наклонила голову. Императрица и ея невѣстка сидѣли за особымъ столомъ на возвышеніи; русской княгинѣ пришло сидѣть съ придворными женщинами. Во время обѣда пѣвчи пѣли хвалебныя пѣсни съ честь императорского дома, играла музыка, а придворные плясуны тѣшили всѣхъ своей ловкой, искусной пляской. Послѣ обѣда императорское семейство съ Ольгою перешло въ другой пѣкѣ, гдѣ приготовлены были разныя сласти на блюдахъ, украшенныхъ драгоцѣнными камнями. Русской княгинѣ и окружавшимъ ее русскимъ боярынямъ были поднесены въ подарокъ по нѣсколько десятковъ червонцевъ. Тогда было въ обычѣ обмѣниваться подарками. Ольга привезла императорской семье много драгоцѣнныхъ мѣховъ.

Константинопольскій патріархъ, по словамъ нашего лѣтописца, самъ совершилъ обрядъ св. крещенія; а императоръ Константинъ Багрянородный былъ крестнымъ отцомъ Ольги. Нарекли ее при крещеніи Еленою въ честь матери Константина Великаго.

Не мало, конечно, дивились русскіе богатствамъ и великолѣпію императорскаго дворца и роскошной столицы. Какая разница между тѣмъ, къ чему привыкли они у себя Кіевѣ, и тѣмъ, что они увидѣли здѣсь! Тамъ—жалкія деревянныя лачуги, плетеные изъ вѣтвей изгороди, бревенчатыя городскія стѣны; здѣсь—громадные роскошные дворцы, великолѣпные храмы съ позолоченными сияющими главами, крѣпкія и красивыя городскія стѣны съ бойницами и сторожевыми башнями.

По возвращеніи въ Кіевъ, сильно хотѣла Ольга обратить и Святослава въ христіанскую вѣру.

— „Вотъ я познала истинаго Бога и радуюсь, говорила она сыну: крестись, познаешь и ты Бога, будетъ радость и въ твоей душѣ.“

— „Какъ я приму одинъ иную вѣру?—возражалъ Святославъ: дружина станетъ смѣяться надо мною!...“

— „Если ты крешишься, настаивала Ольга: всѣ за тобою послѣдуютъ.“

Но Святославъ оставался непреклоненъ. Не лежала душа воителя-князя къ христіанству съ его кротостью и милосердіемъ.

Преданія о Святославѣ.

Съ малыхъ лѣтъ сроднился Святославъ съ боевой жизнью. Удалые наѣги да битвы кровавыя,—вотъ что больше всего тѣшило его,—въ нихъ только была и жизнь ему... Походы совершилъ онъ необычайно быстро, ходилъ какъ барсъ, по словамъ лѣтописца,—никакого обоза, никакихъ шатровъ не возилъ за собою; спаль, какъ простой воинъ, на землѣ, постеливъ только конскую попону, да подложивъ подъ голову сѣдло. Котловъ тоже не бралъ

онъ, да и кушаній никакихъ не готовилъ для него: самъ пекъ онъ себѣ ва угольяхъ, что доводилось,—конину, говядину, а не то и зѣрину.

Каковъ былъ князь, такова была и дружина его.

Не любилъ онъ хитрости, не нападалъ на непріятеля нежданно.—„Иду на васъ!“ посыпалъ онъ сказать врагамъ, готовясь напасть на нихъ, и давалъ имъ возможность приготовиться къ боевой встрѣчѣ. Закаленная въ бояхъ дружина, сильное испытанное войско да своя молодая сила и отвага давали Святославу вѣру въ успѣхъ.

Задумалъ онъ совершить большой походъ на хозарь. По степямъ, по рѣкамъ, чрезъ лѣсныя дебри добрался онъ до Оки; тамъ жило суровое племя вятичей.

— „Кому дань платите?“ спросилъ онъ.

— „Даемъ дань хозарамъ“, отвѣчали вятичи.

Князь заставилъ ихъ платить себѣ и продолжалъ походъ.

Спустился онъ съ войскомъ своимъ по Окѣ въ Волгу и поплылъ внизъ по теченію ея. Плохо пришлось болгарамъ, жившимъ по Волгѣ: Святославъ разорилъ и предалъ грабежу и города и сёла ихъ. Большое хозарское войско съ самимъ каганомъ вышло навстрѣчу русскимъ. Хозары были совершенно разбиты. Разорилъ Святославъ землю ихъ, взялъ главный городъ ихъ на Дону—Бѣлую Вѣжу, и побѣдилъ ясовъ у косоговъ, воинственныхъ жителей Прикаавказья. Молва о побѣдахъ удалого князя, о неукротимой отвагѣ его и страшной его дружинѣ надолго нагнала страху на жителей закаспійскихъ областей.

Не успѣлъ Святославъ отдохнуть въ Кіевѣ отъ походовъ на востокъ, какъ явилось къ нему посольство отъ греческаго императора Никифора Фоки—просить у него помощи противъ дунайскихъ болгаръ; тридцать пудовъ золота обѣщали ему за помощь.

Какъ было не принять ему предложенія: война да еще такая плата, не считая добычи. Съ войскомъ тысячъ въ шестьдесятъ, въ 968 году, русскія лады явились на Дунай. Напрасно болгарское ополченіе пыталось помѣшать русскимъ высадиться на берегъ. Болгары были разбиты. Множество городовъ ихъ было взято и разграблено, въ томъ числѣ и Малая Преслава, или Переяславецъ, и сильно укрѣпленный Доростоль. Святославу сильно полюбилось въ Болгаріи: земля богата, всего вдоволь, положеніе выгодное, — съ Византіей и другими богатыми сосѣдними странами большая торговля. Не хотѣлъ онъ и уходить отсюда; а Русь оставалась безъ князя.

Въ Кіевѣ же находилась Ольга, совсѣмъ уже престарѣлая, съ малолѣтними внуками; недалеко отъ русской столицы разстилалась степь, а по ней рыскали орды кочевниковъ-печенѣговъ; они только и выжидали удобнаго случая напасть врасплохъ и пограбить. Нахлынули орды ихъ на Русь. Заперлась Ольга съ внуками въ городѣ. Толпы печенѣговъ расположились становъ вокругъ Кіева: ни въ городѣ нельзя было никому пройти, ни изъ города выйти. Плохо пришлось кіевлянамъ: мало у нихъ уже оставалось сѣстричекъ, помощи ждать имъ было неоткуда, — приходилось сдаваться. На противоположномъ берегу Днѣпра собрался небольшой отрядъ ратныхъ людей

подъ начальствомъ воеводы Претича. Могъ бы онъ попытаться помочь киевлянамъ и спасти Ольгу съ внукаами отъ плѣна, да на бѣду онъ вовсе и не зналъ, что киевлянамъ приходится такъ плохо: онъ думалъ, что они еще смогутъ продержаться до прихода Святослава. Стали киевляне думать, какъ бы извѣстить Претича о томъ, что имъ приходится сдаться, если никто не поможетъ имъ. Нашелся между ними, какъ говорить преданіе, отважный юноша, который взялся уведомить воеводу о положеніи киевлянъ. Незамѣтно для враговъ вышелъ онъ изъ города съ уздечкой въ рукѣ, прошелъ между печенѣгами, спрашивая всѣхъ встрѣчныхъ, не видали ли его лошади. (Онъ говорилъ по-печенѣжски, и печенѣги приняли его за одного изъ своихъ). Добравшись до берега Днѣпра, юноша сбросилъ съ себя одежду, кинулся въ рѣку и быстро поплылъ... Тутъ только спохватились печенѣги: засвищели стрѣлы; но онъ былъ уже далеко, — попасть въ него было трудно. Русскіе съ той стороны Днѣпра завидѣли пловца и поспѣшили навстрѣчу ему на лодкѣ.

— „Если не подступите завтра къ городу, сказалъ онъ: то киевляне хотятъ сдаться печенѣгамъ.“

— „Подступимъ завтра же, постараемся спасти княгиню и княжичей, сказалъ Претичъ дружинѣ: перевеземъ ихъ на эту сторону. Если не сдѣляемъ этого, то погубить настъ всѣхъ Святославъ.“

Всѣ согласились. На другой день на разсвѣтѣ раздались на Днѣпрѣ громкие звуки трубъ; показались лодки съ вооруженными людьми. Киевляне громкимъ, радостнымъ крикомъ привѣтствовали ихъ со стѣнъ. Смѣлая попытка Претича удалась: печенѣги испугались,—имъ представилось, что самъ Святославъ съ войскомъ идетъ на выручку Киева. Они поспѣшили отошли отъ города. Того только и нужно было Претичу. Ольга съ внукаами успѣла сѣсть въ лодку и перѣѣхать на другой берегъ. Печенѣжский князь вступилъ съ русскими въ переговоры.

— „Кто это пришелъ?“ спросилъ онъ у Претича.

— „Люди съ той стороны“, отвѣчалъ тотъ.

— „А ты не князь ли?“ спросилъ печенѣгъ.

— „Я — княжій мужъ, сказалъ Претичъ: и пришелъ съ передовыми отрядомъ, а за мною идетъ князь съ большими войсками.“

Хитрость удалась. Печенѣжский князь вовсе не расположень былъ встрѣтиться съ самимъ Святославомъ и предложилъ заключить миръ. Претичъ, конечно, согласился. Оба подали другъ другу руки и обмѣнялись подарками: печенѣжский князь подарилъ русскому воеводѣ коня, саблю и стрѣлы, а Претичъ далъ ему броню, щитъ и мечъ.

Киевляне, говорить преданіе, послали сказать Святославу:

— „Ты, князь, чужой земли ищешь и блудишь ее, а отъ своей отрекся: настъ вмѣстѣ съ твою матерью и дѣтьми чуть не взяли печенѣги. Если ты не защитишь, то они возьмутъ настъ. Неужели тебѣ не жаль ни твоей отчины, ни старухи-матери, ни дѣтей твоихъ?“

Святославъ послѣшилъ съ дружиной въ Киевъ, собралъ сильное войско и прогналъ печенѣговъ далеко въ степь. Недолго пожилъ онъ съ семьею; не сидѣлось ему дома.

— „Нелюбо мнѣ въ Кіевѣ, говорилъ онъ матери и боярамъ: — хочу жить въ Переяславцѣ на Дунаѣ. Тамъ средина земли моей; туда сходится все благое съ разныхъ сторонъ: изъ Греціи — золото, ткани, вѣна и разные плоды; изъ земли чеховъ и венгровъ — серебро и кони; изъ Руси — мѣхѣ, медъ, воскъ и рыба.“

Ольга уговаривала его нѣсколько повременить.

— „Я уже больна, не уходи, просила она: похорони меня сперва, а тамъ иди, куда хочешь.“

Три дня спустя Ольга скончалась. Она заповѣдала, чтобы по ней не спрашивали языческой тризны: у нея былъ священникъ, — онъ и похоронилъ ее по христіанскому православному обряду.

Святославъ послѣшилъ въ Болгарію. Эту страну, завоеванную имъ, считалъ онъ уже своею. Русская земля, по понятіямъ того времени, принадлежала не одному князю, а всему княжескому роду, и Святославъ подѣлилъ ее между своими сыновьями: старшему сыну — Ярополку — отдалъ Киевскую область, Олегу — землю Древлянскую, Новгородская область досталась младшему сыну — Владимиру.

Междѣ тѣмъ въ Греціи дѣла измѣнились. Императоръ Никифоръ-Фока былъ убитъ, и убийца его, Іоаннъ Цимисхій, завладѣлъ трономъ. Новый императоръ былъ человѣкъ очень дѣятельный, предпримчивый, зналъ хорошо и военное лѣло. Понималъ онъ, что Византій грозитъ постоянная опасность, если въ Болгаріи утвердится воинственный Святославъ. Болгары тоже не хотѣли господства русскаго князя. Ему пришлось бороться съ ними. Большое болгарское войско вышло навстрѣчу русскому. Началась у Переяславца жестокая сѣча. Нѣсколько разъ возобновлялся ожесточенный бой; наконецъ, къ вечеру Святославъ одолѣлъ и взялъ въ плѣнъ двухъ сыновей болгарскаго царя. Потомъ прошелъ онъ съ огнемъ и мечомъ всю Болгарію и страшно отомстилъ бол гарамъ за враждебную встрѣчу! Іоаннъ Цимисхій отправилъ къ нему посольство съ богатыми дарами. Послы отъ имени императора объявили князю, чтобы онъ, получивъ награду, обѣщанную прежнимъ императоромъ, удалился изъ Болгаріи. Не понравилось это Святославу; онъ считалъ уже этотъ край своимъ.

— „Выкупите у меня всѣ взятые мною города, отвѣчалъ онъ посламъ: выкупите вашихъ плѣнниковъ, заплатите золотомъ за Болгарію, и я оставлю ее, а если не хотите, то нѣть вамъ мира!“

Началась война съ греками. По словамъ нашего лѣтописца, Святославу пришлось встрѣтиться съ огромнымъ греческимъ войскомъ. Смутились сначала руссы, — ихъ было гораздо меньше, чѣмъ враговъ; но безстрашный князь воодушевилъ своихъ сподвижниковъ.

— „Некуда намъ ужъ дѣться, сказалъ онъ имъ: волею или неволею надо сразиться. Не посрамимъ Русской земли, ляжемъ костью; мертвымъ нѣть срама!.. Если въ бѣгство обратимся, то и срамъ намъ будетъ, и бѣды не избѣжимъ. Станемъ твердо. Я пойду впереди. Если сложу свою голову, то думайте о себѣ сами!“

— „Гдѣ твоя голова ляжетъ, тамъ и мы свои сложимъ!“ отвѣчали воины.

Завязался жестокий бой, и Святославъ одолѣлъ! Такъ говорить напѣвъ историесецъ. Но съ каждой битвой все меньше и меньше становилось русскихъ воиновъ, а ждать помощи имъ было неоткуда: до Русской земли далеко было, а греки были у себя дома! Императоръ поднялъ громадныя силы, снарядилъ корабли, заготовилъ множество запасовъ и съ наступленіемъ весны двинулся на Святослава. Тяжелое время настало для русского войска. Въ Дунай вошли греческіе корабли съ ужасными огнеметательными снарядами. Огромное и хорошо устроенное греческое войско явилось въ Болгаріи. Болгары тоже возстала противъ Святослава. Напали греки неожиданно на Переяславецъ и завладѣли имъ. Стоявшій тамъ русскій отрядъ сразился съ греками сначала передъ городомъ, потомъ долженъ былъ защищаться въ городѣ. Когда греки вытеснили русскихъ отсюда, они заперлись въ царскомъ дворцѣ, который былъ расположенъ на отдаленномъ возвышениі и окружено особою стѣною. Не могли греки никакъ взять этого дворца; стали они со всѣхъ сторонъ бросать въ него огонь. Зданіе запыпало. Пришло русскимъ выйти, и окружили ихъ со всѣхъ сторонъ враги... Отчаянно рубились руссы; но почти всѣ погибли здѣсь, только нѣсколькоимъ воинамъ удалось спастись и уйти къ Святославу, который съ главнымъ своимъ войскомъ стоялъ въ Доростолѣ. Первая битва подъ стѣнами этой крѣпости была очень упорна; руссы, сомкнувъ свои щиты, стояли несокрушимой стѣной предъ городомъ.

Дружиинники были хорошо вооружены; крѣпкіе шлемы, кольчуги, щиты защищали ихъ отъ ударовъ; тяжелыми мечами, сѣкирами и острыми копьями поражали они непріятелей. Простые воины были вооружены похуже: не у всѣхъ были шлемы и кольчуги; стоили они въ то время очень дорого, и только князья да дружиинники могли имѣть хорошее вооруженіе. Лучшее оружіе пріобрѣталось изъ Византіи.

Бой подъ Доростоломъ былъ отчаянный. Руссы дрались съ неукротимою отвагою и съ ярымъ крикомъ поражали враговъ. День уже склонялся къ вечеру, а побѣда все еще колебалась. Грековъ было гораздо больше, чѣмъ русскихъ; вооружены были они лучше, а главное, русскіе сражались пѣши, у грековъ же была конница. Иоаннъ Цимисхій пустилъ ее въ дѣло. Она ринулась на руссовъ, уже сильно утомленныхъ боемъ. Не выдержали они этого стремительного натиска, отступили и заключились въ городскихъ стѣнахъ. Императоръ приказалъ устроить укрѣпленный лагерь на возвышениі, близъ города. Греки окопались и поставили свои шатры. Греческіе корабли стояли на Дунаѣ, и русскимъ нельзя было отступить; они старались только какъ-нибудь укрыть у берега свои лодки, чтобы греки не истребили ихъ своимъ „губительнымъ огнемъ“: руссы живо еще помнили разсказы отцовъ о томъ, какъ этотъ огонь уничтожилъ суда Игоря.

Русскіе оборонялись съ необычайнымъ мужествомъ и стойкостью. Они не укрывались постоянно за городскими стѣнами, но очень часто выходили изъ города и сражались съ греками въ открытомъ полѣ. Русская кольчужная рать обыкновенно выступала изъ города и, закрывшись своими длинными щитами, стѣною шла на непріятеля. Ничто не могло устоять противъ могучаго напора этого желѣзного строя, но Цимисхій не даромъ слылъ искуснымъ вождемъ;

онъ и его полководцы умѣли внезапными нападеніями съ боковъ и съ тыла, стремительными налетами отрядовъ конницы, разстраивать сомнѣтный строй русскихъ воиновъ и принуждали ихъ отступать. Руссы не обращались въ бѣгство, но, закинувъ за спину свои огромные щиты, медленно шли къ городу. Ночью иной разъ они выходили въ поле, подбирали тѣла убитыхъ тварищъ и сжигали ихъ на кострахъ; при этомъ закалывали въ жертву своимъ богамъ многихъ пѣнниковъ, убивали, по своему обычаю, и женщинъ (вѣроятно, жесть болѣе знатныхъ покойниковъ). Кромѣ того, приносили въ жертву младенцевъ и пѣтуховъ, которыхъ погружали въ Дунай. Погребаль-

Русский дружиинникъ.

ные обряды они сопровождали дикими воплями и плачемъ въ честь покойниковъ. Есть извѣстіе, что греки въ числѣ убитыхъ русскихъ находили женщины; онѣ въ мужской одеждѣ шли за своими мужьями въ сраженія.

Греки установили метательные машины, кидали тяжелые камни въ городъ и убивали многихъ осажденныхъ. Русскіе въ свою очередь дѣлали по ночамъ вылазки, старались уничтожить эти машины и добить въ окрестныхъ селахъ сѣйшніе припасы: въ нихъ уже чувствовался недостатокъ. Иной разъ вылазки эти бывали удачны и производили въ греческомъ станѣ большой переполохъ.

Два мѣсяца слишкомъ длилась осада Доростола. Многихъ храбрыхъ дру-

жинниковъ не стало; погибли въ бою и лучшіе русскіе воеводы. Пріуныли храбрые воины Святослава. Созвалъ онъ на совѣтъ своихъ воеводъ и старшихъ дружинниковъ, и спросилъ, какъ быть, что дѣлать. Кто совѣтовалъ въ глухую ночь, въ удобную пору, спасаться бѣгствомъ; кто думалъ, что лучше заключить миръ съ императоромъ. Но не по душѣ Святославу были такие совѣты: жизнь, спасенная бѣгствомъ или купленная цѣною унизительного мира, не привлекала его. Его мнѣніе было — или побѣдить или погибнуть славною смертью въ бою.

Опять начались отчаянныя схватки. Въ одной изъ нихъ греческій витязь, одаренный необыкновенной силой, замѣтилъ въ толпе русскихъ воиновъ Святослава, ринулся къ нему, мечомъ своимъ проложилъ себѣ путь къ русскому князю

Простой русский воинъ X-го вѣка.

Одежда Святослава.

и нанесъ ему страшный ударъ въ плечо. Святославъ упалъ, — такъ силенъ былъ ударъ. Но щить и крѣпкая кольчуга спасли его. Греческій витязь погибъ подъ ударами русскихъ. Смерть этого богатыря поразила греческихъ воиновъ страхомъ. Русы стали тѣснить ихъ. Плохо приходилось грекамъ. Императоръ увидѣлъ опасность, велѣлъ ударить въ бубны и трубить въ трубы, а самъ съ копьемъ въ рукахъ, во главѣ своего отряда „безсмертныхъ“ (такъ назывался отрядъ лучшихъ воиновъ въ греческомъ войске), понесся на русскихъ. Бой загорѣлся съ прежнимъ ожесточенiemъ. Греческая рать, воодушевленная своимъ вождемъ, сильно напирала на руссовъ. На бѣду для нихъ

вдругъ поднялась сильная буря, вѣтеръ дулъ имъ прямо въ лицо, облака пыли неслись имъ въ глаза. Между тѣмъ одинъ отрядъ грековъ зашелъ въ тыль русскому войску и грозилъ отрѣзать его отъ города, — пришло поспѣшно отступить. Самъ Святославъ, израненный, истекающій кровью, едва спасся отъ плѣна...

Дольше сопротивляться нельзя было. Въ Доростолѣ насталъ голодъ. Приходилось мириться. Цимисхію тоже было нелегко продолжать войну: греки были изнурены продолжительными битвами и сильно желали мира. Русскій князь обязался выдать всѣхъ плѣнныхъ грековъ, сдать Доростоль и уйти изъ Болгаріи; обязывался онъ и впередъ не начинать войны съ греками и даже мѣшать нападеніямъ и другихъ племенъ на Грецію. По обычаю русы должны были клясться Перуномъ и Волосомъ, что они будутъ точно соблюдать договоръ.

Святославъ пожелалъ повидаться съ императоромъ. По словамъ одного греческаго писателя (Льва Діакона), свидѣлись они на берегу Дуная. Цимисхій, верхомъ на богато-урбранномъ конѣ, въ раззолоченныхъ доспѣхахъ, окруженный блестящей свитой, подѣхалъ къ берегу Дуная; а Святославъ подплылъ на простой ладье, самъ управляя весломъ наравнѣ съ другими гребцами.

Съ любопытствомъ смотрѣли греки на страшнаго для нихъ Святослава. Отъ нихъ узнаемъ мы о наружности его. Это былъ человѣкъ средняго роста, коренастый, широкоплечій. Голова у него была бритая, съ темени свѣшивался пучокъ волосъ (означавшій благородство), въ одномъ ухѣ висѣла золотая серыга, украшенная двумя жемчужинами и рубиномъ посерединѣ. Лицо его было мрачно. Сурово глядѣли его голубые глаза изъ-подъ густыхъ бровей, носъ былъ нѣсколько плоскій, борода бритая, усы длинные. Одежда его поразила грековъ своей простотой, — бѣлая рубаха его отличалась отъ одежды другихъ его товарищѣ только большей чистотой. Свиданіе его съ императоромъ продолжалось недолго.

Пока Святославъ боролся съ греками въ Болгаріи, орды дикихъ печенѣговъ опустошали его области и чуть не овладѣли Киевомъ. Святославъ съ остаткомъ своего войска и дружиною зимовалъ у Днѣпровскаго устья. Съ наступленіемъ весны поплыли они вверхъ по Днѣпру. У пороговъ подстерегали русскихъ печенѣги: говорѣть, греки извѣстили ихъ, что въ отрядѣ Святослава мало воиновъ и справиться съ нимъ будетъ нетрудно. Въ самомъ опасномъ мѣстѣ, гдѣ надо было обходить пороги по берегу, русскій отрядъ былъ окружены со всѣхъ сторонъ печенѣгами. Завязалась отчаянная схватка, и Святославъ погибъ въ бою со всѣми дружинниками: только нѣсколькимъ человѣкамъ удалось уйти въ Киевъ (972 г.).

Преданіе говоритъ, что печенѣжскій вождь Куря велѣлъ изъ черепа Святослава сдѣлать себѣ чашу и на цирахъ пилъ вино изъ нея.

Бытъ русскихъ въ IX—X ст.

Изъ преданій видно, что первые князья, кроме Ольги, мало думали о своей землѣ. Собирали они дань съ подвластныхъ имъ славянъ, брали у нихъ людей въ свое войско, дѣлились данью съ храброю дружиной своей и больше

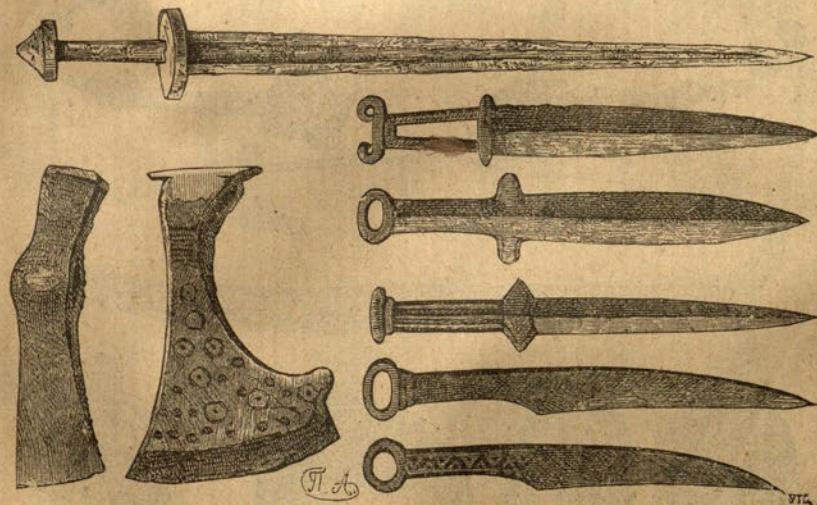
всего думали об удачных походахъ и богатой добычѣ. Не всегда даже князья могли, какъ слѣдуетъ, защищать подвластныя имъ племена отъ враговъ. Но все-таки совершилось великое дѣло: восточные славяне соединились подъ одной властью, составили одинъ народъ. Явилась сила, которая мало-по-малу должна была сплотить разрозненные племена и роды въ одно цѣлое. Силою этою былъ князь съ дружиной своей. Онъ стоять выше родовыхъ споровъ; ему нечего миролитъ однимъ, обижать другихъ; онъ становится княземъ всей земли, и для него подвластные роды и племена равны. Не слушаться его опасно: у него подъ рукою надежная сила — его вѣрная дружина, съ нею онъ заставить себѣ повиноваться, — словомъ, въ князѣ у восточныхъ славянъ явилась сильная правящая власть, которой раньше не было и безъ которой не можетъ быть и государства.

Первые князья, какъ это видно изъ преданій, не привязаны еще къ той или другой части населенія, къ тому или другому мѣсту: Олегъ перенесъ столицу въ Кіевъ; Святославъ подумывалъ водвориться еще южнѣе, въ Переяславцѣ на Дунай. Связаны первые князья неразрывными узами лишь съ дружиной, — въ ней вся сила ихъ: безъ нея ни лихого похода нельзя предпринять, ни оборониться отъ нападеній хищниковъ, нельзя даже и дани собрать съ нѣкоторыхъ данниковъ своихъ и сдержать въ своей волѣ покоренные, но непокорныя племена, — словомъ, князь безъ дружины шагу ступить не можетъ: безъ нея онъ — что голова безъ тѣла; да и она безъ князя — что тѣло безъ головы. Съ дружиной князь совѣщается, съ нею дѣлить боевые труды и добычу, старшимъ друдинникамъ (боярамъ) даетъ въ управление города и области. Предпріимчивъ князь да удачливъ, — нѣтъ недостатка и въ лихихъ удальцахъ, готовыхъ служить въ его дружины; идутъ въ нее изъ народа сильные да удалые люди. Задумалъ князь большой походъ, который сулитъ богатую добычу, но мало ему дружины, — стоитъ только кличъ кликнуть, изъ населенія найдется всегда множество охотниковъ до боевой потѣхи, до богатой добычи, до пировъ веселыхъ, — и вотъ у князя собирается, кроме постоянной дружины, и временное войско. Вотъ почему Олегъ, Игорь и Святославъ могли предпринимать большие походы на богатый югъ. Но мало-по-малу начали князья сознавать, что и у себя дома дѣла довольно: то въ одномъ мѣстѣ занимается мятежъ отъ беспорядочного сбора дани, сравниваютъ алчнаго сборщика съ хищнымъ волкомъ; то въ другомъ мѣстѣ населеніе сѣтуетъ и коритъ своего князя за то, что онъ чужія земли воюетъ, а своей не блюдетъ. Приходится князьямъ подумать о порядкѣ въ странѣ, о томъ „нарядѣ“, для котораго, по преданію, и призваны были они; необходимо заняться устройствомъ земли, охраною ея отъ враговъ-хищниковъ. Своя же личная выгода побуждаетъ князей оборонять своихъ подданныхъ отъ разоренія. И вотъ князья мало-по-малу изъ непосѣдливыхъ воителей, ублажающихъ свою дружину славой и добычей, должны обратиться въ устроителей земли своей, въ охранителей ея. Для обороны страны и для управления ею строятся новые города, куда князья сажаютъ намѣстниками своихъ бояръ съ отрядами дружины.

Хотя при первыхъ князьяхъ сословія не обозначались еще рѣзко, но

всегда видно, что княжы мужи, бояре и друдинники, занимаютъ первое мѣсто; затѣмъ идутъ свободные „люди“, низшій разрядъ которыхъ составляли „смерды“. Наконецъ, были еще рабы, плѣнныя, захваченные на войнѣ. Почти безпрерывная борьба съ хищными кочевниками доставляла работъ, вѣроятно, очень много, такъ что русскіе торговали ими.

Около городовъ собирается все больше и больше населенія; усиливаются разные промыслы и торговля. Въ городѣ живетъ князь или княжій бояринъ съ дружиной. Война даетъ друдинникамъ богатую добычу; князя дѣлятся съ ними и данью. Есть чѣмъ платить; тутъ бы только товаръ пригодный, а покупатель найдется. Нужны друдинникамъ и жилья хорошія, и одежда красива, и обувь, и оружіе: немало работы разнымъ пригороднымъ ремесленникамъ, плотникамъ, скорнякамъ, кузнецамъ, оружейникамъ и др. Находятся и люди, которые тѣмъ промышляютъ, что въ одномъ мѣстѣ купятъ какія-нибудь вещи, а въ другомъ

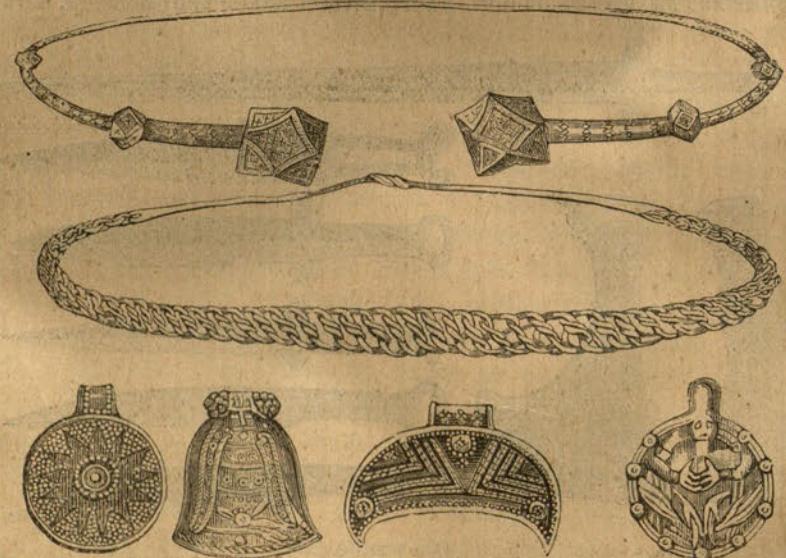
Оружіе.

Мечъ, топоры, кинжалы и ножи (найдены въ древнихъ могилахъ).

продажутъ ихъ съ выгодою для себя, съ большимъ барышомъ, — явятся такие купцы, или „гости“, какъ ихъ называли встарину, тамъ усиливается сбытъ издѣлій, разные промыслы и ремесла идутъ лучше.

Князь и друдинники встарину между прочимъ и сами часто торговали. Съ наступлениемъ зимы они выходили за сборомъ дани (на полюдіе), весною возвращались въ Кіевъ и привозили съ собою множество мѣховъ, воску и меду; избытокъ всего этого отправляли въ Византію; туда же посыпали они на продажу и рабовъ. На сѣверѣ, гдѣ было вдоволь лѣсу, и между жителями было много плотниковъ, за зиму заготовлялось множество лодокъ. Съ наступлениемъ весны ихъ сплавляли по Днѣпру къ Кіеву. Здѣсь ихъ отѣлывали, снастили, грузили товарами и отправляли въ Византію. Новгородъ и Кіевъ, расположенные на водномъ пути съ сѣвера въ Византію, все больше и больше богатѣли, благодаря торговлѣ. Изъ Греціи привозили тонкія ткани (паволоки), вѣна, различные южные плоды, золото. Бѣдили

руssкіе купцы и на Востокъ для торговли въ землю хозаръ, обыкновенно тоже воднымъ путемъ: по Черному морю плыли въ Азовское море, затѣмъ въ устье Дона, поднимались вверхъ по этой рѣкѣ до хозарской крѣпости Саркела (Бѣлой Вѣжи), перетаскивали отсюда свои лады волокомъ до Волги и спускались по теченію ея въ Итиль, столицу хозаръ. Главнымъ товаромъ, который сбывался здѣсь, были дорогіе мѣхѣ. Съ Востока же къ russкимъ шли драгоцѣнныя камни, золотыя и серебряныя издѣлія: цѣпочки, ожерелья, кольца, серебряныя украшенія для одежды, для конской сбруи, разныя матеріи и проч. Съ Востока же и изъ Греціи попадали къ russкимъ золотыя и серебряныя монеты. Онѣ очень цѣнились и наравнѣ съ другими украшеніями переходили изъ рода въ родъ, закапывались съ покойниками, по старому обычая, въ могилы.

Ожерелья, или гривны, и подвески къ нимъ (найдены въ древнихъ могилахъ).

Предки наши, вѣрившіе, что и за предѣлами гроба продолжается жизнь, погребая покойника, словно снаряжали живого человѣка въ путь: клали въ могилу всѣ вещи, которыхъ особенно любилъ умершій, нѣкоторыя драгоцѣнности его; ставили ему даже питье и яства въ сосудахъ. Вотъ почему древнія могилы иногда заключаютъ много драгоцѣнностей. Въ землю же наши предки скрывали обыкновенно свои сокровища,—другого лучшаго способа хранить ихъ они не знали. Отлучаясь на торгъ или на войну, зажиточный человѣкъ тѣхъ временъ зарывалъ тайкомъ гдѣ-нибудь недалеко отъ жилия свои деньги и другія драгоцѣнности, клалъ на это мѣсто камень или сажаль дерево, или какъ-нибудь иначе по разнымъ примѣтамъ запоминаль мѣсто, чтобы, вернувшись, найти свое достояніе. Нерѣдко случалось, что обладатель клада умиралъ или погибалъ на чужбинѣ, не сказавши о немъ, и тогда цѣлые вѣка земля хранила скрытыя драгоцѣнности, и онѣ попадали въ руки ученыхъ изслѣдователей или какихъ-нибудь счастливцевъ, случайно

открывшихъ ихъ. По древнимъ торговымъ путямъ много находили на Руси такихъ кладовъ. Иные изъ нихъ вѣсили по нѣсколько пудовъ, заключали въ себѣ тысячи монетъ; особенно много найдено арабскихъ денегъ IX—X вѣковъ по восточному торговому пути. Это доказываетъ, что уже при началѣ государственной жизни и даже раньше у предковъ нашихъ шла дѣятельная торговля съ Востокомъ. По южному торговому пути, т.-е. по Днѣпру, найдено не мало византійскихъ, римскихъ и др. денегъ, начиная отъ первыхъ вѣковъ христіанства и до X вѣка. Все это свидѣтельствуетъ о древнихъ торговыхъ сношеніяхъ съ Византіей.

Кромѣ того, вели торговлю и съ другими соѣднными народами: съ болгарами, жившими по Волгѣ и Камѣ, и финскими племенами. Торговля на

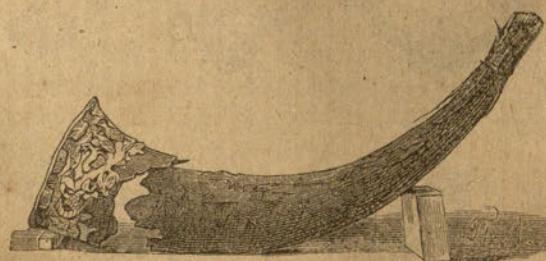
Браслеты (обручи), серьги и кольца (найдены въ древнихъ могилахъ).

сѣверѣ съ полудикими народами шла больше мѣновая. Вотъ что говорять о подобной торговлѣ болгаръ съ Весью (однимъ изъ финскихъ племенъ). Пріѣзжаютъ болгарскіе купцы въ определенное мѣсто, оставляютъ тамъ свои товары, а сами удаляются. Туземцы приходятъ, раскладываютъ свои вещи рядомъ съ болгарскими. Болгары черезъ нѣсколько времени возвращаются, и, если находятъ, что мѣна для нихъ выгодна, берутъ съ собою туземные товары, а свои оставляютъ. Если же имъ кажется, что финны мало предлагаютъ въ обмѣнъ, то удаляются опять, не тронувъ товаровъ. Это значило, что желаютъ прибавки. Финны надбавляли своего товара и такимъ образомъ удовлетворяли болгаръ. Такую торговлю арабы называли „нѣмою“. Вероятно,

руssкіе такимъ же способомъ, какъ болгары, производили обмѣнъ съ полу-
дикими финскими племенами, жившими на далекомъ съверѣ.

Разные промыслы и занятія вели къ тому, что люди стали больше различаться, чѣмъ прежде, и по занятіямъ, и по состоянію. Тѣ занятія, где нужно было больше силы, ловкости и смѣлости, давали и больше значенія людямъ. Война и охота были главнымъ дѣломъ дружинниковъ. Когда князья затѣвали большой походъ, то одной дружины было мало, и они набирали „воевѣ“. Въ войско шли изъ народа крѣпкие и смѣлые люди, мужи, какъ ихъ называли встарину; а тѣ, что были слабѣ и мало годились для войны, мужики (уменьшительное имѧ отъ „мужъ“), тѣ оставались дома и занимались мирными промыслами: земледѣліемъ, пчеловодствомъ, скотоводствомъ и разными ремеслами.

Война и торговля обогащали нѣкоторыхъ. Богатые люди, дружинники и купцы стали больше отличаться отъ бѣдныхъ, чѣмъ прежде. Жилья начали себѣ строить, конечно, получше, попросторнѣе и поудобнѣе, одежду дѣлать побогаче, носить дорогія украшенія, пищу употреблять болѣе изысканную. Торговля доставляла русскимъ разные плоды, тонкія ткани, серебряные и золотыя украшенія, разныя драгоценности. Все это шло на потребу болѣе богатыхъ людей. Особенно женщины любили рядиться; въ большомъ ходу были серги, браслеты, ожерелья (особенно любили женщины носить зеленые бусы на шѣѣ). При раскопкахъ древнихъ могилъ много найдено этихъ вещей.

Турій рогъ въ серебряной оправѣ (найденъ въ древней могилѣ).

III.

ПРИНЯТИЕ ХРИСТИАНСТВА И РАСПРОСТРАНЕНИЕ ЕГО НА РУСИ.

Владимиръ-язычникъ.

Въ жизни своей Святославъ раздѣлилъ Русскую землю на три части, или удѣла, и роздалъ ихъ своимъ сыновьямъ. Ярополкъ, какъ старшій, получилъ Киевскую область и званіе великаго князя; Олегъ—землю Древлянскую, а Владимиръ—Новгородскую. Недолго братья ладили между собою. Случилось разъ, что Олегъ Древлянскій на охотѣ убилъ Лята, сына престарѣлого Свенельда, главнаго сопѣтника Ярополка. Озлобленный отецъ сталъ подбивать своего князя къ войнѣ:

— „Пойди на брата твоего Олега и отними у него волость.“
Тотъ послушался, началъ войну съ братомъ и побѣдилъ его. Олегъ во время битвы погибъ: онъ упалъ въ ровъ съ моста, на которомъ тѣснились его бѣгущіе воины. Тѣло его потомъ едва могли найти подъ грудою мертвыхъ. Горько плакаль Ярополкъ: онъ вовсе не хотѣлъ смерти своего брата. Узналь о печальному событии младшій изъ братьевъ — Владимиръ, князь Новгородскій, и поспѣшилъ съ дядею Добрынею, руководителемъ своимъ, къ варягамъ, чтобы набрать тамъ войско и отомстить старшему брату за смерть Олега, какъ требовалъ обычай. Ярополкъ присоединилъ Новгородъ къ своимъ владѣніямъ; но Владимиръ скоро вернулся изъ-за моря съ хорошею ратью, занялъ снова свой удѣлъ, завоевалъ Полоцкъ, умертвилъ князя полоцкаго Рогволъда и двухъ сыновей его, женился на дочери его Рогнѣдѣ, невѣстѣ Ярополка, противъ ея воли; затѣмъ двинулся на Киевъ. У Ярополка войска было немного, но онъ сначала оборонялся, а потомъ, по совѣту своего вѣроломнаго боярина, сдался на милость брата. По приказу Владимира два варяжскіе воина поразили мечами Ярополка въ то время, когда тотъ шелъ къ нему мириться.

Снова соединилась вся Русская земля въ рукахъ одного князя. Немало пришлося Владимиру вести войнѣ съ сосѣдями: воевалъ онъ съ поляками и

отнялъ у нихъ нѣсколько городовъ (часть нынѣшней Галиціи), два раза ходилъ на вятичей, которые пробовали освободиться отъ дани, и усмирилъ ихъ; овладѣлъ землею хищнаго племени ятвяговъ, западныхъ соѣдей Русской земли, жившихъ по верховьямъ Нѣмана; ходилъ и на волжскихъ болгаръ и побѣдилъ ихъ.

Удачны были походы эти, и всякий разъ Владимиръ возвращался въ Киевъ съ большой добычей. Было чѣмъ подѣлиться съ удалой дружиной! Начинались тутъ пиры и веселья: раздавались веселыя пѣсни, гудѣла музыка; крѣпкие меды туманили головы удалыхъ дружинниковъ; турій рогъ наполнялся виномъ заморскимъ и обходилъ ряды пирующихъ. Обильны были пиры Владимира и яствами и питьями. Случилось разъ, говорить лѣтописецъ, захмелѣвшіе дружинники стали корить князя:

— „Горе головамъ нашимъ!—даютъ намъ єсть ложками деревянными, а не серебряными.“

Услышалъ это князь и велѣлъ исковать имъ серебряные ложки.

— „Серебромъ и золотомъ не найду я храброй дружины, сказалъ онъ: а съ удалою дружиной найду серебро и золото.“

Понималъ Владимиръ, что безъ храброй и сильной дружины и власти бы у него было немногого: у соѣдей добычи ему не промыслить бы, да и съ народа своего не собрать бы дани. Понималъ все это князь и высоко цѣнилъ дружину, жилъ съ нею душа въ душу.

Ласковый къ дружинѣ, склонный къ веселымъ пирамъ и разгулу, Владимиръ былъ сначала плохимъ семьяниномъ: онъ былъ многоженецъ. Тогда было въ обычай держать по нѣсколько женъ; у Владимира же ихъ было нѣсколько сотъ. Вотъ что говорить преданіе объ одной изъ женъ его, Рогнѣдѣ. Жила она съ маленькимъ сыномъ Изяславомъ близъ Киева, въ своемъ теремѣ. Давно уже Владимиръ не видался съ нею, и она горевала, что онъ позабылъ ее для другихъ. Разъ, возвращаясь съ охоты, онъ случайно заѣхалъ къ ней. Задумала она изъ ревности убить его. Когда онъ уснуль, она взяла ножъ и хотѣла уже поразить его, но онъ внезапно проснулся и успѣлъ схватить ее за руку.

— „Полюбила я тебя, сказала Рогнѣда: хоть ты убилъ и отца моего, и мать, и братьевъ; но теперь ты охладѣлъ и ко мнѣ, и къ младенцу моему.“

Владимиръ рѣшился самъ казнить Рогнѣду за преступный замыселъ. Онъ велѣлъ ей одѣться въ книжеское платье, какъ была она одѣта въ день свадьбы, сѣсть на богато-убранномъ ложѣ и ждать его. Вошелъ онъ съ мечомъ, но вдругъ явился маленький Изяславъ и сказалъ: „отецъ, ты не одинъ здѣсь!“ (такъ сдѣлать научила его мать). Владимиръ не рѣшился при сыне убить мать; онъ велѣлъ позвать своихъ бояръ, рассказалъ имъ все, какъ было, и просилъ у нихъ совета. Бояре посовѣтовали ему пощадить мать ради сына; Владимиръ послушался ихъ и даже далъ Изяславу съ матерью Полоцкую область во владѣніе.

Владимиръ былъ сначала очень ревностнымъ язычникомъ: съ первыхъ лѣтъ своего княженія сталъ онъ ставить въ Киевѣ на видныхъ мѣстахъ, на холмахъ, кумировъ, или идоловъ (т.-е. изображеніе языческихъ божествъ). Идолъ главнаго бога Перуна былъ сдѣланъ изъ дерева, голова была серебряная, а усы

золотые. Поставили также кумиры Дажбога, Стрибога и друг. Предъ этими идолами совершались языческіе обряды, жертвоприношенія; приносили иногда въ жертву даже людей.

Вотъ какой случай разсказываетъ нашъ лѣтописецъ. Послѣ удачнаго похода на ятвяговъ старцы и бояре сказали:

— „Бросимъ жеребѣй на юношѣй и дѣвицѣ; на кого падетъ онъ, того и принесемъ въ жертву богамъ.“

Жеребѣй палъ на сына одного варяга, христіанина, жившаго въ Киевѣ. Посланы были люди взять обрѣченаго на жертву отрока. Отецъ его сталъ противиться.

— „Ваши боги — дерево, говорилъ онъ: сегодня стоять, а завтра сгніютъ; они не єдятъ, не пьютъ; они сдѣланы руками людей. Есть единый истинный Богъ, Котораго почитаютъ греки, Который сотворилъ землю и звѣзды, луну и солнце; Онъ сотворилъ и человѣка. Ваши же боги что сотворили? они сами дѣланы! Не дамъ сына своего бѣсамъ!“

Народъ разсвирѣпѣлъ, толпами, съ оружіемъ въ рукахъ, ринулся на дворъ варяга, разметалъ заборъ. Несчастный отецъ стоялъ на крыльѣ своего дома и заслонялъ сына.

— „Отдай сына твоего въ жертву богамъ!“ кричалъ ему народъ.

— „Если они боги, то пусть пошлютъ одного изъ среды своей, пусть онъ возьметъ у меня сына моего, а вы зачѣмъ требуете?“

Язычники въ ярости съ дикими криками бросились на жилище несчастнаго варяга, подрубили сѣни, на которыхъ стоялъ отецъ съ сыномъ, и оба они погибли.

Это были первые и послѣдніе мученики-христіане въ Киевѣ (Феодоръ и Иоаннъ).

Сказаніе объ испытаніи вѣръ.

Видѣть такие случаи и слышать такія рѣчи приходилось Владимиру, вѣроятно, не разъ. Въ Киевѣ жило много христіанъ, было не мало ихъ и въ дружинѣ. Владимиръ, при его умѣ, легко могъ задуматься о томъ, где же истина, — въ томъ ли язычествѣ, которому онъ сначала ревностно служилъ, или въ христіанствѣ.

Нетрудно было умному князю почувствовать высоту христіанского ученія сравнительно съ грубымъ язычествомъ, — и стать онъ колебаться въ своей вѣрѣ. Объ этомъ, конечно, провѣдали и въ соѣдніихъ странахъ. Въ Киевѣ, какъ въ торговомъ городѣ, сходились купцы со всѣхъ сторонъ; они разносili молву по своимъ землямъ обо всемъ, что видѣли и слышали. Стали пытаться соѣдніе народы обратить Владимира въ свою вѣру: каждому изъ нихъ хотѣлось сдѣлать такого сильнаго князя своимъ единовѣрцемъ.

Вотъ какъ передаетъ нашъ лѣтописецъ сказаніе объ этомъ. Въ 986 году пришли изъ земли болгаръ магометане къ Владимиру и сказали ему:

— „Ты — князь мудрый, а истинной вѣры не знаешь. Прими нашу вѣру и поклонись Магомету.“

— „Какая же ваша вѣра?“ спросилъ Владимиръ.

— „Вѣруемъ мы въ единаго Бога, отвѣчали болгары: а Магометъ заповѣдуетъ намъ свинины не єсть, вина не пить.“

Затѣмъ рассказали о раѣ, гдѣ люди, исполнявшіе законъ Магометовъ, будуть вѣчно наслаждаться. Рассказъ о будущей жизни Владимиру пришелся по душѣ, но запрѣтъ єсть свинину и особенно пить вино совсѣмъ не понравился.

— „Руси веселье есть питье, не можемъ безъ него быти!“ сказалъ онъ.

Затѣмъ явились къ Владимиру нѣмцы, послы отъ папы (римскаго патріарха). Владимиръ выслушалъ ихъ и отпустилъ имъ чѣмъ.

— „Отцы наши не принимали вашего закона“, сухо сказалъ онъ имъ. Приходили и евреи изъ земли Хозарской.

— „Слышали мы, сказали они: что были у тебя послы отъ магометанъ и христіанъ и проповѣдывали каждый свою вѣру. Христіане вѣрять въ того, кого мы распяли; мы же вѣримъ въ единаго Бога,—Бога Авраама, Исаака и Іакова.“

— „Въ чёмъ состоить законъ вашъ?“ спросилъ Владимиръ.

— „Свинины не єсть и субботу чтить“, сказали евреи.

— „Гдѣ же ваша земля?“ спросилъ князь.

— „Въ Іерусалимѣ“, отвѣчали они.

— „Тамъ ли?“ переспросилъ Владимиръ.

— „Богъ разгнѣвался на отцовъ нашихъ, сознались евреи: и разсѣялъ насть за грѣхи наши по разнымъ странамъ, а землю нашу отдалъ во власть христіанъ.“

— „Какъ же вы другихъ учите, сказалъ Владимиръ: когда сами отвергнуты Богомъ и расточены по разнымъ странамъ за грѣхи ваши? Если бы Богъ любилъ васъ и вѣру вашу, то не разсѣялъ бы васъ по чужимъ землямъ. Хотите ли, чтобы и съ нами было то же?“

Писали къ Владимиру и греки человѣка краснорѣчиваго и ученаго (философа). Сталъ онъ говорить Владимиру о заблужденіяхъ магометанъ, объ ошибкахъ западныхъ христіанъ, подчиненныхъ папѣ. Владимиръ съ любопытствомъ слушалъ краснорѣчиваго грека.

— „Приходили ко мнѣ евреи, сказалъ онъ: и говорили, что въ того, кого они распяли, нѣмцы и греки вѣрюютъ, какъ въ Бога. Правда ли это?“

— „Если хочешь послушать, сказалъ философъ: я расскажу тебѣ все сначала, ради чего сошелъ Богъ съ неба на землю.“

— „Радъ послушать“, сказалъ Владимиръ.

И началъ греческій проповѣдникъ рассказывать о томъ, какъ Богъ сотворилъ весь міръ и первыхъ людей, какъ блаженствовали они въ раю, какъ нарушили заповѣдь и лишились рая, какъ люди потомъ погрязли въ грѣхахъ и наказаны были всемірнымъ потопомъ. Разсказывалъ дальше проповѣдникъ объ исторіи евреевъ, пребываніи ихъ въ Египтѣ, о томъ, какъ Моисей вывелъ ихъ оттуда, какъ стали управлять евреями цари, какъ народъ началъ забывать заповѣди Божіи, какъ Богъ посыпалъ пророковъ, чтобы образумить заблуждающихся и предсказать рожденіе Спасителя.

Внимательно слушалъ Владимиръ чудный рассказъ проповѣдника.

— „Сбылось ли то, что предсказали пророки, или теперь сбудется?“ спросилъ онъ.

И рассказалъ проповѣдникъ о рождениіи Христа, объ учениіи Его, чудесахъ, страданіи, смерти, воскресеніи и вознесеніи на небо; объяснилъ, ради чего пострадалъ Христосъ, какую жизнь заповѣдалъ христіанамъ.

— „Настанетъ день, сказалъ проповѣдникъ въ заключеніе: когда Богъ, сошедъ съ неба, будетъ судить живыхъ и мертвыхъ и воздастъ каждому по дѣламъ его: праведнымъ дастъ царство небесное, красоту неизреченную, радость безъ конца и жизнь вѣчную; грѣшникамъ—мученія бесконечныя. Такія же мученія будутъ и тѣмъ, кто не вѣруетъ въ Бога нашего Іисуса Христа. Въ огнѣ будутъ мучиться тѣ, кто не крестится.“

При этомъ проповѣдникъ показалъ Владимиру картину страшного суда Господня, указалъ праведниковъ на правой сторонѣ, которые съ радостьюшли въ рай, и грѣшниковъ на лѣвой сторонѣ, идущихъ въ муку. И разсказъ проповѣдника, и картина сильно подействовали на князя. Вздохнулъ онъ и сказалъ:

— „Добро этимъ, что на правой сторонѣ, и горе тѣмъ, что на лѣвой!“

— „Если хочешь стоять съ праведниками на правой сторонѣ, сказалъ проповѣдникъ: то крестись.“

Задумался Владимиръ.

— „Подожду еще немного“, сказалъ онъ.

Хотѣлось ему разузнать хорошенъко обо всѣхъ вѣрахъ. Щедро одаривъ краснорѣчиваго проповѣдника, князь съ великимъ почетомъ отпустилъ его отъ себя.

Созвалъ послѣ этого Владимиръ бояръ своихъ и городскихъ старцевъ и сказалъ имъ:

— „Приходили ко мнѣ болгары, предлагали принять ихъ вѣру; потомъ были нѣмцы, и тѣ хвалили свой законъ; послѣ нихъ пришли евреи. Наконецъ, приходилъ ко мнѣ посолъ отъ грековъ. Онъ порицаетъ всѣ законы, а свой хвалитъ. Много говорилъ онъ о началѣ міра. Чудны эти разсказы; всякому любо слушать ихъ. Сказывалъ, что и другой свѣтъ есть; кто вступить въ греческую вѣру, тотъ, говоритъ, если и умретъ, то снова воскреснетъ и не умретъ уже вовѣки, а кто другую вѣру приметъ,—горѣть тому на томъ свѣтѣ въ вѣчномъ огнѣ. Что вы мнѣ посовѣтуете? Что скажете?“

— „Самъ знаешь, князь, сказали бояре и старцы: всякий свое хвалить, а не хулить. У тебя есть мужи; пошли ихъ развѣдать, какъ служить Богу разные народы.“

Совѣтъ этотъ понравился Владимиру; выбралъ онъ десять лучшихъ и смѣшленыхъ мужей и послалъ ихъ къ бол гарамъ, нѣмцамъ, грекамъ—развѣдать, какъ у нихъ совершается церковная служба.

Послы эти побывали у болгаръ и у нѣмцевъ; не понравилось имъ богослуженіе этихъ народовъ. Наконецъ, прибыли послы въ Царьградъ. Узналъ царь, съ какою цѣлью явились они, принялъ ихъ съ большою честью, и послалъ сказать патріарху, чтобы онъ совершилъ богослуженіе какъ можно торжественнѣе для русскихъ, „да видятъ славу Бога нашего“. Повели

пословъ въ церковь. Храмъ сиялъ огнями. Блисталъ на иконахъ золотыя ризы и драгоценные камни. Шла торжественная архиерейская служба. Раздавалось прекрасное пение певчихъ. Благовониями курились кадильницы. Русские послы были поставлены на удобномъ мѣстѣ, такъ что могли видѣть всю службу. Ничего подобного они никогда не видывали!... Они были поражены великолѣщемъ и торжественностью службы. На прощаніе ихъ богато одарили и съ большою честью проводили.

Когда вернулись они въ Киевъ, созвалъ Владимиръ снова бояръ своихъ и старцевъ и сказалъ:

— „Вотъ пришли посланные нами мужи: послушаемъ, что скажутъ они.“

— „Ходили мы, рассказывали послы: къ болгарамъ, смотрѣли, какъ они молятся въ своихъ храмахъ (въ мечетяхъ): стоять они безъ пояса; поклонившись, сядутъ и глядѣть и туда и сюда, словно бѣшеные. Нѣть красоты въ службѣ ихъ; не хороши ихъ законъ. Ходили мы и къ нѣмцамъ, были у нихъ въ храмахъ,—красоты никакой не нашли. Когда же пришли мы къ грекамъ, и когда ввели насъ во храмъ, гдѣ служатъ Богу своему, мы не знали, на небѣ ли мы были, или на землѣ. Нѣть на землѣ такого вида и такой красоты, и разсказать о ней мы не умѣемъ; знаемъ только то, что тамъ Богъ пребываетъ съ людьми, и служба ихъ лучше всѣхъ странъ. Мы не можемъ забыть той красоты: всякий человѣкъ, вкушивши сладкаго, не захочетъ послѣ вкушать горькаго, такъ и мы не хотимъ здѣсь быть.“

— „Если бы худъ былъ законъ греческій, сказали Владимиръ бояре, созванные на совѣтъ: то не приняла бы его бабка твоя Ольга, мудрѣшая изъ всѣхъ людей.“

— „Гдѣ же мы примемъ крещеніе?“ спросилъ Владимиръ.

— „Гдѣ тебѣ угодно“, отвѣчали бояре.

Крещеніе Владимира, кievлянъ и новгородцевъ.

Не хотѣлось русскому князю просить у грековъ крещенія, какъ милости, да кромѣ того у него были, видно, какіе-нибудь счеты съ греками. Онъ выступилъ съ войскомъ на Корсунь, богатый греческій городъ на Таврическомъ полуостровѣ. Корсунцы затворились въ городѣ и крѣпко отбивались. Владимиръ послалъ сказать имъ, что если они не сдадутся, онъ будетъ хоть три года стоять подъ городомъ. Угроза эта не помогла. Князь приказалъ у стѣнъ города сдѣлать земляную насыпь: съ высоты удобнѣе было поражать стрѣлами и камнями осажденныхъ. Но они прорыли подъ стѣною подземный ходъ и ночью тайкомъ уносили къ себѣ въ городъ землю, что насыпали русскіе за день. Долго бы пришлось Владимиру простоять подъ Корсунемъ, да нашелся въ городѣ доброхотъ русскій. Онъ пустилъ въ ихъ станъ стрѣлу, на которой было написано князю: „за тобою, съ восточной стороны находятся колодцы; отъ нихъ вода идетъ по трубѣ въ городѣ; перекопай ее и перейми воду“. Владимиръ, узнавъ объ этомъ, сказалъ:

— „Если это сбудется, и Корсунь сдастся, я крещусь.“

Онъ велѣлъ въ указанномъ мѣстѣ перекопать водопроводъ; корсунцы

остались безъ воды, и жажда заставила ихъ сдаться. Владимиръ вошелъ съ дружиною въ городъ и послалъ сказать греческимъ императорамъ:

— „Взялъ я славный вашъ городъ; я слышалъ, что у васъ есть сестра-дѣвица. Если не отдали ее за меня, то и съ вашей столицей будетъ то же, что съ Корсунемъ.“

Опечалились императоры и послали сказать, что нѣть обычая у христіанъ выдавать родственницъ своихъ за язычниковъ.

— „Если крестишься, прибавили они: то и сестру нашу получишь, а также и царство небесное, и съ нами будешь единовѣрникъ.“

Владimirъ отвѣчалъ на это царскимъ посланцамъ:

— „Скажите царямъ, что я хочу креститься; я уже прежде испыталъ вашъ законъ; люба мнѣ ваша вѣра.“ Затѣмъ онъ послалъ сказать императорамъ: „Пусть тѣ священники, которые придутъ съ вашею сестрою, крестятъ меня.“

Не малого труда стоило царямъ уговорить сестру свою Анну выйти за русскаго князя.

— „Иду точно въ полонъ, говорила она: лучше бы здѣсь мнѣ умереть.“

Братья убѣдили ее тѣмъ, что она будетъ содѣйствовать обращенію всей Русской земли къ истинному Богу, а Греческую землю избавить отъ лютой рати.

— „Видишь, прибавили они: сколько зла надѣлала Руслъ грекамъ? И теперь, если не пойдешь, будетъ то же.“

Анна съ большою печалью простилась съ роднею своею, сѣла на корабль съ нѣсколькими священниками и отплыла въ Корсунь. Здѣсь она была торжественно встрѣчена. Въ это время, говорить преданіе, у Владимира разболѣлись глаза; онъ не могъ ничего видѣть и сильно тужилъ. Царевна сказала ему:

— „Если хочешь исцѣлиться отъ болѣзни, то крестись поскорѣе.“

Епископъ Корсунскій съ тѣми священниками, что прибыли съ царевною, крестилъ Владимира, и когда возложилъ на него руки, онъ вдругъ прозрѣлъ. Удивился князь такому чуду и воскликнулъ:

— „Теперь только я узналъ истиннаго Бога!“

Многіе изъ дружины его, виля это, крестились. Затѣмъ совершено было бракосочетаніе.

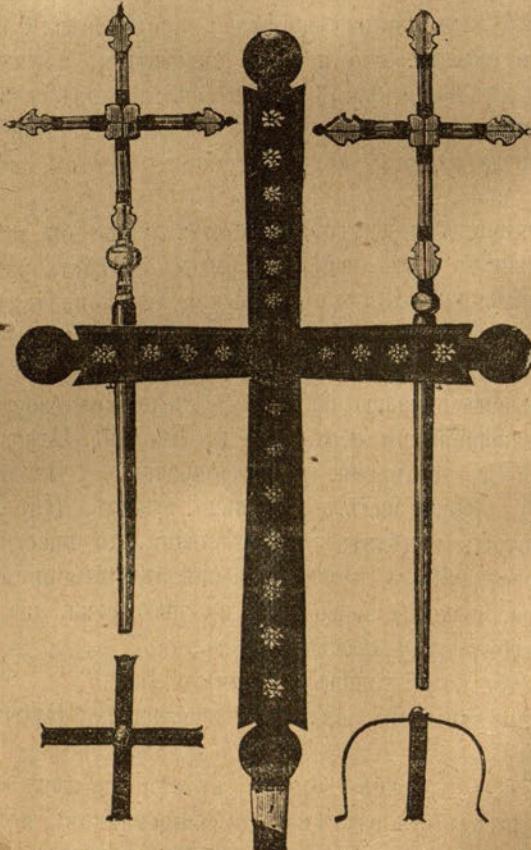
Владimirъ отдалъ Корсунь грекамъ „въ вѣно за жену свою“, какъ говорить лѣтописецъ. Затѣмъ онъ взялъ отсюда священниковъ, моши двухъ святыхъ (Климента и Фива), церковные сосуды, иконы, кресты и вернулся въ Киевъ. Здѣсь прежде всего крестилъ онъ своихъ сыновей и близкихъ людей; затѣмъ велѣлъ уничтожить кумиры: нѣкоторые изрубить, другіе сжечь. Перуна же приказалъ привязать къ хвосту коня и стащить съ горы въ рѣку. Въ то время, когда волокли кумиръ, нѣсколько человѣкъ били его прутьями для большаго поруганія язычества. Многіе язычники горько плакали, видя это. Идолъ былъ брошенъ въ Днѣпръ; до самыхъ пороговъ шли по берегу по приказанію Владимира люди и смотрѣли, чтобы кумиръ не присталъ гдѣ-нибудь. Въ то время, какъ онъ колыхаясь плылъ по теченію, нѣкоторые язычники бѣжали по берегу и кричали: „Выѣдай, Перуне!“ (т.-е. выплытай).

Многіе кievляне сами съ радостью крестились; были и такие, что колебались и выжидали; довольно было и ревностныхъ язычниковъ, которые крѣпко

держались за старую вѣру. Видя это, Владимиръ послалъ по всему городу оповѣстить, чтобы на другой день всѣ некрещеные шли къ рѣкѣ.

— „Кто не придетъ къ рѣкѣ, возвѣщали вѣстники:—богатый или бѣдный, работникъ или ницій, тотъ будетъ считаться противникомъ князю.“

Призывъ этотъ заставилъ рѣшиться и тѣхъ, которые еще раздумывали и колебались, побудилъ и многихъ закоренѣлыхъ язычниковъ страха ради исполнить приказаніе князя. Нѣкоторые, по словамъ лѣтописца, утѣшили себя мыслью, что не будь крещеніе дѣломъ благимъ, не приняли бы его князь и бояре.

Корсунскіе кресты.

На другой день пришелъ Владимиръ съ митрополитомъ, съ корсунскими священниками на Днѣпъръ. Множество народа сошлось сюда. Всѣ вошли въ воду. Одни стояли въ водѣ по шею, другіе по грудь, малыя дѣти стояли у берега, взрослые дѣржали на рукахъ младенцевъ. На берегу было немало крещеныхъ раньше. Священники читали молитвы. Радъ былъ Владимиръ, что позналъ истиннаго Бога и самъ, и народъ его. Поднялъ взоры онъ къ небу и молился:

— „Боже, сотворивый небо и землю! призри на новыя люди сія, и подаждь имъ, Господи, увѣдѣти Тебя, истиннаго Бога. яко же увѣдѣша страны христіанскія; утверди и вѣру въ нихъ праву и несовратну.“

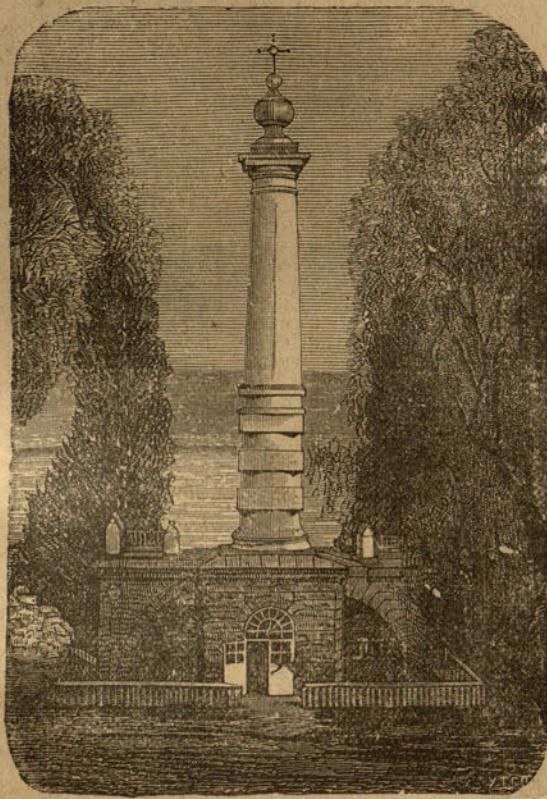

Крещеніе кіевлянъ.

Такъ разсказываетъ нашъ лѣтописецъ о крещеніи киевлянъ. Совершилось это великое событие въ 988 году.

Тотчасъ послѣ крещенія Владимиръ велитъ строить церкви на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ прежде находились кумиры. На холмѣ, гдѣ стоялъ идолъ Перуна, воздвигли церковь во имя Св. Василія. (Владимиръ во св. крещеніи названъ былъ Василіемъ).

Есть извѣстіе, что первый митрополитъ Михаилъ, прибывшій вмѣстѣ съ Владимиромъ изъ Корсуня, ходилъ съ епископами, присланными изъ Царьграда, и съ Добрынею, дядею Владимира, на сѣверъ отъ Киева и

Памятникъ на мѣстѣ крещенія въ Киевѣ.

повсюду на пути крестилъ народъ. Язычество держалось на сѣверѣ крѣпче, чѣмъ на югѣ, и не мало понадобилось труда, чтобы обратить суровыхъ язычниковъ въ христіанство.

Всполошились новгородцы, когда провѣдали, что Добрыня идетъ крестить ихъ,—собрали вѣче, поклялись не пускать его въ городъ и не давать кумировъ на поруганіе. Когда же онъ пришелъ, новгородцы разобрали наскоро мостъ, ведущій черезъ Волховъ въ самый городъ, и взялись за оружіе. Попробовалъ Добрыня уговаривать ихъ,—они и слушать ничего не хотѣли,

вывезли пороки (камнеметательныя машины) противъ дружины его. Епископъ со священниками остановились на Торговой сторонѣ. Ходили они по рынкамъ и улицамъ, учили людей, сколько могли, въ два дня успѣли окрестить нѣсколько сотъ человѣкъ. На другой же сторонѣ одинъ изъ старшинъ новгородскихъ, Угоняй, Ѣздила на конѣ среди народа и кричалъ:

— „Лучше умереть намъ, чѣмъ дать боговъ нашихъ на поруганіе!“

Разъяренный народъ кинулся на домъ Добрыни, разорилъ, разграбилъ его имѣніе, убилъ жену и нѣкоторыхъ родичей. Тогда Путяти, воевода Владимира, съ небольшимъ отрядомъ надежныхъ воиновъ ночью тайкомъ переправился чрезъ Волховъ, немногого выше города, напалъ на дворъ Угоняя, схватилъ его и еще нѣсколькихъ главныхъ коноводовъ и отправилъ ихъ къ Добрынѣ за рѣку. Узналъ объ этомъ народъ; сбѣжалось нѣсколько тысячъ людей. Окружили они маленький отрядъ Путяты, и началась злая сѣча; но на разсвѣтѣ подоспѣла помощь ему Добрыня съ людьми своими и вѣльль для острѣсти мятеожникамъ зажечь нѣкоторые дома на берегу. Новгородцы испугались и запросили пощады... Добрыня приказалъ уничтожать идолы: деревянные жечь, а каменные разбивать и бросать въ рѣку. Многіе язычники съ воплями и слезами умоляли не трогать ихъ боговъ; но Добрыня съ насмѣшкой сказалъ имъ:

— „Нечего вамъ жалѣть о тѣхъ, которые сами не могутъ оборонить себя! Какой пользы вы можете ждать отъ нихъ?“

Онъ приказалъ всѣмъ креститься: многихъ удалось уговорить, и они шли по своей волѣ; но были и такие, которыхъ воины ташили силою. О новгородцахъ сложилась поговорка, что ихъ „Путяти крестилъ мечомъ, а Добрыня огнемъ“.

Есть извѣстіе, что самъ великий князь ходилъ въ 992 году съ епископами на юго-западъ, распространялъ христіанскую вѣру въ землѣ Червенской, крестилъ людей, построилъ здѣсь городъ и назвалъ его по своему имени Владимиромъ. Если въ Новгородѣ, въ большомъ городѣ, гдѣ уже не мало жило христіанъ, крѣпко держалось язычество, то въ другихъ болѣе глухихъ мѣстахъ оно было еще упорнѣе. Много времени протекло прежде, чѣмъ Христова вѣра озарила всю Русь. Да и большую частью тѣ, что приняли новую вѣру, сначала не понимали ее, какъ слѣдуетъ. Проповѣдниковъ, которые могли объяснить св. писаніе, было очень мало. Корсунскіе священники, прибывшіе въ Киевъ съ великимъ княземъ, были греки, — имъ пришлось еще учиться славянскому языку. Если и были на Руси въ это время священнослужители изъ дунайскихъ болгаръ, то, конечно, не въ большомъ числѣ. Понять Владимира, что безъ своихъ духовныхъ лицъ, способныхъ говорить доступнымъ для народа языкомъ, не обойтись, и приказалъ братъ дѣтей у лучшихъ людей и отдавать ихъ въ книжное ученіе. Матери плакали о нихъ, говорить лѣтописецъ, какъ о мертвыхъ, потому что еще не утвердились вѣрою. Дѣтей раздавали учиться по церквамъ священникамъ и церковнымъ причетникамъ.

Сначала всѣ необходимыя для церкви книги шли къ намъ изъ Болгаріи.

Первоучители славянъ — Свв. Кириллъ и Меѳодій.

За сто слишкомъ лѣтъ до крещенія Руси, почти въ одно время съ основаніемъ Русскаго государства, совершилось великое дѣло въ исторіи церкви,—впервые раздалось въ храмахъ слово Божіе на славянскомъ языку.

Въ городѣ Солуни, въ Македоніи, населенной по большей части славянами, жилъ знатный сановникъ-грекъ, по имени Левъ. Изъ семерыхъ сыновей его двоимъ, Меѳодію и Константину (въ монашествѣ Кириллъ), на долю выпало совершить великий подвигъ на пользу славянъ.

Младшій изъ братьевъ, Константинъ, уже съ дѣтства поражалъ всѣхъ блестящими способностями и страстью къ ученью. Онъ получилъ хорошее домашнее воспитаніе, а затѣмъ въ Византіи закончилъ свое образованіе подъ руководствомъ лучшихъ учителей. Тутъ страсть къ наукамъ развилась въ немъ съ полной силой, и онъ усвоилъ всю доступную ему книжную мудрость... Слава, почести, богатства,—всякія мірскія блага ждали даровитаго юношу, но онъ не поддался никакимъ искушениямъ,—всѣмъ соблазнамъ міра предпочелъ скромное званіе священника и должность библіотекаря при церкви Св. Софіи, где могъ продолжать свои любимыя занятія,—изучать священные книги, вникать въ духъ ихъ. Его глубокія знанія и способности доставили ему высокое ученое званіе философа.

Старшій братъ его, Меѳодій, пошелъ сначала другой дорогой,—поступилъ въ военную службу и нѣсколько лѣтъ былъ правителемъ области, населенной славянами; но мірская жизнь не удовлетворила его, и онъ постригся въ монахи въ обители на горѣ Олимпѣ. Братьямъ не пришлось однако успокоиться, одному — въ мирныхъ книжныхъ занятіяхъ, а другому — въ тихой монашеской кельѣ. Константину не разъ приходилось принимать участіе въ спорахъ по вопросамъ вѣры, защищать ее силою своего ума и знаній; затѣмъ онъ долженъ былъ съ братомъ, по желанію царя, отправиться въ землю козаръ, проповѣдывать Христову вѣру и отстаивать ее противъ евреевъ и сарацинъ. По возвращеніи оттуда Меѳодій крестилъ болгарскаго князя Бориса и болгаръ.

Вѣроятно, еще раньше этого задумали братья перевести для македонскихъ славянъ священные и богослужебныя книги на ихъ языку, съ которымъ могли вполнѣ освоиться еще съ дѣтства, въ родномъ своемъ городѣ.

Для этого Константинъ составилъ славянскую азбуку,—взялъ всѣ 24 греческия буквы, а такъ какъ въ славянскомъ языку звуковъ больше, чѣмъ въ греческомъ, то прибавилъ недостающія буквы изъ армянскаго, еврейскаго и др. азбукъ; нѣкоторыя же самъ придумалъ. Всѣхъ буквъ въ первой славянской азбукѣ набралось 38.—Важнѣе изобрѣтенія азбуки былое переводъ главнѣйшихъ священныхъ и богослужебныхъ книгъ: переводить съ такого богатаго словами и оборотами языка, какъ греческій, на языку совсѣмъ необразованныхъ македонскихъ славянъ былое дѣломъ весьма труднымъ. Приходилось придумывать подходящіе обороты, создавать новыя слова, чтобы передать новыя для славянъ понятія... Все это требовало не только основательного знанія языка, но и большого таланта.

Трудъ перевода не былъ еще конченъ, когда по просьбѣ моравскаго князя Ростислава Константина и Меѳодій должны были отправиться въ Моравію. Тамъ и въ сосѣдней Панноніи уже раньше начали распространять христіанское ученіе латинскіе проповѣдники изъ южной Германіи, но дѣло шло очень туго, такъ какъ богослуженіе совершалось на латинскомъ языку, вовсе непонятномъ народу. Западное духовенство, подчиненное римскому папѣ, держалось страннаго предразсудка: будто совершать богослуженіе можно только на еврейскомъ языку, на греческомъ и латинскомъ, потому что надпись на крестѣ Господнемъ была на этихъ трехъ языкахъ; восточное же духовенство допускало слово Божіе на всѣхъ языкахъ. Вотъ почему моравскій князь, заботясь объ истинномъ просвѣщеніи своего народа Христовымъ учениемъ, и обратился къ византійскому императору Михаилу съ просьбой прислатъ въ Моравію свѣдущихъ людей, которые учили бы народъ вѣрѣ на понятномъ языку.

Императоръ поручилъ это важное дѣло Константину и Меѳодію. Они прибыли въ Моравію и ревностно принялись за трудъ: строили церкви, начали совершать богослуженіе на славянскомъ языку, заводили училища. Христіанство не по виду только, а по духу, стало быстро распространяться среди народа. Сильную вражду возбудило это въ латинскомъ духовенствѣ: клеветы, доносы, жалобы,—все пошло въ ходъ, лишь бы погубить дѣло славянскихъ апостоловъ. Они принуждены были даже ѿхать въ Римъ — оправдываться передъ самимъ папою. Папа внимательно изслѣдовалъ дѣло, вполнѣ оправдалъ ихъ и благословилъ ихъ труды. Константинъ, изнуренный работой и борьбой, не поѣхалъ уже въ Моравію, постригся въ монахи подъ именемъ Кирилла; онъ скоро скончался (14-го февраля 868 г.) и погребенъ былъ въ Римѣ.

Всѣ думы, всѣ заботы св. Кирилла предъ смертью были о его великомъ дѣлѣ.

— „Мы, братъ,—говорилъ онъ умирая Меѳодію:—тянули съ тобой одну борозду, и вотъ я падаю, кончаю дни мои. Ты слишкомъ любишь нашъ родной Олимпъ (монастырь), но ради него, смотри, не покидай нашего служенія,—имъ ты скорѣй можешь спасти.“

Папа возвелъ Меѳодія въ санъ епископа Моравіи; но тамъ въ эту пору начались тяжелыя смуты и усобицы. Князь Ростиславъ былъ изгнанъ своимъ племянникомъ Святополкомъ. Латинское духовенство напрягло всѣ силы противъ Меѳодія; но, несмотря на все,—на клеветы, обиды и гоненія, онъ продолжалъ свое святое дѣло, просвѣщаль Христовой вѣрой славянъ на понятномъ имъ языку и книжнымъ ученіемъ. Около 871 г. онъ крестилъ Боривоя, князя Чехіи, утвердилъ и здѣсь славянское богослуженіе. Скончался св. Меѳодій 6-го апрѣля 885 года.

По смерти его латинскому духовенству удалось—таки вытеснить славянское богослуженіе изъ Чехіи и Моравіи. Ученики свв. Кирилла и Меѳодія были изгнаны отсюда, бѣжали въ Болгарію и тутъ продолжали святой подвигъ первоучителей славянъ,—переводили съ греческаго языка церковныя и

поучительные книги, проповѣди, творенія отцовъ церкви... Книжное богатство все росло и росло и какъ великое наслѣдіе досталось нашимъ предкамъ.

Церковно-славянская письменность особенно процвѣтала въ Болгаріи при царѣ Симеонѣ, въ началѣ X-го вѣка: было переведено множество книгъ, не только необходимыхъ для богослуженія, но и сочиненій разныхъ церковныхъ писателей и проповѣдниковъ. Сначала готовыя церковныя книги шли къ намъ изъ Болгаріи, а потомъ, когда и между русскими появились грамотные люди, книги стали переписываться и у насъ, а затѣмъ и переводиться. Такимъ образомъ, съ христіанствомъ вмѣстѣ явилась на Руси и грамотность.

Владимиръ-христіанинъ.

Владимиръ, по словамъ лѣтописца, совсѣмъ перемѣнился послѣ крещенія. Изъ князя жестокосердаго и разгульного онъ сталъ кроткимъ, человѣколюбивымъ и умѣреннымъ: онъ не хотѣлъ даже казнить смертью разбойниковъ; сами епископы стали убѣждать его строже карать преступниковъ.

Владимиръ выказывалъ большую охоту строить церкви и украшать ихъ; пожелалъ онъ построить во имя Богоматери храмъ въ Киевѣ, подобный Корсунскому. Семь лѣтъ трудились греческие мастера надъ постройкой церкви; соорудили ее на томъ мѣстѣ, где пролита была кровь христіанъ-варяговъ. Владимиръ отдалъ въ эту церковь все, что привезъ изъ Корсуня: иконы, сосуды, кресты, и опредѣлилъ на содержаніе ся десятую часть доходовъ отъ всего имѣнія и городовъ своихъ, потому и назвали се Десятинною церковью.

Склонность къ войнѣ у него послѣ принятія христіанства видимо ослабѣла: большихъ походовъ на сосѣдей онъ уже не предпринималъ; только съ печенѣгами приходилось вести безпрерывную борьбу. Владимиръ еще въ началѣ своего княженія построилъ много городовъ по рѣкамъ: Деснѣ, Остру, Трубежу, Сулѣ и Стугнѣ, для обороны своей земли со стороны степей. Но все-таки орды печенѣговъ, кочевавшихъ въ привольныхъ южныхъ степяхъ, то и дѣло врывались въ Русскую землю и беспощадно пустошили ее.

Вотъ что говорить преданіе объ одной войнѣ съ печенѣгами. Русскіе встрѣтились съ ними на рѣкѣ Трубежѣ. Наши стояли по одной сторонѣ рѣки, печенѣги—по другой; ни тѣ ни другіе не рѣшались перейти рѣку. Тогда подѣхалъ къ берегу печенѣжский князь и предложилъ Владимиру кончить дѣло единоборствомъ.

— Выставимъ—ты своего воина, а я своего,—пусть сразятся, сказъ онъ.—Если твой одолѣеть моего, то мы не будемъ воевать три года; если же мой побѣдить, то мы будемъ три года опустошать твою землю.

Послалъ Владимиръ бирючей (вѣстниковъ) по войску кличъ кликъ: «Нѣть ли охотника на поединокъ съ печенѣгомъ?» Никто не отозвался. Закручинился князь... Но вотъ приходитъ къ нему одинъ старый воинъ и говоритъ:

— Князь, вышелъ я на войну съ четырьмя сыновьями, а есть у меня меньшой сынъ дома. Съ самаго дѣтства никто не могъ его одолѣть. Разъ я забранилъ его,—а мяль онъ въ ту пору воловью кожу; осерчалъ онъ на меня и въ досадѣ разорвалъ кожу руками.

Обрадовался князь, услышавъ о такомъ силачѣ, послалъ за нимъ, и рассказалъ ему, въ чёмъ дѣло.

— Не знаю, сказалъ тотъ: смогу ли... Пусть сперва испытаютъ мою силу. Нѣть ли большого и сильного быка?

Привели огромнаго быка. Разъярили его раскаленнымъ желѣзомъ, и разсвирѣпившее животное помчалось въ бѣшенствѣ мимо силача; тотъ изловился, ухватилъ быка за бокъ и вырвалъ у него кусокъ мяса съ кожею, сколько захватила рука.

— Ты можешь бороться съ печенѣгомъ, сказалъ Владимиръ.

На другой день произошло единоборство.

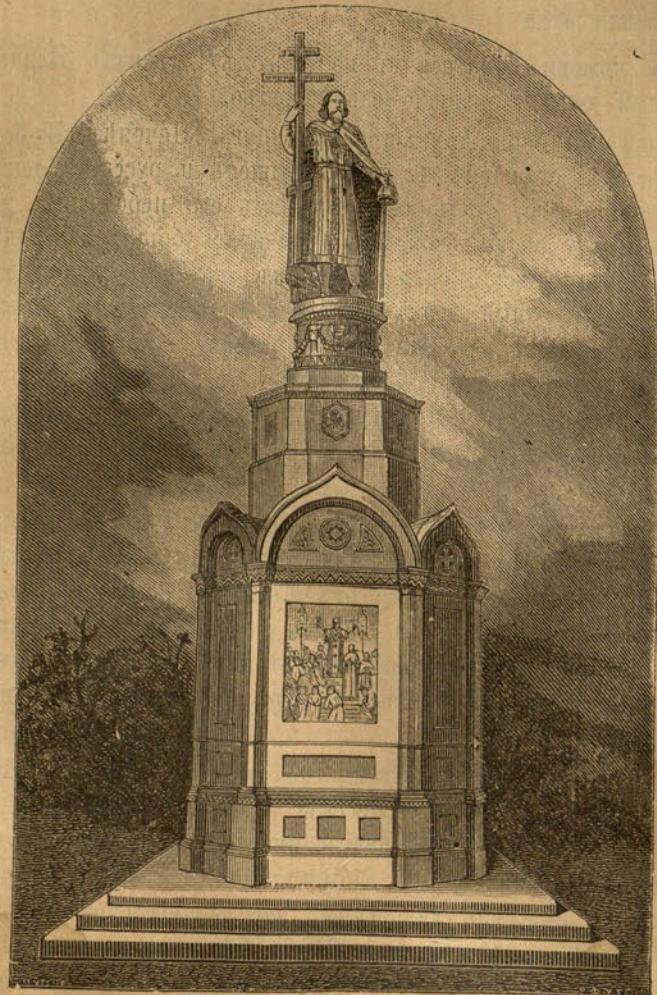
Выступили оба борца другъ противъ друга. Печенѣжский богатырь былъ громаднаго роста и страшенъ на видъ. Вышелъ и русскій боецъ. Печенѣгъ-великанъ, завидѣвъ его, сталъ смеяться надъ его небольшимъ ростомъ. Размѣрили мѣсто между обоими войсками. Началась борьба. Крѣпко обхватили бойцы другъ друга; русскій силач задавилъ печенѣга руками и ударилъ его мертваго дземь. Радостный крикъ вырвался у русскихъ, а печенѣги бѣжали. Русскіе гнались за ними, рубили ихъ и далеко загнали ихъ въ степи. Радь былъ Владимиръ побѣдѣ, и тутъ же, на мѣстѣ борьбы, по преданію, заложилъ городъ и назвалъ его Переяславль. (Названъ такъ городъ, объясняетъ лѣтописецъ, потому, что русскій боецъ перенялъ славу у печенѣжского витязя).

Три года спустя, печенѣги снова напали на Русскую землю. Владимиръ не успѣлъ собрать много ратной силы, вышелъ съ небольшимъ отрядомъ. Враги одолѣли, князь едва спасся отъ плѣна. Черезъ два года послѣ этого степные хищники сдѣлали новый набѣгъ. Эти безпрестанныя нападенія заставили Владимира подумать объ укрѣплѣніи границъ со стороны степей съ юга и востока. Онъ велѣлъ строить новые города по южнымъ окраинамъ Русской земли.

Много пришлось потрудиться княжей дружинѣ, отражая враговъ. Любилъ Владимиръ своихъ дружинниковъ, всегда совѣтовался съ ними о военныхъ дѣлахъ и о мирныхъ. Былъ онъ щедръ: ничего не жалѣлъ для нихъ; тѣшилъ ихъ часто веселыми пирами; не забывалъ при этомъ и менышу братію. Слова Евангелія: „блажени милостивіи, яко тіи помилованіи будуть“ и „продайте имѣнія ваши и дадите нищимъ“ глубоко запали ему въ сердце. Приказывалъ онъ всякому нищему, всякому убогому приходить на княжій дворъ и брать все нужное изъ княжескихъ запасовъ: питье, пищу; раздавались и куны (деньги). Мало того.—„Немощные и больные не могутъ дойти до двора моего“, сказалъ онъ, и велѣлъ возить по городу на телѣгахъ хлѣбъ, мясо, рыбу, разные овощи, бочки съ медомъ и квасомъ. Княжы люди останавливались у дворовъ и спрашивали:—„Гдѣ здѣсь больные и нищіе, что ходить не могутъ?“ и щедро одѣляли ихъ всѣмъ нужнымъ. Кромѣ большихъ праздниковъ, каждую недѣлю по воскреснымъ днямъ устраивались въ княжеской гридницѣ пиры: бояре, всѣ дружинники, старшіе и младшіе, и лучшіе люди изъ горожанъ собирались сюда и пировали при князѣ и безъ него.

Народныя былины о Владимирѣ Красномъ—
Солнышкѣ и его богатыряхъ.

Щедрость и доброта Владимира, о которыхъ говорить лѣтописецъ, видно, по душѣ пришли русскимъ людямъ. Въ былинахъ своихъ народъ нашъ вспоминаетъ о пирахъ Владимира, называя его „ласковымъ княземъ“, „краснымъ солнышкомъ“.

Памятникъ Св. Владимиру (въ Киевѣ).

Въ былинахъ этихъ смыкались преданія народа о глубокой языческой старинѣ, о Владимирѣ и о томъ, что было послѣ него. Тутъ сказывается память о той порѣ, когда тяжело жило людямъ; только и дѣла имъ было, что отбиваться отъ сильныхъ враговъ: налетали они на Русскую землю, словно хищная птицы. Да и дома у себя было довольно тяжелаго труда предкамъ нашимъ: лѣсныя трущобы тянулись на сотни верстъ; полны онъ были лютымъ звѣремъ, — ни проѣзду ни проходу не было въ непролазныхъ дебряхъ. Надо

было и пути прокладывать, и отъ злого звѣря землю очищать, и отъ хищнаго врага ее стеречь. Приходилось повсюду вести тяжелую борьбу; нужна была тутъ сила и ловкость. Силачи да удальцы въ большомъ почетѣ бываютъ въ такія времена. Выдавались въ ту пору и у предковъ нашихъ „удалые лобрые молодцы“, „богатыри могучіе“. О нихъ-то и сложилъ народъ тѣ былины, гдѣ вспоминаетъ и о Владимирѣ. Вотъ что, между прочимъ, говорится въ нихъ:

Пиরуетъ Владимиръ Красное-Солнышко въ своей гридницѣ высокой; пируетъ съ нимъ и дружина его храбрая. Много у него на пиру славныхъ, могучихъ богатырей. Подаютъ тутъ яства сахарная, питья медвяная; всѣ наѣдаются досыта, напиваются до-пьяна. Весело и привольно всѣмъ подѣ Краснаго-Солнышка: на гусляхъ звонкихъ наигрываютъ, пѣсни веселыя поютъ. Самъ князь радъ, потѣшается, по свѣтлой гридницѣ похаживаетъ да гостей потчуетъ; турій рогъ съ виномъ заморскимъ обходить удалыхъ бойцовъ. Полносатъ одному ковшъ меду сладкаго, другому чару зелена вина въ „полтора ведра“. Принимаетъ богатырь ту чару единой рукой, выпиваетъ „за единый духъ“. Много на пиру славныхъ могучихъ богатырей: тутъ удалой наездникъ Добрыня Никитичъ, чтѣ страшнаго Змѣя Горыныча убиль; тутъ и Алеша Поповичъ, чтѣ не столько силою, сколько хитростью да споровкой одолѣлъ Тугарина Змѣевича; тутъ и Илья Муромецъ; не мало и другихъ богатырей тѣшится у Владимира. Всѣмъ удальцамъ, какого бы роду и племени они ни были, есть мѣсто на „почестномъ пиру“ у Владимира.

Много сильныхъ и храбрыхъ богатырей за княжымъ столомъ, но нѣть могучѣ Ильи Муромца.

Былъ Илья родомъ крестьянскій сынъ. Не владѣлъ онъ сначала ни руками ни ногами,—въ сидняхъ сидѣлъ тридцать лѣтъ и три года. Пришли къ нему разъ нищіе—калики перехожіе. (Самъ Иисусъ Христосъ и два апостола, говорится въ нѣкоторыхъ былинахъ). Просить они Илью дать имъ воды испить. А онъ и встать не можетъ. Второй разъ требуютъ калики воды; вдругъ, диво дивное! откуда и сила взялась,—сталъ вставать Илья „словно встрепаный“. Приносить имъ воды. Пьютъ калики и Ильѣ велять испить. Выпилъ онъ—и почуялъ въ себѣ силу непомѣрную. Не сидится ему послѣ этого въ родительскомъ домѣ, просить онъ у своихъ родителей „великаго благословенъца“ ѻхать въ Киевъ къ князю Владимиру „на поможеніе“ и „на сбереженіе“. Даетъ отецъ Ильѣ заповѣдь великую: не проливать крови понапрасному ни христіанской ни бусурманской.

Начинаетъ Илья свои подвиги. Полѣзжаетъ къ Чернигову, а подъ городомъ стоитъ вражья сила—смѣты нѣть. Богатырское сердце „разгорчено“ и „неуемчиво“. Береть Илья въ руки саблю вострую, и началь ею по силушкѣ погуливать: глѣ проѣдетъ—дѣлалъ улицы, гдѣ повернется—переулочки. Избилъ онъ рать вражью, только трехъ царевичей оставилъ,—заказалъ имъ повсюду сказывать, что „Святая Русь не пуста стоить“, что „на Святой Руси есть сильные, могучіе богатыри“. — Напали разъ на Илью разбойники,—хотѣли его ограбить. Вынимаетъ онъ изъ налушки тугой лукъ, изъ колчана стрѣлку каленую, стрѣляетъ не въ разбойниковъ, а въ

сырой сучковатый дубъ. Разлестѣлся дубъ мелкой щепкой; а отъ треску и грому разбойники съ коней попадали, пять часовъ безъ памяти пролежали.— Захотѣлъ Илья проѣхать въ Киевъ къ Владимиру Красному-Солнышку дорогою прямобѣжею, да нѣтъ тамъ ни проходу ни проѣзду: заложена та дорога Соловьемъ-разбойникомъ; сидитъ онъ на семи лубахъ, кричить онъ по-звѣриному, свистѣть по-соловыиному, никому не устоять противъ его посвиста. Поѣхалъ Илья дорогой прямобѣжею, подѣхалъ къ Соловью. Сталь Соловьей свистѣть по-соловыиному, шипѣть по-змѣиному, ревѣть по-звѣриному. На колѣни паль конь Ильи. Пустилъ онъ каленую стрѣлу и угодилъ Соловью въ правый глазъ. Полетѣлъ Соловей съ дуба комомъ къ сырой землѣ. Илья привязываетъ его къ сѣдлу и везетъ въ Киевъ. Съ этой удачи богатырской вошелъ онъ въ большую славу, сталъ служить Владимиру и оборонять землю Русскую. Идолище поганое является къ Киеву съ похвалибой и требуетъ поединника. Илья выходитъ и убиваетъ его. Стоитъ затѣмъ Илья съ могучими богатырями на заставѣ богатырской, оберегаетъ отъ бѣды землю Русскую. Бьется тутъ Илья съ Жидовиномъ-богатыремъ и убиваетъ его.

Подвиги свои Илья совершаєтъ тогда, когда нужно избавить кого отъ бѣды, постоять за честь земли Русской. Дѣйствуетъ онъ не изъ корысти, почета не ищетъ, похвалы не любить, да и принимается за дѣло только тогда, когда нельзя обойтись безъ него, когда ему „не кѣмъ замѣнитися“. Хитрости, лукавства въ немъ нѣтъ; всякое дѣло ведеть онъ прямо, начистоту. Всѣ эти свойства высоко цѣнить нашъ народъ; потому-то Илья и самый любимый его богатырь.

Много былинъ сохранилось у народа и о другихъ богатыряхъ. Въ пѣсняхъ этихъ много и небылицъ; похожи онѣ на сказки, но есть и доля правды: въ нихъ живо отражается то время, когда безпрерывная борьба вызывала богатырскія силы; безъ этихъ силъ плохо пришлось бы нашимъ предкамъ...

Почтило и позднѣйшее потомство память Владимира и его святого дѣла: въ Киевѣ на высокомъ берегу Днѣпра поставленъ памятникъ Владимиру, а на томъ мѣстѣ, где, по преданію, крестились кievляне, воздвигнутъ памятникъ крещенія.

Великое дѣло совершилъ Владимиръ, обративъ народъ свой въ христіанство: оно хотя и медленно, но все же стало проникать въ нравы народа и понемногу смягчать ихъ.

Церковь наша признала Владимира послѣ его смерти Святымъ и Равноапостольнымъ. (Память его чествуютъ 15-го іюля).

Съ христіанствомъ вмѣстѣ явилась у насть, какъ сказано, и грамотность. Книжное искусство было сначала въ рукахъ духовенства, но князья и бояре стали учить и своихъ дѣтей грамотѣ. Самъ Владимиръ еще не зналъ ее, но дѣти его были уже грамотны.

Усобицы по смерти Владимира.

Владимиръ умеръ въ 1015 году. Святополкъ, сынъ Ярослава, усыновленный Владимиромъ, узнавъ о его смерти, послѣшилъ въ Киевъ съ дружиной изъ своего удѣла, Турова, и какъ старшій въ родѣ сѣль на велико-

княжескій престолъ. Но этого было ему мало, хотѣлъ онъ забрать всю Русскую землю въ свои руки и замыслилъ страшное дѣло: истребить всѣхъ сыновей Владимира Св. и завладѣть ихъ удѣлами.

Борисъ съ кіевскою ратью въ это время возвращался съ похода на печенѣговъ. Его дружины совѣтовали ему овладѣть Кіевомъ и сдѣлаться великимъ княземъ, но благочестивый князь и думать боялся поднять руки на старшаго брата и даже распустилъ свою рать и остался съ небольшой дружиной. Убийцы, подосланые Святополкомъ, ночью подкрались къ шатру Бориса, на рекѣ Альтѣ, и въ то время, когда онъ молился, поразили его и нѣсколькоихъ отроковъ (младшихъ дружиныхъ). У Смоленска убийцы настигли Глѣба, погибъ и онъ мученическою смертью. Борисъ и Глѣбъ, любимые сыновья Владимира, отличались необычайной кротостью, добротой и христіанскимъ благочестіемъ. Церковь наша признала ихъ святыми. (Память ихъ чтится 2-го мая.)

Быть убить затѣмъ и Святославъ Древлянскій. Святополкъ, чтобы расположить къ себѣ кіевлянъ, сталъ очень щедро раздавать многимъ изъ нихъ подарки: кому дарилъ корзна (плащи), кому кунѣ (деньги) и роздѣль ихъ многое множество.

Ярославъ Новгородскій еще ничего не зналъ ни о смерти отца, ни о томъ, что творится въ Кіевѣ. Незадолго предъ тѣмъ собралъ онъ въ Новгородѣ много варяжскихъ наемныхъ воиновъ. Они безчинствовали въ городѣ, творили разныя насилия народу и такъ озлобили новгородцевъ, что тѣ возстали и избили ихъ. Ярославъ жестоко отомстилъ мятежникамъ, — зазвалъ къ себѣ подъ видомъ совѣщанія знатнѣйшихъ людей новгородскихъ и велѣлъ ихъ умертвить. Послѣ этой кровавой расправы, вдругъ ночью получаетъ онъ страшную вѣсть изъ Кіева отъ своей сестры:

— „Отецъ умеръ. Святополкъ въ Кіевѣ. Онъ убилъ Бориса, послалъ убийцъ на Глѣба, — берегись и ты.“

Ужаснулся Ярославъ: бѣда велика, а помочи ждать неоткуда! Созвалъ онъ на другой день вѣче и сказалъ новгородцамъ:

— „Отецъ мой умеръ; Святополкъ утвердился въ Кіевѣ и губить братерь.“

Новгородцы порѣшили помочь своему князю, несмотря на зло, какое онъ причинилъ имъ. И деньги и войско готовы были дать ему, лишь бы не подчиняться кіевскому князю, не платить ему тяжкой дани и не принимать къ себѣ его посадника. Подобно отцу, воспользовался Ярославъ въ борьбѣ съ братомъ услугами норманскихъ или варяжскихъ воиновъ. Бродячія дружины варяговъ, привыкшихъ съ юныхъ лѣтъ къ военному дѣлу, охотно панимались на службу: война была для нихъ промысломъ. Испытанные бойцы, закаленные въ битвахъ, хорошо вооруженные, они цѣнились высоко и получали хорошую плату.

Собралъ Ярославъ варяжскую дружибу числомъ около тысячи человѣкъ да прочаго войска около сорока тысячъ и пошелъ на Святополка; тогдѣ призвалъ на помощь печенѣговъ. Сошлись обѣ рати на Днѣпѣ, у Любечи; одна стала по сю сторону реки, другая — по ту. Ни тѣ ни другое долго не рѣ-

шались переправиться и начать битву. Первые напали новгородцы. Один изъ воеводъ Святополка побудилъ ихъ къ этому,—онъ разъѣжалъ на конѣ по берегу взадъ и впередъ и подзадоривалъ ихъ:

— „Чего вы, плотники, кричаль онъ: пришли сюда съ хромымъ княземъ вашимъ? (Ярославъ былъ хромъ). Вотъ погодите, мы васъ заставимъ рубить себѣ хоромы!“

Обозлились новгородцы.

— „Завтра же переправимся и ударимъ на нихъ“, рѣшили они.

Воины-варяги.

Святополкъ всю ночь беспечно пировалъ съ дружиной. До разсвѣта тайкомъ перѣхали новгородцы черезъ Днѣпъ, высадились на берегъ, а лодки оттолкнули, чтобы и не думать о бѣгствѣ... Святополкъ былъ храбръ; но печенѣги, стоявшіе за озеромъ, не поспѣли вѣремя ему помочь: новгородская рать оттеснила войско его на озеро. Тогда начались уже морозы, и озеро покрылось льдомъ; но онъ былъ еще тонокъ, не выдержалъ толпы людей, подломился,—и множество воиновъ Святополка утонуло. Онъ бѣжалъ въ Польшу, а Ярославъ занялъ Кіевъ.

Но Святополку помогъ его тесть, польскій король, и Ярославу при-

шлось опять уйти въ Новгородъ. Когда поляки ушли изъ Кіевской области, Ярославъ снова напалъ на своего противника. Упорная битва завязалась на берегахъ реки Алты, гдѣ былъ убитъ Борисъ. Съ восхода солнца до вечера шла злая сѣча. Три раза загоралась рукопашная схватка, кровь лилась ручьями по землѣ. Къ вечеру Ярославъ одолѣлъ. Святополкъ бѣжалъ. Онъ, по словамъ лѣтописца, впалъ въ тяжкую болѣзнь и такъ ослабѣлъ, что не могъ даже сидѣть,—если его на носилкахъ; укоры совѣсти и страхъ обуревали его...

— „Бѣжимъ, бѣжимъ, безпрестанно вскрикивалъ онъ: гонятся за нами!“

Скоро Святополкъ умеръ въ тяжкихъ мученіяхъ. Лѣтописецъ сравниваетъ этого князя-братоубійцу съ Каиномъ, называетъ „Окальнымъ“.

Пришлось Ярославу вести борьбу и съ племянникомъ своимъ Брячиславомъ Изяславичемъ, княземъ полоцкимъ, который напалъ на Новгородъ, и съ братомъ Мстиславомъ, который княжилъ въ Тмутаракани (у Азовскаго моря).

Мстиславъ страха не зналъ и обладалъ богатырской силой. Вотъ что разсказываетъ лѣтописецъ о немъ. Пошелъ онъ разъ на косоговъ, кавказское воинственное племя. Князь косожскій Редедя вышелъ навстрѣчу. Когда сошлись обѣ рати, Редедя сказалъ Мстиславу:

— „Чѣмъ губить намъ свои дружины, лучше покончимъ дѣло единоборствомъ. Одолѣшь ты,—возьмешь мое имѣніе, жену, дѣтей моихъ и землю; а одолѣю я,—возьму я у тебя все твое.“

Редедя былъ богатырь громаднаго роста и необычайной силы и надѣялся на себя. Мстиславъ принялъ вызовъ; рѣшено было бороться безъ оружія.

Крѣпко схватились лихіе борцы. Долго длилась борьба: оба были почти равной силы. Наконецъ, Мстиславъ сталъ изнемогать и началъ молиться:

— „Пречистая Богородица, помоги мнѣ! Если одолѣю, построю церковь во имя Твое.“

Напрягъ онъ всѣ свои силы, сломилъ Редедю и ударили его дземъ; затѣмъ вынулъ ножъ и зарѣзалъ его.

Съ этимъ-то княземъ-богатыремъ пришлось бороться Ярославу: Мстиславъ не довольствовался одною Тмутараканскою областью, требовалъ отъ брата еще земель. Дошло дѣло до войны. Мстиславъ одолѣлъ, и Ярославъ уступилъ ему всѣ земли къ востоку отъ Днѣпра. Въ 1036 году Мстиславъ умеръ; тогда вся Русская земля соединилась въ рукахъ Ярослава.

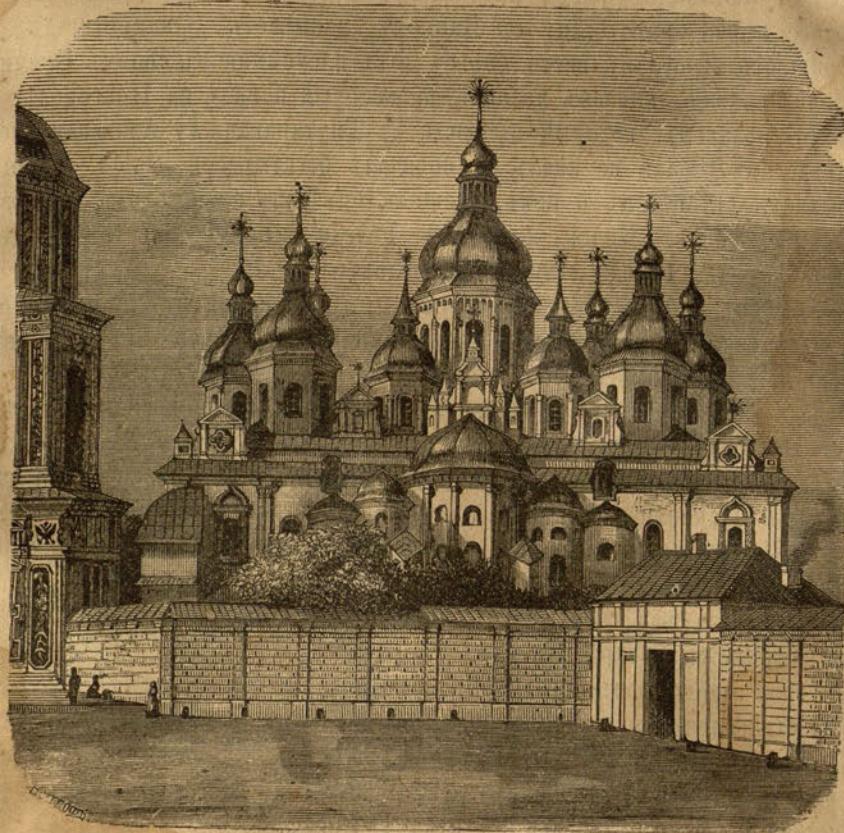
Княженіе Ярослава.

Хотя Ярославъ неохотникъ былъ до войны, но безъ нея дѣло не обошлось.—Печенѣги продолжали свои опустошительные набѣги. Ярославу удалось, наконецъ, нанести имъ сильное пораженіе подъ самыемъ Кіевомъ. Ходилъ онъ и на сѣверъ — на Чудь, и на западъ — на Ятвяговъ, и на Литву, — вернулъ отъ Польши червенскіе города (Галицію), захваченные раньше королемъ Болеславомъ.

При Ярославѣ въ послѣдній разъ предпринимали русскіе походы на Византію. Со временемъ крещенія съ греками были дружелюбны; но

въ 1043 г. въ Константинополѣ случилась ссора изъ-за чего-то между греческими и русскими купцами; дѣло кончилось тѣмъ, что одинъ изъ знатныхъ русскихъ гостей (купцовъ) былъ убитъ. Отсюда возникло неудовольствіе между обоми правительствами и привело къ войнѣ. Огромную русскую рать и наемныхъ варяговъ повелъ на Византію старшій сынъ Ярослава, Владимиръ; но походъ кончился неудачно: русскія лады были истреблены частю греческимъ огнемъ, частю бурею.

Чтобы укрѣпить сильнѣе границы своего государства, Ярославъ построилъ нѣсколько новыхъ городовъ: на сѣверѣ, въ землѣ финскаго племени, непо-

Софійский соборъ въ Кіевѣ.

далеку отъ озера Чудского, основанъ былъ городъ Юрьевъ (христіанскоѳ имѧ Ярослава было Юрий); на Волгѣ — Ярославль; по южной границѣ, на рѣкѣ Роси, было тоже построено нѣсколько городовъ. Кіевъ обведенъ хорошою каменною стѣною. Главныя городскія ворота называны были „Золотыми“.

Ярославъ очень любилъ строиться; онъ украсилъ Кіевъ новыми церквами. Особеннымъ великолѣпiemъ поражалъ современниковъ Софійский соборъ. Заложенъ былъ онъ въ память победы, одержанной надъ печенѣгами, на мѣстѣ самой битвы. Зданіе сооружалось греческими мастерами; князь не жалѣлъ издережекъ; храмъ былъ украшенъ роскошной мозаикой (мусіей), какъ гово-

рили встарину); стѣны были расписаны живописью; иконы византійскаго письма блестали въ богатыхъ серебряныхъ и золотыхъ ризахъ.

Стѣнная живопись (фрески), надъ которою трудились греческіе живописцы, уцѣлѣвшая мѣстами и до сихъ поръ, представляетъ много любопытнаго.

Тутъ находимъ изображенія охоты, всадниковъ, стрѣлковъ, князя въ торжественной одеждѣ, оруженосцевъ, даже музыкантовъ, плясуновъ и скомороховъ.

Не большиe искусники были тогда греческіе живописцы, но рисунки ихъ любопытны для насъ особенно тѣмъ, что представляютъ картины изъ русской жизни и даютъ понятіе объ одеждѣ и нѣкоторыхъ обычаяхъ однаждатаго вѣка.

Князь на тронѣ и оруженосецъ. (Фрески Софійскаго собора).

Ярославъ построилъ также монастырь св. Георгія, въ честь своего ангела, монастырь св. Ирины, возобновилъ Десятинную церковь, построенную при Владимирѣ Св. Главныя храмы Кіева строились большою частью въ подражаніе цареградскимъ и носили ихъ имена (св. Софіи, св. Ирины). Много церквей сооружалось также, какъ и въ Царьградѣ, въ честь Богородицы. По примѣру Кіева возникали и въ другихъ главныхъ русскихъ городахъ соборные храмы или софійские, или богородичные (Рождественские и Успенские). Въ Новгородѣ сынъ Ярослава Владимиръ заложилъ новый Софійский соборъ въ 1045 году.

Съ постройкой храмовъ появляются на Руси не только зодчество, но и живопись. Мало-по-малу русскіе должны были перенимать эти искусства у пріѣзжихъ греческихъ мастеровъ, которыхъ призывалъ князь, не жалѣя издережекъ на украшение храмовъ и благолѣпіе церковной службы. Изъ Греціи

были вызваны въ Киевъ и пѣвчіе, у которыхъ русскіе переняли церковные напѣвы и научились согласному пѣнію.

По примѣру византійскихъ императоровъ, Ярославъ, а раньше и Владимиръ Св., давали извѣстную часть изъ княжескихъ доходовъ на содержаніе храмовъ и ихъ причта, надѣляли ихъ землями и разными угодьями. Кромѣ того, епископы занимались судопроизводствомъ (по церковнымъ и семейнымъ дѣламъ), и судебная пошлины шли въ пользу ихъ церкви.

Много строилось новыхъ церквей, — много нужно было и грамотныхъ людей для церковнаго причта; нужны были и книги богослужебныя. Ярославъ ревностно заботился о просвѣщеніи: въ Новгородѣ, по его приказу, было устроено училище на 300 мальчиковъ, сыновей священниковъ и старостъ. Онъ любилъ церковное дѣло, духовенство, монаховъ, а священные книги

Музыканты и плясуны. (Фрески Софийского собора).

читалъ не только днемъ, но и ночью, и много собралъ ихъ; поручалъ иногда переводить ихъ прямо съ греческаго языка или переписывать болгарскіе переводы.

Подъ его покровительствомъ начали распространяться на Руси монастыри; среди иноковъ были грамотные люди, которые принялись за переписку книгъ и помогали распространенію христіанскаго просвѣщенія на Руси.

Лѣтописецъ высоко цѣнилъ заслуги Ярослава и говорить:

— „Какъ одинъ вспашетъ землю, другой посѣть, а третыи жнуть и ѡдѣять хлѣбъ, — такъ Владимиръ вспахаль и умягчилъ землю, т.-е. просвѣтилъ ее крещеніемъ, Ярославъ насѣялъ книжными словами сердца вѣрныхъ людей, а мы пожинаемъ, принимая книжное ученіе.“

Русская Правда.

Вмѣстѣ съ христіанствомъ изъ Византіи перенесены были въ Русскую землю всѣ церковные порядки и законы. Сводъ церковныхъ законовъ, „Номоканонъ“, перешелъ къ намъ, вѣроятно, въ болгарскомъ переводе, подъ названіемъ „Кормчай книги“.

Задумалъ Ярославъ установить и въ мірскихъ дѣлахъ лучшій порядокъ суда и расправы. По его приказу, по словамъ лѣтописи, были записаны судебные обычаи и явился первый сборникъ законовъ — „Русская Правда“.

Въ первобытныя времена люди руководятся во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ только природными побужденіями, чувствами. Убить кто-нибудь человека, — близкіе родичи убитаго естественно изъ чувства мести стараются убить убийцу. Побить кого, — побитый чувствуетъ злобу и желаетъ выместить свою обиду на обидчикѣ. Украдутъ ли у кого вещь какую-нибудь, потерпѣвшій отъ кражи, понятно, будетъ стараться отыскать вора, отобрать у него свою вещь и, вдобавокъ, причинить какъ можно больше зла ему, чтобы отвадить его отъ воровства. Такъ и въ другихъ случаяхъ въ первобытное время люди творили судъ и расправу, слѣдя только природному чувству. Съ теченіемъ времени все это входило въ привычку. Видѣли люди, какъ творили отцы ихъ и дѣды въ разныхъ случаяхъ, и сами поступаютъ точно такъ же, руководясь уже не только своимъ чувствомъ и соображеніемъ, но и примѣромъ предковъ. Такимъ образомъ извѣстныя дѣйствія при судѣ и расправѣ входятъ въ привычку цѣлаго племени, становятся „обычаемъ“.

Въ теченіе вѣковъ родовые старшины свято хранятъ старые обычаи, и многія поколѣнія довольствуются ими. Но со временемъ судебныхъ обычаевъ накапливается слишкомъ много, а если племя сталкивается съ другими народами, то отъ нихъ заходятъ и новые обычаи, иной разъ непохожіе на прежніе, происходитъ путаница; тогда является надобность привести ихъ въ порядокъ, записать точно и ясно, чтобы можно было судьямъ руководиться ими. Записанные обычаи, которые дѣлаются обязательными правилами для всѣхъ и поддерживаются правительствомъ, становятся законами.

„Русская Правда“ представляетъ у насъ первое собраніе обычаевъ. Здѣсь говорится о мести за убийство, о наказаніи за побои и оскорблѣнія, за кражу. 1) За смерть мужа мстить братъ или сынъ, или отецъ, или двоюродные браты, или племянники. Если не будетъ мстителя, убийца долженъ уплатить 40 гривенъ. 2) За ударъ палкою, жердью, мечомъ виновный платить 12 гривенъ; за отсѣченіе руки 40 гривенъ; за вырваніе уса или бороды 12 гривенъ; за обнаженіе меча 1 гривна. 3) За уводъ челядницы и коня 3 гривны и проч.

За убийство дружины, или княжаго тіуна (княжій слуга) положена пена, „вира“, двойная, т.-е. 80 гривенъ. Вира шла князю. Если же виновный не могъ уплатить, то онъ лишался всего имущества, и домъ его предавался разграбленію. Если преступникъ скрывался, то виру платила вервь (округъ), где было совершено убийство.

Воровство считалось также тяжкимъ преступленіемъ. Хозяинъ имѣлъ

право даже убить „какъ пса“ пойманного вора въ томъ случаѣ, если онъ сопротивлялся и не позволялъ себя связать.

Итакъ, мы видимъ, что родичамъ убитаго предоставлялось самимъ отыскивать убійцу и чинить надъ нимъ судъ и расправу, а хозяинъ могъ распорядиться, какъ хотѣлъ, съ воромъ.

Понятно, что при такомъ самоуправствѣ творилось не мало неправды и насилий; но слѣдуетъ помнить, что это было слишкомъ за восемь столѣтій до нашего времени, когда государственная жизнь только еще начиналась. Незадолго до Ярослава русскіе жили рѣдами, которые вели между собою борьбу. Случится обида или убійство, у кого было искать управы? Родичи убитаго считали своимъ священнымъ долгомъ отомстить убійцѣ; позоръ ожидалъ того, кто не выполнялъ этой обязанности. Привыкли предки наши изъ исколѣнія въ поколѣніе такъ поступать, и родовая месть вошла въ обычай, а обычай этотъ попалъ и въ „Русскую Правду“.

Сверхъ наказаній за преступленія, въ „Русской Правдѣ“ находимъ постановленія о наслѣдствѣ. Всѣ сыновья, по закону, получали поровну; сестра при братьяхъ не получала ничего, но они обязаны были выдать ее замужъ; жена умершаго, если оставалась жить съ дѣтьми, имѣла право на часть наслѣдства. Такъ поступали, если не было завѣщанія, но умирающій могъ иначе распределить свое достояніе наследникамъ.

Любопытно постановленіе о холопахъ (челядницахъ, рабахъ). Не только пѣнныe обращались въ рабовъ или „обѣльныхъ“ (полныхъ) холоповъ, но становились ими также и свободные люди, если женились на рабыняхъ, не заключивъ предварительно условія съ ихъ господиномъ, — также если поступали въ слуги, или тѣуны къ другому лицу безъ всякаго договора; обращались въ холоповъ и несостоятельный должники. Господинъ имѣлъ полную власть не только продать своего раба, но даже и убить его.

Судъ творилъ самъ князь, а тамъ, где князя не было, — намѣстникъ. Мѣстомъ разбирательства былъ княжій дворъ. Обиженный долженъ былъ представить свидѣтелей (видоковъ и послуховъ); но можно было обойтись и безъ нихъ, если были ясныя доказательства обиды, напр., знаки побоевъ увѣчья.

Изслѣдоватъ и разбирать преступленія въ XI вѣкѣ предки наши не умѣли: если трудно было решить, виноватъ или нетъ обвиняемый, онъ же самъ не сознавался, а дѣло было важное, — тогда прибѣгали, какъ и раньше, въ языческія времена, къ „испытанію водой и желѣзомъ“: верили, что самъ Богъ покажетъ, правъ или виновенъ подсудимый. Заставляли его опускать руку въ кипятокъ или подержать нѣсколько времени раскаленное желѣзо въ рукѣ. Если оказывались послѣ этого на рукахъ сильные обжоги и язвы, то обвиняемаго считали виновнымъ. Къ сожалѣнію, до настѣнъ не дошло подробныхъ извѣстій, какъ совершалось испытаніе водой и желѣзомъ у нашихъ предковъ:ѣроятно, подобнымъ же образомъ, какъ у родственныхъ племенъ. Въ Чехіи, напр., подсудимый долженъ былъ, пока произносилъ слова присяги, подержать два пальца на раскаленномъ желѣзе или про-

стоять на немъ. У сербовъ обвиненный долженъ былъ опускать руку въ раскаленный котелъ или брать изъ огня раскаленное желѣзо.

Прибѣгали къ подобнымъ испытаніямъ, конечно, только въ тѣхъ случаяхъ, когда увѣренность въ преступности подсудимаго была очень ужъ сильна, но онъ не сознавался, а ясныхъ уликъ не было. Притомъ, конечно, немногіе изъ подсудимыхъ отваживались на испытаніе, если сознавали за собой вину, и потому, надо думать, что дикий обычай „испытанія водой и желѣзомъ“ примѣнялся очень рѣдко.

Когда происходила тяжба между двумя сторонами, и никакъ не могли разсудить тяжущихся, то предоставлялось имъ судиться судомъ Божімъ, — „полемъ“, т.-е. выйти на поединокъ. Кто побѣжалъ, тотъ и считался правымъ.

Князь.

Князna.

Въ XI столѣтіи и у другихъ западныхъ народовъ судопроизводство было не лучше; только въ Италии и Византіи, где образованность стояла выше, оно велось правильнѣе.

Издание „Русской Правды“ было великимъ дѣломъ. Настоящее правосудие только тогда и можетъ быть, когда есть твердые и опредѣленные законы, которые высшая власть беретъ подъ свою охрану. Современники Ярослава понимали, какую услугу народу онъ оказалъ своимъ законодательствомъ, и называли его „Правосудомъ“ и „Мудрымъ“.

Сношения съ иноземцами.

Съ принятиемъ христіанства сношения русскихъ съ греками, а затѣмъ съ другими европейскими народами усилились.

Изъ Византіи шли въ Русскую землю церковные обычай, разныя искусства, образованіе; отсюда же потомъ стали проникать къ намъ и новые порядки государственные. Когда грубый, первобытный народъ входитъ въ сношения съ народами образованными, прежде всего заимствуетъ то, что больше бросается въ глаза, — виѣшнюю обстановку. Строились у русскихъ, какъ сказано уже, великолѣпные храмы на подобіе византійскихъ, украшались иконами, живописью, золотомъ и серебромъ. Князь сталъ жить

Золотыя и серебряные монеты Св. Владимира.

роскошиѣ, чѣмъ прежде: жилище его стало отличаться большимъ великолѣпіемъ, чѣмъ раньше; одежду князя въ торжественныхъ случаяхъ стали носить богатую, златотканную, подобно византійскимъ царямъ, на голову надѣвали золотые вѣнцы, или короны.

Русскіе въ это время вошли въ постоянныя сношения не только съ Византіей, но и съ Западной Европой. Ярославъ даже породнился съ нѣсколькими иноземными государями: одну лоچь свою выдалъ онъ за принца норвежскаго, другую за французскаго короля (Генриха I), третью за венгерскаго короля; сыновей своихъ тоже поженилъ на иностранныхъ принцессахъ.

Киевъ, благодаря постройкѣ новыхъ храмовъ, городскихъ стѣнь и

каменныхъ домовъ, измѣнился къ лучшему. Иноземцы, видѣвшіе его въ это время, очень хвалить не только красоту мѣстоположенія, но и самій городъ. Видно, въ тѣ годы русская столица не уступала уже западно-европейскимъ городамъ, да и русскій народъ по нравамъ и понятіямъ не стоялъ тогда ниже своихъ западныхъ сосѣдей.

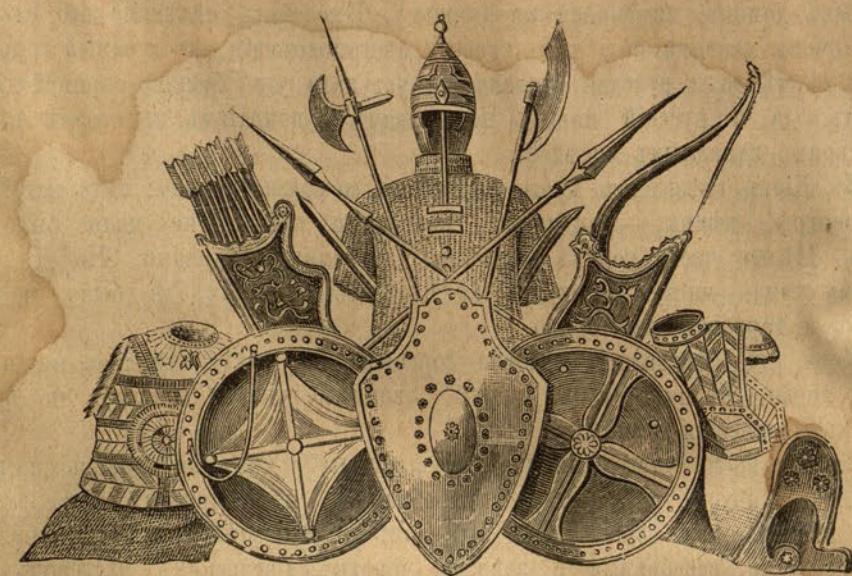
Въ Киевъ съѣзжалось много торговцевъ со всѣхъ сторонъ: тутъ встрѣчались венгры, нѣмцы, скандинавы, восточные купцы; не мало было и евреевъ. Цѣлые части города заселялись иноземными купцами. На Днѣпрѣ у Киева стояло множество купеческихъ судовъ. Въ городѣ было восемь рынковъ и торговля шла бойко.

Хотя еще держалась мѣновая торговля, и русскіе мѣнялись на мѣхѣ куны, лисы, бѣличы (слово „куны“ означало вообще деньги), но были уже и металлическія деньги.

Въ это время часто упоминаются „гривны“. Такъ назывались сначала ожерелья, а потомъ онѣ стали употребляться, какъ деньги. Серебряная гривна вѣсила около фунта. При Ярославѣ и даже при Владимировѣ явились на Руси свои серебряные и золотыя монеты. Греческихъ мастеровъ въ Киевѣ было довольно,—они могли чеканить монету для русскихъ по образцу греческой. При раскопкѣ древнихъ могилъ найдены серебряные и золотыя монеты съ именами Ярослава и Владимира.

Серебряные монеты Ярослава.

IV.

ВРЕМЯ УДЪЛЬНЫХЪ СМУТЬ И УСОБИЦЪ.

Усобицы при сыновьяхъ Ярослава.

ередъ смертью Ярославъ призвалъ своихъ сыновей и, по словамъ лѣтописи, сказалъ имъ:

— „Отхожу я уже изъ этого свѣта, дѣти мои! Да будетъ между вами любовь: вы—родные братя, дѣти одного отца и одной матери. Если будете жить въ любви и согласіи между собою, то Богъ будетъ съ вами и покоритъ вамъ враговъ вашихъ; если же будете жить въ ненависти и распраяхъ, то и сами погибнете, и погубите землю отцовъ вашихъ и дѣдовъ, которую пріобрѣли они съ большимъ трудомъ. Живите мирно, слушайте братья брата. Назначаю Киевъ старшему сыну моему въ брату вашему Изяславу. Слушайте его, какъ слушали меня; пусть онъ будетъ вамъ вмѣсто отца. Святославу даю Черниговъ, Всеволоду—Переяславль, Игорю—Владимиръ (Волынскій), Вячеславу—Смоленскъ.“

Раздѣливъ такимъ образомъ землю Русскую между своими сыновьями, Ярославъ заповѣдалъ имъ не трогать чужихъ областей, и затѣмъ сказалъ Изяславу:

— „Если кто захочетъ обидѣть брата своего, то ты помогай правому.“

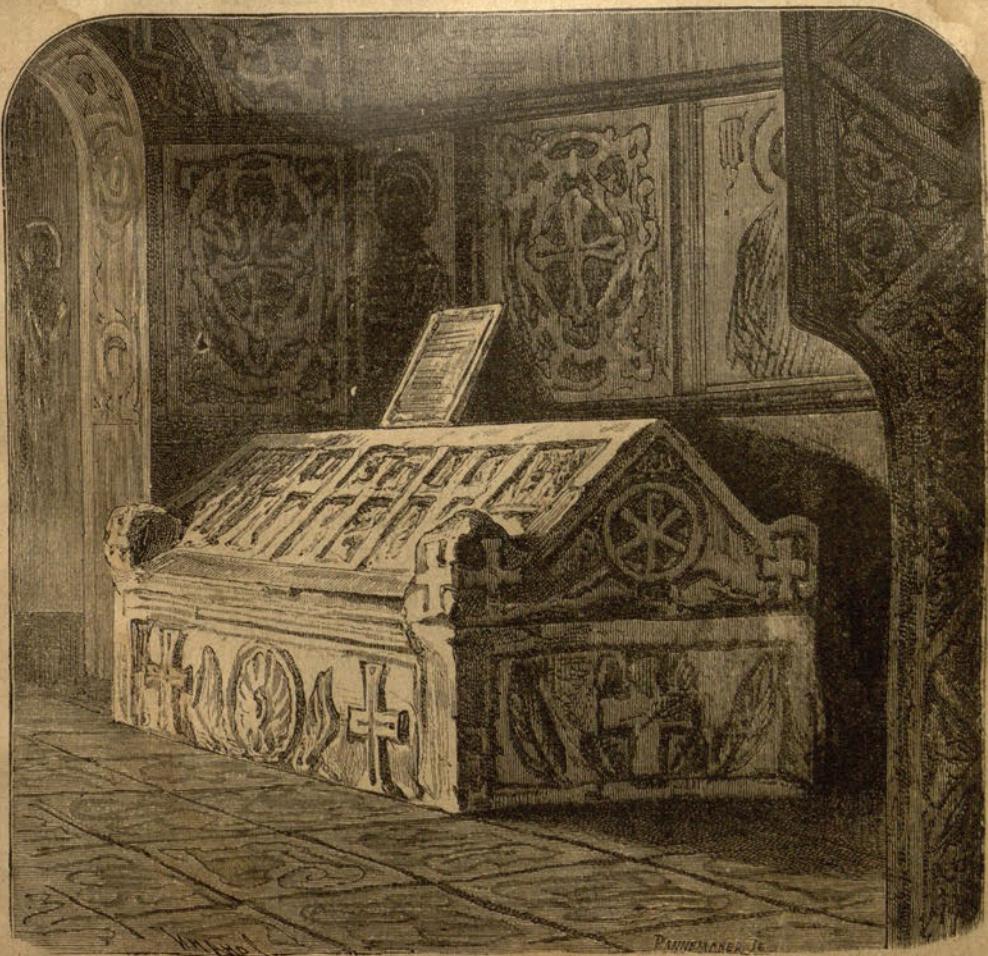
Умеръ Ярославъ въ 1054 году 76-ти лѣтъ отъ рода. Тѣло его положили въ мраморную гробницу въ Софійскомъ соборѣ.

Ярославъ слѣдовалъ примѣру отца и дѣда, и поддѣлилъ Русскую землю на удѣлы, да, безъ сомнѣнія, онъ и не могъ бы иначе поступить. Раздѣла земли

требовалъ обычай: по понятіямъ того времени, вся земля была достояніемъ щѣлаго княжескаго рода, и каждый ро́дичъ долженъ былъ владѣть какой-нибудь областю.

Понятія о государствѣ и необходимости для него одной сильной власти тогда еще не было. Вотъ почему удѣльный порядокъ долго держался на Руси. Много бѣдъ и горя принесъ онъ русскому народу!

Лѣтъ десять сыновья Ярослава княжили мирно въ своихъ удѣлахъ, нессорились между собою; съ общаго согласія они дополннили „Русскую Правду“ и отмѣнили кровавую родовую месть; взамѣнъ ея установили платить „виру“, т.-е. пепю.

Гробница Ярослава (въ Софійскомъ соборѣ).

Въ 1061 году нападаютъ на русскія области половцы, смѣнившіе печенѣговъ въ степяхъ на южныхъ и восточныхъ окраинахъ Русской земли. Это были такие же хищники, какъ и печенѣги: грабежъ и убийство служили для нихъ, по словамъ лѣтописца, воинской потѣхой, шатры—жилищемъ, а лоша-

диное молоко, сырое мясо, кровь животныхъ, а иногда и падаль,—пищею. Половцы съ того времени, какъ стали кочевать въ степяхъ у рѣки Дона, не давали покою русскимъ: весною или раннимъ лѣтомъ, когда былъ дли лошадей подножный кормъ, эти хищники на своихъ степныхъ коняхъ ордами врывались въ русскіе предѣлы, безпощадно пустошили землю и цѣлыми тысячами угоняли къ себѣ въ рабство захваченныхъ плѣнныхъ...

Черезъ три года послѣ первого набѣга половцевъ начинаются усобицы и между русскими князьями.

Ярославъ надѣлилъ своихъ сыновей областями, но ничего не дѣлъ внуку своему Ростиславу Владимировичу. Недовольный этимъ князь съ отрядомъ уdalцовъ, набранныхъ въ Новгородѣ, напалъ внезапно на Тмутараканскую область (у Азовскаго моря) и выгналъ отсюда своего двоюроднаго брата. Черезъ два года Ростислава не стало. Тогда начинаются усобицы на сѣверѣ. Всеславъ, князь Полоцкій, хотѣлъ увеличить свой удѣль, напалъ на Новгородѣ, захватилъ въ плѣнъ многихъ жителей, ограбилъ Софійскій соборъ. Изяславъ съ братьями пошелъ противъ Всеслава, разбилъ его и зазвалъ къ себѣ въ шатерь будто для переговоровъ. Онъ повѣрилъ клятвѣ Ярославичей, что ему ничего худого не сдѣлаютъ, явился къ великому князю, а тотъ велѣлъ своимъ воинамъ схватить его. Обманутаго Всеслава вмѣстѣ съ двумя его сыновьями отвезли въ Кіевъ и посадили въ темницу.

Изъ вѣроломства этого ничего путнаго не вышло,—миръ не водворился на Руси. И году не прошло, какъ снова нахлынули половцы. Вышли Ярославичи противъ нихъ съ небольшими силами, но такъ были разбиты, что пришлось спасаться бѣгствомъ. Хищные степняки разсѣялись по южнымъ русскимъ областямъ, разорили ихъ и творили всякия насилия... Собрались кіевляне на вѣче и потребовали у Изяслава, чтобы онъ велъ ихъ биться съ половцами; князь колебался и не зналъ, что дѣлать. Тогда народъ въ Кіевѣ возсталъ, выпустилъ изъ темницы Всеслава, провозгласилъ его своимъ княземъ, разграбилъ княжій дворъ, расхитилъ множество золота, серебра, куньихъ и бѣличихъ мѣховъ. Изяславъ бѣжалъ въ Польшу. Съ помощью поляковъ онъ снова водворился въ Кіевѣ, но не надолго. Братья его, Святославъ и Всеволодъ, выгнали его изъ Кіева, — великимъ княземъ сдѣлся Святославъ.

Напрасно искалъ Изяславъ помощи у иноземныхъ государей: у императора германскаго (Генриха IV), у папы. Императоръ прислалъ пословъ къ Святославу, чтобы убѣдить его вернуть брату захваченный кіевскій престолъ. Великій князь принялъ пословъ радушно, показывалъ имъ свои богатства и щедро одарилъ: уѣхали они отъ него очень довольные, но того, за чѣмъ прїѣзжали, не добились.

Не помогли и увѣщанія духовенства,—Святославъ не мирился со старшимъ братомъ и продолжалъ княжить въ Кіевѣ. Только послѣ смерти его (1076 г.) Изяславъ, примирившись съ Всеволодомъ, вернулся въ Кіевъ, но и тогда усобица не стихла: пришлось имъ обоимъ вмѣстѣ вести упорную борьбу съ племянникомъ Олегомъ Святославичемъ. Это былъ князь очень воинственный; онъ хотѣлъ, во что бы то ни стало, завладѣть Черниговскою областью, гдѣ княжилъ раньше его отецъ, и которую занялъ по смерти Святослава Все-

володѣ. Олегъ призвалъ на помощь половцевъ; а тѣ рады были слушаю пограбить и сильно опустошили Черниговскую область. Изяславъ и Всеволодъ выступили противъ нихъ. Произошла кровополитная битва близъ Чернигова (при селѣ „Нежатина Нива“). Олегъ былъ разбитъ и едва успѣлъ спастись съ небольшою дружиною въ Тмутаракань; но въ бою палъ и самъ великий князь Изяславъ (1078 г.).

Тогда занялъ Кіевскую область братъ его—Всеволодъ Ярославичъ. Это былъ князь набожный, добродушный и большой „книголюбецъ“. Трудно было ему зъ то тревожное время: племянники его добивались областей, то и дѣло спорили между собой; приходилось ихъ мирить, разбирать да унимать; а туть еще кочевники (торки и половцы) постоянно беспокоили съ юга Русскую землю. Не справился бы со всѣми дѣлами своими Всеволодъ, да былъ у него

Одежда князей.

(По рисунку въ Изборникѣ 1073 г., представляющему семью вел. кн. Святослава).

хорошій помощникъ,—сынъ Владимиръ. Это былъ князь очень дѣятельный. Много ему пришлось потрудиться при отцѣ: то онъ усмирялъ непокорныхъ князей, то поражалъ хищныхъ половцевъ.

Подъ старость немощный Всеволодъ слишкомъ ужъ сталъ довѣряться своимъ намѣстникамъ и тунцамъ (должностные люди при князѣ). Много зла творили они: стали на судѣ миролить богатымъ, брать взятки и творить всякия насилия бѣднымъ. Кіевляне все это сносили,—надѣялись, что послѣ смерти престарѣлаго

князя становить княжить въ Киевѣ всѣми любимый сынъ его Владимиръ Мономахъ, названный такъ потому, что его мать была дочь византійского императора Константина Мономаха.

Усобицы при внукахъ Ярослава.

Умеръ Всеволодъ въ 1093 г.; кievляне хотѣли, чтобы княжилъ у нихъ Владимиръ; но онъ разсудилъ, что несправедливо будетъ ему занять Киевъ помимо Святополка Изяславича, старшаго двоюроднаго брата: заботился Владимиръ больше всего о томъ, чтобы миръ былъ на Руси, и послалъ звать Святополка на великое княженіе, а самъ вернулся въ Черниговъ.

Владимиръ, какъ видно, хотѣлъ соблюдать порядокъ старшинства. Русская земля, по понятіямъ того времени, принадлежала всему княжескому роду. Дѣлилась она на удѣлы по числу членовъ княжескаго рода. Старшій братъ, великий князь, занималъ главный городъ — Киевъ съ его областью, а младшіе братья размѣщались въ другихъ удѣлахъ по старшинству. Когда умиралъ великий князь, то не сынъ, а старшій за нимъ братъ занималъ Киевъ и становился великимъ княземъ; оставленный же имъ удѣль переходилъ въ руки слѣдующаго за нимъ по старшинству брата и т. д. По смерти великаго князя должно было совершаться перемѣщеніе всѣхъ удѣльныхъ князей. При этомъ надо замѣтить, что сыновья тѣхъ князей, которые умирали, не достигнувъ великокняжескаго престола, навсегда лишились права на него и даже исключались изъ княжескаго рода. Такіе князья назывались „изгоями“. Если и получали они небольшіе удѣлы, то какъ бы изъ милости старшихъ князей. Великіе князья иной разъ сильно хлопотали о томъ, чтобы своихъ сыновей пристроить на хорошие удѣлы и при дѣлѣ земли поступали не всегда справедливо. Распоряженіямъ же старшихъ князей иногда не повиновались младшіе. — Если родные братья Ярославичи ссорились между собою, то еще труднѣе было ужиться въ мирѣ двоюроднымъ и троюроднымъ братьямъ. Могли ли удѣльные князья чтить великаго князя „какъ отца“, когда князь этотъ, хотя и старшій въ родѣ, могъ быть и несправедливъ, и менѣе другихъ князей опытенъ, и менѣе способенъ? Кромѣ того, при общемъ передвиженіи, не всѣ князья охотно оставляли прежнія свои области; въ иныхъ городахъ и народѣ не хотѣль тѣхъ князей, какимъ приходилось по очереди занимать эти города, возставалъ противъ нихъ и призывалъ другихъ. Понятно, сколько смуты и неурядицы поднималось на Руси въ удѣльное время: споры, раздоры, усобицы шли безъ конца... Пользуясь этимъ, чутъ не каждый годъ вторгались въ Русскую землю орды половцевъ и другихъ враговъ, которымъ иной разъ сами же русскіе князья показывали путь въ свою землю. Тяжело жилось въ это время русскому люду!

Только что Святополкъ занялъ великокняжескій столъ, какъ началась война съ половцами. Не послушался онъ опытныхъ своихъ воеводъ и Владимира, которые совѣтовали ему снарядить побольше войска, выступилъ въ походъ съ незначительными силами и былъ разбитъ. Русскимъ пришлось спасаться бѣгствомъ. Разсѣялись шайки хищниковъ по Русской землѣ, и началася грабежъ...

Запустѣли города и сёла. Цѣлыми толпами угоняли половцы плѣнныхъ къ себѣ въ степи. Шли несчастные въ плѣнъ, по словамъ лѣтописца скорбные, дрожащіе отъ холода, голодные, томимые жаждою, исхудалые, нагие и босые; ноги ихъ были истерзаны терпиемъ. Со слезами они разсказывали другъ другу, откуда кто изъ нихъ, изъ какого города, изъ какой деревни...

Попытался опять Святополкъ сразиться съ хищниками, но снова былъ разбитъ и принужденъ быть заключить въ 1094 году миръ съ ними, даже женился на дочери Тугоръ-хана, одного изъ сильнейшихъ половецкихъ хановъ, думая хоть этимъ оградить свою землю отъ безконечныхъ хищническихъ вторженій и грабежей. Напрасная надежда! Несчастная война съ половцами была только началомъ бѣствий и горя, обрушившихся на Русскую землю въ злополучное княженіе Святополка II.

Поднялись усобицы. Причиной ихъ были старые счеты за Черниговъ, а потомъ споры за Волынь. Олегъ Святославичъ, княжившій въ Тмутаракані, послѣ смерти Всеволода задумалъ во что бы ни стало добиться Чернигова, отцовской области. Въ 1094 году опять внезапно явился съ большими ордами половцевъ подъ Черниговъ. Здѣсь былъ въ это время Владимиръ Мономахъ. Силь у него послѣ злосчастной борьбы съ половцами было мало, не могъ онъ встрѣтить врага въ открытомъ полѣ и заперся въ городѣ. Восемь дней Владимиръ отбивался. Но когда Олегъ далъ волю половцамъ безпощадно разорять и грабить сёла и деревни, расхищать и жечь монастыри, Владимиръ сдалъ Черниговъ, а самъ ушелъ въ отцовскій удѣль — Переяславль: тяжело ему было видѣть разореніе Русской земли и не хотѣль онъ цѣною ея бѣствій покупать свои выгоды... Вошелъ Олегъ въ отцовскій городъ; но грабежи половцевъ продолжались. Князь не только не запрещалъ имъ, но, по словамъ лѣтописи, даже самъ побуждалъ ихъ грабить. Да и какъ было ему иначе отблагодарить своихъ хищныхъ пособниковъ?!

„Это уже третій разъ, — скорбно замѣчаетъ лѣтописецъ: — онъ наводилъ нечестивыхъ на Русскую землю!“ ...

Ему волею или неволей приходилось дружить съ половцами, — въ нихъ только онъ и находилъ себѣ опору. Но зато трудно ему было ужиться съ другими князьями: когда они стали звать его на половцевъ, то онъ, конечно, уклонился... Въ 1096 г. Святополкъ и Владимиръ послали сказать ему:

— „Пріѣзжай въ Киевъ, урядимся о Русской землѣ предъ епископами, игуменами, предъ мужами отцовъ нашихъ и предъ горожанами, какъ-бы обронить Русскую землю отъ поганыхъ“.

На это приглашеніе Олегъ гордо отвѣтилъ:

— „Не подобаетъ меня судить ни епископу, ни игуменамъ, ни смердамъ!“

Тогда князья велѣли сказать ему:

— „Вотъ ты ни на поганыхъ не идешь, ни къ намъ на совѣтъ; стало быть, ты мыслишь противъ насъ и хочешь поганымъ помочь. Пусть же Богъ настъ разсудитъ!“

Святополкъ и Владимиръ пошли на Олега. Онъ бѣжалъ изъ Чернигова, заперся въ Стародубѣ и болѣе мѣсяца отбивался здѣсь; а въ это время орды

половцевъ снова нахлынули на Русскую землю и стали грабить ее. Наконецъ, Олегъ запросилъ мира у князей; они согласились. Но не о мирѣ думалъ Олегъ: кинулъ онъ на сѣверъ въ отцовскія Муромо-Рязанскія земли, напалъ здѣсь на сына Мономахова Изяслава, который завладѣлъ было Муромскимъ удѣломъ. Въ битвѣ подъ стѣнами Мурома палъ Изяславъ Владимировичъ. Неугомонный Олегъ не довольствовался отцовскими землями, а занялъ Ростовъ и Суздаль, наследственные волости Мономаха, посадилъ тамъ своихъ намѣстниковъ и сталъ собирать дань. Тогда старшій сынъ Мономаха Мстиславъ, крестникъ Олега, княжившій въ Новгородѣ, пришелъ въ Суздальскую область, прогналъ олеговыхъ сборщиковъ даніи и намѣстниковъ, затѣмъ предложилъ крестному отцу миръ.

— „Я моложе тебя, говорилъ онъ:—договаривайся съ моимъ отцомъ, а я во всемъ тебя послушаю.“

Не изъ такихъ былъ Олегъ, чтобы уступить въ чѣмъ-либо... Онъ выказалъ готовность помириться, но затѣмъ быстро двинулся на Мстислава, когда тотъ распустилъ дружину свою по деревнямъ. Не даромъ современники называли его „Гореславичемъ“,— много горя надѣлалъ онъ Русской землѣ! Мстиславъ однако успѣлъ собраться съ силами, встрѣтилъ Олега на берегахъ рѣчки Колокши, впадающей въ Клязьму, и разбилъ его. Преслѣдуя бѣгущаго дядю своего и крестнаго отца, Мстиславъ послалъ сказать ему:

— „Не бѣгай никуда, но пошли къ братьямъ своимъ съ мольбой не лишать тебя Русской земли, а я буду просить за тебя у отца моего!“

На этотъ разъ Олегъ послѣдовалъ совѣту. Какъ ни горевалъ Владимиръ по своемъ убитому сыну, но все же для блага Русской земли готовъ былъ помириться съ Олегомъ.

Въ 1097 г. князя, по мысли Владимира, сѣхались въ Любечѣ, чтобы уладить спорныхъ дѣла.

— „Зачѣмъ губимъ мы землю Русскую, ссорясь между собою!? говорили некоторые изъ князей:—а половцы разоряютъ нашу землю и раздѣляются, что у насъ усобицы. Станемъ отныне жить согласно, станемъ общими силами блести Русской землю. Пусть каждый изъ насъ владѣть отцовской волостью (отчизною).“

Владимиръ уступилъ Черниговскую область сыновьямъ Святослава (Олегу, Давиду и Ярославу). Давиду Игоревичу достался Владимиръ-Волынскій, а Володарю и Васильку Ростиславичамъ, князьямъ—изгоямъ (внукамъ Владимира Ярославича), города Переяславль и Теребовль. Такъ порѣшили князья и цѣловали крестъ.

— „Если кто взъ князей, клялись они: возстанетъ на другого, то противъ него будемъ всѣ мы и честной кресть.“

Благое было намѣреніе у князей, собравшихся на сѣздѣ, но мало вышло пользы отъ этого. Не успѣли еще всѣ они разѣхаться по своимъ областямъ, какъ клятва ихъ жить мирно между собою была нарушена. Совершилось злодѣйство, неслыханное до тѣхъ поръ на Руси!...

Осдѣпленіе Василька.

Давидъ Игоревичъ, который и раньше злобился на Василька за то, что тому досталась лучшая часть Волынской области, сталъ наговаривать Святополку на Василька, будто онъ съ Владимиромъ тайно согласился захватить волости Киевскую, Волынскую и подѣлить ихъ между собою.

— „Если не схватимъ Василька, говорилъ Давидъ великому князю: то не княжить ни тебѣ въ Киевѣ, ни мнѣ во Владимирѣ.“

Подозрительный Святополкъ повѣрилъ Давиду. Въ это время Василько возвращался изъ Любеча и остановился на ночлегъ съ людьми своими неподалеку отъ Киева. На другой день утромъ прислали Святополкъ звать его къ себѣ на именины. Василько отговаривался тѣмъ, что ему необходимо спѣшить домой. Святополкъ посылаетъ снова сказать ему:

— „Если не хочешь оставаться здѣсь до моихъ именинъ, то хоть зайди ко мнѣ повидаться, побесѣдуй съ тобою и Давидомъ.“

Предостерегаль Василька одинъ изъ отроковъ его, чтобы онъ не довѣрялся великому князю; но Василько не обратилъ на это вниманія,— вѣдь такъ еще недавно всѣ князья клялись жить между собою мирно,— и поѣхалъ въ Киевъ съ нѣсколькими дружинниками. На княжемъ дворѣ вышелъ навстрѣчу ему Святополкъ, ввелъ его въ комнату; пришелъ сюда и Давидъ. Сталъ снова великий князь уговаривать гостя остаться на именины, но тотъ рѣшительно отказался, говоря, что уже отправилъ своихъ людей впередъ.

— „Хоть позавтракай у меня, братъ“, просилъ великій князь.

На это Василько согласился.

— „Посидите здѣсь, сказалъ Святополкъ ему и Давиду: а я пойду, распоряжусь!“

Началъ Василько разговаривать съ Давидомъ, но тотъ былъ въ такомъ смущеніи, что ни говорить ни слушать не могъ; немного спустя и онъ вышелъ изъ комнаты. Тогда пришли воины, заковали Василька въ двойные оковы и стали стеречь его. Утромъ на другой день великій князь созвалъ бояръ и кievлянъ и передалъ имъ слова Давида, будто Василько съ Владимиромъ условились напасть на него, великаго князя, и погубить его и города захватить. Бояре и кievляне уклончиво отвѣтили:

— „Тебѣ, князь, слѣдуетъ беречь себя: пусть Василько примѣтъ казнь, если Давидъ сказалъ правду, если же неправду, то его Богъ накажетъ, пусть онъ отвѣчаетъ предъ Богомъ.“

Святополкъ колебался и не зналъ, какъ поступить.

— „Если отпустишь, твердилъ Давидъ ему: то ни тебѣ не княжить, ни мнѣ.“

Малодушный Святополкъ уступилъ Давиду и позволилъ ему дѣлать, что онъ хочетъ. Въ ту же ночь привезли Василька скованного на телѣ въ Бѣлгородъ, въ 10 верстахъ отъ Киева, ввели его въ избу. Сидя тутъ, онъ увидѣлъ торчина, который точилъ ножъ. Догадался Василько, что грозить ему большая бѣда, и сталъ съ плачемъ и стономъ, призывать Бога... Вошли конюхи Святополка и Давида, разостлали на полу коверь, схватили

Василька и хотѣли его повалить на коверъ; но князь былъ силенъ, упорно боролся, и они не могли справиться съ нимъ. Тогда пришли имъ на помощь другіе слуги, повалили князя, связали его, сняли съ полатей доску, положили ему на грудь и сѣли на концы доски; но все-таки не могли его сдержать; взяли другую доску и еще двое человѣкъ сѣли на нее; такъ сдавали несчастнаго, что въ груди его затрещали кости. Тогда торчинъ, пастухъ святополковъ, подошелъ съ ножомъ и хотѣлъ ударить въ глазъ, но не попалъ и порѣзалъ Васильку лицо; затѣмъ ударилъ ножомъ въ глазъ и выхватилъ его, потомъ другой... Василько лежалъ, какъ мертвый. Его положили на повозку и повезли во Владимиръ. Въ городкѣ Вздвиженѣ сняли съ него окровавленную рубашку и дали вымыть попадѣ. Она вымыла, надѣла на него и стала плакать по немъ, какъ по мертвомъ.

Онъ очнулся, услышавъ плачъ, и спросилъ:— „Гдѣ я?“

— „Въ городѣ Вздвиженѣ“, отвѣчали ему.

Попросилъ онъ воды испить, пришелъ въ себя, ощупалъ свою рубаху и сказалъ:

— „Зачѣмъ это вы надѣли на меня другую? Пусть я умеръ бы въ той окровавленной сорочкѣ и предсталъ въ ней предъ Богомъ.“

На шестой день прїехали во Владимиръ. Прибылъ сюда и Давидъ; приставилъ онъ тридцать человѣкъ стеречь Василька,—радовался, словно зѣря затравилъ.

Въ ужасъ пришли всѣ русскіе князья, когда узнали о злодѣйствѣ. Владимиръ заплакалъ...

— „Не бывало еще такого зла въ Русской землѣ ни при отцахъ нашихъ, ни при дѣдахъ!“ воскликнулъ онъ.

Возмущены были и Святославичи (Давидъ и Олегъ) этимъ звѣрствомъ и вѣроломствомъ. Всѣ эти князья послали къ Святополку потребовать отвѣта...

— „Чего ради ты совершилъ это зло Русской землѣ?—спрашивали они у него:—зачѣмъ ты бросилъ среди насъ ножъ? (т.-е. завѣль новую распрю). Зачѣмъ ослѣпилъ своего брата? Если на немъ была какая вина, то почему ты не обличилъ его передъ нами? Объясни теперь намъ, какая его вина!“

Святополкъ отвѣчалъ:

— „Давидъ сказалъ мнѣ, что Василько хочетъ и меня погубить и землями моими завладѣть; что онъ и Владимиръ порѣшили овладѣть Киевскою областью и Волынскою; а свою жизнь я воленъ защищать, и не я ослѣпалъ Василька, а Давидъ; онъ и увелъ его къ себѣ.“

На это сказали Святополку послы:

— „Не ссылайся на Давида, что онъ ослѣпалъ; не въ Давидовомъ городѣ Василько взять и ослѣплѣнъ, но въ твоемъ.“

Князья хотѣли немедленно переправиться чрезъ Днѣпръ и напасть на Святополка, а онъ собирался ужеѣхать изъ Киева; но кievляне не допустили этого. Они послали къ Владимиру мачеху его, вдову Всеволода, жившую въ Кіевѣ, и митрополита Николая.

— „Умоляемъ, князь, тебя и братьевъ твоихъ,—сказали они: не губите

Русской земли. Когда начнется война между вами, порадуются поганые враги наши (половцы и др.) и захватятъ землю Русскую, которую пріобрѣли съ великимъ трудомъ отцы наши и дѣды, а вы хотите погубить ее!“

Когда эти слова услышалъ Владимиръ, то прослезился и сказалъ:

— „Поистинѣ, отцы наши и дѣды берегли землю Русскую, а мы хотимъ погубить ее!“

Послушалъ Владимиръ митрополита и княгиню, которую чтиль какъ мать.

Начались переговоры. Порѣшили, что ити на Давида Игоревича, захватить его въ плѣнъ или выгнать изъ его области долженъ самъ Святополкъ. Онъ клялся, щѣловалъ крестъ, что исполнить это. Провѣдалъ Давидъ о бѣдѣ, какая грозитъ ему, не зналъ, какъ ему быть, попробовалъ даже помириться съ Василькомъ и послалъ къ нему просить, чтобы онъ не допустилъ новой усобицы, при чёмъ складывалъ всю вину на Святополка. Василько выслушалъ предложеніе и сказалъ посланцу:

— „Слышалъ я, что Давидъ намѣренъ отдать меня въ руки ляхамъ; видно, онъ еще не насытился мою кровью. Я мстилъ ляхамъ за отечество и сдѣлалъ имъ много зла. Не боюсь я смерти. Открою тебѣ всю мою душу. Богъ наказалъ меня за мою гордость. Надѣялся я на помощь торковъ, берендеевъ и половцевъ, и думалъ въ гордости своей: теперь скажу брату Володарю и Давиду: дайте мнѣ только свою младшую дружину, а сами пейте и веселитесь. Зимою выступлю въ походъ, лѣтомъ завоюю Польшу. Земля у насъ скучна жителями: пойду на дунайскихъ болгаровъ и плѣнниками заселю пустыни. А тамъ буду проситься у Святополка и Владимира на общихъ враговъ земли Русской, на половцевъ: добуду славы или сложу голову за родную землю. Въ душѣ моей не было иной мысли. Клянусь Богомъ, не хотѣлъ сдѣлать я ни малѣшаго зла ни Святополку, ни Давиду, ни другимъ братьямъ.“

Новыя усобицы.

Давидъ, несмотря на грозившую ему опасность, все еще думалъ овладѣть удѣломъ Василька, и началъ усобицу съ его братомъ Володаремъ. Но оказалось, что у князя этого мужества и ратной силы больше, чѣмъ ожидалъ Давидъ, и онъ побоялся даже сразиться въ полѣ съ нимъ, а заперся въ городѣ Бужѣкѣ. Осадилъ его тутъ Володарь и послалъ ему сказать:

— „Совершилъ ты зло и не каешься въ этомъ. Вспомни, сколько бѣды ты сотворилъ.“

Давидъ сталъ оправдываться:

— „Развѣ я это сдѣлалъ, отвѣчаль онъ:—въ моемъ ли городѣ я совершилъ это? Я боялся самъ, чтобы меня не взяли и не сдѣлали со мною того же. Неволя заставила меня дѣйствовать сообща съ великимъ княземъ.“

— „Богъ вѣдаетъ, кто виноватъ, отвѣчалъ Володарь: а теперь отпусти брата моего, и я помирюсь съ тобою.“

Давидъ отпустилъ Василька. Но только что наступила весна, Володарь и Василько напали на Давида; задумали они жестоко отомстить ему: сожгли до тла городъ его Всеволожъ, безчеловѣчно умертвили жителей. Оса-

дили Владимиръ, гдѣ заперся Давидъ, и потребовали, чтобы владимирцы выдали главныхъ его совѣтниковъ, которые содѣствовали злодѣянію. Собрались жители города на вѣче и потребовали отъ князя, чтобы онъ выдалъ виновныхъ.

— „Выдай этихъ людей, говорили они: за тебя биться можемъ, но за нихъ не хотимъ. Если не выдашь ихъ, то мы отворимъ городскія ворота, а ты самъ промышляй о себѣ какъ хочешь!“

Давидъ принужденъ былъ выдать требуемыхъ лицъ. Ихъ повѣсили, а затѣмъ разстрѣляли стрѣлами.

Послѣ этого Ростиславичи (Володарь и Василько) удалились. Но Давидъ не избѣжалъ бѣды. Великій князь шелъ на него и овладѣлъ его областью. Давиду пришлось бѣжать въ Польшу.

Святополкъ скоро опозорилъ себя новымъ вѣроломствомъ. Вступая въ Волынскую область, онъ торжественно клялся Ростиславичамъ, что ихъ владѣній не тронеть, а смирить только ихъ общаго врага—Давида. Но, побѣдивъ его, вѣдомъ захватить Переяславль и Теребовль, несмотря на клятву. Ростиславичи выступили противъ него, чтобы отстоять свои области. Когда сошлись оба войска, слѣпой Василько взялъ крестъ, поднялъ его и громко закричалъ Святополку:

— „Вотъ крестъ, на которомъ ты клялся! Отнялъ ты у меня зрѣніе, а теперь хочешь и жизнь отъ меня отнять. Пусть этотъ крестъ разсудить насъ!“

Началась битва. Съ той и съ другой стороны бились отчаянно; множество людей пало. Володарь и Василько одержали побѣду, остановились на границѣ своихъ владѣній и дальше не пошли.

— „Довѣрять (довольно) намъ стать на межѣ своей“, сказали они.

Святополкъ послалъ звать на помощь венгровъ. Между тѣмъ явился снова Давидъ, помирися съ Ростиславичами, а самъ отправился въ землю половцевъ, чтобы съ ихъ помощью вернуть свое владѣніе. Венгры потерпѣли пораженіе. Междусобія продолжались. Вѣроломство, жестокость, малодушіе и властолюбіе Святополка и Давида возмущали Владимира Мономаха и другихъ лучшихъ князей. Рѣшили они снова стѣхаться на съѣздѣ, чтобы сообща прекратить возмутительныя распри...

Собрались они въ августѣ 1100 года въ городѣ Витичевѣ. Святополкъ, Мономахъ и Святославичи заключили между собою союзъ и звали на съѣздѣ Давида; онъ не посмѣлъ ослушаться и прїѣхалъ.

— „Чего отъ меня хотите? Я здѣсь. Кто недоволенъ мной?“— спросилъ онъ.

— „Ты самъ раньше говорилъ, отвѣчалъ ему Владимиръ: — хочу, братья, притти къ вамъ и пожаловаться на свои обиды. Вотъ теперь сидишь ты съ нами на одномъ коврѣ. Чего же ты не жалуешься? на кого изъ насъ есть у тебя жалоба?“

Давидъ молчалъ. Князья встали и сѣли на коней. Отѣхавъ въ сторону, каждый совѣтовался съ дружиной своей. Давидъ сидѣлъ одинъ. Наконецъ,

Съѣздъ князей.

они согласились между собою и послали своихъ мужей объявить ему свое рѣшеніе. Посланые торжественно заявили:

— „Вотъ что говорять тебѣ твои братья: не хотимъ тебѣ дать Владимирской области за то, что ты между нась бросилъ ножъ; другого зла мы тебѣ не причинимъ. Даемъ тебѣ города Бужскъ и Острогъ; Святополкъ даетъ тебѣ Дубно и Черторижскъ. Сверхъ того, Мономахъ даетъ тебѣ 200 гривень, Олегъ и Давидъ Святославичи даютъ столько же.“

Послали князья своихъ пословъ и къ Володарю Ростиславичу сказать ему:

— „Возьми къ себѣ брата своего Василька и будеть вами одна область Переяславль, или пусти его къ намъ,—мы будемъ содержать его, а пленныхъ, захваченныхъ вами, отпустите.“

Но Ростиславичи и не думали повиноваться этому несправедливому рѣшенію; Василько остался княжить въ своемъ Теребовлѣ.

Борьба съ половцами.

Распаденіе на удѣлы ослабило Русскую землю. Власть князей не имѣла уже той силы, какъ при Ярославѣ. Народъ, видя постоянныя ссоры князей, не чтилъ ихъ, какъ слѣдуетъ; особенно недружелюбно смотрѣлъ онъ на болѣе беспокойныхъ князей, виновниковъ частыхъ смутъ. Новгородцы даже не хотѣли пустить къ себѣ на княженіе Святополкова сына. Радовались бѣдамъ Русской земли только враги ея—половцы.

Весною, какъ только показывалась трава въ степяхъ, русские ужъ и ждали со страхомъ хищныхъ гостей. Невыносимо тяжело становилось жить населенію близъ степи. Оборонять безконечно-длинную, вовсе незащищенную природой границу, да еще при малочисленномъ и разбросанномъ населеніи, русскимъ было невозможно; оставалось одно—итти самимъ въ степи, попытаться разгромить орды хищниковъ, чтобы хотя на время обезопасить свою землю отъ гибельныхъ налетовъ этой степной саранчи. Князья отъ оборонительной войны съ половцами начали переходить и къ наступательной.

На другой годъ послѣ Витичевскаго сѣзда Владимиръ задумалъ побудить Святополка къ войнѣ съ половцами общими силами, а тотъ обратился за совѣтомъ къ своей дружинѣ.

— „Не годится итти въ походъ весною, сказала ему дружина: только лошадей и поселянъ отъ полевыхъ работъ отнимать!“

Сѣхались Владимиръ и Святополкъ близъ Кієва, у Долобскаго озера, на лѣвомъ берегу Днѣпра (1103 г.), и сѣли въ одномъ шатре, Святополкъ со своею дружиною, а Владимиръ со своею, и долго молчали. Владимиръ, наконецъ, сказалъ Святополку:

— „Братъ, ты старшій, говори, какъ бы намъ промыслить о Русской землѣ.“

— „Лучше ты начни говорить“, возразилъ Святополкъ.

— „Что же мнѣ говорить?“ сказалъ Владимиръ: противъ меня будутъ и твоя дружина, и моя, — скажутъ, что хочу погубить поселянъ, оторвать ихъ отъ работы. Дивлюсь я только тому, что и поселянъ жалѣете, и лошадей ихъ, а того и не подумаете, что весною станеть крестьянинъ пахать съ

лошадью, — придетъ половчинъ, застрѣлить мужика, а лошадь его и жену и дѣтей возьметъ себѣ и гумно сожгетъ.“

Всѣ дружины согласились съ Владимиромъ, и Святополкъ заявилъ:

— „Готовъ и я итти съ тобою противъ половцевъ.“

— „Великое добро, братъ, сдѣлаешь ты Русской землѣ!“ сказалъ Владимиръ.

Они послали звать въ походъ и другихъ князей. Многіе пришли съ пѣхотою и конницею. Пѣши плыли въ лодкахъ по Днѣпру; конница шла по берегу. Русскіе послѣ жестокаго, кроваваго боя разбили половцевъ, 20 хановъ перебили, взяли много скота, овецъ, лошадей, верблюдовъ, кибитки со всякой рухлядью и множество рабовъ.

Еще значительнѣѣ была война съ половцами въ 1111 году. Владимиръ Мономахъ снова уговорилъ всѣхъ князей общими силами ударить на половцевъ, которые не давали покоя русскимъ. Быть великій посты. Народъ молился въ первыхъ, а воины собирались въ походъ. Выступили 26-го февраля. На берегахъ рѣки Ворсклы всѣ торжественно пѣловали крестъ, готовясь умереть. Наконецъ подошли къ Дону. Здѣсь всѣ воины надѣли на себя брони (оружіе обыкновенно возили за пѣшими воинами въ повозкахъ) и двинулись къ югу.

Со временемъ Святослава русскіе не заходили еще такъ далеко въ степи, какъ на этотъ разъ. Передъ ратниками Владимира шли по его приказанію священники и одушевляли воиновъ церковнымъ пѣніемъ. 24-го марта русскіе разбили половцевъ и праздновали вмѣстѣ съ побѣдою день Благовѣщенія. Черезъ два дня послѣ этого половцы окружили русскихъ со всѣхъ сторонъ на берегахъ рѣки Сала. Битва была отчаянная и кровопролитная. Владимиръ своимъ примѣромъ воодушевлялъ воиновъ. Искуснымъ и быстрымъ движениемъ своихъ полковъ онъ сломилъ непріятелей. Съ множествомъ пленныхъ

Русский конный воинъ XI—XII ст.

и большою добычею вернулись русские изъ этого похода. Слава о немъ разнеслась по всей Руси и по другимъ странамъ.

Долго послѣ этого пораженія половцы не тревожили Русской земли.

Владимиръ Мономахъ.

Черезъ два года послѣ этого похода (1113 г.) умеръ Святополкъ. Собрались киевляне на вѣче, порѣшили выбрать своимъ княземъ Владимира Мономаха и послали звать его. Владимиръ медлилъ,—быть можетъ, и на этотъ разъ не хотѣлъ онъ нарушать старшинства и сѣсть на велиокняжеский столь помимо Святославичей, старшихъ двоюродныхъ братьевъ своихъ. Въ Киевѣ начались беспорядки: разграбили дворъ Путяти, любимца покойнаго князя, стали грабить жіовъ, озлобившихъ народъ своимъ лихоимствомъ. Послали снова киевляне просить Владимира:

— Иди, князь, въ Киевъ, а не то разграбятъ и княгиню Святополкову, и бояръ, и монастыри.

Владимиръ наконецъ прибылъ въ Киевъ. Народъ встрѣтилъ своего любимца съ восторгомъ. Мятежъ утихъ. Святославичи не посмѣли противиться общему желанію; Владимира давно уже знала и любила вся Русская земля: трудно было оспаривать у него велиокняжеский столь.

Владимиръ былъ человѣкъ необыкновенно дѣятельный. Безпрестанно онъ ходилъ въ походы, во все викаль, входилъ самъ во всѣ дѣла и княжескія, и церковныя, и домашнія, любилъ читать книги и бесѣдоватъ съ духовными лицами. Быть онъ притомъ и смѣлымъ охотникомъ: нерѣдко съ нѣсколькими удальцами-дружиинниками на лихихъ коняхъ онъ рыскалъ по степямъ, лавливавъ самъ по нѣскольку дикихъ степныхъ коней въ день; заходилъ и въ дремучie лѣса; не разъ случалось ему перевѣдаться съ хищнымъ звѣремъ. Охоты въ тѣ времена были совсѣмъ не то, что теперь. Тогда приходилось близко подпускать къ себѣ звѣря: дикаго кабана, зубра, медвѣдя стрѣлою не убить,—надо было дѣйствовать больше копьемъ да рогатиною. Въ тѣ времена любили тѣшиться и птичими—соколиными или ястребинными охотами.

Вступилъ Владимиръ на велиокняжескій столь уже шестидесяти лѣтъ, но былъ еще бодръ и духомъ и тѣломъ. Половцы не смѣли при немъ тревожить Русскую землю. Княжескія усобицы притихли. Правдивый и набожный, добродушный и вмѣстѣ съ тѣмъ воинственный, онъ высоко стоялъ въ глазахъ всѣхъ современниковъ, привыкшихъ видѣть всюду вѣроломство, насилие и злобу. Удѣльные князья уважали Владимира и вмѣстѣ съ тѣмъ боялись его,—быть онъ милостивъ, но бывалъ и строгъ. Когда какои-нибудь князь начиналъ смуту, онъ старался всячески уговорить его, умиротворить, уладить дѣло мирнымъ путемъ. Если же безпокойный князь упорствовалъ, то Владимиръ строго наказывалъ его, даже отнималъ у него удѣль. Княженіе Владимира Мономаха было самою счастливою порою въ удѣльное время. Казалось, исполнилось завѣтное желаніе Ярослава Мудраго, чтобы великий князь замѣнилъ для младшихъ удѣльныхъ князей любящаго (и вмѣстѣ съ тѣмъ строгаго отца). Былъ Владимиръ правосуденъ,—не давалъ слабыхъ въ обиду сильнымъ, самъ на своемъ княжемъ дворѣ творилъ судъ. Русскую

Правду дополнілъ,—постановилъ, чтобы заемодавцы не брали большихъ рѣзовъ, т.-е. лихвы (процентовъ) съ должниковъ. Любилъ и чтилъ онъ духовенство; глубоко проникнуть былъ Евангельскимъ ученіемъ.

Лучше всего мысли и чувства Владимира видны изъ того поученія, которое написалъ онъ своимъ дѣтямъ.

Поученіе Владимира Мономаха.

„Дѣти мои или кто иной, прочитавъ эту грамотку, не посмѣйтесь, но примите ее въ сердце свое. Прежде всего, ради Бога и души своей страхъ Божій имѣйте въ сердцѣ своемъ и милостию давайте нескудную. Это—начало всякому доброму.—Встрѣтили разъ меня на Волгѣ послы братьевъ моихъ и передали мнѣ ихъ слова: „Соединись съ нами, выгонимъ Ростиславичей (Володаря и Василько) и волость ихъ отнимемъ; если не пойдешь съ нами, то мы порвемъ союзъ съ тобою“. И сказалъ я имъ: „Хоть вы и гибѣватель станете, не могу итти съ вами и нарушить клятву“. Отпустивъ пословъ, взялъ я въ печали Псалтирь, раскрылъ ее и вотъ какое мѣсто попалось мнѣ: „Вскую печалуши, душа, вскую смущаши мя? и проч. (т.-е. чего печалишься, душа, чего смущаешься?) Не ревнуй лукавствующимъ, не завидуй творящимъ беззаконье, лукавые погибнуть, повинующіеся Господу, тѣ получать власть надъ землею...“ Поистинѣ, дѣти мои, полумайте, какъ человѣколюбивъ Богъ и милостивъ. Мы, люди грѣшные и смертные, если наль кто зло сотворить, хотимъ уничтожить врага нашего и кровь его пролить, а Господь нашъ, въ рукахъ Котораго и жизнь и смерть людей, терпить грѣхи наши „выше главы нашей“ (выше всякой мѣры). Онъ, какъ отецъ, который, любя свое дитя, хоть и наказываетъ, но затѣмъ и ласкаетъ.—Тремя добрыми дѣлами можно отъ грѣха избавиться и царствія Божія не лишиться: покаяньемъ, слезами и милостию. Не тяжкая эта заповѣдь, дѣти мои. Бога ради, не лѣнитесь; молю вѣсть, не забывайте этихъ трехъ дѣлъ. Ни одиночество (отшельничество), ни монашество, ни голодъ (постъ), чemu подвергаютъ себя нѣкоторые благочестивые люди, не такъ важны, какъ эти три дѣла... Послушайте меня, дѣти мои. Если не все наставленіе мое примите, то примите хоть половину. Пусть Богъ смигчить ваше сердце; проливайте слезы о грѣхахъ вашихъ, говоря: „Какъ разбойника и мытаря помиловать Ты, Господи, такъ и насъ грѣшныхъ помилуй“. И въ церкви это дѣлайте, и спать ложася. Когда на конѣ ѳдете, говорите мысленно: „Господи, помилуй“. Эта молитва всѣхъ лучше.

Всего же болѣе убогихъ не забывайте, но по мѣрѣ силъ кормите ихъ. Сироту и вдову сами на судѣ по правдѣ судите; не дайте ихъ сильнымъ въ обиду.

Ни праваго ни виноватаго не убивайте, и не позволяйте убивать, хотя бы и заслуживалъ смерти; не губите никакой христіанской души.

Когда рѣчь ведете о чёмъ, не клянитесь Богомъ, не креститесь; нѣть въ этомъ никакой нужды. Если же придется вамъ крестъ цѣловать (давать клятву), то подумайте сначала хорошенъко, можете ли сдержать клятву; а поклявшись, держитесь клятвы, чтобы, нарушивъ ее, не погубить своей души.

Епископовъ, поповъ и игуменовъ почитайте, принимайте отъ нихъ благословеніе. Любите ихъ и по мѣрѣ силы заботьтесь о нихъ, чтобы они молились за васъ.

Больѣ же всего не имѣйте гордости ни въ сердцѣ вашемъ, ни въ умѣ: мы всѣ смертны,—сегодня живы, а завтра въ гробу. Все, что даль намъ Богъ, не наше, а поручено намъ на короткое время. Въ землю сокровищъ не зарывайте: то великий грѣхъ. Старика почитайте какъ отца, молодыхъ какъ братьевъ.

Въ дому своеемъ не лѣнитесь, но за всѣмъ присматривайте сами; не полагайтесь на тѣуна вашего и отрока, чтобы приходящіе къ вамъ не посмѣялись надъ домомъ вашимъ и надъ обѣдомъ. На войнѣ не лѣнитесь, не надѣйтесь на воеводъ вашихъ, не предавайтесь ни питью, ни ъѣдѣ, ни спанью. Сами стражу разставляйте. Устроивъ все, ложитесь спать около воиновъ, а вставайте рано. Оружія съ себя не снимайте, не разглядѣвъ, есть ли опасность, или нѣть: отъ безпечности человѣкъ можетъ внезапно погибнуть.

Когда проѣзжаете по своимъ землямъ, не давайте слугамъ безчинствовать и причинять вредъ ни своимъ, ни чужимъ, ни въ сelaхъ, ни на нивахъ, чтобы не проклинали васъ. Куда прѣдете, гдѣ остановитесь, напойте, накормите бѣдного. Больѣ всего чтите гостя, откуда ни пришелъ бы онъ, простой ли человѣкъ, или знатный, или посолъ. Если не можете почтить подаркомъ, то угостите кушаньемъ и питьемъ. Гости эти мимоходомъ по всѣмъ странамъ разнесутъ молву о человѣкѣ, какъ о добромъ или какъ о зломъ.

Больного посѣтите; покойниковъ провожайте и не минуйте никого безъ привѣта, скажите всякому доброе слово. Жену свою любите, но не давайте ей власти надъ собою.

Что знаете полезнаго, не забывайте, а чего не знаете, тому учитесь. Мой отецъ, дома сидя, зналъ пять языковъ. За это большая честь отъ другихъ земель. Лѣность всему худому матер: что знаешь, то забудешь; чего не знаешь, тому не выучишься. Творите добро, не лѣнитесь ни на что хорошее.

Прежде всего идите въ церковь. Пусть не застанетъ васъ солнце на постели. Такъ дѣлалъ мой отецъ блаженный и всѣ лучшіе люди. Створивъ утреннюю молитву и воздавъ Богу хвалу, слѣдуетъ съ дружиною думать о дѣлахъ или творить судь людямъ, илиѣхать на охоту (если нѣть никакихъ важныхъ дѣлъ), а потомъ лечь спать. Въ полдень самимъ Богомъ присуждено спать и человѣку, и звѣрю, и птицѣ.

А вотъ повѣдаю вамъ, дѣти мои, о своихъ трудахъ и ловахъ. (Здѣсь Владимиръ подробно перечисляетъ свои походы). Всѣхъ моихъ походовъ было, говорится далѣе, 83 большихъ, а прочихъ меньшихъ и не вспомню. Девятнадцать разъ заключалъ я миръ съ половцами при отцѣ и послѣ смерти его. Больѣ ста вождей ихъ выпустилъ изъ оковъ (изъ плѣна). Избито ихъ въ разное время около двухсотъ. А вотъ какъ трудился я на охотахъ и ловахъ: коней дикихъ по 10, по 20 вязалъ я своими руками; два тура (дикіе быки) метали меня на рогахъ съ конемъ вмѣстѣ; олень меня бодалъ; два лося—одинъ ногами топталъ, другой рогами бодалъ; вепрь оторвалъ у меня мечъ съ боку; медвѣдь у колѣна прокусилъ подсѣдельный войлокъ; лютый звѣрь

вскочилъ ко мнѣ на колѣни и повалилъ коня со мною, а Богъ сохранилъ меня цѣлымъ и невредимымъ; съ коня много разъ я падалъ, голову разбивалъ два раза, и руки и ноги вредилъ себѣ въ юности моей, жизни своей не жалѣль, головы своей не щадилъ. Что можно было дѣлать и отроку моему, то самъ я дѣлалъ—на войнѣ и на ловахъ, ночью и днемъ, въ лѣтній зной и въ зимнюю стужу. Не давалъ я себѣ покою, не полагался ни на посадниковъ, ни на биричей,—самъ все дѣлалъ, что надо; самъ смотрѣлъ за порядкомъ въ дому, охотничье дѣло самъ правилъ, о конюшняхъ, о соколахъ и ястребахъ самъ заботился. Простого человѣка, убогой вдовицы не давалъ въ обиду сильнымъ; за церковнымъ порядкомъ и службой самъ присматривалъ.

Не осудите меня, дѣти мои, или иной, кто прочтетъ эти слова. Не себя я хвалю, а хвалю Бога и прославляю милость Его за то, что Онъ меня, грѣшнаго и худого, сохранилъ отъ смерти столько лѣтъ и сотворилъ меня нелѣнивымъ и способнымъ на всѣ человѣческія дѣла.

Прочитавъ эту грамотку, постараитесь творить всякия добрыя дѣла. Смерти, дѣти мои, не бойтесь ни отъ войны, ни отъ звѣря, но творите свое дѣло, какъ дастъ вамъ Богъ. Не будетъ вамъ, какъ и мнѣ, вреда ни отъ войны, ни отъ звѣря, ни отъ воды, ни отъ коня, если не будетъ на то воли Божіей, а если отъ Бога смерть, то ни отецъ, ни мать, ни братья не могутъ спасти. Божья охрана лучше человѣческой...

Изъ поученія этого ясно видно, какъ глубоко понималъ Владимиръ Мономахъ ученіе Христово, какъ заботился онъ о правомъ судѣ и защите слабыхъ, какъ высоко понималъ обязанности князя.

Насколько Владимиръ Мономахъ былъ проникнутъ христіанскимъ чувствомъ,—это хорошо видно также изъ его письма къ двоюродному брату Олегу Святославичу, который, напавъ на Муромъ, былъ, какъ известно, причиной смерти сына Владимира. Подавляя горькое чувство, Владимиръ пишетъ:

„О многострастный и печальный я! много боролся я съ моимъ сердцемъ, помышляя, какъ стать предъ страшнымъ Судьею безъ покаянія и примиренія. Сказать: Бога люблю, а брата своего не люблю, будетъ ложь. „Аще не отпустите прегрѣшній брату, ни вамъ отпустить Отецъ вашъ небесный“... Что можетъ быть лучше и прекраснѣе, какъ жить дружно; но дьяволъ не хочетъ добра роду человѣческому и скорить насы. Написалъ я тебѣ это письмо, потому что побудилъ меня сынъ мой (Мстиславъ), крестникъ твой; прислая онъ мнѣ грамотку, гдѣ говорить: уладимся и примиримся, а брату моему судъ Божій (смерть) пришелъ, а мы не будемъ мѣстниками (мстителями), но возложимъ это на Бога... Они станутъ предъ Богомъ, а мы Русской земли не погубимъ. И я, видя смиреніе сына моего, умилился душою, устрашился Бога и сказалъ: сынъ мой въ юности своей и неопытности такъ смиряется и все на Бога возлагаетъ, а я—человѣкъ (зрѣлыхъ лѣтъ) грѣщенъ больше другихъ. И послушалъ я сына и написалъ тебѣ грамотку, примешь ли ее съ добромъ или съ поруганіемъ... Что мы, грѣшные люди! Нынѣ живы, а завтра мертвы; сегодня въ славѣ и въ почетѣ, а завтра въ гробу, и другое раздѣлять собранное нами имѣніе.—Вспомни, братъ, о нашихъ отцахъ. Что они взяли съ

собою? Только то, что сотворено ихъ душами". Далѣе Владимиръ укоряетъ Олега, что онъ даже и утѣшительной грамотки не прислалъ по смерти сына, и просить послать къ нему сноху... „Я не желаю зла братіи, но желаю добра ей и Русской землѣ!" пишетъ Владимиръ въ заключеніе.— „Если кто изъ васъ не хочетъ добра и мира христіанамъ,—не узрѣть ему отъ Бога мира для души своей въ будущей жизни".

Вспомнимъ, какъ хлопоталъ онъ о прекращеніи усобицъ, о примиреніи враждующихъ,—вспомнимъ, что по его мысли собирались княжеские съезды (Любецкій, Витичевскій и Долобскій); что онъ постоянно настаивалъ на общемъ союзѣ князей противъ половцевъ,—и мы поймемъ, почему такъ высоко ставили современники этого великаго человѣка.

Онъ, по словамъ лѣтописца, не величался, по заповѣди Божіей творилъ добро врагамъ своимъ, былъ очень милостивъ къ нищимъ и убогимъ, не щадилъ имѣнія своего,—все раздавалъ нуждающимся. Понятно, отчего его такъ любилъ и простой народъ и духовенство; да и дружина не могла не любить его,—вождя, незнавшаго страха въ бою, отважнаго охотника, князя милостиваго и щедраго, хотя и не дававшаго своимъ приближеннымъ большой воли, не позволявшаго имъ обижать народъ. Благочестіемъ онъ отличался такимъ, что стоя въ церкви и слушая церковное пѣніе, не могъ удержаться отъ слезъ. Только къ половцамъ, заклятымъ врагамъ Русской земли, онъ былъ суровъ, а иногда и беспощаденъ. (Въ одномъ случаѣ онъ даже позволилъ своимъ боярамъ убить двухъ половецкихъ пословъ). Умеръ Мономахъ на 74-мъ году отъ роду (1125 г.).

Тѣло его было привезено въ Киевъ. Сыновья и бояре понесли его къ св. Софії; тутъ его и погребли рядомъ съ отцомъ его. Народъ плакалъ по немъ, говорить лѣтописецъ, какъ дѣти плачутъ по отцѣ или матери.

Потрудился онъ для Русской земли. „Слава о его доблести сияла какъ солнце и прошла по всѣмъ странамъ". По мѣткимъ словамъ лѣтописца, онъ былъ „братолюбецъ и нищелюбецъ и добрый страдалецъ за землю Русскую".

При жизни его было воздвигнуто не мало новыхъ красивыхъ церквей. Онъ украшались иконами греческаго письма. Книжное искусство тоже все больше и больше распространялось. Киевъ въ началѣ XIII-го вѣка украсился богатыми постройками. Еще при Святополкѣ Изяславичѣ былъ сооруженъ въ Киевѣ Михайловскій Златоверхій монастырь; стѣны его до сихъ поръ сохранились. Близъ Киева построенъ Выдубицкій монастырь на томъ мѣстѣ, где былъ загородный дворъ Всеволода. Незадолго до смерти, Владимиръ соорудилъ прекрасную церковь на рѣкѣ Альгѣ, на томъ мѣстѣ, где убить былъ Борисъ.

Владимиръ Мономахъ былъ въ близкихъ сношеніяхъ со многими европейскими государями. Съ нѣкоторыми изъ нихъ и породнился. Самъ онъ былъ, какъ сказано, сынъ греческой царевны. Первой супругой его была Гида, дочь англійскаго короля Гарольда. Старшій сынъ Владимира—Мстиславъ—былъ женатъ на Христинѣ, дочери шведскаго короля. Одна дочь Владимира была замужемъ за угорскимъ (венгерскимъ) королемъ, другая за греческимъ царевичемъ.

Дорогую по себѣ память оставилъ Владимиръ Мономахъ въ народѣ, который свою любовь къ нему перенесъ и на потомство его. Князья Мономахова рода долго пользовались особыеннымъ довѣріемъ народа.

Цари московіе впослѣдствіи великою честью для себя считали называться потомками Владимира Мономаха. Въ Оружейной палатѣ хранятся такъ называемая Мономахова золотая шапка и еще нѣкоторыя принадлежности торжественнаго царскаго убора (скипетръ, держава и бармы). По преданію, онъ были присланы греческимъ императоромъ въ даръ Владимиру Мономаху. Впослѣдствіи московіе цари, въ день торжественнаго вѣнчанія на царство, стали возлагать на себя эту шапку и бармы.

Усобицы при сыновьяхъ и внукахъ Владимира Мономаха.

Не долго продержались на Руси миръ и тишина по смерти Владимира. Старшій сынъ его Мстиславъ княжилъ всего семь лѣтъ. Онъ походилъ и умомъ и нравомъ на своего отца. Жестоко наказалъ онъ половцевъ, которые обрадовались смерти Мономаха и напали на Русскую землю. Въ рукахъ держалъ Мстиславъ и удѣльныхъ князей. Большею частью это были или братя его, или племянники: Владимиръ Мономахъ сумѣлъ мало-по-малу забрать въ свои руки чутъ не всю Русскую землю и раздать ее въ удѣлы своимъ сыновьямъ и внукамъ, а Мстиславъ овладѣлъ Полоцкимъ княжествомъ и отдалъ его своему сыну Изяславу. Такимъ образомъ, въ руки дѣтей и внуковъ Мономаха попали почти всѣ удѣлы (Кievский, Новгородский, Смоленский, Сузdalский, Переяславский, Волынский и Полоцкий). Только два удѣла не принадлежали роду Мономаха—Черниговский и Червенский (нынѣшняя Галиція).

Умеръ Мстиславъ (1132 г.), и при его братѣ Ярополкѣ настаютъ неурядицы и усобицы въ потомствѣ Мономаха.

Усобицы начались за Переяславль (южный). Утвердился здѣсь Всеволодъ Мстиславичъ, но Юрий Суздальскій, не желавшій уступить племяннику, выгналъ его и самъ занялъ Переяславль. Затѣмъ начались ссоры племянниковъ съ дядями... Пользуясь этими раздорами Мономаховичей, Всеволодъ Ольговичъ Черниговскій, по смерти Ярополка (1139), сѣлъ на престолъ Kievскомъ. Но какъ ни ловокъ былъ Всеволодъ, ему нелегко было держаться въ Киевѣ: не хотѣлъ онъ ссориться съ Мономаховичами, и въ то же время желалъ наѣхать волостями своихъ родичей. Не разъ при немъ выражалась народомъ особенная любовь къ дѣтямъ и внукамъ Мономаха. Въ Киевѣ не любили Всеволода, и по смерти его (1146) только тогда пѣловали крестъ брату его Игорю, когда тотъ поклялся, что онъ освободить Киевъ отъ ненавистныхъ тѣуновъ всеволодовыхъ и будетъ самъ творить судъ.

Но все-таки кievляне, несмотря на клятву, скоро призвали къ себѣ Изяслава Мстиславича: — „Ты нашъ князь; ступай скорѣе; Ольговичей не хотимъ!" Тотъ, не долго думая, явился, разбилъ Игоря и взялъ его въ пленъ, а самъ сѣлъ въ Киевѣ. Мало думалъ Изяславъ о чьихъ-либо правахъ.

„Не мѣсто идти къ головѣ, а голова къ мѣсту", говоривъ онъ. Кievляне, впрочемъ, сами его желали.

— „Ты намъ князь, сказали они ему: не хотимъ переходить къ Ольговичамъ по наслѣдству!"

Но дядя Изяслава, Юрій Владимирович Суздальський, считалъ себя болѣе племянника въ правѣ владѣть Кіевомъ, и между ними загорается долгая и упорная борьба. Два раза Юрій изгонялъ отсюда Изяслава; и если онъ продержался около четырехъ лѣтъ (1150 — 1154), то благодаря только тому, что призвалъ въ Кіевъ другого дядю своего — слабаго Вячеслава и правилъ подъ его именемъ до самой смерти.

Много горестныхъ дней пережила Русская земля за это время. Больше всего бѣдъ и вреда причинили ей Ольговичи, не разъ приводившіе половцевъ себѣ на помощь. Народъ питалъ къ этому книжескому роду сильную вражду, которая, случалось, переходила въ дикую ярость.

Такъ въ 1147 году Изяславъ, узнавъ о враждебныхъ замыслахъ черниговскихъ князей, послалъ въ Кіевъ сказать обѣ этомъ брату Владимиру, митрополиту и кіевлянамъ. Когда народъ собрался отъ мала до велика на вѣче, посолъ Изяслава сказалъ:

— „Князь вашъ вамъ кланяется и говоритъ: я вамъ прежде объявлялъ, что задумалъ съ братомъ Ростиславомъ и Давидовичами ити на дядю Юрія, звалъ и васъ въ походъ; но тогда вы сказали, что не можете на Владимира племя, на Юрія, руку поднять, а на Ольговичей однихъ пошли бы и съ дѣтьми; такъ теперь вамъ объявляю: Давидовичи и Всеволодовичъ Святославъ, которому я много добра сдѣлалъ, цѣловали тайкомъ отъ меня крестъ Святославу Ольговичу, послали и къ Юрію, а меня хотѣли или схватить, или убить за Игоря; но Богъ меня заступилъ и крестъ честной... Такъ теперь, браты, что обѣщали, то и дѣлайте, — ступайте ко мнѣ къ Чернигову на Ольговичей, собирайтесь всѣ отъ мала до велика: у кого есть конь, тотъ на конѣ, у кого нѣтъ, тотъ въ ладѣ. Вѣдь, они не меня одного хотѣли убить, но и васъ всѣхъ искоренить.“

Кіевляне на это отвѣчали: — „Рады, что Богъ сохранилъ тебя намъ отъ большой бѣды; идемъ за тобой и съ дѣтьми.“

Тутъ кто-то въ толпѣ заговорилъ:

— За княземъ-то своимъ мы пойдемъ съ радостью; но прежде надо вотъ о чѣмъ подумать, чтобы не случилось того, что при Изяславѣ Ярославичѣ; злые люди выпустили тогда изъ заключенія Всеслава и поставили княземъ себѣ, и много зла было нашему городу; а теперь Игорь, врагъ нашего князя и нашъ, не въ заточеніи, а въ Федоровскомъ монастырѣ. Убьемъ его и пойдемъ въ Черниговъ за своимъ княземъ...“

Слова эти разожгли народную ярость. Толпа кинулась къ монастырю. Напрасно князь Владимиръ въ ужасѣ старался остановить толпу.

Въ отвѣтъ ему кричали: — „Мы знаемъ, что добромъ не кончить съ этимъ племенемъ ни вамъ ни намъ!“

Тщетно и митрополитъ и тысяцкіе думали удержать народъ отъ дикаго преступленія. Толпа ворвалась въ монастырскую церковь, гдѣ Игорь стоялъ у обѣдни, и потащили его съ криками: „бейте! бейте!“

— „Охъ, братъ, куда это меня ведутъ?“ спросилъ несчастный, увидавъ князя Владимира.

Тотъ соскочилъ съ коня, покрылъ Игоря своимъ корзномъ (плащомъ), заслоняль его собою отъ ударовъ и умоляль кіевлянъ:

— „Братья мои! не дѣлайте этого зла, не убивайте Игоря!“

Всѣ усилия спасти несчастнаго остались тщетными: онъ погибъ мученическою смертью, какъ жертва народной ненависти къ Ольговичамъ и любви къ Мономаховичамъ...

Когда до Изяслава дошла вѣсть о гибели Игоря, онъ заплакалъ и сказалъ дружинѣ:

— „Если бы я зналъ, что это можетъ случиться, то отослалъ бы его подальше, и сберегъ бы его. Теперь мнѣ не уйти отъ людскихъ рѣчей: станицуть говорить, что я велѣлъ убить его; но Богъ свидѣтель, что я не приказывалъ и никого не научалъ.“

Дружина отвѣтила князю:

— „Нечего тебѣ заботиться о людскихъ рѣчахъ; Богъ знаетъ, да и всѣ люди знаютъ, что не ты его убилъ, а братъ его: крестъ къ тебѣ цѣловали они, а потомъ нарушили клятву, хотѣли убить тебя...“

Борьба Юрія Владимировича Долгорукаго съ племянникомъ Изяславомъ Мстиславичемъ отличалась большимъ упорствомъ. Приводимъ нѣкоторыя любопытныя подробности, разсказанныя въ лѣтописи.

Изяславъ при помощи венгровъ въ 1151 году во второй разъ вытѣснилъ Юрія Долгорукаго изъ Кіева, призвалъ другого своего дядю, добродушнаго и слабаго Вячеслава, призналъ его великимъ княземъ кіевскимъ, а Вячеславъ усыновилъ его, Изяслава. Такимъ образомъ титулъ достался первому, какъ старшему изъ оставшихся въ живыхъ сыновей Владимира Мономаха, а дѣйствительная власть — ловкому и дѣятельному Изяславу. Но Юрій Долгорукій не хотѣлъ признать этой сдѣлки, соединился съ черниговскими князьями, призвалъ на помощь половцевъ, двинулся на Кіевъ и сталъ на лѣвой сторонѣ Днѣпра. Изяславъ старался помѣшать переправѣ непріятеля. Схватки начались на рѣкѣ. Изяславъ, по словамъ лѣтописи, „дивно исхитрилъ свои лодки“: видны были только вѣсла, а гребцы были скрыты подъ дощатой плоской кровлей, на которой стояли стрѣлки въ броняхъ и поражали враговъ стрѣлами. Лодки были такъ приспособлены, что могли ходить взадъ и впередъ, не поворачиваясь; на носу и на кормѣ каждой изъ нихъ были кормчіе. — Послѣ долгихъ тщетныхъ попытокъ Юрію однако удалось переправиться въ брода южнѣ Кіева. Тамъ стоялъ небольшой отрядъ Изяслава подъ начальствомъ воеводы: воины обратились въ бѣгство, потому что съ ними не было никого изъ князей, а бояръ не всѣ охотно слушались. Въ войскѣ и Юрія и Изяслава были ватаги степныхъ кочевниковъ (торки, берендеи, черные клубки). Всѣ они хищники, подобные половцамъ, рады были служить, кому угодно, а при случаѣ готовы были пограбить своихъ союзниковъ.

Вячеславъ пытался удержать Юрія отъ кровопролитія и послалъ сказатъ ему между прочимъ слѣдующее:

— „Изяславъ, добывши Кіевъ, теперь поклонился мнѣ, честь мнѣ воздаль, въ Кіевѣ меня посадилъ и отцомъ своимъ назвалъ, а я его — сыномъ. Ты говоришь: младшему не поклонюсь ... А я тебя много старше: и уже былъ братать, когда ты родился!“

Но никакие уговоры на честолюбиваго Юрія не действовали. Однако, послѣ нѣсколькихъ неудачныхъ схватокъ, онъ отступилъ, чтобы соединиться съ княземъ Галицкимъ Владимиромъ, шедшимъ ему на помощь. Къ Изяславу тоже вель на подмогу полки венгровъ сынъ его Мстиславъ. Но союзники еще не явились ни къ тому, ни къ другому, какъ произошелъ рѣшительный бой на берегахъ рѣки Руты (притокъ Роси). Лишь только затрубили въ трубы, ударили въ бубны, какъ сынъ Юрія, отважный Андрей, понесся на конѣ впередъ и прежде всѣхъ ударилъ на враговъ. Скоро копье его было изломано, щитъ оторванъ, шлемъ сбитъ съ головы. Конь его, раненый въ ноздри, сталъ соваться туда и сюда... Изяславъ Мстиславичъ тоже одинъ изъ первыхъ врѣзался въ непріятельскіе полки, изломалъ копье, получилъ рану и свалился съ павшаго коня. Послѣ упорного боя рать Изяслава одержала победу. Половцы, союзники Юрія, охотники пускать тучи стрѣль, не выносили горячихъ схватокъ. Они скоро ударились въ бѣгство, за ними и Ольговичи, а тамъ и Юрій съ дѣтьми. Много дружинъ ихъ было побито, взято въ плѣнъ и потонуло въ Рутѣ.

Когда побѣдители возвращались съ погони на поле битвы, то нѣкоторые изъ нихъ замѣтили, что изъ груды раненыхъ одинъ привставалъ. Толпа пѣшихъ кievлянъ подбѣжала къ нему и хотѣла его убить.

— „Я — князь!“ проговорилъ раненый.

— „Ну, такъ тебя-то намъ и надобно!“ крикнулъ одинъ изъ кievлянъ и началъ сѣчь его по шлему, на которомъ было золотое изображеніе св. Пантелеимона (таково было христіанское имя Изяслава).

— „Я — Изяславъ, князь вашъ!...“ промолвилъ раненый и снялъ шлемъ.

Тогда кievляне, узнавъ своего любимаго князя, съ восторгомъ подняли его на руки и воскликнули: „Киріе елейсонъ!“ (Господи помилуй!).

Всѣ полки ликовали, когда ировѣдали, что князь живъ и одержана полная побѣда...

Послѣ того Киевъ переходитъ изъ рукъ въ руки (переводились здѣсь Ростиславъ Мстиславичъ, Изяславъ Давидовичъ, Юрій Владимировичъ).

Кievляне совсѣмъ потеряли голову: то одному клянутся въ вѣрности и готовности умереть за него, то принуждены признать княземъ своимъ другого. Наконецъ, за Киевъ загорается усобица: Андрей Сузальскій, сынъ Юрія, ведетъ борьбу съ племянникомъ своимъ Мстиславомъ Изяславичемъ. Плохо пришлось Киеву. Большую рать собралъ Андрей. Однажды князей было тутъ съ ихъ дружинами и войсками. Велъ всю эту силу на Киевъ сынъ Андрея — Мстиславъ. Осадили городъ на второй недѣль величаго поста. Три дня бился Мстиславъ Изяславичъ, три приступа отбиты; но 12-го марта 1169 года Киевъ палъ.

Никогда еще до тѣхъ порь Киевъ, мать русскихъ городовъ, какъ называлъ его Олегъ, не подвергался такому поруганію. Грабили, жгли его два дня. Пощады не было ни женщинамъ, ни старикамъ, ни дѣтямъ. Въ церкви врывались, срывали ризы съ иконъ, колокола снимали. Мстили сузальцы кievлянамъ за старую обиду, — за то, что послѣ смерти Юрія они перебили сузальцевъ, пришедшихъ къ нимъ.

Все больше и больше пустѣеть южная Русь. Тяжело здѣсь жилось мирному, промышленному люду. Не пойдетъ и работа на умъ, когда не знаешь, будешь ли цѣль завтра: того и гляди, что степная погань нагрянетъ и къ себѣ, въ свои степи погонитъ цѣлья толпы въ горькую неволю да въ работу тяжкую. А не то, такъ и русскій князь какой-нибудь, враждя съ другимъ, наѣдетъ съ дружиной своей и воями, нивы потопчть, запасы заберетъ, а воины его, набранные изъ всякихъ встрѣчныхъ людей, охочихъ до боевой жизни, а еще больше до грабежа, вконецъ разорять — и лошадь возьмутъ, и скотину со двора сведутъ, да и другихъ пожитковъ не минуютъ. Тутъ для поселянина совсѣмъ плохое житѣе. Много появилось въ это время на Руси бѣдняковъ. У иного и силы довольно, и споровка, и умѣніе есть, да бѣзъ сохи и безъ лошади земли не вспашешь. Остается одно, — итти въ работники, въ наймиты къ тому, у кого и соха есть, и лошадь лишняя найдется. Чтобъ съ голоду не умереть, шли бѣдняки въ наемники къ богатымъ. Такихъ наемниковъ называли обыкновенно „закупами“. Иногда они даже сами добровольно за деньги какъ бы продавали себя въ неволю или шли въ „кабалу“ къ богатому хозяину на нѣсколько лѣтъ или на всю жизнь; тогда они назывались холопами и должны были, какъ рабы, быть въ полной волѣ своего хозяина. Такіе холопы жили на землѣ своего господина, работали на него, получали за это извѣстную долю сбора съ полей. Дѣти ихъ обыкновенно тоже становились холопами. Рабы прежде были большою частю изъ плѣнныхъ иноземцевъ, а съ XI вѣка на Руси стало отъ бѣдности все больше и больше своихъ людей обращаться въ холопство. Кромѣ беспрестанныхъ усобицъ и нападеній половцевъ, пустѣла Русская земля и отъ другихъ бѣдъ: неурожаевъ, голода, повальныхъ болѣзней...

Народъ съ благодатнаго, хлѣбороднаго юга все больше и больше переходилъ на сѣверъ. Земля здѣсь была хуже, бывали зачастую неурожаи, да жить было покойнѣе: усобицы тутъ бывали рѣже, да и половцы сюда не заходили.

Запустѣли южно-русскія области: Переяславская, Киевская и Черниговская. — „Пуста земля моя, говорить одинъ переяславскій князь: отъ половецкихъ нашествій!“ а другой князь жалуется, что у него въ Черниговской области города обезлюдѣли; что живуть въ нихъ только псари его да половцы (плѣнны).

Плохо живется мирному люду во время постоянныхъ войнъ да смутъ безконечныхъ; но въ такое время много является и воинственныхъ людей, которые такъ къ войнѣ привыкаютъ, что она для нихъ, словно охота, становится любимымъ дѣломъ, потѣхой молодецкой. Немало было на Руси такихъ князей-удальцовъ, которые только и ждали удобной поры, чтобы развернуться и показать свою удачу. Дружинники, постоянно ходивши съ князьями своими на войну, тоже были падки до нея; силу и удачу здѣсь могли они показать, да и добычу захватить можно было хорошую. Нетрудно было тогда собрать удалому князю себѣ дружину и шайку воиновъ: дружинники другихъ князей могли, какъ люди свободные, явиться и предложить свои услуги въ случаѣ войны.

Въ XII вѣкѣ по южнымъ окраинамъ Русской земли осталось населеніе, которое привыкло къ войнѣ; оно терпѣло отъ набѣговъ половцевъ, но и само, улучивъ время, готово было мстить врагу тѣмъ же.

Много было удали, силы и молодечства на Руси, да все это тратилось попусту, и князья не могли совладать съ исконнымъ своимъ врагомъ—половцами. Бѣда была въ томъ, что не было единодушія у русскихъ князей, ссорились они между собою, воевали и даже иной разъ сами путь показывали половцамъ въ Русскую землю.

Сказаніе о походѣ Игоря.

Лучше всего можно видѣть, сколько было отваги у князей и какъ напрасно тратилась она иной разъ, изъ древняго сказанія о походѣ въ 1185 году сѣверского князя Игоря Святославича и брата его Всеволода. Вотъ это сказаніе. (Слово о полку Игоревѣ).

„Не начать ли намъ, братья, печальное сказаніе о походѣ Игоря? Станемъ сказывать повѣсть свою по былинамъ нашего времени, а не по вымысламъ Бояна (древняго пѣвца). Боянъ вѣщій, когда хотѣлъ кому пѣснь воспѣть, то носился мыслю по лѣсамъ, сѣрымъ волкомъ рыскаль по полю, сизымъ орломъ парилъ подъ небесами... Въ старыя времена князья на охотѣ пускали своихъ соколовъ на стаю лебедей; чей соколъ прежде настигаль лебедь, въ честь тому князю первому и пѣснь пѣлась. Боянъ же не десять соколовъ пускалъ на стадо лебедей, а клалъ свои вѣщи персты на живыя струны, и онѣ сами князьямъ славу рокотали.

Начнемъ же повѣсть свою обѣ Игорѣ. Наполнилось сердце его ратнымъ духомъ и доблестью, захотѣлось ему повести свои храбрые полки на землю Половецкую за землю Русскую.

Недобродѣлое знаменіе было ему: солнце затмилось; тьма покрыла воиновъ его. Неймется князю: доблѣсть полонила сердце его. „Братья и дружина, говорить онъ: лучше изрублену быть, чѣмъ въ плѣнъ попасть!... сядемъ, братцы, на своихъ борзыхъ коней, поглядимъ на синій Донъ. Хочу копье свое испытать въ полѣ половецкому съ вами, русичи, хочу голову свою тамъ сложить или напиться шлемомъ изъ Дона.“

Кони ржутъ за рѣкою Сулою. Гремитъ слава въ Кіевѣ. Трубы трубятъ въ Новгородѣ (Сѣверскомъ). Стоять знамена въ Путивлѣ. Игорь ждеть милаго брата Всеволода. И сказалъ Игорю Буй-туръ Всеволодъ (за силу свою и удали сравнивается онъ съ буйнымъ или ярымъ туромъ):

„Одинъ братъ, одинъ свѣтъ ты, свѣтлый Игорь! Оба мы дѣти Святослава. Сѣдлай, братъ, своихъ быстрыхъ коней, а мои кони уже готовы, осѣдланы, стоять у Курска, впереди. Мои куряне—лихіе наездники, подъ трубами они пеленаны, подъ шлемами взлѣяны, концомъ копья вскормлены; дороги имъ вѣдомы, овраги имъ знакомы; луки у нихъ натянуты, колчаны открыты, сабли навострены; скачутъ на коняхъ, словно волки въ полѣ, ищутъ себѣ чести, а князю славы...“

Тогда вступилъ Игорь въ свое златое стремя и поѣхалъ по чистому полю. То предъ нимъ солнце затмилось, а теперь, какъ наступила ночь, буря застонала, гроза разбудила птицъ въ лѣсахъ. Звѣри воютъ въ степяхъ; зловѣща птица (дивъ) кричитъ сверху дерева.

Неторренными дорогами несутся половцы къ Великому Дону. Ведеть

Игорь къ Дону и своихъ воиновъ. Птицы уже чують добычу; волки по оврагамъ завываются; орлы своимъ кляктомъ скликуютъ звѣрей на трупы.

Утромъ въ пятницу русскіе смили поганые полки половецкіе и помчали въ плѣнъ красныхъ дѣвицъ половецкихъ, а съ ними золото, ткани, дорогія парчи. Кожухами и епанчами стали дороги мостить по болотамъ да по топкимъ мѣстамъ. Красное знамя, бѣлая хоругвь, серебряное древко достались храброму Игорю.

Отдыхаетъ въ полѣ храброе гнѣздо (русскихъ воиновъ). Не родилось оно на обиду ни соколу, ни кречету, ни тебѣ, черный воронъ, поганый половчинъ. Гзакъ (половецкій ханъ) бѣжитъ сѣрымъ волкомъ, Кончакъ слѣдъ ему прокладываетъ къ широкому Дону.

Кровавой зарею начинается день. Черныя тучи съ моря идутъ. Закроютъ онѣ князей русскихъ. Трепещутъ въ тучахъ синій молніи. Быть грому великому; итти дождю стрѣлами съ Дону широкаго; копьямъ тутъ поизломаться, саблямъ зазубриться о шлемы половецкіе на рѣкѣ на Каялѣ, у Дону широкаго.

О Русь, далеко зашла ты! Вотъ вѣтры, Стрибоговы внуки, вѣютъ стрѣлами съ моря на храбрые полки Игоря! Земля дрожитъ, рѣки мутно текутъ, пыль по полямъ стелется, знамена шумятъ. Идутъ половцы отъ Дона, идуть отъ моря, со всѣхъ сторонъ окружили они русское войско. Криками своими наполнили они поля. Заградили себя храбрые русичи багрянами щитами. Яръ-туръ Всеволодъ! ты стоишь впереди, прышешь стрѣлами, гремишь мечами булатными по шлемамъ. Гдѣ проскачетъ Буй-туръ, своимъ золотымъ шлемомъ посвѣчивая, тамъ лежать поганыя головы половецкія, раздроблены шлемы аварскіе твоими саблями закаленными, Яръ-туръ Всеволодъ!

Какой раны побоится тотъ, братцы, кто позабылъ о почестяхъ, о жизни, о золотомъ престолѣ, кто отказался отъ ласки жены своей, прекрасной Глѣбовны?

Были тяжелыя времена, были походы Олега Святославича. Олегъ туть мечомъ крамолу ковалъ, стрѣлы по родной землѣ сѣялъ. Много горя причинилъ онъ Всеволоду и Владимиру. Тогда при этомъ Олегъ Гориславичъ сѣялись и восходили усобицы, гибла жизнь человѣческая, въ княжихъ краинахъ вѣкъ людской сократился. Рѣдко тогда на поляхъ въ Русской землѣ раздавались голоса пахарей; но часто вороны каркали, дѣля между собою трупы убитыхъ. То бывало во времена прежнихъ битвъ, прежнихъ походовъ, а о такой битвѣ, какъ эта, и не слыхано. Съ утра до вечера, съ вечера до свѣта летять стрѣлы каленые, гремятъ сабли о шлемы, трещать копья стальной въ невѣдомомъ полѣ, среди земли Половецкой. Земля была копытами вспахана, kostями застѣяна, кровью полита; горемъ взошелъ посѣвъ этой по Русской землѣ...

Строить Игорь снова свои полки. Жаль ему милаго брата Всеволода.

Бились день, бились другой, на третій день къ полудню пали знамена Игоря. Тутъ братцы разлучились на берегу быстрой Каялы, тутъ кроваваго вина недостало, тутъ пиръ покончили храбрые русичи, сватовъ попоили, а сами подлегли за Русскую землю!

Никнетъ трава отъ жалости, и дерево, словно въ печали, опустило вѣти къ землѣ. Тяжелая невзгода въ пустынѣ силу похоронила...

Не стало у князей единомыслия на поганыхъ. Говаривалъ братъ брату: „это мое и то мое же“, и стали князья малое считать за великое и сами на себя крамолу ковать, а поганые (половцы) тѣмъ временемъ со всѣхъ сторонъ съ побѣдами приходили на землю Русскую... О, далеко залетѣлъ соколь (Игорь), избивая птицъ, къ морю... Игоревой храброй дружинѣ уже не воскреситъ! А по Русской землѣ поскакали половцы. Стали плакать жены русскія причитающи: „Уже намъ своихъ милыхъ мужей ни мыслю примыслить, ни думою придумать, ни глазомъ увидѣть, а золотомъ и серебромъ совсѣмъ ужъ не тѣшиться“. Застональ, братья, Киевъ отъ скорби, а Черниговъ отъ напастей. Тоска разлилась, печаль великая потекла по Русской землѣ!... А князья сами другъ на друга крамолу ковали; а поганые на Русскую землю нападали и дань брали по бѣлкѣ со двора. Храбрые Игорь и Всеволодъ пробудили снова ту вражду, которую усыпилъ было отецъ ихъ, грозный Святославъ. Онъ, какъ гроза, привель въ трепетъ землю Половецкую своими сильными полками, своими булатными мечами... Тутъ (иноzemные торговцы въ Киевѣ) нѣмцы и венеціане, греки и моравцы прославляютъ Святослава, корять Игоря, что онъ силу потопилъ на днѣ Каялы, рѣки половецкой, много золота русскаго разсыпалъ...

Видѣть Святославъ недобрый сонъ. „Въ прошлую ночь, разсказываетъ онъ боярамъ: снилось мнѣ, что въ Киевѣ на горахъ съ вечера покрывали меня чернымъ покрываломъ на тесовой кровати, черпали мнѣ синее вино съ зельемъ смѣшанное, сыпали мнѣ крупный жемчугъ на постель... Всю ночь каркали вороны.“ И отвѣчали бояре князю: „Тоска, князь, полонила умъ твой: два сокола слетѣли съ отцовскаго золотого трона, чтобы опять добиться Тмутаракани или напиться шлемомъ изъ Дона. Уже подсѣкли сабли поганыхъ крылья у обоихъ соколовъ, а самихъ оковали желѣзными путами. На рѣкѣ Каялѣ тьма покрыла свѣтъ. По Русской землѣ разошлись половцы, словно хищные барсы. Князья наши потопили свое счастье и дерзость придали хану.“

Тогда Святославъ изронилъ изъ души золотое слово, слезами облитое: „Дѣти мои, Игорь и Всеволодъ! рано вы начали Половецкую землю сокрушать мечами, а себѣ славы искать: безславно вы побѣдили, безславно кровь поганую пролили. Ваши мужественные сердца крѣпкимъ булатомъ скованы, буйной удалью закалены! — и вотъ что причинили вы моей сѣдинѣ!“ (Далѣе сочинитель „Слова“, выражая свою печаль, называетъ сильныхъ князей, современныхъ ему — Всеволода Юрьевича, Ярослава Галицкаго и др., которые могли бы сокрушить половцевъ, если бы хотѣли).

„Великий князь Всеволодъ! тебѣ и на мысль не пришло прилетѣть издалека на защиту отцовскаго золотого престола? А можешь ты Волгу веслами раскропить, Донъ шлемами вычерпать!... А ты, Галицкій Осмомыслъ — Ярославъ! Высоко ты сидишь на своемъ златокованномъ престолѣ, укрѣпилъ ты Карпатскія горы своими могучими полками, заслонивъ путь венгерскому королю... Молва о грозныхъ силахъ твоихъ разносится по землѣ. Стрѣлами своими грозишь ты съ престола твоему султану. Стрѣлай, государь, въ Кон-

чака, раба поганаго, заступись за Русскую землю, за раны Игоря, храбраго Святославича. И ты, буйный Романъ и Мстиславъ! Мужественная мысль возносить умъ вашъ на великий подвигъ; вы пылко стремитесь на дѣло, какъ соколь, рѣющи по воздуху, на птицу...“

Далѣе въ сказаніи припоминаются и другіе князья, которые при всей ихъ храбости напрасно кровь проливали и своими крамолами накликали литовцевъ на Русскую землю, и отъ нихъ приходилось терпѣть тѣ же насилия, какъ отъ половцевъ. Вспоминается и непосѣдливый, беспокойный князь Всеславъ. Изъ-за него на рѣкѣ Немизѣ (Нѣманѣ) много сгибало русскихъ силь, „словно на току вмѣсто сноповъ стелили людей, молотили цѣпами булатными (мечами), вѣяли душу отъ тѣла“... И не добрымъ застѣяны берега Нѣмана, — застѣяны трупами сыновъ русскихъ! Но беспокойный Всеславъ и самъ не мало бѣды вытерпѣлъ. Еще въ древности мудрый Боянъ припѣвалъ ему разумную припѣвку: „Ни хитрому, ни гораздому суда Божьяго не миновать“.

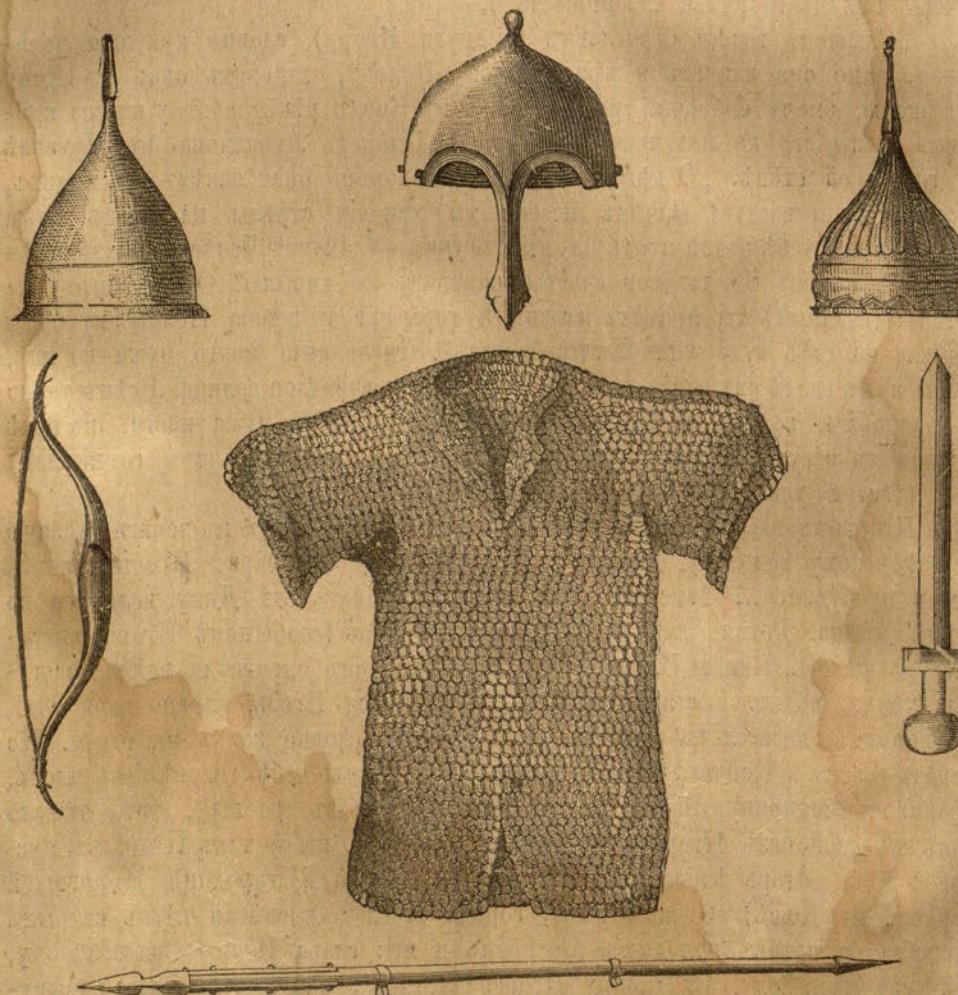
Затѣмъ сказаніе переходитъ къ женѣ Игоря (Евфросиніи Ярославнѣ, дочери Галицкаго князя „Осмомысла“).

„Слышенъ голосъ Ярославны (супруги Игоря), словно кукушка невидимая, рано она плачетъ и причитаетъ: „Полечу, говорить она: къ Дону кукушкою, омочу бобровый рукавъ свой въ Каялѣ рѣкѣ, оботру князю кровавыя раны его на могучемъ тѣлѣ его“. Плачетъ Ярославна въ Путинѣ на городской стѣнѣ. „О вѣтеръ, вѣтрило! говорить она: зачѣмъ, господинъ, несешь ты несчастье? Зачѣмъ несешь ты ханскія стрѣлы на воевъ мужа моего? Мало тебѣ развѣ вѣять на высотѣ подъ облаками? Лелѣшь корабли ты на морѣ, зачѣмъ же ты мое счастье развѣялъ по ковылю? О Днѣпръ Словутичъ! (славный) ты пробилъ каменные горы сквозь землю Половецкую, ты лелѣялъ на себѣ суда Святослава, взлѣтѣ, господинъ, моего мужа ко мнѣ, чтобы я не слала ему слезъ моихъ. — Свѣтлое, пресвѣтлое солнце! Всѣмъ тепло и красно ты, зачѣмъ же ты жгло лучами своими воевъ мужа моего? въ полѣ безводномъ засухою у нихъ луки согнуло, нѣтуго у нихъ колчаны сомкнуло?“

(Игорю удастся бѣжать изъ половецкаго плѣна).

Игорю-князю Богъ путь даетъ изъ земли Половецкой въ землю Русскую къ отцовскому золотому престолу. Погасла вечерняя заря. Игорь спить... Игорь пробудился... Мысленно онъ поле измѣряетъ отъ Дону великаго до малаго Донца. Готовъ конь къ полуночи, Овлуръ (сообщникъ Игоря) свистнулъ за рѣкою. Князя Игоря нѣть! Крикнулъ онъ, дрогнула земля, запушила трава, поднялся стать половецкій. Пустился Игорь, словно горностай, по тропинкѣ, несется на борзомъ конѣ своемъ, словно волкъ въ степи. Не догнать Гзаку и Кончаку своего плѣнаго. „Тяжело тебѣ головѣ безъ плечъ, говаривалъ встарину Боянъ, худо тебѣ тѣлу безъ головы“, такъ тяжело землѣ Русской безъ Игоря. Что солнце сіяеть на небѣ, такъ Игорь въ Русской землѣ. Игорь єдетъ по Боричеву къ Святой Богородицѣ Пирогошей (церковь въ Киевѣ). Страны рады, города веселы, воспѣвая пѣсни старымъ князьямъ, а потомъ молодымъ. Воспоешь и мы: слава Игорю Святославичу, Буй-туру-Всеволоду, Владимиру Игоревичу! Да здравствуютъ князья и дружины, поборавшая за христіанъ на полки поганые!

Въ приведенномъ сказаниѣ разсказано совершенно согласно съ лѣтописью о злополучномъ походѣ Игоря въ 1185 г. Неизвѣстно, кто писалъ это сказаніе, но, конечно, не духовное лицо. Называть людей внуками Дажь-бога, упоминать Велеса, Стрибога и проч. могъ только мірянинъ, который не чуждъ былъ народныхъ языческихъ выражений и суевѣрій. Вѣроятно, это былъ дружиныкъ, хорошо знакомый съ военнымъ дѣломъ, быть можетъ, участникъ неудачнаго Игорева похода, во всякомъ случаѣ, это былъ человѣкъ умный и талантливый, хорошо понимавшій, въ чемъ главное зло Русской земли, и умѣвшій вылить свою мысль и чувство въ живое слово... Дорога была его сердцу Русская земля, и глубоко скорбить онъ, что и сила русская, и удаль пропадаютъ попусту отъ гибельной розни князей, которые „куютъ крамолу“, и степныхъ хищниковъ наводятъ на свою землю... Скорбно говорить онъ о родныхъ поляхъ, которыхъ кровью политы, костями людскими усѣяны, на которыхъ рѣдко слышится пѣсня пахаря, а часто вороны каркаютъ на мертвыхъ тѣлахъ!...

Древніе шлемы.—Кольчуга.—Мечъ.—Лукъ.—Копье (суляца).

V.

МОНАШЕСТВО И ПРОСВѢЩЕНИЕ НА РУСИ ВЪ XI—XII СТ.

Начало русскаго монашества.

ъ концѣ десятаго вѣка, когда къ предкамъ нашимъ зашло христіанство изъ Византіи, тамъ было уже много монастырей. Монашество впервые явилось на Востокѣ въ третьемъ вѣкѣ по Р. Х. Ученіе Христа и набожность такъ увлекали многихъ людей, что они отказывались отъ всякихъ мірскихъ утѣхъ и житейскихъ заботъ, удалялись въ пустыню и тамъ проводили одинокую жизнь въ тяжкихъ лишеніяхъ, постѣ и молитвѣ.

Съ Востока монашество перешло въ Грецію. Въ Константинополѣ и въ другихъ большихъ и богатыхъ греческихъ городахъ нравственный упадокъ въ IV—V вѣкахъ доходилъ до крайней степени: богачи утопали въ роскоши, въ излишествахъ всякаго рода, въ порокахъ; а чернь отъ нищеты болѣе и болѣе грубѣла и становилась склонна къ звѣрству и насилию. Тщеславіе, зависть, жадность, обманъ, хищеніе и всевозможные пороки встрѣчались на каждомъ шагу. Нарасло лучшіе проповѣдники въ своихъ рѣчахъ громили общество, обличали пороки его, напоминали ему о христіанскихъ обязанностяхъ. Ничто не помогало... Тяжело, душно было жить всякому истинно-нравственному человѣку среди пороковъ и нечестія. Люди, исполненные благочестія и христіанского чувства, не выносили подобной жизни, — отказывались отъ семьи, отъ всякихъ благъ земныхъ, раздавали свое имѣніе нищимъ, уходили изъ городовъ и проводили одинокую жизнь въ благочестивомъ размышленіи, покаяніи и молитвѣ. Богачи жили въ роскошныхъ палацахъ, сияли златотканной одеждой, блестали драгоценными камнями, наслаждались самою утонченною и дорогую пищею; а отшельники находили

себѣ пріютъ въ мрачныхъ пещерахъ, въ дуплахъ старыхъ деревъ, одѣвались въ грубую, жесткую власяницу, питались сухимъ хлѣбомъ, и то не всякий день. Эти отшельники, или аскеты (подвижники), какъ ихъ называли въ Греціи, даже нарочно старались изнурять свое тѣло голодомъ, жаждою, зимою подвергали себя холоду, а лѣтомъ жгучему зною: тѣло, по понятіямъ ихъ, было только обузою, бременемъ для души, помѣхою для душевнаго спасенія; на земную жизнь смотрѣли они, какъ на временное испытаніе для души. Жизнь праведника, по ихъ взгляду, должна была состоять въ неустанной борьбѣ съ тѣлесными потребностями, при помощи которыхъ лукавый искушалъ людей и старался ввести въ грѣхъ. Отшельникъ, измѣженный голодомъ и жаждою и всякими лишеніями, но сильный духомъ, могущій проводить дни и ночи въ непрестанной молитвѣ, покаяніи и слезахъ, сталъ образцомъ истиннаго христіанина-подвижника. Понятно, что среди изнѣженаго, малодушнаго и своеокрыстнаго населенія такіе могучіе духомъ подвижники возбуждали всеобщее удивленіе и вызывали свѣжихъ людей на подражаніе. По близости иныхъ отшельниковъ селились ихъ подражатели—подвижники. Каждый жилъ особнякомъ. Такимъ образомъ возникали уединенные жилища (монастыри). Обитатели этихъ монастырей — монахи (слово „монахъ“ значить: одиноко живущій, инокъ) считались какъ бы братьями, подчинялись старѣшему (игумену, настоятелю) и чтили его, какъ отца.

Русскій народъ, еще молодой и свѣжій, не страдалъ, конечно, тѣми неизлѣчимыми недугами и пороками, въ какіе погрязло изветшавшее византійское общество; но и на Руси творилось много всякаго зла, долго держались еще языческіе обычай, много было грубости. Все это, конечно, должно было мало-по-малу ослабѣть съ большімъ просвѣщеніемъ, съ усиленіемъ Христовой вѣры въ народѣ; но пока все-таки людямъ съ глубокимъ чувствомъ и умомъ тяжело жилось въ обществѣ, или, какъ говорилось, „въ міру“: слишкомъ ужъ груба и темна была для нихъ „мірская жизнь“ полуязыческаго и невѣжественнаго населенія; а отъ священныхъ книгъ, отъ ученія Христова вѣяло такимъ тепломъ, такимъ свѣтомъ!... Какъ же люди чуткіе и умные могли бы не увлекаться ими? Иными овладѣвало страстное желаніе всецѣло служить Богу, отречься отъ всего мірского. Притомъ, разсказы о самоотверженіи и подвигахъ византійскихъ пустынниковъ вызывали желаніе подражать имъ. Понятно, почему и на Руси должно было рано возникнуть монашество.

У насъ явились монастыри вскорѣ послѣ принятія христіанства; при Ярославѣ ихъ было уже не сколько. Но ни одинъ изъ нихъ не имѣлъ такого важнаго значенія, какъ Кіево-Печерскій. Основателями его были свв. Антоній и Феодосій.

Антоній родился въ мѣстечкѣ Любечѣ, неподалеку отъ Чернигова. Съ юныхъ лѣтъ онъ отличался уже благочестіемъ и набожностью; странствовалъ по монастырямъ Греціи и достигъ Святой горы (Аѳонской), гдѣ было не сколько монастырей. Благочестивая жизнь въ этихъ обителяхъ такъ пришла ему по душѣ, что онъ пожелалъ остаться инокомъ въ одной изъ нихъ. Настоятель постригъ его въ монахи и разъяснилъ ему все монашескія обязанности. Поселился Антоній отшельникомъ въ уединенной пещерѣ и началъ свою

подвижническую жизнь. Его благочестіе и строгая жизнь обратили на него общее вниманіе братіи. Тогда игуменъ сказалъ ему:

— „Иди снова въ Русскую землю; да будетъ съ тобою благословеніе Святой горы! Отъ тебя произойдетъ множество черноризцевъ.“

Прибылъ Антоній въ Кіевъ, обошелъ всѣ монастыри; но нигдѣ не захотѣлось ему остатся. Тогда началъ онъ ходить по горамъ и лѣсамъ близъ Кіева и, наконецъ, набрѣлъ на небольшую пещеру въ лѣсу, у берега Днѣпра, и поселился здѣсь. Пещерку эту ископалъ Иларіонъ, священникъ изъ села Берестова (впослѣдствіи митрополитъ). Онъ любилъ уединяться для молитвы въ лѣсу и на случай непогоды прокопалъ себѣ въ крутомъ обрывѣ прибрежнаго холма углубленіе. Антоній прорылъ его поглубже и поселился здѣсь. Пребывая постоянно въ молитвѣ, трудахъ, не даваль онъ себѣ покою ни днемъ ни ночью; сухой хлѣбъ, и то черезъ день, былъ его пищею; простая вода—единственнымъ напиткомъ.

Скоро пошла по людямъ молва о новомъ подвижнике; начали приходить къ нему набожные люди за благословеніемъ, приносили ему все нужное для жизни. Нашлись и такие, что стали просить у него позволенія поселиться близъ него и вести жизнь по его примѣру. Первый поселился подъ Антонія Никонъ, а въ 1032 г. пришелъ Феодосій.

Св. Феодосій.

Родился Феодосій неподалеку отъ Кіева, въ городкѣ Василевѣ. Родителямъ его пришлось скоро переселиться въ Курскъ; здѣсь и провелъ Феодосій свое отрочество. Съ дѣтскихъ лѣтъ уже обнаруживалъ онъ большую набожность и благочестіе. Церковь Божія была первымъ его училищемъ. Любиль онъ слушать церковное пѣніе и чтеніе божественныхъ книгъ, дѣтскихъ игръ чуждался, не хотѣлъ носить богатой цвѣтной одежды. Не могли его принудить родители, люди зажиточные, надѣвать богатые наряды и играть съ дѣтьми. Скоро онъ научился грамотѣ у одного изъ учителей. Тринадцати лѣтъ онъ лишился отца. Мать Феодосія, женщина крутого нрава, очень упрямая, не могла выносить его склонностей. Она любила своего сына страстно; поступки же его казались ей и странными и унизительными для него и ея рода: невыносимо было ей видѣть, какъ ся сынъ въ плохой одеждѣ, ничѣмъ не отличающійся отъ рабовъ, шелъ съ ними на работу. Она запрещала ему это, умоляла его одѣться въ богатое платье, ити играть со сверстниками, приходила въ ярость, когда онъ не повиновался ей въ этомъ, била его... Ничто не помогало! Смиренно выносилъ Феодосій побои матери, но продолжалъ поступать попрежнему.

Наслушавшись разсказовъ о святыхъ мѣстахъ, гдѣ жилъ, училъ и страдалъ Спаситель, Феодосій захотѣлъ, во что бы ни стало, побывать тамъ. Узнавъ отъ странниковъ, проходившихъ чрезъ Курскъ, что они идутъ въ Іерусалимъ, онъ упросилъ ихъ взять его съ собой. Когда они извѣстили его, что собираются въ путь, онъ всталъ ночью, тайкомъ вышелъ изъ дома, не взявшись съ собою ничего, кроме той плохой одежды, въ какой обыкновенно ходилъ, и пошелъ вслѣдъ за странниками. Когда мать узнала, что сынъ ея

ушель съ богомольцами, бросилась она въ погоню за нимъ,—и догнала... Злоба ея не знала границъ. Въ ярости схватила она его за волосы, бросила на земль, била его ногами. Связанного, словно злодѣя, привела домой. Гиѣвъ ея былъ такъ великъ, что она и дома била его до изнеможенія; послѣ того, велѣла заковать его. Наконецъ, гиѣвъ ея мало-по-малу улегся, и заговорила въ сердцѣ ея материнская любовь,—жалко ей стало сына; начала она его увѣщавать, умолять, чтобы онъ не уходилъ отъ нея. Любила она его больше всѣхъ дѣтей своихъ, не могла жить безъ него; Феодосій обѣщалъ не покидать ее; а она предоставила ему полную свободу поступать какъ онъ хочетъ.

Попрежнему сталъ онъ ежедневно ходить въ церковь и, замѣтивъ, что былъ недостатокъ въ просфорахъ, принялъ печь ихъ и продавать. Из-лишекъ вырученныхъ денегъ раздавалъ онъ нищимъ, а на остальныя снова покупалъ жито, самъ мололъ его и пекъ просфоры. Сверстники Феодосія насмѣхались надъ нимъ, стыдили, укоряли и ругали его; онъ же сносилъ молча всѣ поруганія, тайно радуясь въ сердцѣ своемъ; но материнское чувство не вынесло насмѣшекъ надъ сыномъ, и начала снова она умолять его, съ любовью увѣщавать.

— „Молю тебя, дитя мое, говорила она: оставь это дѣло, не позорь своего рода: нестерпимо для меня слышать отъ всѣхъ укоры тебѣ. Неприлично тебѣ такое дѣло дѣлать...“

— „О, мать моя, отвѣчалъ Феодосій: послушай меня. Господь нашъ Іисусъ Христосъ самъ подалъ намъ примѣръ смиренія: былъ Онъ и поруганъ, и оплеванъ, и заужаемъ,—все перенесъ Онъ спасенія нашего ради. Намъ же грѣшнымъ тѣмъ болѣе слѣдуетъ терпѣть. А что до моего дѣла, то послушай: если самъ Господь назвалъ хлѣбъ своею плотю, то какъ же мнѣ не радоваться, что Онъ сподобилъ меня приготовлять его плоть!“

Подивилась мать разуму сына своего, перемогла она досаду и оставила его въ покоѣ,—но не надолго... Разъ, увидѣвъ на немъ обжоги, стала она снова укорять его, грозить, умолять, чтобы онъ оставилъ неподходящее его званію дѣло. Смутился юноша и долго недоумѣвалъ, какъ ему быть. Порѣшилъ онъ наконецъ—уйти отъ матери. Ночью тайно ушелъ онъ изъ дома въ сосѣдній городъ; тамъ его принялъ къ себѣ въ домъ одинъ священникъ, и сталъ Феодосій попрежнему печь просфоры для церкви. Долго мать въ страшной горести разыскивала бѣглеца-сына. Наконецъ, узнала, гдѣ онъ, нашла его, и снова Феодосій подвергся побоямъ и истязаніямъ...

Понравился онъ властителю города (намѣстнику княжьему), взялъ тотъ его къ себѣ въ домъ, одѣвалъ въ богатое платье; но Феодосій дарилъ нищимъ это платье, а самъ попрежнему ходилъ въ старомъ и плохомъ. Мало того, онъ попросилъ кузнеца сковать тяжелыя вериги (цѣпи), опоясался ими и носилъ ихъ подъ платьемъ. Желѣзо перетирало ему тѣло до крови; но онъ не показывалъ и виду, что ему больно. Случайно мать замѣтила кровь на одѣждѣ его, узнала, что онъ истязаетъ себя, снова пришла въ ярость, сорвала съ него вериги и прибила его.

Однажды Феодосій, при чтеніи Евангелія, услышалъ слова: „Аще кто

не оставитъ отца и матеръ, и вслѣдъ Мене не идетъ, нѣсть Мене достоинъ“ и далѣе: „пріидите ко мнѣ вси труждающіеся и обремененные, и Азъ вы упокою“. Не разъ слыхалъ эти слова Феодосій, но на этотъ разъ они особенно сильно подѣйствовали на него. Онъ рѣшилъ уйти изъ дома, во что бы ни стало, и посвятить себя всепѣло Богу. Слышалъ онъ, что въ Кіевѣ есть монастыри; тамъ думалъ онъ найти пріютъ. Дороги въ Кіевѣ онъ не зналъ. По счастію для него, шелъ туда въ это время купеческій обозъ; Феодосій пошелъ слѣдомъ за нимъ, не упустя его изъ виду, и такимъ образомъ добрался до Кіева. Здѣсь ходилъ онъ по разнымъ монастырямъ и просился, чтобы его приняли въ иноки; но нигдѣ не пожелали принять юношу, одѣтаго въ бѣдную, изорванную одежду. Услыхалъ онъ объ Антоніи и пришелъ къ нему. Увидѣвъ отшельника, Феодосій поклонился до земли и сталъ со слезами просить, умолять его.

— „Чадо, сказалъ Антоній: видиши ли эту пещеру? Мѣсто это скорбное и тѣсное; ты же еще юнъ, и, думаю, не снесешь печали въ этомъ мѣстѣ.“

— „Честный отецъ, отвѣчалъ Феодосій: ты знаешь, что Богъ привель меня къ тебѣ,—все, что только ты велишь, буду я творить.“

Тогда Антоній благословилъ Феодосія и велѣлъ Никону постричь его и возложить на него черныя монашескія ризы.

Начались иноческіе подвиги Феодосія. Но ему предстояло новое тяжелое испытаніе. Его мать была въ отчаяніи... Напрасно она разыскивала его сама по всемъ окрестнымъ мѣстамъ; тщетно искали его всюду ея слуги; щедрую награду обѣщала она тому, кто его приведетъ,—все напрасно! Четыре года прошло,—о Феодосіи ни слуху ни духу! Но вотъ случайно отъ путниковъ, пришедшихъ изъ Кіева, узнаетъ она, что Феодосія видѣли тамъ. Немедленно спѣшить она туда, бросается по всемъ монастырямъ; наконецъ, узнаетъ, что онъ въ пещерѣ у преподобнаго Антонія. Она приходитъ къ пустыннику и слышитъ, что сынъ ея живъ и находится здѣсь; она хочетъ видѣть его, но онъ, отдавшій себя Богу, рѣшается отказать матери въ свиданіи. Никакія мольбы не могутъ измѣнить его рѣшенія; даже увѣщанія самого Антонія не дѣйствуютъ на него. Тогда страстно любящая мать отъ мольбы переходить къ угрозамъ.

— „Покажи мнѣ сына моего, говорить она въ отчаяніи Антонію: если не покажешь его, я погублю себя у твоей пещеры!“

Антоній въ тяжелой скорби идетъ и снова умоляетъ Феодосія выйти къ матери; наконецъ, онъ повинуется и выходитъ. Увидѣла мать своего сына блѣднаго, исхудалаго, изможденнаго, бросилась къ нему на шею, горько рыдала, обливала его слезами. Успокоившись немного, стала она умолять его:

— „Возвратись въ домъ свой, дѣтище мое! Все, что тебѣ надо для спасенія души,—все ты будешь творить по своей волѣ, только не отлучайся отъ меня. Умру я, погребешь ты меня, тогда возвращайся въ пещеру эту. Не могу я жить и не видѣть тебя!“

Напрасны были мольбы матери. Феодосій, вѣрный данному монашескому обѣту, былъ непреклоненъ. Онъ предложилъ матери, если она хочетъ видѣться съ нимъ,—постричься въ одномъ изъ кіевскихъ ближнихъ женскихъ монасты-

рей. Послѣ долгой борьбы материнское чувство взяло въ душѣ ея верхъ надъ всѣми мірскими утѣхами, и она, не имѣя силы разстаться навсегда съ сыномъ, постриглась въ женскомъ монастырѣ св. Николая. (Всѣ подробности эти преподобный Несторъ, написавшій житіе Феодосія, узналъ отъ келаря Феодора, который слышалъ отъ самой матери св. подвижника).

Молва о днѣпровской пещерѣ и трехъ подвижникахъ ея: Антоніи, Никонѣ и Феодосію разносилась по Русской землѣ. Со всѣхъ концовъ ея изъ разныхъ сословій стала стекаться братія.

Сынъ одного знатнаго вельможи Іоанна явился разъ къ Антонію, долго бесѣдовалъ съ нимъ и выразилъ желаніе постричься въ иноки. На другой день пріѣхалъ онъ къ пещерѣ въ свѣтлой одеждѣ, на богатомъ конѣ, въ сопровожденіи своихъ слугъ. Отшельники вышли изъ пещеры и привѣтствовали его, какъ вельможу; онъ же въ отвѣтъ поклонился имъ до земли, и, снявъ съ себя боярскую одеждју, положилъ ее предъ старцемъ, поставилъ предъ нимъ и коней въ богатыхъ уборахъ и сказалъ:

— „Все это, отче, прелесть міра сего; какъ хочешь, такъ и поступи съ нею. Я же хочу, презрѣть все это, быть инокомъ и жить съ вами въ пещерахъ и не возвращусь больше въ домъ свой.“

Антоній напоминалъ ему о силѣ обѣта, о власти отца, о гнѣвѣ князя, но рѣшимость юноши не поколебалась. Тогда Никонъ постригъ его и нарекъ Варлаамомъ. Всѣль за нимъ княжій слуга, любимецъ князя, также постригся въ монахи подъ именемъ Ефрема. Узнавъ объ этомъ, великий князь Изяславъ сильно разгневался, — велѣлъ привести къ себѣ одного изъ отшельниковъ. Явился Никонъ.

— „Ты ли, спросилъ его съ гнѣвомъ Изяславъ: постригъ боярина моего и слугу въ монахи безъ повелѣнія моего?“

— „Божію благодатію, отвѣчалъ Никонъ: я постригъ ихъ повелѣніемъ Царя небеснаго Іисуса Христа, призвавшаго ихъ на подвигъ.“

— „Иди, сказалъ князь: и увѣщай ихъ, чтобы они возвратились къ себѣ домой; иначе я пошлю тебя и всѣхъ живущихъ съ тобою въ заточеніе, и пещеру вашу раскопаю.“

— „Владыка, какъ тебѣ угодно, такъ и твори, а я не могу отнимать воиновъ у Царя небеснаго!“ отвѣчалъ кротко Никонъ.

Жена Изяслава стала просить за иноковъ и смягчила гнѣвъ своего мужа.

Много стараний употребилъ отецъ Варлаама, чтобы вернуть сына изъ пещеры; наконецъ, силою увѣль его къ себѣ домой. Варлаамъ молча сидѣлъ въ углу, не трогалъ пищи, принесенной ему, не обращалъ вниманія на просьбы и ласки жены. Три дня просидѣлъ онъ молча, не ъвши, и только мысленно молилъ Бога, чтобы Онъ подкѣпилъ его. Наконецъ, родители поняли, что ничего съ нимъ не подѣлать, и со слезами отпустили его. Оплакивала его жена, плакали слуги, любившіе его. Онъ остался твердымъ въ своемъ рѣшеніи.

Варлаамъ былъ игуменомъ послѣ того, какъ Никонъ ушелъ изъ Киева въ Тмутаракань. Вскорѣ по желанію князя Варлаамъ сталъ настоятелемъ въ монастырѣ св. Димитрія въ Киевѣ; тогда, по благословенію Антонія, братія избрала игуменомъ Феодосія.

Первыми подвигами его въ игуменствѣ были постройка большой церкви и введеніе монастырскаго устава. Недалеко отъ пещеры нашелъ онъ удобное мѣсто, соорудилъ тамъ храмъ во имя Пресв. Богородицы, а около него выстроилъ кельи. Въ своемъ монастырѣ ввелъ онъ уставъ Студійского Константинопольского монастыря.

Правила этого устава очень просты. Общая молитва всей братіи въ церкви считается выше одиночной, келейной. У иноковъ должна быть общая трапеза; пищу вкушать за братской трапезой должны были всѣ безмолвно, внимая чтенію; безъ благословенія игумена никто не смѣлъ ни ъсть, ни пить, ни держать хлѣба или воды въ кельѣ, ни съѣсть ягоды въ полѣ. Имущество у иноковъ должно быть общимъ, даже и одежда; никто не могъ ничего назвать своимъ; даже въ разговорѣ запрещалось употреблять слова: мое, собственное, твоё. Инокъ не долженъ былъ принимать милостыни ни отъ кого; взять что-либо у кого-нибудь позволялось не иначе, какъ съ благословенія игумена. Инокамъ не позволялось ходить по кельямъ другъ къ другу. Безъ разрѣшенія игумена никто не смѣлъ выходить за монастырскія ворота. Разныя ремесла и искусства составляли занятіе иноковъ въ досуге отъ молитвы времія.

Болѣе всего Феодосій требовалъ отъ иноковъ полнѣйшаго повиновенія волѣ игумена; всякое уклоненіе отъ приказанія его считалось тяжкимъ грѣхомъ. Братія привыкли такъ повиноваться волѣ своего настоятеля, что разъ вратарь не рѣшился безъ спросу у него впустить въ монастырь даже великаго князя, потому что онъ пріѣхалъ въ такую пору, когда Феодосій запретилъ впускать постороннихъ въ монастырскую ограду.

Жизнь иноковъ проходила въ долгихъ церковныхъ службахъ и тяжелыхъ трудахъ. Пища была скучная; монастырь былъ еще бѣдентъ, и случалось, что братія съ вечера не знали, чѣмъ будетъ питаться завтра; но всѣ иноки и игуменъ твердо вѣрили, что Богъ, питающій небесныхъ птицъ, пропитаетъ и ихъ. Съ теченіемъ времени, когда отъ разныхъ пожертвованій и вкладовъ обитель нѣсколько обогатилась, Феодосій сталъ отдѣлять десятую долю всѣхъ доходовъ монастыря на бѣдныхъ, даже устроилъ особый дворъ, гдѣ жили на счетъ монастыря нищіе, калѣки и больные. Каждую субботу посыпалъ Феодосій возь съ хлѣбами по темницамъ. Въ кельѣ у себя держалъ онъ разслабленнаго старца и взялъ на себя весь уходъ за нимъ.

Феодосій требовалъ, чтобы всѣ иноки строго исполняли свои обязанности. Онъ часто посѣщалъ кельи, и если находилъ у кого изъ братіи сверхъ общихъ братскихъ вещей лишнюю одеждју или другія вещи, то бросалъ ихъ въ огонь. Даже по ночамъ строгій игуменъ обходилъ келии и слушалъ у дверей. Если онъ слышалъ въ кельѣ молитву, то благодарили Бога за благочестіе инока; если же слышалъ бесѣду двухъ или трехъ иноковъ, то стучалъ въ дверь. Утромъ призывалъ онъ виновныхъ и обличалъ ихъ, укорялъ кротко, со слезами..

„Молю васъ, братія, говорить онъ инокамъ въ одномъ поученіи: будемъ подвизаться въ постѣ и молитвѣ. Попечемся о спасеніи душъ нашихъ. Возвратимся отъ злобы и отъ путей грѣха, каковы: клевета, празднословіе, пьянство, объяденіе, непріязнь къ брату. Взыщемъ Бога риданіемъ, слезами,

постомъ, неустанною молитвою, покорностью, послушаниемъ. Назвавши чернецами, мы должны каждый день каяться въ своихъ грѣхахъ. Покаяніе есть путь, приводящій къ Богу; оно есть ключъ къ царству; безъ него никому нельзя войти въ царство небесное."

Строгій къ другимъ, Феодосій былъ еще строже къ самому себѣ. Никогда не видали его праздныхъ: онъ не гнулся никакимъ трудомъ, работалъ цѣлый день, не давая отдыха своимъ рукамъ и ногамъ, часто ходилъ въ пекарню,—мѣсить тесто и пекъ хлѣбы вмѣстѣ съ пекарями. Примѣръ его сильно дѣйствовалъ на братію. Разъ пекарь сказалъ Феодосію, что нѣть воды, а наносить некому; тогда блаженный тотчасъ всталъ и принялъ носить воду съ колодца. Одинъ изъ братіи увидѣлъ это и послѣшилъ сказать другимъ; сейчасъ же нашлось нѣсколько человѣкъ, которые наносили воды съ избыткомъ... Въ другой разъ случилось, что не было дровъ для кухни. Келарь пришелъ къ Феодосію и сказалъ:

— „Ты бы велѣлъ кому-либо изъ братіи, кто не занятъ, наносить дровъ!“

— „Вотъ я не занятъ, отвѣчалъ Феодосій: такъ я и пойду.“

Братіи онъ велѣлъ ити въ трапезу, такъ какъ было время обѣда, а самъ взялъ топоръ и сталъ рубить дрова. Когда иноки послѣ обѣда увидѣли настоятеля за работой, тотчасъ же каждый взялъ свой топоръ и скоро накололи дровъ на много дней.

За братской трапезой ъѣль онъ только сухой хлѣбъ и вареную зелень безъ масла, не пилъ ничего кромѣ воды, одежду носилъ ветхую въ запатахъ, а подъ нею колючую власяницу. Спать онъ обыкновенно не ложился, а послѣ повечерія засыпалъ сидя; часто проводилъ онъ ночи безъ сна, молился за себя и за братію. Съ наступленіемъ великаго поста онъ обыкновенно удалялся въ особую пещеру (известную до сихъ поръ подъ именемъ Феодосіевої или дальней), а возвращался въ обитель наканунѣ Лазаревої субботы.

Своимъ примѣромъ, добротой и привѣтомъ Феодосій производилъ чудесное дѣйствіе даже на испорченныхъ людей. Разъ привели къ нему связанныхъ разбойниковъ, которыхъ поймали въ одномъ монастырскомъ сель за кражею. Блаженный при видѣ ихъ связанныхъ сильно опечалился. Прослезившись, онъ велѣлъ освободить ихъ и накормить; потомъ долго поучалъ ихъ никого не обижать, никому не дѣлать зла, даъ имъ много необходимаго и отпустилъ съ миромъ. Отпущенные такъ умилились душою, что съ этихъ поръ перестали дѣлать кому-либо зло, стали довольствоваться своимъ трудомъ.

Смирение Феодосія было необыкновенно. Случилось ему разъ быть далеко отъ обители у князя Изяслава. Князь приказалъ одному изъ своихъ слугъ отвезти настоятеля въ монастырь. Слуга, видя инока въ нищенской одеждѣ, и не зная, кого везетъ, сказалъ ему дорогою:

— „Ты, чернецъ, всегда празднешь, а я живу въ трудахъ: пусти меня отдохнуть въ повозкѣ, а самъ садись на лошадь.“

Феодосій безпрекословно обмѣнялся мѣстомъ со слугою, и цѣлую ночь то ъѣхалъ верхомъ, то шелъ подлѣ лошади, чтобы не уснуть. Когда разсвѣло,

бояре, ъѣхавши къ великому князю, при встрѣчѣ съ подвижникомъ сходили съ коней и низко кланялись ему. Слуга, увидѣвъ это, испугался; но Феодосій успокоилъ его, ласково ввелъ въ обитель и приказалъ угостить.

Кроткій и смиренный Феодосій былъ въ то же время очень строгъ, твердъ и непоколебимъ, гдѣ надо было изобличить неправду. Когда, изгнавъ изъ Киева Изяслава, завладѣлъ его княженіемъ Святославъ, Феодосій строго обличалъ его за это; не разъ въ присутствіи бояръ или княжихъ людей укорялъ князя за его несправедливость къ брату и насилие и просилъ бояръ передать свои слова князю. Мало того. Онъ самъ написалъ ему большое посланіе, гдѣ сравнивалъ преступокъ его съ преступленіемъ Каина. Князь, прочитавъ это обличеніе, пришелъ въ ярость... Братія, опасаясь за подвижника, умоляла его смириться и не раздражать князя. Многіе бояре, приходивши въ обитель, упрашивали игумена о томъ же и говорили, что Святославъ грозить послать его въ заточеніе.

— „Радуюсь я этому, сказалъ Феодосій:—для меня это самое лучшее въ жизни. Чего мнѣ бояться? Потери ли имущества и богатства? Лишусь ли дѣтей или сѣль? Нагими мы пришли въ этотъ міръ, нагими же подобаетъ намъ и уйти изъ него.“

Феодосій продолжалъ свои обличенія. И принужденъ былъ великій князь смириться передъ инокомъ, сіявшимъ своимъ благочестіемъ. Сила смирилась предъ правдою. Князь старался даже сблизиться съ обличителемъ своимъ, часто пріѣзжалъ въ обитель къ нему, искалъ его бесѣды, кротко выслушивалъ укоры его, съ радостью принималъ наставленія. Къ нему обращались часто міряне съ просьбою заступиться за нихъ, попросить за нихъ у князей и бояръ. Князья и бояре чтили Феодосія, какъ праведника, и охотно исполняли его просьбы.

Князья не только приходили сами къ Феодосію, но нерѣдко приглашали его къ себѣ. Разъ пришелъ онъ къ Святославу во время пира. Гремѣла музыка, раздавались пѣсни, плясали скоморохи... подвижникъ сѣлъ поодаль, печально опустивъ голову, и, наконецъ, обратившись къ князю, проговорилъ:

— „Будетъ ли такъ на томъ свѣтѣ?!“

Князь понялъ, какъ оскорбляетъ мірское веселіе смиренного инока, проводящаго дни и ночи въ покаяніи, слезахъ и молитвѣ, и велѣлъ тотчасъ же прекратить веселіе. Съ тѣхъ поръ, какъ только докладывали князю о приходѣ игумена, музыка и веселіе прекращались. Князь такъ уважалъ Феодосія, что говорилъ ему:

— „Если бы отецъ мой всталъ изъ мертвыхъ, я такъ не былъ бы обрадованъ этимъ, какъ твоимъ приходомъ!“

Феодосій, несмотря на то, что Святославъ благоговѣлъ предъ нимъ и много добра слѣдалъ для братіи, все-таки не простилъ ему проступка: на эктеніяхъ во время богослуженія въ монастырѣ всегда молились сначала за Изяслава, какъ законнаго великаго князя, а за нимъ уже поминали Святослава...

Отъ Феодосія до нашего времени сохранилось нѣсколько поученій: одни изъ нихъ касаются монашеской жизни, другія вообще христіанскихъ обязанностей. Въ одной проповѣди своей—„О казняхъ Божіихъ“ онъ признаетъ

голодъ, болѣзни, нашествіе враговъ карою небесною за грѣхи; указываетъ на разныя языческія суевѣрія народа, нерасположеніе его къ духовнымъ лицамъ. (Встрѣчу, напр., съ чернепомъ, съ черницею народъ считалъ дурнымъ предзнаменованіемъ). Нападаетъ также Феодосій на чародѣйство, на гаданья, на ростовщичество, на мірскія забавы, на музыку и пляску. Болѣе всего укоряетъ онъ за пьянство: какъ видно, этотъ порокъ былъ и въ ту пору сильно распространенъ. Особенно въ своихъ поученіяхъ предостерегаетъ онъ православныхъ отъ сближенія съ иновѣрцами,—съ латинцами: онъ, видимо, опасался, чтобы они не сорвали русскихъ въ свою вѣру.

Киево-Печерская лавра.

Монастырь все болѣе и болѣе расширялся; благодаря вкладамъ и по жертвованіямъ, онъ годъ отъ году богатѣлъ; число братіи росло. Задумалъ Феодосій воздвигнуть большую каменную церковь въ честь Успенія Богородицы. Великий князь Святославъ подарилъ для новой церкви хорошее мѣсто близъ старого Печерского монастыря и пожертвовалъ большія деньги (около ста гривенъ золота) на сооруженіе ея. Были и другія пожертвованія. Закладка церкви происходила въ 1073 г. Феодосій съ братіей ежедневно работалъ при постройкѣ и помогалъ мастерамъ. Но не пришлось ему дожить до окончанія ее: онъ сильно занемогъ и скоро почувствовалъ приближеніе кончины. Со звалъ онъ всю братію. Всѣ плакали.

— „Чада мои, любимая братія, говорилъ онъ: отхожу я уже къ Владыкѣ нашему Господу Иисусу Христу; изберите себѣ сами игумена и повинуйтесь ему, какъ духовному отцу, бойтесь его...“

Затѣмъ умирающій заповѣдалъ, чтобы погребли его въ той пещѣ, куда онъ обыкновенно удалялся во время великаго поста. Горко плакали всѣ иноки. Феодосій утѣшалъ ихъ:

— „Обѣщаюсь вамъ, что я только тѣломъ отхожу отъ васъ, а духомъ вѣчно пребуду съ вами.“

Онъ скончался 3-го мая 1074 года, на 65-мъ году отъ роду. За годъ предъ тѣмъ скончался Антоній 90-ти лѣтъ.

Долго строилась Успенская церковь. Окончена постройка была чрезъ 15 лѣтъ послѣ закладки. Красота этой церкви изумляла современниковъ: внутри она блестала золотомъ и мозаикою; помостъ устроенъ былъ изъ разноцвѣтныхъ каменьевъ узорами; церковные главы были позолочены. Крестъ на главномъ куполѣ былъ выкованъ изъ чистаго золота. Современники называли пещерскую церковь „славою и украшеніемъ всей земли Русской“.

Значеніе Киево-Печерскаго монастыря.

Духъ смиреннаго благочестія и строгаго подвижничества, внесенный въ обитель Феодосіемъ, долго пребывалъ въ ней. Много было здѣсь благочестивыхъ иноковъ и суровыхъ подвижниковъ и при Феодосіи, и по его смерти. Кромѣ иноковъ, жившихъ по кельямъ и сходившихъ по уставу въ церкви за общую молитвою, да въ трапезной, въ Печерской обители были и затворники. Таковъ былъ Исаакій, раньше богатый торопецкій купецъ. Увлекся онъ подвижническою жизнью, роздалъ все свое имѣніе нищимъ, пришелъ въ пещеру, постригся въ монахи и началъ тяжелую подвижническую жизнь, надѣль власяницу, сверхъ нея покрылся сырой козлиной кожей, которая на немъ высохла, и затворился въ тѣсной пещерѣ. Здѣсь онъ непрестанно молился; воздерживался отъ пищи и питья; чрезъ день по одной просфорѣ подавали ему чрезъ окошечко, куда едва проходила рука. Воздерживался онъ также и отъ сна,—сидя засыпалъ ненадолго. Изнурилъ онъ до крайности свою плоть; тяжелая видѣнія томили его; онъ испытывалъ страшныя искушенія... Другой подвижникъ, Иоаннъ Многострадальный, старался умертвить свою плоть, убить въ ней всѣ потребности. Долго боролся онъ съ самимъ собою,—наконецъ, закопалъ себя въ землю по грудь и такъ провелъ не сколько лѣтъ. Кромѣ затворниковъ, въ Киево-Печерской обители было много и другихъ иноковъ, прославившихся высокимъ благочестіемъ. Таковы, напр., Даміанъ целитель, Матвій прозорливецъ, старецъ Іеремія, помнившій крещеніе Русской земли при Владимирѣ, Агапітъ, безмездный врачъ, Алимпій, первый русскій иконописецъ и др.

Много дивныхъ разсказовъ о Киево-Печерскомъ монастырѣ и подвижникахъ его разносili по Русской землѣ богомольцы, бывавшіе въ Киевѣ. Разсказывали о чудномъ воздержаніи, терпѣніи пещерскихъ подвижниковъ, смиреніи, непрестанной борбѣ ихъ съ искушеніями, чудесахъ... Дивились всѣ подвигамъ пещерскихъ иноковъ — этихъ богатырей духовной силы.

Киевъ сдѣлался священнымъ городомъ въ глазахъ всѣхъ православныхъ. Въ самомъ городѣ красовались великолѣпныя церкви: Десятинная и Софій-

ская; въ первой была гробница св. Равноапостольного Владимира; близъ Киева, въ Вышгородѣ находились гробницы свв. Бориса и Глѣба, а въ окрестностяхъ Киева, на берегу Днѣпра, сіяла Печерская обитель, где по-коились мощи свв. Антонія, Феодосія и многихъ другихъ подвижниковъ, погребенныхъ въ пещерахъ. Мало-по-малу народъ привыкъ со всѣхъ концовъ Русской земли стекаться въ Киевъ для поклоненія его святынямъ.

Чѣмъ больше росла слава Печерской обители, тѣмъ больше приходило сюда и богомольцевъ; росли и пожертвованія. Кн. Ярополкъ Изяславичъ далъ Печерскому монастырю три волости; дочь его пожертвовала пять сѣль съ челядью; было немало и другихъ щедрыхъ и крупныхъ пожертвованій въ пользу обители. Монастырь могъ теперь въ большихъ размѣрахъ совершать дѣла благотворительности: давать пріютъ и пропитаніе калѣкамъ, больнымъ и нищимъ, о которыхъ всегда такъ заботился св. Феодосій; могъ предпринимать богатыя постройки, украшать свои церкви. По своей славѣ Киево-Печерский монастырь считался самымъ главнымъ на Руси. Болѣе пятидесяти человѣкъ изъ кіево-печерскихъ иноковъ были епископами; нѣкоторые иноки становились игуменами другихъ монастырей; всюду они старались водворить порядки, уставъ и духъ Киево-Печерской лавры. Отсюда же распространялись св. книги и просвѣщеніе. Монастырей въ то время на Руси было не мало. Въ одномъ Киевѣ и его окрестностяхъ было ихъ семнадцать (мужскихъ и женскихъ).

Монашеская жизнь мало-по-малу стала считаться на Руси образцомъ истинно-праведной жизни. Къ сожалѣнію, многіе стали думать, будто мірянинъ никакъ ужъ не можетъ вести угодной Богу, праведной жизни. Сложилось убѣженіе, что желающій угодить Богу долженъ изнурять свое тѣло постомъ, долгой молитвой, вести одинокую жизнь, постоянно сокрушаться о своей грѣховности, каяться и пр. Жизнь, не похожая на монашескую, стала считаться грѣховною. Всѣ благочестивые міряне старались по мѣрѣ возможностей подражать монахамъ и дѣлали богатые вклады въ монастыри, надѣясь молитвами истинныхъ угодниковъ Божіихъ спасти себѣ душевное спасеніе.

Борьба съ язычествомъ.

Въ то время, какъ въ Киево-Печерскомъ монастырѣ многіе иноки сіяли истиннымъ благочестіемъ, и оно проникало мало-по-малу въ среду князей, бояръ и горожанъ, вдали отъ Киева, на сѣверѣ, въ глухихъ мѣстахъ, многія языческія вѣрованія сильно еще держались. Народъ, хотя и крестился, ходилъ въ церкви, но многаго не понималъ, смѣшивалъ своихъ языческихъ боговъ съ христіанскими святыми, — Перуна съ пророкомъ Ильею, Волоса со св. Власіемъ. Попрежнему вѣрилъ народъ въ домовыхъ, лѣшихъ, водяныхъ и русалокъ. Много приходилось духовенству бороться противъ такого двоевѣрія.

Разные невѣжественные странники и богомольцы, сами плохо разумѣя то, что дѣлалось и читалось въ церквахъ, своими рассказами часто мѣшали народу понимать, какъ слѣдуетъ, христіанскоѣ ученіе. Съ ними сплетались

разныя языческія повѣрія и суевѣрія. Житія святыхъ смѣшивались со сказками (легенды); библейскіе разсказы, сказанія о подвигахъ какого-нибудь святого сливались съ пѣснями о богатыряхъ (духовные стихи). Народъ вѣрилъ въ разныя примѣты, приѣгаль къ гаданьямъ, къ помощи разныхъ кудесниковъ и волхвовъ. Особенно сильны были языческія суевѣрія на сѣверѣ. Лѣтопись приводить нѣсколько случаевъ возмущенія народа волхвами.

Въ Ростовѣ (около 1070 г.) насталъ страшный голодъ. Въ это время появились два волхва въ Ростовской области; пошли они по Волгѣ и вездѣ распускали нелѣпую молву, будто женщины причиняютъ голодъ. Множество несчастныхъ женщинъ было перебито суевѣрнымъ народомъ, пока наконецъ Яну, боярину князя Святослава Черниговскаго, не удалось захватить волхвовъ. Они были преданы разнымъ мученіямъ, а потомъ повѣшены.

Сильное волненіе было и въ Новгородѣ въ 1071 году. Появился тамъ кудесникъ и сталъ хулить христіанство. Чернь взбунтовалась, хотѣла убить епископа Феодора. Онъ съ крестомъ въ рукахъ явился на вѣчѣ, звалъ къ себѣ всѣхъ христіанъ, но изъ народа никто не пошелъ къ нему, — всѣ стали на сторону волхва; на сторонѣ епископа былъ только князь Глѣбъ съ дружиною. Князь подошелъ къ волхву и спросилъ:

— „Знаешь ли ты, что будетъ завтра утромъ и вечеромъ?“

— „Все знаю“, отвѣчалъ тотъ.

— „Ну, а что будетъ нынче?“ спросилъ князь.

— „Я сотворю, отвѣчалъ кудесникъ: великія чудеса.“

Тогда князь выхватилъ спрятанный подъ корзномъ (плащемъ) топоръ и однимъ ударомъ разсѣкъ волхва надвое... Народъ, пораженный ужасомъ, разошелся по домамъ. Князь, показавъ своей жестокой расправой при всемъ народѣ ничтожество волхва, прекратилъ народное восстаніе.

Мало-по-малу, наконецъ, народъ терялъ довѣріе къ волхвамъ и менѣе поддавался ихъ обманамъ. Когда въ 1227 году появились четыре волхва въ Новгородѣ и попробовали своими рѣзкими словами возмутить населеніе, то на нихъ возстало ужъ не одно духовенство, но и весь народъ. Само вѣче приговорило казнить ихъ.

Въ Киевѣ христіанство укоренилось сильнѣе, чѣмъ на сѣверѣ, и поднять народъ противъ духовенства было здѣсь труднѣе. Въ концѣ XI вѣка появился и тутъ кудесникъ. Онъ сталъ рассказывать, будто боги ему открыли, что черезъ пять лѣтъ Днѣпъ потечетъ вверхъ, и Русская земля станетъ на мѣстѣ Греческой, а Греческая на мѣстѣ Русской. Хотя нашлись въ Киевѣ люди, которые повѣрили кудеснику, но большая часть смеялась надъ нимъ и говорила:

— „Бѣсь играетъ тобою на пагубу тебѣ!“

Кудесникъ въ Киевѣ не имѣлъ успѣха.

Упорную борьбу съ язычествомъ пришлось вести въ Муромѣ. Край этотъ, глухой, лѣсистый, былъ заселенъ финскими племенами — Муромой и Мордвой; славянскихъ поселковъ въ этой области было мало. Князья здѣсь являются съ конца XI вѣка, когда получилъ въ удѣлъ Муромо-Рязанскія земли сынъ Святослава Черниговскаго Ярославъ, родоначальникъ рязанскихъ князей и

просвѣтитель этого края. Прибылъ онъ въ Муромъ съ сыновьями — Михаиломъ и Феодоромъ, съ духовенствомъ и дружиною. Язычники встрѣтили его враждебно, съ оружиемъ въ рукахъ, и даже убили княжича Михаила. Ярославъ занялъ городъ и велъ строить въ немъ церкви. Чѣмъ усерднѣе старался князь распространять христіанство, тѣмъ болѣе злобились язычники. Однажды они цѣлыми толпами обступили княжій дворъ и хотѣли убить князя; Ярославъ неустранимо вышелъ одинъ къ толпѣ съ иконою въ рукахъ... Твердость князя смущила матежниковъ. Ему удалось многихъ изъ нихъ обратить въ христіанство. Въ назначенный день на Окѣ произошло крещеніе народа подобно тому, какъ въ Кіевѣ при св. Владимирѣ.

Ревнителямъ христіанства много еще было дѣла; приходилось не только бороться съ двоевѣріемъ, но и съ настоящимъ и упорнымъ язычествомъ. Кіево-Печерскій монастырь сильно помогалъ дѣлу просвѣщенія Русской земли христіанствомъ. Одинъ изъ бывшихъ иноковъ монастыря, св. Леонтій, сдѣлался епископомъ въ Ростовѣ. Первые два епископа ростовскіе, греки по происхожденію, принуждены были бѣжать отъ яности язычниковъ; но св. Леонтій не бѣжалъ, хотя язычники брали, били, выгнали его изъ города и грозили убить. Онъ поселился за городомъ, привлекаль къ себѣ ласками дѣтей и училъ ихъ: видѣль онъ, какъ трудно обратить въ христіанство людей взрослыхъ, закоренѣлыхъ язычниковъ, и думалъ дѣйствовать на подрастающее поколѣніе. Поднялись противъ него язычники за то, что онъ дѣтей ихъ отвращаетъ отъ старой вѣры, бросились къ церкви съ дубинами и оружиемъ. Всѣ окружавшіе епископа трепетали отъ ужаса, но Леонтій облачился въ святительскія ризы и съ крестомъ въ рукахъ вышелъ къ дикой толпѣ. Спокойная твердость его поразила язычниковъ, а сильное слово святителя такъ подействовало на толпу, что многіе изъявили готовность принять крещеніе. Подвиги св. Леонтія кончились однако мученическою смертью (около 1070 года). Преемникъ его, св. Исаія, усердно продолжалъ его дѣло: ходилъ по всей Ростовской и Сузdalльской землѣ, всюду проповѣдавъ, крестилъ народъ, уничтожалъ идоловъ и строилъ церкви.

Позже всѣхъ славянскихъ племенъ крестились Вятичи. И здесь просвѣтителемъ язычниковъ былъ инокъ Кіево-Печерскаго монастыря св. Кукша. Подобно св. Леонтію и онъ претерпѣлъ мученическую смерть. Сохранились церковныя преданія и о другихъ мученикахъ изъ кіево-печерскихъ иноковъ. Преп. Евстратій попался въ плѣнъ къ половцамъ, разграбившимъ Печерскій монастырь въ 1096 году. Онъ вмѣстѣ съ монастырскими работниками былъ проданъ въ Корсунь одному еврею, который сталъ принуждать ихъ отречься отъ христіанства, морилъ ихъ голодомъ; Евстратій подкрѣплялъ ихъ своими наставленіями. Они рѣшились скорѣе умереть, чѣмъ измѣнить вѣрѣ; все они и умерли отъ голода. Евстратій пережилъ ихъ: онъ въ юности привыкъ къ посту, и потому дольше другихъ могъ выносить голодъ. Въ день Пасхи еврей распялъ Евстратія на крестѣ. Страдалецъ, умирая, благодарилъ Господа Иисуса Христа за то, что Онъ удостоилъ его пострадать такъ, какъ пострадалъ нѣкогда самъ.

— «Я вѣрю, говорилъ мученикъ своимъ мучителямъ: наступить день

и мнѣ Господь скажетъ, какъ сказалъ разбойнику: днесъ будеши со мною въ раю...»

Тяжкимъ мученіямъ подвергся и другой инокъ кіево-печерскій — преп. Никонъ. Попалъ онъ также въ плѣнъ къ половцамъ. Богатые родственники хотѣли выкупить его изъ плѣна, но онъ воспротивился.

— «Если бы Господу было угодно, — говорилъ онъ: — чтобы я былъ свободенъ. Опѣ не отдалъ бы меня въ руки беззаконниковъ. Охотно перенесу все, что случится со мною по волѣ Его...»

Не получивъ выкупа, половцы озлобились, начали мучить плѣнника различными мукаами: морили голодомъ, били, жгли на огнѣ, рѣзали ножами, лѣтомъ сажали на солнце, зимой держали на морозѣ, подрѣзали ему жилы на обѣихъ ногахъ, чтобы не могъ онъ бѣжать. Онъ все переносилъ съ терпѣніемъ...

Примѣры необыкновенной твердости духа и переходившіе изъ устъ въ уста разсказы о подвижникахъ и мученикахъ, — этихъ богатыряхъ духовной силы, — дѣйствовали на народъ очень сильно, — сильно, чѣмъ проповѣди, и помогали распространенію христіанской вѣры и большему утвержденію ея въ народѣ.

Просвѣщеніе.

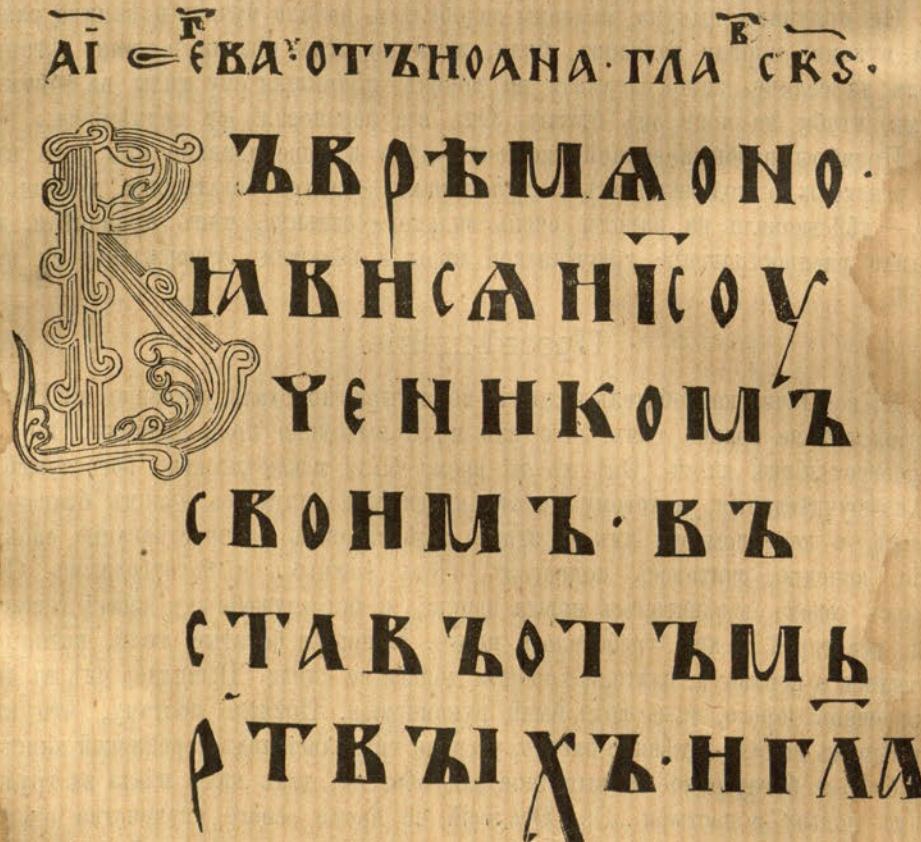
Кіево-Печерская обитель и другіе монастыри помогали усиленію на Руси христіанства не только тѣмъ, что изъ нихъ выходили проповѣдники, но и распространеніемъ книгъ. Онѣ въ то время были исключительно богослужебныя и поучительныя, и потому читать книги уже считалось дѣломъ благочестивымъ, а переписывать ихъ и этимъ содѣйствовать распространенію слова Божія, конечно, считалось подвигомъ очень важнымъ и богоугоднымъ. Съ каждымъ годомъ воздвигались новые церкви, и богослужебныхъ книгъ (евангелій, псалтирей и др.) требовалось много. Князья и богатые люди, которые заботились о церквяхъ, платили хорошія деньги за книги. Цѣнились онѣ въ то время очень дорого, такъ какъ были рукописныя. Понятно поэтому, что въ монастыряхъ монахи, умѣвшіе писать, усердно трудились надъ перепиской книгъ: дѣло было и богоугодное и выгодное для обители, такъ какъ плата за трудъ шла въ пользу монастыря. Св. Феодосій во время своего игуменства очень заботился о томъ, чтобы грамотные иноки занимались перепиской книгъ. Съ тѣхъ поръ это дѣло не прекращалось въ Кіево-Печерской обители.

Въ то время не знали еще скорописи и каждую букву старательно рисовали; нѣкоторые писцы писали очень искусно. Заглавныя и начальные буквы по большей части рисовались особенно тщательно, и придавался имъ иногда очень затѣйливый видъ. Писали ихъ по большей части киноварью (красною краскою); иногда эти буквы и узорчатыя украшенія въ началѣ книги или главы наводили золотомъ. Писали въ тѣ времена на пергаментѣ (такъ называлась особеннымъ образомъ выдѣланная телячья или баранья кожа). Понятно, что пергаменная рукопись, изящно написанная, цѣнилась очень дорого.

Списываніе книгъ считалось такимъ важнымъ искусствомъ, что занимались имъ не только духовныя, но и высокопоставленныя свѣтскія лица, напр., княжна Полоцкая Евфросінія (ХII в.), Владимиръ, князь Волынскій (ХIII в.).

Самый древнейший памятник церковно-славянской письменности на Руси, дошедший до насъ, — это Евангелие, написанное въ Новгородѣ въ 1056—57 гг., въ княжение Изяслава Ярославича, дьякономъ Григориемъ для посадника Остромира. (Хранится Остромирово Евангелие въ настоящее время въ Императорской Публичной библиотекѣ въ С.-Петербургѣ).

Книги приобрѣтались не только для церквей, но и благочестивые князья и богатые люди изъ бояръ часто не жалѣли издержекъ, чтобы имѣть у себя дома рукописи. Любилъ книги, какъ мы уже видѣли, Ярославъ I; сынъ его

Изображеніе письменъ изъ Остромирова Евангелия.

Святославъ Черниговскій имѣлъ у себя полныя клѣти книгъ; Всеволодъ Ярославичъ тоже былъ большой книжолюбецъ; Владимиръ Мономахъ не уступалъ въ этомъ своему отцу.

Послѣ книгъ Св. Писанія, въ переводахъ болгарскихъ и русскихъ распространялись у насъ творенія св. отцовъ, житія святыхъ, византійскія лѣтописи (хронографы), сборники разнообразнаго содержанія. Иной разъ книги украшались картинками. Хотя иѣкоторыя изъ нихъ рисованы и съ большимъ стараниемъ, но вообще очень неискусно. Живопись въ тѣ времена была въ упадкѣ и въ Греціи, и потому нашимъ рисовальщикамъ XI—XIII вѣковъ не у кого было научиться.

Особенно любопытенъ сборникъ, переведенный съ греческаго языка для

болгарскаго царя Симеона и переписанный съ иѣкоторыми измѣненіями для Святослава Ярославича 1073 г.; здѣсь находимъ между раскрашенными рисунками изображеніе князя Святослава и его семьи. По этому рисунку можно судить объ одѣждѣ князей и княгинь XI вѣка.

Въ XI вѣкѣ встрѣчаются уже на ряду съ переводными сочиненіями и произведеніемъ русскихъ проповѣдниковъ и писателей (Луки, новгородскаго епископа, Иларіона, митрополита кievскаго, Феодосія). Въ Кіево-Печерской обители появляются первыя житія русскихъ святыхъ. Изъ этихъ житій особенно замѣчательны: „Житіе Бориса и Глѣба“ и „Житіе Феодосія“, напи-

Семья князя Святослава (Изборникъ Святослава).

саній преподобнымъ Несторомъ. Пришелъ онъ въ Печерскую обитель семнадцатилѣтнимъ юношемъ (1073 г.), постриженъ былъ въ иночи, затѣмъ посвященъ въ дьякона. Въ 1091 г. ему было поручено съ двумя иночами откопать могіи св. Феодосія. Обитель въ это время полна была живыхъ воспоминаній о своемъ великомъ основателѣ, и Несторъ, человѣкъ книжный и любознательный, могъ многое разсказать о Феодосіи по свѣжимъ воспоминаніямъ. Глубокимъ благоговѣніемъ и задушевностью проникнуть этотъ замѣчательный трудъ Нестора.

„Когда я вспоминаль, братія,—говорить онъ, приступая къ описанію житія:—что жизнь преподобнаго никимъ не описана, то всякий день погру-

жался въ печаль и молилъ Бога, да сподобитъ меня все по порядку описать въ жизни богоноснаго отца нашего Феодосія, чтобы и будущіе послѣ насъ черноризцы, прочитавъ описаніе жизни и увидѣвъ доблѣсть мужа, восхвалили Бога, прославляя и угодника Его, и укрѣпились на подвигѣ, особенно потому, что въ сей странѣ явился такой мужъ и угодникъ Божій."

Такимъ же чувствомъ руководились и другіе составители житій, которыхъ были любимымъ членіемъ въ древней Руси.

Преподобнаго Нестора считаютъ также и древнѣйшимъ русскимъ лѣтописцемъ; но лѣтописнаго труда его не сохранилось до нашего времени. Самая древняя лѣтопись ("Повѣсть временныхъ лѣтъ"), дошедшая до насъ, составлена въ началѣ XII ст. Сильвестромъ, игуменомъ Выдубицкаго монастыря; но и этотъ трудъ дошелъ до насъ только въ позднѣйшихъ спискахъ (не раньше XIV—XV ст.).

Кромѣ житій святыхъ и лѣтописей, любознательныхъ людей должны были сильно занимать описанія путешествій. Въ XI—XII вѣкахъ въ древней Руси очень распространился обычай ходить на богомолье и на поклоненіе ко святымъ мѣстамъ. Многіе отправлялись не только въ византійскіе монастыри, на Аѳонъ, но даже и въ Палестину. Такихъ странниковъ называли "паломниками", такъ какъ они приносили изъ Иерусалима "пальмовыя" вѣтви. Странничество, или паломничество, такъ усилилось, что наша Церковь даже старалась ограничить его, убѣждая богомольцевъ, что можно спастица и не предпринимая дальнихъ странствованій.

Изъ описаній благочестивыхъ путешествій, дошедшихъ до насъ, особенно любопытно "Хожденіе игумена Даніила", въ началѣ XII ст.

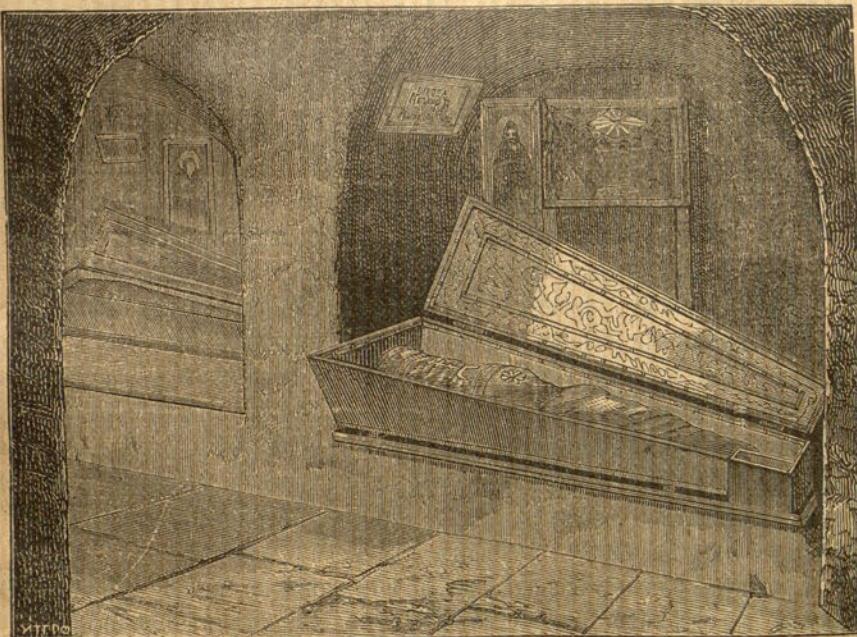
"Я, недостойный, говорить Даніилъ, по любви къ святымъ мѣстамъ, описалъ все, что видѣлъ своими грѣшными очами, чтобы не забыть того, что показалъ Богъ мнѣ недостойному, а также и ради вѣрныхъ людей, чтобы, кто услышитъ о сихъ святыхъ мѣстахъ, свою душу и сердце наполнилъ бы мыслью о нихъ и получилъ бы равную мѣду съ ходившими къ симъ святымъ мѣстамъ." Все вниманіе Даніила въ его трудахъ направлено на святыню; о ней только и говорить онъ подробно, описывая Иерусалимъ, говоря объ Иорданѣ, о гробѣ Господнемъ, о чудесномъ схожденіи свѣта ко гробу и пр.

Къ XII вѣку относятся проповѣди Кирилла, еп. Туровскаго, который подражалъ византійскимъ проповѣдникамъ, путешествіе Новгородскаго архиеп. Антонія, Поученіе Владимира Мономаха, Слово о полку и друг.

Всѣ эти произведенія, за исключеніемъ "Слова о полку", отличаются церковнымъ или поучительно-христіанскимъ направленіемъ. Большая часть ихъ выходитъ изъ монастырей.

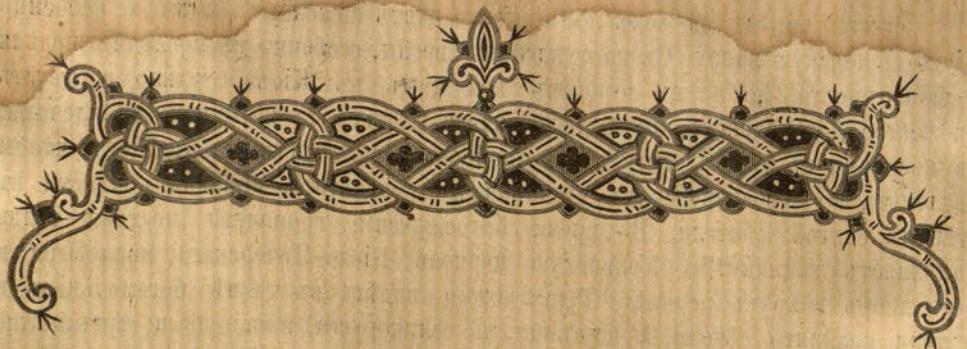
Изъ сказаннаго видно, что Киево-Печерская обитель, а затѣмъ и другіе монастыри помогли распространенію не только христіанства, но и книжного искусства и просвѣщенія на Руси. При Андреевскомъ женскомъ монастырѣ въ Киевѣ Янка, дочь Всеволода, завела училище для обученія дѣвицъ грамотѣ. Ярославъ, князь Галицкій, распорядился, чтобы монастыри на свой счетъ содержали школы и учителей для народа. Кромѣ монастырей, заводились школы и при церквяхъ.

Русскій народъ до сихъ поръ высоко чтитъ кіевскія святыни и особенно Киево-Печерскую лавру. Съ наступленіемъ весны, особенно въ послѣднія недѣли великаго поста, по всѣмъ дорогамъ, ведущимъ въ Киевъ, можно встрѣтить множество богомольцевъ, по большей части пѣшихъ, съ котомками за плечами, съ посохами въ рукахъ. Идутъ они иной разъ очень издалека въ Киевъ, чтобы поклониться кіево-печерскимъ угодникамъ и встрѣтить праздникъ Пасхи въ стѣнахъ святой обители. Во время богослуженія громадная пестрая толпа наполняетъ знаменитую Успенскую церковь Киево-Печерского монастыря и весь дворъ вокругъ церкви. Тутъ можно видѣть въ толпѣ богомольцевъ и жителя крайняго сѣвера, и южанина, и великорусса, и малоросса; тутъ можно

Пещера преп. Нестора въ Киево-Печерской лаврѣ.

услышать разные говоры, увидѣть различные мѣстные одежды; но вся эта пестрая толпа сливаются здѣсь воедино: одной и той же святынѣ поклоняется, однѣ и тѣ же молитвы творить. У церковныхъ дверей, у входа на монастырскій дворъ стоять множество нищихъ, калѣкъ, слѣпыхъ. Сбредись эти убогіе тоже съ разныхъ концовъ Русской земли сюда въ лавру; здѣсь монахи по старому преданію даютъ имъ пріютъ и кормятъ ихъ. Иной разъ слѣпцы, сидя на церковной паперти съ деревянными чашками въ рукахъ, поютъ заунываннымъ голосомъ духовные стихи, особенно стихъ о Лазарѣ, — поютъ такъ, какъ пѣлся этотъ стихъ лѣтъ пятьсотъ тому назадъ. И кладеть православный людъ ради душевнаго спасенія свои трудовые гроши въ чашки нищихъ, калѣкъ, немощныхъ тѣломъ, но, по убѣждѣнію народа, сильныхъ у Бога своею молитвою.

VI.

НОВГОРОДЪ И ВЛАДИМИРЪ.

Древній Новгородъ и его торговля.

наго было городовъ на Руси въ XII вѣкѣ,—насчитываютъ ихъ нѣсколько сотъ; но они большею частію походили на сёла; постройки были бѣдныя, деревянныя, въ родѣ теперешнихъ крестьянскихъ избъ. Въ стольныхъ городахъ, гдѣ жили князья, княжеские терема, конечно, устраивались пошире и побогаче. Лучшими зданіями въ городѣ были церкви,—обыкновенно тоже деревянныя; только въ болѣе многолюдныхъ и богатыхъ городахъ встрѣчаются каменные церкви. Главною принадлежностью древняго города была ограда. Огороженное мѣсто, или крѣпость, и называютъ собственно „городомъ“; называли также его „дѣтинцемъ“, „кремлемъ“, иногда „верхнимъ городомъ“, такъ какъ строился онъ на болѣе высокомъ мѣстѣ.

Въ дѣтинцѣ, или въ городе, жилъ обыкновенно князь со своею дружиною, а если городъ былъ не стольный, то намѣстникъ-бояринъ со своими людьми. Около стѣнъ города селились купцы, разные ремесленники и черный рабочій людъ; такимъ образомъ, кромѣ внутренняго города, является городъ виѣшній, „кромный“, или посадъ, какъ обыкновенно называли встарину виѣшній городъ. Иногда и такой посадъ обводился оградой. Бывали случаи, что въ большихъ городахъ была еще и третья ограда. Самыми большими городами въ XII вѣкѣ у насъ были Киевъ, Новгородъ, Черниговъ и Смоленскъ. Города эти находились на торговомъ пути изъ Варяжскаго моря въ Черное и могли процвѣтать, благодаря торговлѣ.

Новгородъ находится въ двухъ верстахъ отъ истока рѣки Волхова изъ озера Ильменя. Рѣка дѣлить городъ на двѣ стороны: Торговую на восточномъ берегу и Софійскую на западномъ. Главною частью города былъ дѣтинецъ на Софійской сторонѣ. Это было довольно пространное мѣсто, обнесенное стѣнами съ башнями и воротами. Въ дѣтинцѣ, или кремльѣ, жилъ князь со своей дружиной и новгородской владыка (архиепископъ). Здѣсь же красовалась и главная церковь новгородская—Софійский соборъ. Вокругъ кремля шелъ посадъ, который образовался изъ отдѣльныхъ поселковъ и дѣлился на

Планъ древняго Новгорода.

три части, или конца, какъ говорили встарину. Здѣсь было еще двѣ стѣны съ башнями и воротами. Каменные стѣны эти выстроены въ XII или даже XIII столѣтіи, а раньше въ Новгородѣ, какъ и въ другихъ древнихъ городахъ, укрѣпленія состояли изъ земляныхъ валовъ и частоколовъ. — На восточномъ берегу Волхова была Торговая сторона, гдѣ главнымъ образомъ помѣщались торжища, или рынки, и лавки. Главнымъ мѣстомъ здѣсь былъ Ярославовъ дворище (тутъ нѣкогда помѣщался дворъ Ярослава). Мѣсто это представляло обширную площадь, около которой было построено нѣсколько церквей. Здѣсь находилась вѣчевая башня, у которой собирались обыкновенно вѣче; подлѣ нея расположены были готскій торговый дворъ, нѣмецкій и др. Торговая сторона заключала въ себѣ двѣ части, или два конца города, такъ что весь Новгородъ заключалъ въ себѣ, кроме кремля и Ярославова дворища, пять концовъ. Торговая и Софійская сторона соединялась мостомъ.

Новгородъ былъ самымъ торговымъ городомъ въ древней Руси. Мѣстоположеніе его было удобно для торговли: по Волхову можно было спуститься въ Ладожское озеро, а отсюда по Невѣ — въ Балтійское море; по рѣкамъ изъ Новгорода не трудно было подойти довольно близко къ верховьямъ Днѣпра и Волги. И въ наше время для торговли лучшими путями считаются водные, а встарину они имѣли еще большее значенія: народу жило тогда въ странѣ мало и прокладывать дороги сквозь лѣса, по болотамъ гатить да мости черезъ рѣки строить, населенію было не подѣ силу.

Въ XI и XII столѣтіяхъ новгородцы ведутъ уже большую торговлю съ островомъ Готландомъ на Балтійскомъ морѣ. Готландскіе купцы имѣли въ Новгородѣ свой дворъ (готландскій) и свою церковь. На Готландѣ была тоже русская церковь, построенная заѣзжавшими туда новгородскими купцами. А въ XIII вѣкѣ новгородцы заводятъ торговыя сношенія съ нѣмцами, особенно съ городомъ Любекомъ. Позже, въ XIII стол., нѣсколько нѣмецкихъ городовъ, въ томъ числѣ и Любекъ, составляютъ союзъ (Ганзейскій), и торговля съ Новгородомъ усиливается. Иностранные корабли съ товарами останавливаются обыкновенно въ устьѣ Невы, у острова Котлина; здѣсь ихъ встрѣчали новгородские приставы, провожали до самаго Новгорода, охраняли ихъ отъ всякой опасности, пріискивали лоцмановъ, хорошо знающихъ рѣчной путь, подводные камни, мели. По Невѣ иноземные корабли шли въ Ладожское озеро; доходили до устья Волхова. Здѣсь товары перегружались на меньшія суда (большія морскія суда не могли идти по Волхову). Неподалеку отъ Новгорода товары подвергались осмотру, облагались небольшою пошлиною, и тогда шли въ городъ; здѣсь выгружались и на телѣгахъ свозились въ склады на нѣмецкій дворъ. Иностранные привозили въ Новгородъ разные товары въ обработанномъ видѣ: шерстяныя ткани, сукна, полотна, вина, стекло и другія изделия фабричной промышленности. Русскіе сбывали иноземцамъ по большей части произведенія въ сыромъ видѣ, необработанныя: мѣхѣ, кожи, сало, ленъ, коноплю и др. Иноземные товары новгородскіе купцы развозили и по другимъ русскимъ городамъ, — єздили въ Сузdalъ, Владимиръ, Киевъ, Черниговъ, Галичъ и тамъ продавали товары съ большимъ барышомъ для себя.

Новгородская область не отличалась плодородiemъ, страдала часто неурожаями, и потому новгородцы нерѣдко нуждались въ хлѣбѣ, который доставлялся имъ изъ приволжскихъ странъ по Волгѣ, а иногда и съ юга по Днѣпру.

Мѣхѣ и шкуры были наиболѣе цѣннымъ товаромъ, который продавали новгородцы иностранцамъ. Вдоволь можно было добыть этого товару и близъ Новгорода; но чѣмъ дальше къ сѣверу, тѣмъ пушистѣ и красивѣ мѣхѣ у звѣрей. Предпримчивые промышленники подвигались все дальше и дальше на сѣверъ и востокъ. Земли здѣсь были бѣдныя, малонаселенные; на далекомъ разстояніи одинъ отъ другого были разбросаны маленькие финскіе поселки; зато лѣсныя дебри здѣсь были безконечныя, а пушного звѣря водилось въ нихъ пропасть. Новгородскіе промышленники, заходившіе сюда обыкновенно вооруженными толпами, заставляли финновъ подчиняться себѣ, платить дань мѣхами, а не то устраивали и сами новые поселки (колоніи), охотничіи станицы, въ болѣе удобныхъ мѣстахъ, на берегахъ рѣкъ. Эти поселки иной разъ разрастались въ большие селенія и города. Такъ основанъ былъ городъ Хлыновъ (Вятка). Такимъ образомъ мало-по-малу почти вся страна къ сѣверу отъ Волги, весь нынѣшній сѣверный край былъ подчиненъ Новгороду, сталъ его волостью.

Новгородская община.

Благодаря обширной торговлѣ, Новгородъ раньше другихъ русскихъ городовъ достигъ цвѣтушаго состоянія и даже независимости. Во всѣхъ городахъ въ древности былъ обычай у жителей для рѣшенія наиболѣе важныхъ дѣлъ собираться на вѣче, но нигдѣ оно не имѣло такой силы, какъ въ Новгородѣ. Ярославъ I въ благодарность за помощь новгородцевъ во время борьбы его со Святополкомъ далъ имъ льготы: вѣроятно, уменьшилъ дань, какую они должны были платить великому князю, и далъ больше правъ вѣчу. Съ этого времени Новгородъ все больше и больше богатѣть, и вѣче его становится все сильнѣе и сильнѣе; дѣло доходитъ, наконецъ, до того, что вѣче само приглашаетъ князя и указываетъ ему путь изъ Новгорода, если князь чѣмъ-либо неугоденъ народу. Вѣче иной разъ судитъ даже князя и иныхъ властныхъ людей, избираетъ всѣхъ должностныхъ лицъ, посадника, тысяцкихъ и др., издаетъ законы, отмѣняетъ ихъ, объявляетъ войну, заключаетъ миръ, устанавливаетъ подати и повинности.

Населеніе Новгорода состояло изъ бояръ, владѣвшихъ большими владѣніями, житыхъ (т.-е. богатыхъ) людей, купцовъ и черныхъ людей. На вѣче могли участвовать всѣ члены новгородскихъ общинъ, т.-е. всѣ домовладѣльцы, хозяева, какъ богатые, такъ и бѣдные, какъ бояре, купцы, такъ и черные люди. Но не весь народъ собирался поголовно. На правильное вѣче не могли приходить, напр., сыновья домохозяевъ, хотя бы и совершеннолѣтніе, не могли приходить и такъ называемые „вольные люди“, не принадлежавшіе ни къ одной новгородской общинѣ.

Собирались вѣче по старому обычаю на Ярославовомъ дворѣ или на площади у Софійской церкви. Правильное вѣче созывалъ или князь или

посадникъ, посылая обыкновенно бирючей по улицамъ скликать людей. На такое вѣче новгородцы собирались каждый конецъ и каждая улица, составлявшіе отдельныя общини, со своими старостами. Когда всѣ сходились на Ярославовъ дворъ и разсаживались въ извѣстномъ порядкѣ на приготовленныхъ для нихъ ступеняхъ, тогда звономъ колокола на вѣчевой башнѣ возвѣщалось открытие вѣча. Водворялась тишина. Самъ посадникъ или вѣчевой дьякъ громогласно заявлялъ собравшимся тѣ вопросы, которые надлежало решить. Собранные на вѣчѣ новгородцы свое согласіе и несогласіе выражали криками. Когда дѣло было решено, то писалась грамота обыкновенно такимъ образомъ: „Отъ посадника Великаго Новгорода (имя посадника), и отъ всѣхъ старыхъ посадниковъ, и отъ тысяцкаго Великаго Новгорода, отъ всѣхъ пяти концовъ. На вѣчѣ на Ярославль дворъ положили сдѣлать то-то“ (излагалось самое рѣшеніе). Къ грамотѣ прикладывалась вѣчевая печать съ надписью: „печать Великаго Новгорода“. Новгородъ въ грамотахъ обыкновенно величался „Господиномъ Великимъ Новгородомъ“.

На бѣду для новгородцевъ не всегда вѣча у нихъ бывали правильныя. Случалось, что народъ, недовольный распоряженіями посадника, собирался на сходку, не соблюдая никакихъ правилъ. Тутъ ужъ сходились всѣ, кто хотѣлъ, даже и „вольные“ люди... Порою разомъ въ нѣсколькихъ церквяхъ начинали звонить, и народъ сходился въ разныхъ концахъ города. Иногда эти беспорядочныя сходки имѣли такую силу, что невозможно было созвать правильнаго вѣча, и посадникъ и тысяцкій должны были пристать къ какой-либо сторонѣ. Нерѣдко между противными сторонами происходили драки. Впослѣдствіи нерѣдко бывали случаи, что разомъ собирались два враждебныхъ другъ другу вѣча: одно у св. Софіи, а другое на Ярославль дворѣ. Враждебныя стороны сходились на Волховскомъ мосту, и завязывалась свалка... Въ такихъ случаяхъ бывало новгородскій владыка являлся съ причтомъ въ полномъ облаченіи съ крестомъ въ рукахъ и старался умиротворить враждующихъ.

Владыка новгородскій избирался такъ же, какъ и посадникъ, т.-е. на вѣчѣ. Выбирали обыкновенно трехъ лицъ изъ новгородского духовенства, достойныхъ, по мнѣнію народа, быть владыками. Затѣмъ три жеребья съ именами этихъ лицъ клади въ алтарѣ Софійскаго собора на престолъ, приводили въ алтарь слѣпца или ребенка; онъ бралъ два жеребья; оставшійся на престолѣ третій жеребей указывалъ на избранника Божія. Онъ долженъ былъ ездить въ Киевъ, гдѣ митрополитъ и посвящалъ его въ архиепископы.

Главнымъ выборнымъ лицомъ въ Новгородѣ былъ посадникъ. Онъ былъ посредникомъ между народомъ и княземъ, созывалъ вѣча, велъ переговоры съ сосѣдними областями. Безъ посадника не могла быть выдана ни одна важная грамота отъ имени Новгородской общини; у него была печать съ надписью: „Новгородская печать посадника“. Въ случаѣ войны полки новгородскіе были обыкновенно подъ его начальствомъ, такъ что князь могъ вполнѣ свободно распоряжаться только своею дружиной. Посадникъ, исправлявшій свою должностъ, именовался „степеннымъ посадникомъ“ въ отличие отъ посадниковъ смѣненныхъ, которые назывались „старыми посадниками“ и пользовались часто тоже большимъ уваженiemъ со стороны народа. Иные

посадники, умѣвшіе угождать народу, бывали „степенными“ часто по нѣскольку лѣтъ подъ рядъ.

Ближайшимъ помощникомъ посадника былъ тысяцкій, избираемый подобно посадникамъ на вѣчѣ изъ боярскихъ фамилій. Посадникъ былъ земскімъ начальникомъ всего Новгорода, а тысяцкій — начальникомъ черныхъ людей. При помощи черни, составлявшей большинство, тысяцкіе могли многое сдѣлать на вѣче. Сверхъ того, они помогали посадникамъ во всѣхъ дѣлахъ, имѣли свой отдельный судъ, независимый отъ князя и посадника. Тысяцкій съ пятью старостами завѣдывалъ преимущественно судомъ между черными людьми. На вѣчѣ избирались и другія менѣе важныя должностныя лица: сотские, старосты, бирючи и др.

Софійский соборъ въ Новгородѣ.

Народовластіе въ Новгородѣ было такъ сильно, что здѣсь издавна завелся обычай избирать себѣ князей и удалять ихъ, „на всей волѣ Новгородской“; но все же князь считался лицомъ необходимымъ: въ немъ видѣли верховнаго судью, а главное — предводителя войска, защитника земли отъ враговъ. Княжеская дружина составляла главную военную силу, около которой собиралась земская рать; только князь, по взгляду народа, былъ настоящимъ вождемъ, которому подчинялись и дружины и войско, а бояръ, если ихъ ставили во главѣ военныхъ силъ, по словамъ лѣтописца, не всѣ слушались. Понятно, что князь получалъ большую силу въ военное время, когда Новгороду грозило вражеское нападеніе; въ мирное же время, напротивъ, значеніе князя

уменьшалось, а орудовали всѣми дѣлами въ городе свои избранные и излюбленные люди, посадники и тысяцкіе.

Вѣче уже въ тринадцатомъ вѣкѣ вошло въ такую силу, что, призывая князей, вступало съ ними въ „ряды“, т.-е. въ договоры. Князь обязывался „держать Новгородъ по старинѣ и по пошлини“ (по обычая), безъ посадника людей новгородскихъ не судить, земель новгородскихъ своимъ людямъ не раздавать, безъ вины не лишать власти никого изъ выборныхъ должностныхъ лицъ.

Былъ разъ въ Новгородѣ такой случай (1218 г.). Княжилъ здѣсь Святославъ (одинъ изъ смоленскихъ князей). Не поладилъ онъ съ посадникомъ Твердиславомъ и сталъ требовать отъ вѣча, чтобы послѣдняго смѣнили.

— „Въ чёмъ его вина?“ спросили новгородцы.

Святославъ объявилъ, что онъ за посадникомъ вины никакой не знаетъ, но что тотъ ему „нелюбъ“. Тогда новгородцы сказали:

— „Ты, князь, цѣловаль намъ крестъ, чтобы безъ вины не лишать мужа власти. Если тебѣ посадникъ нелюбъ, то мы тебѣ кланяемся (прощаемся, т.-е. ты можешь уйти отъ насъ).“

Волей или неволей Святославу пришлось примириться съ нелюбимымъ посадникомъ.

Понятно, что при такихъ порядкахъ князьямъ не жилось въ Новгородѣ: бывали случаи, что ему по нѣсколько лѣтъ подъ рядъ приходилось оставаться безъ князя. Князья, имѣвшіе свою волость, не шли княжить сюда, а посыпали обыкновенно своихъ сыновей. И тѣ большіе частію не долго сидѣли тутъ: какъ только выходила имъ очередь наслѣдовать какую-нибудь другую область, они спѣшили покинуть безпокойный вѣчевой городъ.

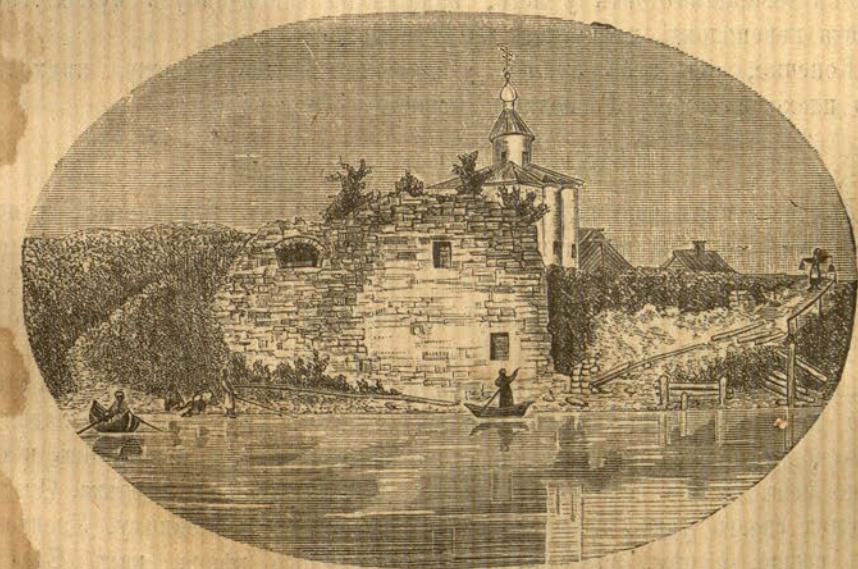
Частая смѣна князей въ Новгородѣ началась еще въ концѣ XI вѣка, а въ XII-мъ дѣло дошло уже до того, что въ одно это столѣтіе князей смѣнилось здѣсь до тридцати, и рѣдкій изъ нихъ оставался болѣе трехъ лѣтъ сряду.

За предѣлами Новгорода начиналась Новгородская земля. Она занимала большое пространство на востокѣ до Торжка, на западѣ до Финскаго залива, рѣки Наровы и Чудскаго озера, на югѣ до Великихъ Лукъ и на сѣверѣ до Ладожскаго озера. На этой землѣ было до 30 городовъ, подчиненныхъ Новгороду, или, какъ говорилось въ древности, „пригородовъ“ его. Важнѣйшіе изъ нихъ были: Псковъ, Ладога, Руса, Изборскъ, Великія-Луки, Торжокъ и др. Пригороды имѣли свои вѣча, но въ общихъ дѣлахъ они должны были подчиняться приговору новгородскаго вѣча. „На чёмъ старшіе сдумаютъ, на томъ и пригороды станутъ“, говорили тогда, и этого правила должны были держаться всѣ пригороды на Руси.

Затѣмъ, кроме Новгородской земли, Новгороду, какъ сказано уже, принадлежала огромная волость, занимавшая почти весь сѣверъ нынѣшней Европейской Россіи. Изъ этой волости добывались мѣхѣ, — самый цѣнныи товаръ вывозной торговли.

Бойко шла новгородская торговля. Предпримчивые и ловкие купцы наживали себѣ огромныя состоянія; не мало было и богатыхъ именитыхъ

бояръ; но не жилось никому спокойно въ Новгородѣ. Много было тутъ и честолюбцевъ и недовольныхъ; многочисленная новгородская чернь нерѣдко волновалась. Случались голодные годы, повальная болѣзнь, губительные пожары, — все это причиняло волненія. Бывали случаи, что новгородская чернь подымалась противъ нелюбимаго посадника или противъ бояръ, творившихъ какое-нибудь насилие. Случалось, что и сами бояре, враждя между собою, возбуждали народъ къ волненію, подкупали новгородскую чернь. Являлись на вѣчахъ подкупленные крикуны-вѣчники. Трудно бывало при этомъ иногда удержать порядокъ, подымался шумъ и гамъ со всѣхъ сторонъ; пускались въ дѣло кулаки да дубины, и начиналась свалка... Не мало гибло народу иной разъ во время такихъ побоищъ. Случалось, что дравшіеся входили въ такой задоръ, что нельзя было и унять ихъ. Неправдѣльныхъ людей народъ обыкновеннотопилъ, — бросалъ съ моста въ Волховъ. Недовольныхъ въ Новгородѣ и между чернью, и между боярами было много. — Сохрани-

Старо-Ладожская крѣпость.

лось здѣсь языческое преданіе, будто низвергнутый Перунъ, плывя по Волхову, кинулъ палку на мостъ и заповѣдалъ Новгороду вѣковѣчную распри и драки.

Бывали случаи, что недовольные люди или удальцы, которымъ не по вкусу приходились разныя стѣсненія въ Новгородѣ, уходили отсюда искать удачи да счастья на чужой сторонѣ. Иногда составлялись пѣдныя шайки такихъ „повольниковъ“; пускались они на ладьяхъ (ушкуяхъ) по рѣкамъ, разбойничали, грабили купцовъ, плавали и по морю, нападали на береговыхъ жителей. Случалось, что они основывали и новые поселки.

Всякій „вольный человѣкъ“ (т.-е. не входящій въ общину), богатый или бѣдный, бояринъ или простолюдинъ, могъ пойти въ повольники, — была бы только охота, сила да удасть. Въ дружинѣ повольниковъ шла обыкновенно

буйная и разгульная молодежь, искасившая простора, гдѣ бы развернуться и себя показать. Вождями по большей части становились сыновья богатыхъ новгородскихъ бояръ или купцовъ; они могли вооружить и на первыхъ порахъ сдержать ватагу бездомныхъ удальцовъ. Старики новгородские, сами въ молодости видавшіе всякие виды, не только не мѣшиали своимъ сынкамъ, но даже охотно отпускали ихъ повольничать: на грабежи и буйство на чужой сторонѣ смотрѣли равнодушно, пусть-де молодежь и погуляетъ, да сама бѣду узнаетъ, умнѣе будетъ,—не даромъ пословица говорить: „чужая сторона прибавить ума!“

Повольниковъ и нельзя назвать разбойниками въ полномъ смыслѣ этого слова: каждый изъ нихъ долженъ былъ горячо любить родину, радиъ о славѣ „Господина Великаго Новгорода“, обязанъ былъ уважать старость, оборонять слабыхъ и несчастныхъ отъ обидъ и въ то же время считать позволительнымъ для себя поубавить богатства у какого-нибудь чужого купца, обозъ съ товаромъ отбить у него, напасть на какой-нибудь чужой городъ, надѣлать переполоху, поочистить богатые дома...

Конечно, отъ этой буйной удали, не знаящей удержанія, приходилось порою плохо и самому Господину Великому Новгороду.

Былины Новгородскія.

До сихъ поръ еще народъ въ своихъ пѣсняхъ вспоминаетъ и новгородскую необузданную вольницу, и народные драки, а также прежнюю славу и богатство Новгорода.

Въ одной новгородской былинѣ (Василій Буслаевичъ) изображенъ буйный удаецъ-повольникъ.

„Въ славномъ Великомъ Новгородѣ, говорится въ былинѣ, жилъ старый Буслай девяносто лѣтъ, жилъ онъ со всѣми въ мирѣ-согласіи, ладилъ съ чернью новгородской, поперекъ ей слова не говориваль. Умеръ онъ и осталась по немъ имѣніе великое, вдова его да чадо милое, Васенька. Отдавала мать сына своего учить грамотѣ, письму да пѣнью церковному. Ученѣе ему впрокъ пошло, и нѣть во всемъ Новгородѣ такого пѣвца, какъ Васенька; да на бѣду повадился онъ пиръ-пировать съ веселыми удальными молодцами. Пѣть онъ,—до-пьяна напивается, по улицамъ похаживаетъ да шуточки недобрая пощучиваетъ: кого за руку возьметъ—руку вывихнетъ, кого за ногу хватить—ногу вывернетъ... Идутъ мужики новгородские жаловаться Васиной матушкѣ. „Честная вдова, говорять ей:—уйми ты свое чадо милое! Нехорошія шутки сталъ онъ пощучивать! А то вѣдь съ такой удачей молодецкой быть ему въ рѣкѣ Волховѣ.“ Стала мать журить сына. Не по душѣ это пришло Васенькѣ: озлился онъ на мужиковъ, что жаловались на него да грозили потопить его въ Волховѣ. Задумалъ онъ собрать себѣ дружину храбрую. Пишетъ онъ „ярлыки (записки) скорописчаты“: „Кто хочетъ пить и ъѣсть изъ готоваго, валися къ Василью на широкій дворъ,—тотъ пей и ъѣшь готовое и носи платье разноцѣнѣное“. Разсыпаетъ онъ эти ярлыки по улицамъ и проулочкамъ новгородскимъ. Собираются къ нему удальцы со всѣхъ концовъ: пришелъ Костя Новоторженинъ, принесли Потанюшка Хро-

менькій, Хомушка Горбатенкій и друг. Пробуетъ ихъ силу Васенька Буслаевичъ,—заставляетъ выпить чару зелена вина въ полтора ведра, бѣсть каждого изъ нихъ палицей въ двѣнадцать пудъ. Коли молодецъ стоитъ при этомъ, не шелохнется, братается Васенька съ нимъ и принимаетъ его въ „свою дружину храбрую“. Набралъ себѣ онъ тридцать удальцовъ.

Вызываютъ тогда онъ всѣхъ мужиковъ новгородскихъ на бой. Тѣ принимаютъ вызовъ. Начинается свалка на Волховскомъ мосту. Плохо мужикамъ новгородскимъ,—много ихъ избито, изранено; дружина Васильева одолѣваетъ ихъ. Видятъ они—дѣло плохо,—на хитрости пускаются. Побѣжали къ матери Василія, привнесли ей подарки и просятъ: „Прими у насъ дорогое подарочки, и уими свое чадо милое!“ Мать унимаетъ сына, сажаетъ въ глубокій погребъ; покоряется ей Васенька,—не смѣеть онъ ослушаться родимой матушки. Плохо пришлось и дружинѣ безъ него; стали одолѣвать ее мужики новгородские. Выпускаютъ тогда Василія изъ погреба.

Разгорѣлось его сердце богатырское, схватилъ онъ ось телѣжную и бросается своимъ на помощь,—мужиковъ такъ валомъ и валить. Стали снова они просить матушку унить сына. Одѣваетъ старчище-пилигримище колпакъ на голову въ двадцать пудъ, береть клюку въ руки въ десять пудъ, приходить на мостъ къ Василію, глядить ему прямо въ ясны очи и говорить ему: „Ай же ты, мое чадо крестное! укроти свое сердце богатырское, оставь мужичковъ хоть малую часть.“

Расходилось сердце у Васеньки: нѣть на него ни уйму ни удержанія. „Ай же ты, крестный мой батюшка! говорить онъ въ отвѣтъ:—не даль я тебѣ яичка во Христовъ день, дамъ я тебѣ яичко въ Петровъ день!“ Щелкнула онъ крестнаго батюшку осью желѣзною,—тутъ крестовому батюшкѣ и славу поютъ. Сама мать приходитъ унимать расходившагося Васеньку; догадалась старушка, зашла сзади и пала на плечи его могучія. „Ай же ты, чадо мое милое, говорить она:—укроти свое сердце богатырское, оставь мужичковъ хоть малую часть!“

Тутъ Васильюшка Буслаевичъ опускаетъ свои руки могучія къ сырой землѣ, выпадаетъ ось желѣзная изъ бѣлыхъ рукъ. „Ай ты, свѣты-государыня-матушка, говорить онъ: умѣла ты унить мою силу великую, догадалась зайти позади меня, и если бы зашла ты спереди, то не спустилъ бы тебѣ, государынѣ-матушкѣ, убилъ бы тебя замѣсто мужика новгородскаго.“ Оставлять тогда Васенька смертное побоище. Оставилъ онъ мужиковъ малую часть, а набилъ ихъ, что пройти нельзѧ.

Много бѣды да грѣховъ натворилъ Василій Буслаевичъ. „Смолоду бито много, граблено, подъ старость надо душу спасти“, говорить онъ и просить у своей государыни-матушки благословенія великаго „итти въ Ерусалимъ-градъ со всею дружиною храброю, Господу Богу помолитися, ко святой святынѣ приложитися, въ Ерданѣ-рѣкѣ искупатися“. — „Чадо мое милое, отвѣчаетъ ему мать:—коли ты пойдешь на добрыя дѣла, дамъ тебѣ благословеніе великое, а коли ты, дитя, на разбой пойдешь, и не дамъ тебѣ благословенія, а и не носи Василія спра земля!...“ Пускается Василій со своей дружиной

въ путь далекій по рѣкамъ и морямъ. Пріѣзжаетъ онъ, наконецъ, въ Іерусалимъ, служить обѣдню за матушку, за себя, служить панихиду по батюшкѣ, купается въ Йорданѣ. На возвратномъ пути Василій гибнетъ. Увидѣлъ онъ большой камень на горѣ, написано на немъ: кто перескочитъ чрезъ камень поперекъ — тому ничего не будетъ, а кто станетъ вдоль скакать — сломать тому буйную голову. Загорѣлось у Васеньки сердце неразумное, заговорила у达尔ъ буйная, — стала онъ вдоль скакать и убился до-смерти.

Другая былина,—о Садкѣ богатомъ гостѣ, показываетъ, что у народа сохранилась память о богатствѣ старого Новгорода. Сказываются въ этой былинѣ и языческія вѣрованія,—вѣра въ „водяного бога“.

„Жилъ-быль въ Новгородѣ Садко. Былъ онъ гусларь, ходилъ по веселымъ пирамъ, тѣшилъ богатыхъ людей своей игрой искусствой,—тѣмъ онъ и жилъ. Часты бывали пиры въ богатомъ Новгородѣ. Но вотъ случилось разъ—день проходить, другой, третій,—не зовутъ Садка на почестенъ пиръ. Соскучился Садко, пошелъ онъ къ Ильмень-озеру, сѣлъ на камень прибрежный и сталъ наигрывать на своихъ гуселкахъ. Какъ вдругъ вода въ озерѣ всколыбалася; вышелъ изъ воды царь морской и говоритъ: „Ай же ты, Садко Новгородскій, не знаю, чѣмъ тебя пожаловать за твои за уѣхіи великия, за твою игру нѣжнную. Ступай ты въ Новгородъ и бейся обѣ закладъ, заложи свою буйну голову, а съ купцовъ выряжай лавки товара краснаго, и спорь, что въ Ильмень-озерѣ есть рыба-золоты перья. Какъ побѣешься обѣ закладъ, поди—свяжи шелковый певодъ и пріѣзжай рыбу ловить въ Ильмень-озерѣ. Дамъ я тебѣ три рыбины-золоты перья;—тогда ты, Садко, счастливъ будешь.“ Онъ сдѣлалъ такъ, какъ велѣлъ ему царь морской. Позвали Садко на почестенъ пиръ. Тѣшилъ гостей онъ игрой своей искусствой, тѣшились гости и виномъ хмеленымъ. Сталъ тутъ онъ хвастать, что знаетъ чудо чудное въ Ильмень-озерѣ, что есть въ озерѣ рыба-золоты перья. Заспорили купцы, что не можетъ быть въ озерѣ такой диковинной рыбы. Предлагаетъ тогда Садко биться обѣ закладъ.—„Заложу я свою буйну голову, говоритъ онъ купцамъ: а вы закладывайте лавки товара краснаго.“ Нашлись три купца,—ударились обѣ закладъ. Связали неводъ шелковый и поѣхали ловить рыбу на Ильмень-озеро. Закинули тоныку—и добыли рыбку-золоты перья, во второй разъ закинули—добыли вторую рыбку-золоты перья, третью тоныку закинули,—третью золотоперую рыбку добыли. Дѣлать нечего,—отдали купцы Садко свои лавки товара краснаго. Сталъ съ той поры онъ поторговывать, стала получать барыши хорошие; нажилъ онъ имѣніе великое, построилъ себѣ палаты блокаменныя, самъ сталъ задавать пиры на-славу, сзывать къ себѣ именитыхъ гостей. Зазвалъ онъ разъ къ себѣ на пиръ гостей,—настоятелей новгородскихъ. Всѣ на пиру наѣдалися, всѣ на пиру напивались, похваливались всѣ похвалились: кто хвастаетъ безсчетной золотой казной, кто похваляется силой молодецкой, кто—конемъ добрымъ, кто—славнымъ отечествомъ, кто—молодымъ молодечествомъ. А Садко все помалчиваетъ. Стали тутъ говорить гости: „Что же нашъ Садко ничѣмъ не похвастасть?“ Говорить онъ въ отвѣтъ: „Чѣмъ мнѣ хвастаться? У меня ли золота казна не тощится, цвѣтно платыне не носится, дружина храбрая не измѣняется. А похвастать—не похвастать безсчетной

золотой казной: на свою золоту казну повыкуплю всѣ товары новгородскіе, худые товары и добрые!“ Пе успѣль онъ и слова вымолвить, какъ настоятели новгородскіе ударились съ нимъ о великий закладъ—въ тридцать тысячъ, что не выкупить ему всѣхъ товаровъ новгородскихъ.—Вставалъ на другой день Садко раннимъ утромъ, будилъ своихъ молодцовъ, безъ счета давалъ имъ золотой казны, разсыпалъ ихъ по всѣмъ улицамъ торговымъ, а самъ шелъ прямо въ гостиный рядъ. Повыкупилъ онъ со своими молодцами всѣ товары новгородскіе—худые и хорошіе. На другой день опять вставалъ онъ рапешенько; снова разсыпалъ свою дружину покупать товары и самъ шелъ въ гостиный рядъ,—вдвойнѣ товаровъ принавезено, вдвойнѣ товаровъ принапасено на славу Новгорода Великаго. Садко опять скучилъ всѣ товары.—На третій день снова выходить онъ съ дружиной своей покупать товары,—втройнѣ товаровъ принавезено, втройнѣ принапасено; подоспѣли товары московскіе. Призадумался тутъ богатый Садко;—не въ мѣру, видно, похвастался. „Не выкупить товара со всего бѣла свѣта, говоритъ онъ:—выкуплю товары московскіе,—подоспѣютъ товары заморскіе. Не я, видно, богатъ купецъ новгородскій,—побогаче меня славный Повгородъ!“ Пришлось Садку уплатить закладъ.

Построилъ онъ тридцать кораблей, нагрузилъ на нихъ товары новгородскіе; продавалъ ихъ за моремъ, получалъ барыши великие, насыпалъ бочки красна золота, чиста серебра. Щель Садко назадъ въ Новгородѣ. Приключилось вдругъ диво дивное на морѣ. Поднялась страшная буря, „волною бѣть, паруса рвать, ломаетъ корабли червленые, а корабли нейдутъ съ мѣста“.—„Вѣкъ мы по морю ъздили, говоритъ Садко: а морскому царю дани не плачивали: видно, царь морской отъ насъ дани требуетъ.“ Приказываетъ Садко бросить въ море бочку чиста серебра, а буря не унимается, а корабли все съ мѣста нейдутъ. Бросаютъ бочку красна золота,—не помогаетъ и это. „Видно, царь морской требуетъ живой головы во синее море!“ говоритъ Садко. Два раза мечтуть жеребей, кому итти во синее море. Оба раза жеребей указывается на Садко. Покоряется онъ своей участіи. Пишеть духовное завѣщеніе; часть имѣнія отписывается Божіимъ церквамъ, часть—нищей братіи, часть—молодой женѣ, а остатокъ—дружинѣ своей храброй. Береть съ собою онъ свои гуселки. „Бросьте, говоритъ, на воду доску дубовую,—не такъ страшна будетъ мнѣ смерть.“—Остался Садко на синемъ морѣ, а корабли полетѣли, какъ черные вороны,—полетѣли въ Новгородъ Великій. Заснуль Садко на доскѣ дубовой, а проснулся во синемъ морѣ, на самомъ днѣ. Увидѣлъ онъ на днѣ палату блокаменную, зашелъ въ палату,—видѣть: сидить тамъ царь морской.—„Ай же ты, Садко купецъ, богатый гость!“ говоритъ морской царь: „вѣкъ ты по морю ъзживалъ, мнѣ, царю, дани не плачиваль, а теперь самъ пришелъ мнѣ въ подарочекъ. Поиграй мнѣ въ свои гуселки яровчаты. Сталъ Садко играть. Какъ расплясался тутъ царь морской! Играли Садко сутки, игралъ другія, игралъ и третіи, а все пляшетъ царь морской. Въ синемъ морѣ вода всколыбалася, съ пескомъ желтымъ смущилася, стало разбивать много кораблей на синемъ морѣ, стало много гибнуть добра, много тонуть людей праведныхъ. Сталъ въ Новгородѣ народъ молиться Николѣ Можайскому. Вдругъ слышитъ Садко—

tronуль кто-то его за плечо правое и слышитъ онъ голосъ: „Полно тебѣ, Садко, играть въ гуселки яровчаты!“ Обернулся онъ, видѣть: стоять старикъ сѣдой. Говорить ему Садко: „У меня воля не своя во синемъ морѣ,— приказано мнѣ играть.“ Отвѣчать ему старикъ: „А ты струночки повырываи, шпенечки повыломай, скажи: у меня струничекъ не случилося, а шпенечковъ не пригодилось, сломалися гуселки яровчаты,—не во что больше играть. Станеть тебѣ царь предлагать жениться, выбирай дѣвицу Чернавушку. Будешь въ Новѣгородѣ, на свою безсчетну золоту казну построй церковь Николѣ Можайскому.“—Послушался Садко, исполнилъ все, какъ приказалъ старецъ. (Женился на дѣвицѣ Чернавушкѣ). Было на днѣ морскомъ столованіе—почестень пиръ. Заснулъ Садко на синемъ морѣ, а проснулся въ Новѣгородѣ, на крутомъ берегу рѣки Чернавы. Смотрѣть онъ,—бѣгутъ его корабли по Волхову. Встрѣчать онъ свою дружину. Дивуется дружина: „Остался Садко въ синемъ морѣ, очутился онъ впереди на сѣ въ Новѣгородѣ!“ Какъ повыгрузилъ Садко съ кораблей свою безсчетну золоту казну, построилъ онъ церковь соборную Николѣ Можайскому. Не сталъ большеѣздить Садко на синее море, стала себѣ поживать въ Новѣгородѣ.“

Такъ въ пѣсняхъ народа сказывается о Великомъ Новгородѣ старая бывшь пополамъ съ вымысломъ. Вспоминаетъ народъ о торговлѣ и богатствѣ старого Новгорода, вспоминаетъ объ удальцахъ-половъникахъ, буйства и грабежи которыхъ не мало бѣдъ причинили Русской землѣ, вспоминаетъ и о внутреннихъ смутахъ въ Новѣгородѣ, которыхъ и сгубили его...

Новгородскіе церкви и монастыри.

Много церквей было въ Новгородѣ; самой главной была каменная церковь св. Софії; строилась она пять лѣтъ (1045—1050). Владимиръ Ярославичъ призвалъ мастеровъ изъ Греціи, чтобы расписать стѣны церкви.

Чѣмъ больше богатѣй Новгородъ, тѣмъ больше строилось и церквей: ихъ строили владыки новгородскіе изъ своей казны; строили и князья; иногда въ складчину сооружала себѣ храмъ какая-нибудь улица. Во время повальныхъ болѣзней ставили „обыденныя“ церкви, т.-е. въ одинъ день построенные и освященные. Большею частью онѣ были небольшія и деревянныя. Частные люди, богачи, иной разъ давали по какому-нибудь случаю „обѣты“ построить церковь. Иные сооружали храмы, чувствуя за собою какіе-нибудь грѣхи, чтобы искупить ихъ.

Сложилось слѣдующее любопытное сказаніе, въ которомъ слились и народная набожность, и суевѣrie, и ненависть къ ростовщикамъ.

Жилъ въ Новгородѣ богачъ Щиль; нажилъ онъ огромное состояніе тѣмъ, что давалъ деньги въ рость. Лихву (проценты) бралъ онъ небольшую. Скопивъ себѣ громадное имѣніе, задумалъ онъ построить для спасенія души своей церковь во имя Покрова и устроить монастырь на берегу Волхова; испросилъ у владыки благословеніе на это дѣло. Когда церковь была построена, Щиль попросилъ архіепископа освятить ее, и тутъ только сказалъ, что соорудилъ церковь на лихвенные деньги.

— „Уподобился ты Исаю, сказалъ архіепископъ: взялъ ты у меня

обманомъ благословеніе. Иди и вели въ твоей церкви въ стѣнѣ сдѣлать гробъ, надѣнь саванъ и пусть надъ тобою будетъ совершенъ похоронный обрядъ, вели сотоврить по себѣ панихиду, а что случится далѣе, то пусть будетъ по волѣ Божией.“

Горько плакалъ Щиль, не посмѣль онъ ослушаться архіепископа и сдѣлалъ все, какъ было приказано. Какъ только стали его отпѣватъ, вдругъ гробъ провалился въ землю, и на мѣстѣ, где стоялъ онъ, явилась пропасть. Когда узналъ объ этомъ архіепископъ и велѣлъ въ память этого чуда изобразить на церковной стѣнѣ Щила въ гробу посреди ада. Церковь была послѣ этого запечатана.

Въ большомъ горѣ пришелъ сынъ Щила къ архіепископу и просилъ у него совѣта, какъ помочь отцу. Владыка велѣлъ ему сорокъ дней поститься

Церковь св. Георгія въ Старо-Ладожской крѣпости XII ст.

и молиться, раздавать въ это время нищимъ щедрую милостыню, и въ сорока церквяхъ заказать по сорока панихидъ. Когда это было исполнено, послалъ архіепископъ въ церковь, построенную Щиломъ, посмотреть на стѣнную картину. Оказалось, что онъ лежитъ въ гробу попрежнему, но голова его уже вышла изъ ада. Отслужили еще сорокъ панихидъ,—посмотрѣли на картину, а Щиль уже по поясъ вышелъ изъ ада. Въ третій разъ отпѣли сорокъ панихидъ—Щиль на картинѣ совсѣмъ вышелъ изъ ада съ гробомъ своимъ. Изображеніе такъ и осталось, а въ стѣнѣ попрежнему оказался гробъ Щила, и пропасть исчезла...

Въ такомъ торговомъ городѣ, какъ Новгородъ, ростовщиковъ было, конечно, не мало. Сказаніе о Щилѣ показываетъ, что, по взгляду народа и

духовенства, давать деньги въ лихву (на проценты), хотя и умѣренную, считалось тяжкимъ грѣхомъ. Дѣйствительно, церковь не разъ сильно вооружалась противъ промысла ростовщиковъ, но искоренить его не могла.

Въ Новгородѣ было много монастырей. Самыми древними считаются Пе-рынскій и Юрьевъ. Первый находится на лѣвомъ берегу Волхова, у истока его, гдѣ прежде стоялъ истуканъ Перуна, а Юрьевъ монастырь былъ основанъ еще Ярославомъ (христіанское имя его Юрій) въ 1030 г. Въ XII вѣкѣ возникли еще два знаменитыхъ новгородскихъ монастыря: Антоніевъ и Хутын-скій. Въ началѣ XIII вѣка въ Новгородѣ и его окрестностяхъ было уже до 20 монастырей, а по всей области Новгородской болѣе тридцати... Они владѣли землями, огородами, деревнями. Благочестивые князья, бояре и гости новгородскіе много жертвовали на монастыри и земель и денегъ.

Въ каждомъ пригородѣ былъ торгъ (торговая площадь), гдѣ находилась и церковь. Торжокъ состоялъ подъ покровительствомъ Спаса, Порховъ—св. Николы. Церкви въ небольшихъ городахъ устраивались, конечно, попроще и поменьше, чѣмъ въ Кіевѣ и Новгородѣ.

Въ Ладогѣ, одномъ изъ самыхъ древнихъ русскихъ городовъ, уцѣлѣла старинная церковь (XII вѣка), на стѣнахъ которой сохранилась въ нѣсколькихъ мѣстахъ старинная живопись (фрески). Частые пожары истребляли участь въ древности цѣлые города, и потому немногихъ древнихъ зданій сохранилось до нашего времени; но все-таки, кромѣ церквей, кое-гдѣ сохранились остатки стѣнъ городскихъ, напр., въ Старой Ладогѣ.

Духовенство приносило Новгороду много пользы, старалось умиротворить враждующихъ, удерживало, насколько могло, отъ разныхъ насилий и беззаконий, неоднократно порицало ростовщичество, помогало разнымъ должностнымъ лицамъ наблюдать, чтобы въ торговлѣ не было обмана. Въ одной новгородской церкви (Иоанна Предтечи на Опокахъ) хранились образы различныхъ мѣръ, которыхъ должны были держаться при торговлѣ. Въ Новгородѣ были свои особенные мѣры и деньги. Новгородская серебряная гривна вѣсила фунтъ. Кромѣ гривенъ, встрѣчаются полугривны, которая иногда рубились пополамъ, отсюда название „рубли“; отрубки въ половину рубля стали называться „полтина“. Ходила въ Новгородѣ и мелкая монета, величиною съ гривенникъ. Кромѣ того, были въ ходу и иностранные монеты западные — европейскія и восточные — арабскія; случалось, конечно, что купцы по старинѣ обходились и безъ денегъ, довольствуясь обмѣномъ товаровъ.

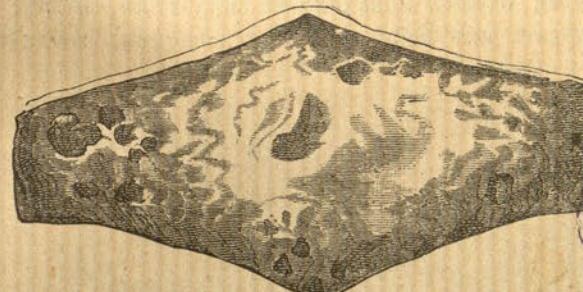

Князь Ярославъ. (Фрески XII ст.)

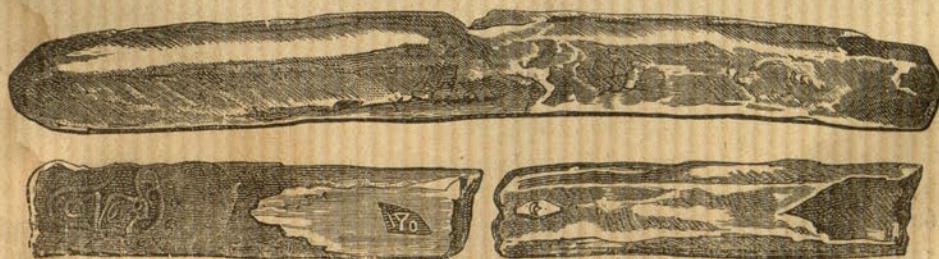
Сузdalльская область.

Въ то время, какъ на югѣ шли сезонечные усобицы между князьями, а въ Новгородѣ ссоры и распри на вѣчахъ, на дальнемъ сѣверо-востокѣ, въ Ростовско-Сузdalльской области, начинались новые порядки.

По верхнему теченію Волги земля большою частью неплодородная; богата она лишь дремучими лѣсами да болотами. Сначала жили здѣсь финскія племена, а потомъ стали мало-по-малу заселять этотъ край русскіе. Скупа здѣсь почва, скудные урожаи давала она земледѣльцу, — много ему приходилось трудиться, чтобы прокормить себя и семью; зато человѣку, который хотѣлъ заниматься мирнымъ трудомъ или промысломъ, меныше было помѣхи на сѣверѣ: не заходили сюда половцы; княжескихъ усобицъ сначала тутъ совсѣмъ не было, и потомъ ихъ было гораздо меныше, чѣмъ на югѣ; вотъ почему сюда

Гривна кіевская.

Рубль псковской.

Рубль новоторжской.

охотно шли выходцы съ юга. Особенно стала заселяться Ростовско-Сузdalльская область съ того времени, какъ началъ тутъ княжить младший сынъ Владимира Мономаха — Юрий Долгорукій. При немъ здѣсь возникло нѣсколько новыхъ поселеній и городовъ: Москва, Юрьевъ, Переяславль-Залѣскій, Дмитровъ и др. Князьямъ надо было устраивать укрѣпленные мѣста, т.-е. города, чтобы легче было управлять страною и защищать ее. Кромѣ того, промышленники и купцы помогали заселенію страны.

Въ иныхъ мѣстахъ, на торговомъ пути, у верховья какой-нибудь рѣки, гдѣ нельзя было везти товаръ на лодкахъ и баркахъ, и приходилось его выгружать на возы, устраивались обыкновенно поселки; здѣсь жили работники, которые занимались перегрузкою товаровъ, да возчики, перевозившіе всякую

кладь. Въ другихъ мѣстахъ, по большей части при слѣніи рѣкъ, куда удобно было свозить товары съ разныхъ сторонъ и производить обмѣнъ, устраивались склады товаровъ — торжки, или ярмарки. Было тутъ вдоволь дѣла и торговому и рабочему люду; возникаютъ здѣсь поселки; растетъ торговля, — растуть и эти поселенія, обращаются въ города.

Помогли заселенію сѣверного края и монахи. Забредеть какой-нибудь отшельникъ въ глубину лѣса, поставить себѣ келью и ведеть здѣсь одинокую жизнь свою въ тяжкомъ труде и непрестанной молитвѣ. Провѣдаются объ этомъ другіе благочестивые люди, богомольцы; селятся нѣкоторые изъ нихъ подлѣ подвижника, стараются во всемъ уподобиться ему. Кельи огораживаются тыномъ, ставится деревянная церковь, — и звонъ колокола впервые нарушаетъ лѣсную тишину. Разрастается обитель: строятся тутъ и новая ограда, и болѣе просторная церковь, и новые кельи. Не мало всякой работы найдется по монастырю; однимъ монахамъ не справиться, нужны разные работники. Не прокормить ихъ всѣхъ самимъ монахамъ; земли-то вдоволь, да

Юрьевский монастырь близъ Новгорода.

рабочихъ рукъ мало; нужны и земледѣльцы. Мало-по-малу подлѣ монастыря являются поселки, становятся они все больше да люднѣе. Жить на монастырской землѣ лѣготно: монахи не притѣсняютъ, и князья чтуть монастыри и работникамъ монастырскимъ даютъ разныя лѣготы. И вотъ на томъ мѣстѣ, гдѣ нѣкогда въ темной чащѣ лѣса стояла одинокая убогая келья подвижника-отшельника, лѣтъ черезъ пятьдесятъ или менѣе стоить богатырскій монастырь съ каменной оградой, съ каменными златоглавыми церквами. Подлѣ монастыря село. Далеко разстилаются возвышенія монастырскія поля. А если монастырь стоитъ у рѣки, на торговомъ пути или близъ него, то со временемъ село можетъ разрастись и въ многолюдный торговый городъ. Жизнь въ такомъ монастырѣ уже не та, какъ въ уединенной кельѣ отшельника: слишкомъ много тутъ шума людскаго, мѣрскихъ заботъ и помышленій. Кому-нибудь изъ благочестивыхъ монаховъ этого монастыря придется на мысль уединиться, пожить такою же жизнью, какою жилъ святой отшельникъ, основатель обители. Уходить инокъ изъ монастыря, старается подальше уйти отъ людныхъ мѣстъ, —

уйти въ „пустынѣ“, чтобы мѣрскія заботы не мѣшали ему думать только о душевномъ спасеніи — „спасаться“. — Селится онъ также въ лѣсной глухи или на островкѣ какомъ-нибудь, среди озера, ставить здѣсь свою одинокую келейку. Пройдутъ годы, и тутъ явится монастырь, возникнетъ и подлѣ него людное село, и только старое преданіе гласить, что нѣкогда на мѣстѣ этомъ былъ темный непроходимый лѣсъ и спасался одинокій отшельникъ.

Такимъ образомъ, мало-по-малу сѣверный финскій край заселялся русскимъ людомъ. Финны во многихъ мѣстахъ смѣшивались съ русскимъ населеніемъ, роднились съ нимъ, забывали свой языкъ исливались съ русскимъ въ одинъ народъ.

Андрей Боголюбскій.

Юрію Долгорукому, хотя онъ и долго жилъ на сѣверѣ, въ Ростовско-Сузdalской землѣ, видимо очень хотѣлось утвердиться на югѣ: сильно добивался онъ Кіева, вѣль упорную борьбу съ племянникомъ своимъ Изяславомъ Мстиславичемъ, наконецъ, добился-таки своего и умеръ великимъ княземъ кіевскимъ.

Завладѣвъ Кіевомъ, Юрій посадилъ старшаго сына своего Андрея княжить въ Вышгородѣ, а Ростовъ и Сузdalъ отдалъ младшемъ своимъ сыновьямъ; но не нравилось на югѣ Андрею. Славился уже онъ боевой храбростью; не разъ побывалъ въ битвахъ; но онъ былъ уменъ, властолюбивъ и не любилъ войны. Въ южной Руси постоянно грозили нападенія или половцевъ, или русскихъ же князей; надо было угождать дружинѣ, зависѣть отъ нея, — все это было не по душѣ властолюбивому Андрею. Ему сильно хотѣлось уйти въ Сузdalскую землю: тамъ онъ родился и провелъ свои дѣтскіе годы, тамъ его знали и въ дѣтствѣ величали своимъ княземъ; а въ Вышгородѣ ему было все чуждо. Рѣшился онъ уйти отсюда, не испросивъ даже согласія отца. Онъ взялъ съ собою изъ Вышгорода мѣстную чудотворную икону Пресв. Богородицы, — увезъ тайкомъ, такъ какъ жители добровольно не разстались бы съ этой святынею. Икона эта, какъ гласило преданіе, была написана св. евангелистомъ Лукою и привезена изъ Царыграда.

За десять верстъ отъ города Владимира, по пути въ Сузdalъ, какъ говорить преданіе, совершилось чудо: кони подъ иконою вдругъ стали; запрягли другихъ лошадей, — возъ съ иконою ни съ мѣста! Дивится всѣ чуду... Князь приказалъ остановиться. Раскинули шатерь и расположились на почлегъ. Поутру князь объявилъ, что Богоматерь явилась ему во снѣ и велѣла не везти икону въ Ростовъ, а поставить ее во Владимирѣ, а на томъ мѣстѣ, гдѣ было видѣніе, построить каменную церковь во имя Рождества Богородицы и основать монастырь. Тогда же на мѣстѣ видѣнія заложено было село — Боголюбово, и построена богатая каменная церковь. Здѣсь, въ этомъ храмѣ, поставили временно и взятую изъ Вышгорода икону. Андрей украсилъ ее богатымъ окладомъ, въ которомъ было пятнадцать фунтовъ золота, много жемчуга, драгоценныхъ камней и серебра. Построилъ онъ себѣ въ Боголюбовѣ также и каменный дворецъ. Это село сдѣлалось любимымъ мѣстопребываніемъ Андрея; отсюда и произошло его прозвище — Боголюбскій.

Когда умеръ Юрій, жители Ростова и Суздаля признали своимъ княземъ Андрея, но онъ избралъ своей столицей Владимиръ на Клязьмѣ. Этотъ прежде небольшой и малонаселенный городъ теперь населился, разросся и очень украсился. Андрей построилъ здѣсь изъ бѣлого камня великолѣпную церковь Успенія Богородицы съ позолоченнымъ куполомъ. Сюда была перепесена чудотворная икона Богоматери. Святыня эта въ глазахъ народа сильно возвышала значеніе и города Владимира и Андрея Боголюбскаго, которому сама Богоматерь какъ бы указала столицу. Уже Юрій при-

Успенский соборъ во Владимирѣ.

вель на сѣверъ много поселенцевъ изъ южной Россіи; теперь же стало еще больше южанъ переселяться сюда.

Одной церкви, названной Десятинной изъ подражанія Кіеву, Андрей, подобно Владимиру Св., назначилъ десятую долю всѣхъ своихъ доходовъ, подарилъ сѣла и угодья. Соорудилъ онъ много красивыхъ церквей, снабжалъ ихъ иконами и утварью, не жалѣя средствъ, — какъ видно, старался, чтобы Владимиръ красотой своихъ храмовъ уподобился Кіеву, или даже превзошелъ его; построилъ во Владимирѣ Золотыя ворота, подобно Кіевскимъ, съ церковью надъ ними. Соорудилъ онъ во Владимирѣ тоже монастыри: Спасский и Возне-

сенскій; строилъ церкви и по другимъ городамъ. Видѣль народъ и щедрость его и благочестіе. Постоянныя большія постройки лавали работу многимъ, привлекали искусственныхъ рабочихъ изъ другихъ мѣстъ, увеличивали населеніе городовъ.

По своему благочестію и набожности, Андрей Боголюбскій напоминалъ дѣда своего Владимира Мономаха: Андрея всегда можно было видѣть, говорить лѣтописецъ, во храмѣ на молитвѣ, со слезами умиленія на глазахъ; всенародно раздавалъ онъ милостыню убогимъ, чтилъ духовенство, чернецовъ и зато слышалъ похвалы своему христіанскому милосердію и благочестію. Но подобно дѣду, онъ, хотя и не любилъ войны, однако постоять за Русскую землю съ оружіемъ въ рукахъ всегда былъ готовъ.

Въ это время не въ ладахъ были съ русскими болгары, жившіе по Волгѣ и Камѣ, и дѣлали частые набѣги на русскія земли. Войну съ невѣрными (болгары были магометане) народъ считалъ дѣломъ богоугоднымъ. Въ 1164 году Андрей предпринялъ походъ на болгаръ. Съ войскомъ шло духовенство и торжественно подъ знаменами несло св. икону Богоматери; князь и все войско предъ выступленіемъ въ походъ пріобщались св. Таинъ. Походъ былъ удаченъ: болгарскій князь обратился въ бѣгство; русские взяли одинъ болгарскій городъ.

Хотѣль Андрей возвысить свой Владимиръ надъ всѣми русскими городами, даже и надъ Кіевомъ.

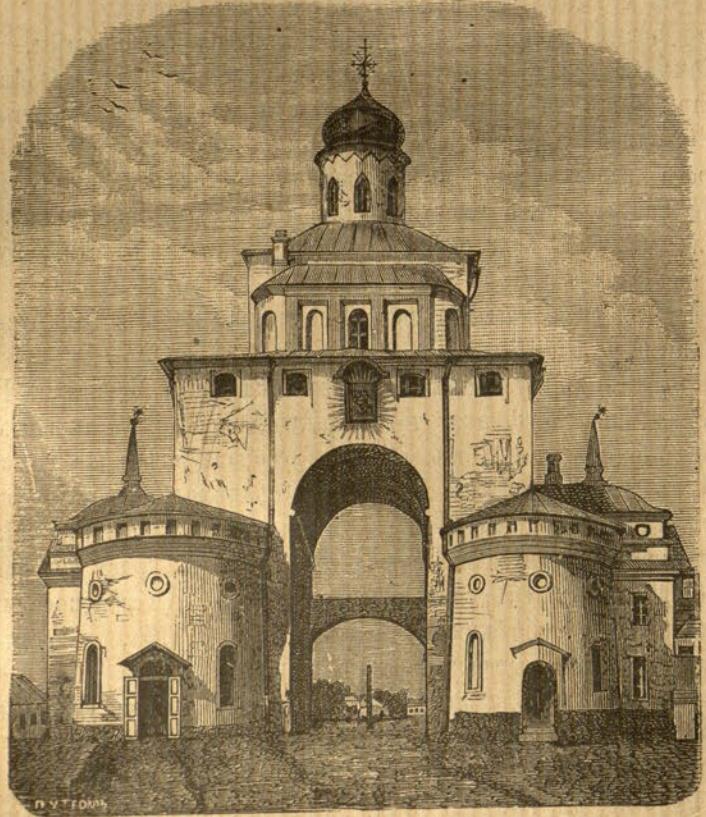
Когда въ 1166 году кіевскимъ княземъ сдѣлался Мстиславъ Изяславичъ, правнукъ Владимира Мономаха, тогда какъ Андрей былъ внукомъ его, загорается снова борьба за Кіевъ. Андрей собралъ огромное союзное войско (11 князей съ ихъ дружинами и ратью принимали участіе въ походѣ). 12-го марта 1169 года Кіевъ былъ взятъ сыномъ Андрея Мстиславомъ. Древняя столица, мать русскихъ городовъ, — городъ, красѣ которого дивились иноземцы, былъ разграбленъ, посрамленъ, униженъ. Андрей посадилъ княжить въ Кіевѣ подручного себѣ князя, брата своего Глѣба, а самъ, принявъ титулъ великаго князя, остался во Владимирѣ.

Съ этого времени Владимиръ на Клязьмѣ становится главнымъ городомъ на Руси.

Не даромъ Андрей утвердился во Владимирѣ и сдѣлалъ его своею столицею: Ростовъ и Сузdalъ были города старые; жители ихъ подобно новгородцамъ для рѣшенія важныхъ дѣлъ сходились обыкновенно на вѣча; рѣшенію ихъ должны были повиноваться младшіе города, или „пригорода“ какъ ихъ называли. А Владимиръ на Клязьмѣ былъ городъ новый, основанный княземъ, вѣчевой порядокъ здѣсь еще не укоренился; князь тутъ и могъ встрѣтить сильной помѣхи своей власти. Владимирцы рады были лучш повиноваться своему князю, чѣмъ чужому вѣчу. Притомъ они были очень расположены къ Андрею: онъ украсилъ городъ великолѣпными зданіями; постройкѣ ихъ много нашлось дѣла для рабочаго люда; наконецъ, онъ перенесъ изъ Вышгорода чудотворную икону Богоматери. Икона эта, именемъ „Владимирской Божіей Матери“, стала главною святынею города Владимира. На поклоненіе ей стали приходить люди изъ окрестныхъ мѣстъ. Это придавало большое значенія и самому городу. Когда великий князь с

лалъ Владимиръ своею столицею, и дружина поселилась тутъ, — стало въ городъ люднѣе, промыслы разные и торговля пошли бойчѣе, городъ началъ быстро расти и богатѣть.. Изъ Владимира по Клязымъ, а потомъ по Окѣ не трудно было добраться и до южной Руси, которую хотѣлъ держать въ рукахъ властолюбивый Андрей.

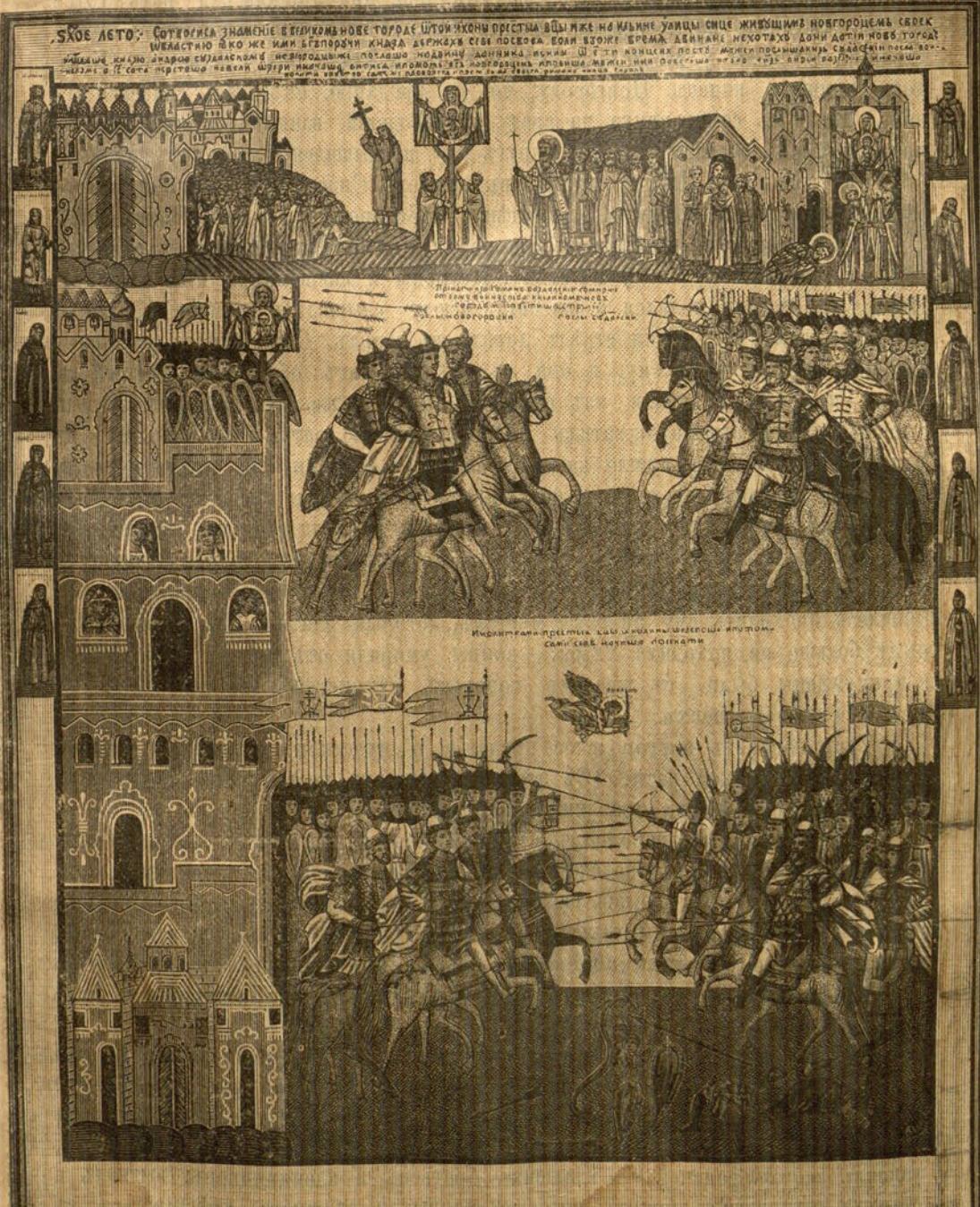
Завладѣвъ Кіевомъ, задумаль онъ и другія области подчинить себѣ, а также уничтожить самостоятельность вѣчевого Новгорода. Уже Юрій Долгорукій сталъ тѣснить его. Сузальскій князь могъ всегда сильно вредить

Золотыя ворота во Владимирѣ.

новгородцамъ: мѣшать имъ собирать дань съ восточныхъ ихъ земель, прервать восточную торговлю ихъ, которая шла чрезъ Сузальскую землю, а, главное, могъ прекратить подвозъ въ Новгородъ хлѣба по Волгѣ изъ низовыхъ областей. Вотъ почему рано или поздно новгородцы должны были попасть въ зависимость отъ сузальскихъ князей. Зимою 1170 года явилась подъ Новгородомъ грозная рать. Тутъ были сузальцы, смольяне, рязанцы, муромцы и полочане; начальствовалъ сынъ Андреевъ Мстиславъ. И предводитель и войска были тѣ же, которые брали Кіевъ. Слухи объ ихъ злодѣйствахъ и насилияхъ повсюду, гдѣ они проходили, — воспламенили новгородцевъ; вспоминали они о безпощадномъ разореніи Кіева сузальцами, о

разграбленныхъ церквахъ, о поруганной святынѣ и клялись умереть за св. Софию и за свою вольность. Городъ пѣснѣно укрѣпили новымъ тыномъ.

Изображенія на иконѣ Знаменской Богоматері (битва сузальцевъ съ новгородцами).

Рѣдко когда русскіе встарину пытались брать города приступомъ, — обыкновенно долгой осадой принуждали жителей сдаться, брали городъ, какъ говорилось тогда, „изморомъ“. Но на этот разъ Мстиславъ понадѣялся на силу своей рати и рѣшился на приступъ. Три дня сузальская рать готовилась къ нему; на четвертый начался бой. Новгородцы защищались мужественно, но силы у Мстислава было больше, и сталъ онъ одолѣвать... Казалось, пришелъ конецъ Новгороду; но, по преданію, онъ былъ спасенъ чудомъ. Въ ночь со вторника на среду новгородскій владыка Ioannъ усердно молился предъ образомъ Спаса; вдругъ ему послышался голосъ отъ иконы:

— „Иди на Ильину улицу, въ церковь Спаса, возьми икону Пресвятой Богородицы, вознеси ее на стѣну, и Богородица спасеть Новгородъ.“

На другой день владыка въ сопровожденіи многочисленнаго духовенства торжественно вынесъ икону на стѣну. Игумены и священники пѣли молитвы. Народъ со слезами молился о спасеніи; всюду слышались громкіе возгласы: „Господи помилуй!“ Тучи стрѣлъ летѣли въ городъ. Одна стрѣла, говорить преданіе, попала въ икону, и она въ тотъ же мигъ обратилась лицомъ къ городу, и слезы закапали изъ очей ея. Въ то же мгновеніе внезапный и необъяснимый страхъ охватилъ всю сузальскую рать, воины пришли въ беспорядокъ; на нихъ нашло какое-то одурѣніе,—стали они стрѣлять другъ въ друга. Новгородцы вышли изъ города и одержали блестящую победу надъ врагами, множество ихъ избили, а плѣнныхъ взяли столько, что, по словамъ новгородскаго лѣтописца, „десятокъ сузальцевъ отдавали за гривну“.

Мстиславъ бѣжалъ со своею ратью, и лютость его отозвалась на немъ же: пришлось проходить ему по тѣмъ мѣстамъ, которыя раньше онъ опустошилъ; нигдѣ больше не находили хлѣба,—воины умирали отъ голода и болѣзней, и принуждены были, съ ужасомъ говорить лѣтописецъ, въ великой постыдѣ мясо коней своихъ.

Такъ говорить новгородское преданіе о чудесномъ избавленіи Новгорода отъ сузальской рати. (Съ этого времени въ честь иконы Богоматери Знаменской установленъ праздникъ 27-го ноября).

Скоро однако новгородцамъ пришлось искать милости у Андрея Богословскаго. Былъ въ Новгородской земль неурожай,—настала страшная дороговизна; а хлѣбъ, какъ выше сказано, шелъ въ Новгородъ чрезъ Сузальскую землю, и вынуждены были новгородцы признать своимъ княземъ Юрия, сына Андрея; но все-таки победа ихъ имѣла значеніе. Хотя великій князь и послалъ въ Новгородъ своихъ подручныхъ князей, но „старины и пошлины новгородской“ не наруша1...

Между тѣмъ Андрей затѣвалъ новые порядки: понималъ онъ, что удѣльные распредѣляютъ Русскую землю; что она отъ нихъ все больше и больше бѣdnѣетъ и slabѣетъ, да и самъ хотѣлъ быть великимъ княземъ не по имени только. Изъ Ростовско-Сузальской области онъ, боясь усобицъ, удалилъ своихъ родичей,—младшихъ братьевъ и племянниковъ; выгналъ и старыхъ отцовскихъ бояръ, которые привыкли слишкомъ вмѣшиваться въ княжескія дѣла. Совѣтоваться съ дружиной Андрей не любилъ.

Хотѣлъ онъ быть „самовластіемъ“, — и не только въ своей области,

но и во всей Руси. Въ Киевѣ умеръ братъ его Глѣбъ. Владимиръ Мстиславичъ вздумалъ-было возвориться здѣсь. Андрей приказалъ ему немедленно выѣхать изъ Киева, и отдалъ его Роману Ростиславичу, князю кроткому, покорному, — отдалъ не по старшинству, а по „милости своей“.

Андрей благоволилъ къ Ростиславичамъ (князьямъ Смоленскимъ), такъ какъ они признали его старшинство и повиновались ему.

— „Вы назвали меня своимъ отцомъ,— велѣлъ онъ сказать имъ:— хочу вамъ добра и отдаю Киевъ брату вашему Роману.“

Чрезъ нѣсколько времени случилось, что Ростиславичи не исполнили одного желанія Андрея; тогда онъ послалъ сказать Роману:

— „Не ходишь въ моей волѣ ты съ братьями твоими,—такъ иди вонъ изъ Киева, а Давидъ пускай идѣтъ вонъ изъ Вышгорода, Мстиславъ — изъ Бѣлгорода. Ступайте себѣ въ Смоленскъ и дѣлите тамъ между собою, какъ знаете!“

Не слыхали еще до сихъ поръ русскіе удѣльные князья такихъ властныхъ рѣчей отъ великаго князя. Романъ повиновался; но другіе Ростиславичи воспротивились и послали сказать Андрею:

— „Братъ! мы назвали тебя своимъ отцомъ, крестъ тебѣ цѣловали, и стоимъ на крестномъ цѣлованіи, хотимъ тебѣ добра; а ты теперь брата нашего Романа вывелъ изъ Киева, и намъ кажешь путь изъ Русской земли безъ всякой вины; такъ пусть разсудитъ насъ Богъ и крестная сила.“

Андрей никакого отвѣта на эти слова не далъ. Тогда Ростиславичи тайно ночью вѣхали въ Киевъ, схватили Андреева младшаго брата и племянника и посадили въ Киевѣ брата своего Рюрика.

Узнавъ объ этомъ, Андрей сильно разгневался. Обрадовались его гнѣву Ольговичи, князья Черниговскіе: они надѣялись сами завладѣть Киевомъ, и стали подстрекать Андрея противъ Ростиславичей.

— „Кто тебѣ врагъ, послали они ему сказать: — тотъ и намъ; мы готовы ити съ тобою.“

Андрей надѣялся на свои силы. Призвалъ онъ своего мечника и наказалъ ему:

— „Поѣзжай къ Ростиславичамъ и скажи имъ отъ меня: не ходите въ моей волѣ, — такъ ступай же ты, Рюрикъ, въ Смоленскъ къ брату, въ свою отчину; а ты, Давидъ, ступай въ Берладъ (городъ въ нынѣшней Молдавіи), не велю тебѣ быть въ Русской землѣ. А Мстиславу скажите такъ: ты всему главный зачинщикъ, не велю тебѣ быть въ Русской землѣ!“

Сильно оскорбился такою рѣчью и самовластіемъ Андрея Мстиславъ, стоявшій всегда за правду и за старину. Смолоду онъ привыкъ не бояться никого, кроме одного Бога. Въ сильномъ гнѣвѣ приказалъ онъ при себѣ острічъ послу голову и бороду и отоспалъ его съ такими словами великому князю:

— „Мы доселѣ чтили тебя какъ отца по любви, а ты прислали къ намъ такія рѣчи, какъ будто не князьмъ, а подручникамъ. Твори, что замыслилъ, пусть Богъ насъ разсудитъ!“

Когда услыхалъ Андрей эти слова, когда узналъ объ оскорблѣніи своего

посла, то пришел въ такой гнѣвъ, что даже опалъ въ лицѣ. Онъ велѣлъ немедля собрать большое войско. Тутъ были ростовцы, сузальцы, владимирцы, переяславцы, бѣлозерцы, муромцы, новгородцы, рязанцы, — всего около 50,000 воиновъ. Сынъ Андрея Юрій съ опытнымъ воеводою велъ это войско. Получили они отъ великаго князя такой приказъ:

— „Рюрика и Давида выгоните изъ моей отчины, а Мстислава схватите, ничего ему не дѣлайте, приведите только ко мнѣ“.

Вся эта рать двинулась въ Черниговскую область; тутъ соединились съ нею черниговскіе князья; князья полоцкіе тоже принуждены были итти. Казалось, Ростиславичамъ не сдѣлать. Рюрикъ Ростиславичъ заперся въ Бѣлгородѣ, Мстиславъ въ Вышгородѣ, а Давида они послали къ галицкому князю Ярославу просить помощи.

Главные силы сѣверной рати пошли на Мстислава, дерзкаго противника Андрея Боголюбскаго. Девять недѣль стояло подъ Вышгородомъ огромное ополченіе. Храбро отбивался Мстиславъ, несмотря на то, что силы у него было немного. Союзная рать дѣйствовала неединодушно; многие изъ участниковъ воевали противъ своей воли; между отдѣльными вождями согласія не было и дѣло союзниковъ не ладилось; больше было тутъ шума, крику, суеты, чѣмъ толку. Многимъ надоѣло ужь стоять подъ городомъ, взять который они потеряли надежду. Вдругъ разнеслась молва, что галицкая рать, соединившись съ Рюрикомъ, хочетъ ударить на нихъ. Ужасъ охватилъ сборную Андрееву рать; она бросилась бѣжать изъ Вышгорода; бѣжали въ такомъ беспорядкѣ, что множество людей при переправѣ чрезъ Днѣпръ утонуло. Мстиславъ, видя поспѣшное отступленіе вражьей силы, вышелъ изъ города, погнался за врагами, захватилъ ихъ обозъ и забралъ многихъ въ плѣнъ.

Это дѣло доставило Мстиславу громкую славу. Двадцать союзныхъ князей съ ихъ ратями не совладали съ нимъ. Съ этого времени и называли его „Храбрымъ“.

Сталь послѣ этого Кіевъ снова переходилъ изъ рукъ въ руки. Не такой былъ человѣкъ Андрей Боголюбскій, чтобы помириться съ неудачей и оставить враждебныхъ себѣ князей полными хозяевами на югѣ; онъ, вѣрно, дѣлился бы своего, если бы неожиданная смерть не помѣщала ему.

Властолюбивый Андрей имѣлъ много враговъ между князьями и боярами; оказались они и между ближними людьми. Былъ онъ и къ нимъ очень строгъ, если они злоупотребляли его довѣріемъ или не повиновались ему. Казнилъ онъ за какую-то вину одного изъ родственниковъ своихъ по женѣ, боярина Кучковича. Брать казненнаго съ нѣсколькими княжескими слугами рѣшился злодѣйствомъ освободиться отъ строгаго господина. Андрей, подобно другимъ князьямъ русскимъ, принималъ къ себѣ на службу иностранцевъ. Однимъ изъ приближенныхъ слугъ къ нему былъ ключникъ Анбалъ изъ иноземцевъ. Онъ тоже принялъ участіе въ заговорѣ.

— „Сегодня князь казнилъ Кучковича, говорили заговорщики: — а завтра казнить и настѣ; покончимъ съ нимъ.“

Ночью, взявши оружіе, пошли злоумышленники къ княжескому терему. Когда они подошли къ спальнѣ князя, то ихъ обуялъ страхъ; нехватало

у нихъ смѣлости совершить преступленіе. Тогда они пошли въ медушу (погребъ, гдѣ хранились меды и вина), напились вина и снова пошли въ княжій теремъ.

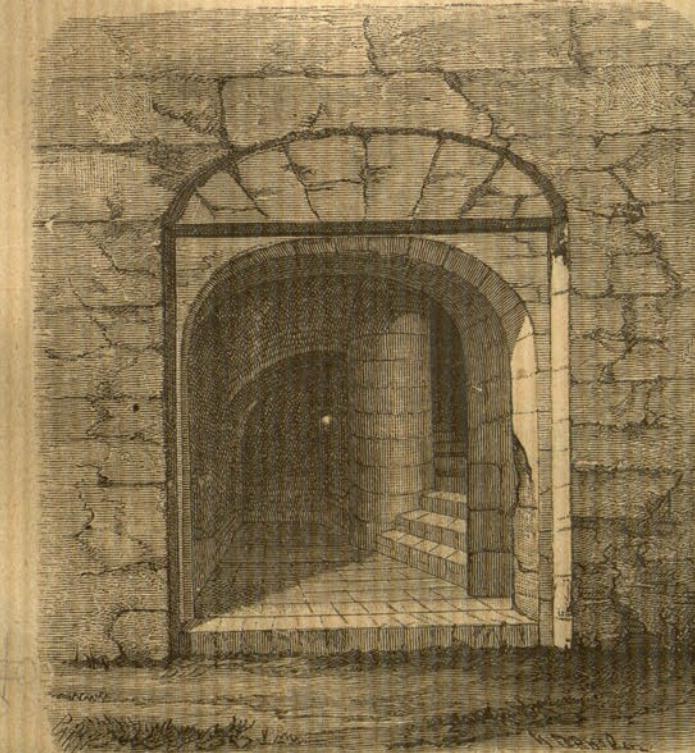
Одинъ изъ злодѣевъ постучалъ въ дверь спальни.

— „Кто тамъ?“ спросилъ Андрей.

— „Прокопій!“ отвѣчалъ стучавшій (Прокопій былъ однимъ изъ любимыхъ слугъ князя).

— „Нѣть, это не Прокопій!“ сказалъ князь, хорошо зная голосъ своего слуги.

Дверей онъ не отперъ. Злодѣи стали ломиться въ дверь. Князь бросился къ своему мечу, который обыкновенно находился подъ него. Меча не оказалось: Анбалъ раньше убралъ его. Заговорщикамъ удалось выломать

Входъ на лѣстницу, гдѣ былъ убитъ вел. кн. Андрей.

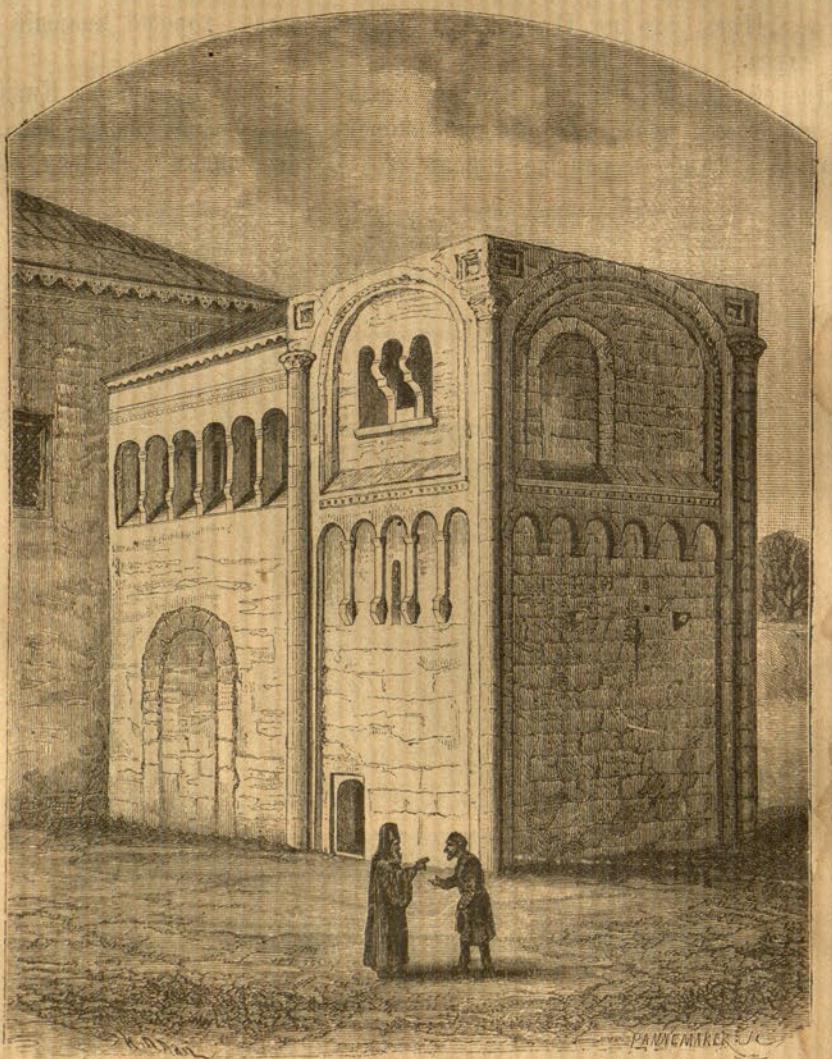
дверь; бросились они на князя... Андрей былъ очень силенъ, сталъ обороняться и одного изъ противниковъ своихъ сбилъ съ ногъ. Впопыхахъ, не разглядѣвъ, злодѣи поранили упавшаго, принявъ его за князя. Затѣмъ, увидѣвъ свою ошибку, напали на князя, стали наносить ему удары мечами, саблями, копьями. Онъ сначала сильно боролся.

— „Нечестивцы! что я вамъ сдѣлалъ?“ говорилъ онъ: за что вы проливаете кровь мою? Богъ вамъ отомстить за мой хлѣбъ.“

Наконецъ, израненный и окровавленный Андрей упалъ подъ ударами

убийць. Злодѣи думали, что онъ убить, взяли раненаго товарища своего и поспѣшно понесли его. Князь поднялся и, обливаясь кровью, со стономъ вышелъ изъ спальни. Убийцы услышали стонъ его и вернулись. Не нашедши его на томъ мѣстѣ, гдѣ они оставили его, злодѣи испугались...

— „Скорѣе ищите его, говорили они другъ другу: а не то мы погибли!“ Зажгли свѣчу и по кровавому слѣду нашли несчастнаго князя; онъ

Остатки дворца Андрея въ Боголюбовѣ.

успѣль сойти по лѣстницѣ внизъ и думалъ скрыться за лѣстничнымъ столбомъ. Злодѣи кинулись на него.

— „Господи, въ руки Твои предаю духъ мой!“ были послѣднія слова несчастнаго.

Умертвили заговорщики и Прокопія, вѣрнаго слугу Андрея. Княжеское

имущество было разграблено. Изъ кладовой князя забрали золото, драгоценные камни и разныя ткани и одежды.

Тѣло убитаго князя долго лежало брошенное въ огородѣ; никто не рѣшался взять его, чтобы отдать ему послѣдній христіанскій долгъ,—всѣ боялись заговорщиковъ. Но нашелся между слугами князя одинъ, кievлянинъ Кузьма, который не побоялся злодѣевъ. Сталъ онъ плакать надъ трупомъ Андрея. Насилу выпросилъ этотъ вѣрный слуга у ключника коверъ и корзно покрыть трупъ убитаго князя. Обернувъ тѣло, Кузьма понесъ его въ церковь и сталъ просить, чтобы ее отперли,—ему закричали:

— „Да кинь тѣло тутъ въ притворѣ. Экая тебѣ печаль съ нимъ!“

Всѣ были уже пьяны. Кузьма стала плакать и причитать надъ своимъ господиномъ:

— „Ужъ тебя, господинъ, слуги твои не хотятъ знать... Бывало прежде, придетъ ли гость изъ Царьграда или изъ какой-либо русской стороны, или латынинъ, христіанинъ ли, поганый ли,—ты, бывало, скажешь: введите его въ церковь и на полати (на хоры), пусть видѣть истинное христіанство и крестится,—что и бывало. (Болгаре, жиды и вся погань-язычники), видѣвшіе здѣсь славу Божію и красоту церковную, больше сокрушаются по тебѣ, а эти (твои слуги) даже въ церковь не пускаютъ положить.“

Только на третій день послѣ убийства нашлось духовное лицо, которое рѣшилось отпѣтъ князя. На шестой день, когда волненіе, поднявшееся во Владимирѣ, стихло, владимирцы порѣшили перенести тѣло своего князя изъ Боголюбова во Владимиръ. Когда торжественная процессія приближалась къ городу и толпы народа, стоявшаго у городскихъ воротъ, завидѣли княжескій стягъ (знача), который несли передъ гробомъ, многіе изъ народа стали рѣдать. Андрея похоронили въ построенной имъ Богородичной церкви (1174 г.).

Послѣ смерти его ростовцы и суздальцы выбрали себѣ въ князя не сына его и не братьевъ, а племянниковъ,—думали, что въ благодарность за избрание они будутъ править „по старинѣ“. Владимирцы призвали къ себѣ на княженіе брата Андреева—Михаила. Начались тогда усобицы между племянниками и дядями, между старыми городами (Ростовомъ и Суздалемъ) и молодымъ городомъ Владимиромъ. Въ концѣ концовъ владимирцы одолѣли. Михаиль Юрьевичъ утвердился во Владимирѣ. Черезъ годъ онъ умеръ, и мѣсто его занялъ братъ его Всеволодъ, по прозванию „Большое гнѣздо“ (1176 г.).

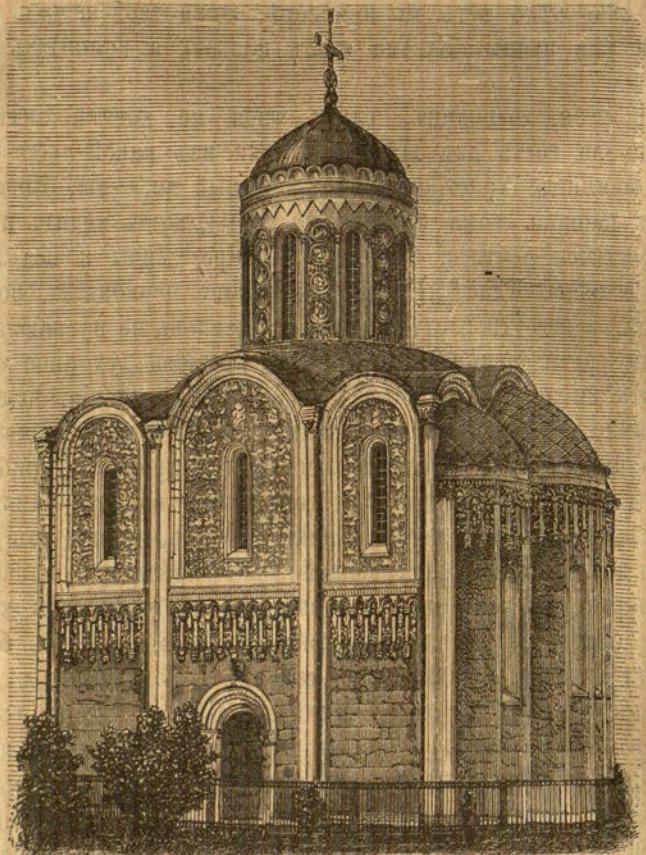
Всеволодъ III.

Всеволодъ III Юрьевичъ дѣйствовалъ по примѣру Андрея Боголюбскаго; не далъ волостей своимъ племянникамъ, подчинилъ себѣ Рязань и Новгородъ, и властно распоряжался Киевомъ.

Въ южной Руси въ это время шли усобицы. Самымъ знаменитымъ княземъ былъ тогда сынъ Мстислава Храбраго, Мстиславъ Удалой,—образецъ старого южно-русского князя: онъ не заботился объ усиленіи своей области и власти; больше всего влекла его военная слава; на войну смотрѣлъ онъ, какъ на судъ Божій. Съ дружиною своею, закаленною въ бояхъ,

онъ безпрестанно переѣжалъ изъ одного конца Руси на другой, являлся веюду, гдѣ нужно было обронить слабаго отъ сильнаго, постоять за „старину“.

Всеволодъ III былъ княземъ совсѣмъ не такого нрава: крайне осторожный, неохотникъ до рѣшительныхъ дѣйствій, битвъ и походныхъ тревогъ, онъ всегда разсчитывалъ на вѣрия; къ своей цѣли шелъ осторожно, обдуманно и твердо. Главной задачей его было—пріобрѣсть какъ можно больше владѣній, усилить свою власть на счетъ другихъ князей, забрать ихъ всѣхъ въ свои руки.

Димитріевскій соборъ во Владимирѣ.

При Всеволодѣ во Владимирѣ и въ другихъ городахъ Сузdalской области было воздвигнуто много новыхъ великолѣпныхъ для того времени церквей. Во Владимирѣ былъ построенъ Димитріевскій соборъ, по словамъ лѣтописца, „дивно украшенный иконами и писаніемъ“.

Встарину каменные церкви на Руси строили иноземные мастера—греки да иѣмцы; но мало-по-малу и русскіе стали перениматъ у нихъ кое-какія знанія. Когда понадобилось въ Суздалѣ обновить Богородичную церковь, то епископъ не искалъ мастеровъ у иѣмцевъ, а нашелъ у себя между церковными служителями и во Владимирѣ людей, которые сумѣли и олово лить, и

покрыть церковь свинцовыми листами, и известью выбѣлить. Во Владимирской области было не мало каменщиковъ; но хорошихъ зодчихъ между русскими было немного: церкви, построенные ими, часто обваливались.

Съ XII вѣка все чаще и чаще возводятся каменные постройки. Кромѣ церквей, изъ камня стали строить городскія стѣны, башни,—иногда и княжеские дома. Большею же частью жилья въ городахъ строились попрежнему—изъ дерева и мало отличались отъ крестьянскихъ избъ, были только попросторнѣе и покрасивѣе.

Лѣсу въ сѣверныхъ русскихъ областяхъ было вдоволь, и постройка простого жилища стоила очень дешево. Въ случаѣ пожаровъ, которые въ древности очень часто истребляли щѣлые города, или непріятельскихъ нашествій, жители старались спасти болѣе цѣнныя свои пожитки. Погорѣвшіе города скоро вновь застраивались. При дешевизнѣ построекъ и простотѣ быта жителямъ городовъ не трудно было переселяться на новыя мѣста. Щѣлые города иной разъ бѣжали отъ непріятелей и затворялись въ другихъ городахъ. Бывали случаи, что князья переводили города изъ одной области въ другую. Земли было на Руси вдоволь, а народу мало. Каждому князю хотѣлось привлечь побольше переселенцевъ въ свою область.

Борьба Суздаля съ Новгородомъ.

Сильную борьбу пришлось выдержать Новгороду съ властолюбивыми сузdalскими князьями, начиная съ Юрия Долгорукаго. Никогда вѣчники новгородцы такъ не нуждались въ боевыхъ князьяхъ, какъ въ эту пору.

Особенно замѣчательными князьями новгородскими были два Мстислава. Мстиславъ Храбрый (сынъ Ростислава Мстиславича, Смоленского князя, внука Владимира Мономаха) оказалъ большія услуги Новгороду,—одержавъ блестящую победу надъ Чудью и мужественно отстаивавъ свободу Великаго Новгорода. Новгородцы очень любили этого князя. Когда онъ умеръ, тѣло его погребли они въ церкви св. Софіи. Отличался онъ не только храбростью, но и благочестіемъ, и дѣлами милосердія. Лѣтописецъ о немъ говорить:

„Онъ всегда порывался на великія дѣла,—и не было земли на Руси, которая не хотѣла бы имѣть его у себя и не любила бы его. Не можетъ вся земля Русская забыть доблести его.“

Священна для Новгорода была его память,—гробница его стала предметомъ поклоненія. Впослѣдствіи Мстислава причли къ лицу святыхъ.

Не менѣе дорогъ былъ новгородцамъ и сынъ его Мстиславъ Удалой (Удатный, какъ звалъ его народъ).

Всеволодъ, князь Сузdalский, не спросивъ согласія вѣча, назначилъ своего сына Святослава княземъ въ Новгородъ. Здѣсь поднялось волненіе: многіе новгородцы крѣпко стояли за свои старые порядки. Они напали на сторонниковъ Сузdalского князя, разграбили и пожгли дворы ихъ. Всеволодъ въ наказаніе за это приказалъ задерживать новгородскихъ купцовъ,ѣздившихъ по его землямъ, отбирать у нихъ товары и не пропускать изъ

своей земли хлѣба въ Новгородъ. Это было въ 1210 г. — Въ это время неожиданно является на помощь Мстиславъ Удалой.

— „Кланяюсь св. Софіи и гробу отца моего, и всѣмъ новгородцамъ, посыпалъ онъ сказать имъ: — услышалъ я, что князья творять надъ вами насилие, — жаль мнѣ своей отчины!“

Новгородцы обрадовались, волненія стихли; сторонники Сузdalского князя примолкли, — боялись перечить большинству. Князя Святослава посадили подъ стражу, и вѣче послало сказать Мстиславу:

— „Иди, князь, на столь.“

Пришелъ онъ со своей дружиной; собралось и новгородское ополченіе; но на этотъ разъ дѣло до войны не дошло; Всеvolодъ не рѣшался начать войну съ Мстиславомъ и присадилъ къ нему пословъ съ такими словами:

— „Отпусти сына моего Святослава и мужей его, а я отпущу новгородскихъ гостей съ ихъ товарами и вознагражу убытки ихъ.“

Порадовались новгородцы, что Мстиславъ одержалъ верхъ надъ Всеvolодомъ, не проливши ни капли крови.

Много пользы Новгороду принесъ удалой князь: онъ ъездилъ по Новгородской землѣ; всюду учреждалъ порядокъ, строилъ укрѣпленія и церкви. Два раза ходилъ на Чудь и подчинилъ Новгороду всю Чудскую землю вплоть до самаго моря.

Въ это время возникли усобицы на югѣ: Черниговскій князь Всеvolодъ овладѣлъ Кіевомъ, выгналъ отсюда родичей Мстислава и творилъ много всякихъ насилий. Мстиславу снова представился случай стать за правду. Онъ собралъ вѣче и просилъ новгородцевъ помочь его изгнаннымъ родичамъ.

— „Куда, князь, ты взглянешь очами, закричали новгородцы: туда и мы обратимся своими головами!“

Съ помощью новгородцевъ одолѣлъ удалой князь врага, посадилъ въ Кіевѣ资料 his own двоюроднаго брата Мстислава Романовича и вернулся въ Новгородъ. Но не сидѣлось ему тутъ: велика была у него охота къ боевымъ трудамъ, къ подвигамъ; а на югѣ было для него дѣло. Звали его туда на венгровъ, которые захватили Галицкую землю, пользуясь смутами, и посадили тамъ своего королевича. Собралъ Мстиславъ вѣче, поклонился Господину Великому Новгороду.

— „Есть у меня, — сказалъ онъ: — дѣло на Руси, а вы волны въ князьяхъ.“

Онъ съ дружиной своей уѣхалъ въ Галичъ. Пока боролся онъ здѣсь съ врагами Русской земли, въ Новгородѣ взяли верхъ сторонники сузdalскихъ князей и призвали Ярослава Всеvolодовича. Князь этотъ былъ человѣкъ крутого нрава и сталь не по праву, безъ суда, расправляться съ противниками; двухъ изъ нихъ заковалъ и высказалъ въ Тверь; сторонники князя по его наущенію разграбили домъ тысяцкаго. Тогда поднялся въ Новгородѣ народъ, и нѣсколько сторонниковъ князя было убито. Раздраженный этой народной расправой, Ярославъ оставилъ въ Новгородѣ своего намѣстника, а самъ поселился въ Торжкѣ. Торжокъ, или Новый Торгъ, какъ иначе называли его вѣстарину, былъ пригородомъ Новгорода. Ярославъ задумалъ тутъ,

поближе къ Сузdalской землѣ, устроить столицу, а Новгородъ обратить въ пригородъ.

На горе новгородцамъ въ землѣ ихъ въ это время морозъ побилъ хлѣбъ; онъ страшно вздорожалъ; плохо пришлось бѣдному люду; Ярославъ не пропускалъ въ Новгородъ ни одного воза съ хлѣбомъ. Начался голодъ. Бѣдные люди за кусокъ хлѣба продавали дѣтей своихъ въ рабство. Много народу погибло голодною смертью. По улицамъ валялись тѣла умершихъ; собаки грызли ихъ... Смирились новгородцы, послали къ Ярославу звать его къ себѣ; онъ ничего не отвѣчалъ, а посланныхъ велѣлъ задержать. Второй разъ отправили новгородцы къ нему пословъ съ такими словами:

— „Иди, князь, въ свою отчину ко св. Софіи.“

Посланные снова были задержаны, а отвѣта новгородцамъ не было дано. Ярославъ велѣлъ хватать по всѣмъ дорогамъ новгородскихъ гостей и держать ихъ въ Торжкѣ, словно въ пѣнѣ... Казалось, пришелъ конецъ Новгороду.

Спасаетъ его и на этотъ разъ отъ бѣды неминуемой все тотъ же удалой князь, каратель неправды и насилия, возстановитель правды. Является онъ сюда (11-го февраля 1216 года). Ожили упавшіе духомъ новгородцы, хотѣвшіе отстоять свою „старину“. Онъ прежде всего велѣтъ схватить и заковать ярославскихъ людей, орудовавшихъ въ Новгородѣ. Затѣмъ собрано было вѣче; Мстиславъ торжественно цѣлуетъ крестъ вѣрой и правдой послужить Великому Новгороду и говорить:

— „Либо освобожу новгородскихъ мужей и новгородскія волости, либо голову свою сложу за Великій Новгородъ!“

— „На жизнь и смерть готовы итти съ тобою!“ кричать въ отвѣтъ новгородцы.

Попробовалъ сначала Мстиславъ опять уладить дѣло мирнымъ путемъ, послалъ къ Ярославу послы уговорить его оставить Новгородъ въ покой и освободить захваченныхъ новгородцевъ. Ярославъ не только не исполнилъ требованій Мстислава, но, чтобы досадить ему, приказалъ заковать взятыхъ новгородцевъ и разослать ихъ въ заточеніе по разнымъ городамъ, а товары раздалъ своимъ дружинникамъ.

Когда вѣсть объ этомъ новомъ насилии дошла до Мстислава, онъ велѣлъ звонить на вѣче на Ярославовомъ дворѣ, явился среди народа и сказалъ:

— „Пойдемъ, засвободимъ людей своихъ, вашихъ братьевъ. Не быть Торжку Великимъ Новгородемъ, ни Новгороду — Торжкомъ! Гдѣ св. Софія — тутъ и Новгородъ!“

Ополчились новгородцы. На помощь имъ по призыву Мстислава пришли псковичи, а потомъ и смоленяне. Въ это время въ Сузdalской землѣ спорили за первенство Константинъ Всеvolodовичъ съ младшимъ братомъ своимъ Юриемъ. Мстиславъ объявилъ, что онъ не только стоять за Новгородъ, но хочетъ правды и въ Сузdalской землѣ, — хочетъ поддержать праву старшаго князя Константина.

Ярославъ ушелъ къ брату своему Юрию во Владимиръ. Стали они готовить большое ополченіе. Вся Сузdalская земля вооружилась; на войну погнали изъ сѣль и деревень землемѣльцевъ; сузальцамъ помогали муромцы;

пристали къ нимъ и бродники (такъ назывались сбродные шайки восточныхъ степей).

Мстиславъ послалъ сказать Юрію, что новгородцы не пытаютъ никакой вражды къ нему, что они обижены Ярославомъ. Юрій отвѣчалъ:

— „Мы съ братомъ Ярославомъ — одинъ человѣкъ.“

Отправилъ Мстиславъ посла и къ Ярославу съ такимъ словомъ:

— „Освободи захваченныхъ тобой новгородцевъ, верни волости новгородскія, что ты занялъ, помирись съ нами, цѣлуй намъ крестъ, — не будемъ проливать кровь!“

— „Мира не хотимъ, отвѣчалъ Ярославъ: издалека вы пришли, и попали какъ рыба на сушу!“

Переговоры не привели ни къ чему. Сузdal'skie князья (Ярославъ и Юрій) такъ были увѣрены въ побѣдѣ, что устроили у себя въ шатре пиръ съ боярами. Нѣкоторые изъ старыхъ и благоразумныхъ бояръ смущались тѣмъ, что правда была на сторонѣ противника. Одинъ изъ нихъ даже уговаривалъ помириться съ Мстиславомъ и Константиномъ.

— „Не смотрите, говорилъ этотъ бояринъ: что рати у нихъ меньше, чѣмъ у васъ. Ростиславова племени князья мудры, справедливы и храбры, и люди ихъ — новгородцы и смольяне — смѣлы въ бою. А про Мстислава сами знаете, что храбростью онъ выше всѣхъ!“

Не по душѣ пришелся князьямъ такой совѣтъ. Больше нравились имъ рѣчи молодыхъ бояръ.

— „Никогда не бывало, говорили эти бояре: ни при отцахъ вашихъ, ни при дѣдахъ, чтобы кто вошелъ ратью въ сильную Сузdal'skou землю и вышелъ бы изъ нея цѣль... Что намъ эти полки?! мы ихъ сѣдлами закидаемъ!“

— „Сама добыча идетъ къ намъ въ руки, говорили самоувѣренно князья своимъ дружинникамъ: достанутся вамъ кони, оружіе, брони, платье, — берите все, только враговъ не щадите. Не оставимъ въ живыхъ никого!“

Затѣмъ и между собою уговорились князья, кому какою областью владѣть изъ земель, которыхъ попадутъ въ ихъ руки послѣ побѣды. Сузdal'skie князья послали гонца пригласить Мстислава на бой на Липицкое поле. Битва такимъ образомъ обращалась какъ-бы въ судь Божій.

Сузdal'cy стали на горѣ и нѣсколько времени не вступали въ рѣшительный бой, не сходили съ горы. Не утерпѣлъ удалой Мстиславъ.

— „Браты, сказалъ онъ своимъ воинамъ: — гора не поможетъ имъ, и гора не побѣдить настѣ. Съ нами честной крестъ и правда; пойдемъ на нихъ!“

Прѣѣзжая по рядамъ новгородцевъ, онъ говорилъ:

— „Съ Божіей помощью станемъ крѣпко. Не озирайтесь назадъ; побѣживши, не уйдешь бѣды. Забудемъ женъ, дѣтей и дома свои. Идите въ бой, какъ кому лучше, пѣшие или на конѣ!“

— „Не хотимъ умирать на коняхъ, закричали новгородцы: мы будемъ биться пѣшие, какъ отцы наши!“

Сбросили они съ себя верхнюю одежду, даже сапоги сняли. Босые пустились они съ крикомъ впередъ; за ними кинулись въ бой и смольяне. Вожди были на коняхъ, чтобы видѣли ихъ всѣ воины. Дружинники были

тоже верхомъ на коняхъ. Пѣшие новгородцы первые съ громкимъ крикомъ схватились съ непріятелемъ. Пошли въ дѣло дубины и топоры. Новгородцы стали одолѣвать. Уже одинъ стягъ (знамя) Ярославовъ былъ подрубленъ. Мстиславъ, замѣтивъ, что новгородцы зашли слишкомъ далеко, и непріятель можетъ окружить ихъ, крикнулъ своимъ:

— „Не дай Богъ, браты, выдавать этихъ удальцовъ!“

Онъ пустился впередъ на своемъ борзомъ конѣ. За нимъ понеслись другіе князья и дружины. Началась лютая сѣча. Сузdal'skie полки были сметы. Юрій и Ярославъ обратились въ бѣгство, — кинули весь свой обозъ. Мстиславъ три раза проѣхалъ сквозь непріятельскіе полки, прокладывая себѣ путь своимъ тяжелымъ топоромъ.

Сузdal'skaya рать бросилась бѣжать вразсыпную. До десяти тысячъ сузdal'цевъ погибло подъ ударами топоровъ и утонуло во время бѣгства. Тридцать знаменъ, до ста трубъ и бубенъ и весь обозъ достались побѣдителямъ.

Липицкая битва произошла 21-го апрѣля 1216 г.

Лѣтописцы живо говорятъ объ ужасѣ этого побоища; сынъ шелъ на своего отца, братъ на брата, слуга на господина. Было не мало новгородцевъ, которые сражались за Ярослава; одни изъ родичей стояли подъ знаменами Мстислава и Константина, другіе — подъ знаменами ихъ противниковъ.

Ярославъ и Юрій бѣжали. Юрій загналъ трехъ коней, на четвертомъ прискакалъ во Владимиръ... Въ городѣ оставались только мирные обыватели: священники, чернцы, старики, женщины да дѣти. Завидѣвъ всадника, владимирцы обрадовались-было: вотъ, думали они, вѣстникъ спѣшить съ вѣстью о побѣдѣ. Когда же узнали, въ чёмъ дѣло, то начался по всему городу плачъ и стонъ: изъ всѣхъ почти семи были взяты ратники на войну. Къ вечеру стали собираться въ городѣ бѣглецы съ несчастного побоища: кто былъ израненъ, кто вернулся нагимъ, кто босымъ, — всю ночь понемногу сходились они.

Князь собралъ вѣче.

— „Браты, владимирцы, говорилъ онъ: затворимся въ городѣ и станемъ отбиваться!“

— „Какъ мы станемъ биться, возражили ему владимирцу: браты наши избиты, другіе въ плѣнѣ попали, а тѣ, что вернулись, безоружны.“

Юрій просилъ владимирцевъ, чтобы они по крайней мѣрѣ не выдавали его Мстиславу и Константину, и обѣщалъ самъ въ крайнемъ случаѣ выѣхать изъ города. Владимирцы согласились на это. 29-го апрѣля союзники подошли къ городу и окружили его. Юрій не могъ обороняться и сдался на милость побѣдителей.

— „Кланяюсь вамъ, браты, и челомъ бью, сказалъ онъ: — жизнь миѣ оставьте и хлѣбомъ кормите!“

Мстиславъ порѣшилъ отдать городъ Владимиръ Константину, старшему брату Юрія, — а ему Городецъ.

Другой сузdal'cкій князь Ярославъ бѣжалъ съ побоища въ Переяславль. Въ яности онъ приказалъ заковать въ кандалы всѣхъ новгородцевъ и смоль-

нянь, какие случились въ это время въ Переяславлѣ, и бросать ихъ въ погребъ. Новгородцевъ было болѣе ста человѣкъ; многие изъ нихъ задохлись въ тѣсныхъ подвалахъ; но сколько онъ ни злобился, а смирился предъ побѣдителями пришлось и ему.

Ни одинъ князь не принесъ столько пользы Новгороду, какъ Мстиславъ Удалой. При немъ никто не осмѣшивался нарушать новгородской старины, да и въ другихъ областяхъ боялись творить насилия и не по праву занимать княжеские столы: Мстиславъ готовъ былъ всегда помочь правому, наказать нарушителя правды.

Въ это время въ Галичѣ опять стали хозяйничать венгры. Мстислава тянуло туда потрудиться на пользу русского дѣла. Собралъ онъ вѣче.

„Кланяюсь, — сказалъ онъ: — св. Софіи, гробу отца моего и вамъ. Хочу поискать Галича, а васъ не забуду. Дай Богъ мнѣ лечь у св. Софіи, у гроба отца моего!“

Сильно упрашивали новгородцы Мстислава остаться у нихъ, — но напрасно. Онъ уѣхалъ, и навсегда. Не довелось ему лечь у св. Софіи.

Государственный строй и бытъ русскихъ XI—XIII ст.

Раздробленіе земли.—Князь и дружина.—Жизнь князей.—Народъ.—Промыслы.—Города.—Жилища.—Одежда.

Къ концу XII вѣка Русская земля распалась на нѣсколько отдельныхъ земель, или областей. Въ каждой изъ нихъ утвердился какой-либо княжескій родъ, который уже крѣпко держался волости, унаследованной отъ своего родоначальника; на ней и размѣщались всѣ родичи. Послѣ Юрия Долгорукаго переходы князей изъ одной волости въ другую по старшинству почти прекратились, — идутъ лишь споры между нѣкоторыми князьями за Кіевъ; но онъ уже утратилъ прежнее значеніе первопрестольного города, которое переходитъ къ Владимиру на Клязьмѣ. При Андрѣѣ Боголюбскому и Всеволодѣ III здѣсь сосредоточивается сильная велиокняжеская власть, и великій князь стремится подчинить себѣ разрозненную русскую землю. По смерти Всеволода велиокняжеская власть слабѣетъ и каждая область представляетъ самостоятельное княжество.

Но, несмотря на это раздробленіе земли, несмотря на то, что, казалось, совсѣмъ забыли, что она представляетъ одно государство, и несмотря на безконечныя распри князей, все-таки всѣ отдельные волости составляли одну Русскую землю; они связаны были между собой неразрывными узами: жители всѣхъ русскихъ волостей, подданные всѣхъ князей, враждующихъ между собой, говорили однимъ и тѣмъ же языкомъ, исповѣдовали одну и ту же православную вѣру; да и князья, какъ ни спорили между собой, какая „крамолы ни ковали“ другъ противъ друга, но забыть, что всѣ они происходили отъ одного родоначальника, отъ Владимира Св., конечно, не могли. Наконецъ, церкви всѣхъ удѣловъ были подчинены одному и тому же кіевскому митрополиту, и Кіевъ съ его святынями попрежнему является средоточиемъ церковной власти, источникомъ христіанского просвѣщенія. Вотъ тѣ крѣпкія узы, которыя не позволяли разрозненнымъ областямъ русскимъ

обособиться въ совершенно отдельные государства, — узы, которыя, наперекоръ стремлению нѣкоторыхъ князей, связывали всѣ княжества въ одну Русскую землю. Этой связи сильно помогла и природа ея: равнина нигдѣ не давала удобныхъ границъ для отдельныхъ государствъ, а рѣчнаѧ сѣть еще больше стягивала ихъ въ одно цѣлое.

Каждая область управлялась отдельно. Князь, дружина и народное вѣчевоѣ три правительственные силы, какія встрѣчаемъ мы въ XI и XII вѣкахъ въ русскихъ областяхъ. Въ одномъ мѣстѣ князь, пользуясь любовью и довѣріемъ народа, управляетъ самовластно, не обращая большого вниманія на дружину (въ Сузdalской землѣ); въ другой области вѣче забираетъ въ свои руки, и князь во многомъ зависитъ отъ него (въ Новгородѣ); въ третьемъ княжествѣ разбогатѣвшая дружина начинаетъ по примѣру западныхъ крупныхъ

В. к. Владимиръ посыаетъ Бориса съ дружиной на печенѣговъ (по сказанію о Борисѣ и Глѣбѣ).

землевладѣльцевъ стѣснять княжескую власть (такъ было, напр., въ Галицкой Руси). Но по большей части князь пользовался большою силою: онъ былъ верховнымъ правителемъ страны, главнымъ судьею, стражемъ ея отъ враговъ: онъ опредѣлялъ подати, строилъ города (крѣпости), назначалъ намѣстниковъ по своимъ городамъ, избиралъ и духовныхъ сановниковъ, конечно, по соглашенію съ кіевскимъ митрополитомъ. Въ случаѣ войны князь былъ главнымъ воево-дою, шелъ на врага во главѣ своей дружины и войска. Подчиненные младшіе князья должны были читать великаго князя „въ отца мѣсто“ и, какъ гово-

рилось тогда, „ходить въ руки“ у него, т.-е. покоряться ему, оттого и звали ихъ подручными князьями. Они обязаны были не только повиноваться ему, но всячески выражать почтеніе: напримѣрь, если случалось Ѳхать вмѣстѣ, то они Ѳхали у стремени его. Но въ своихъ удѣлахъ или волостяхъ князя были независимыми правителями.

Князь былъ почти неразлученъ съ дружиной своей: на войнѣ она окружаетъ его; съ нею онъ „думає“, т.-е. совѣщается о всякихъ дѣлахъ, военныхъ или мирныхъ, съ нею ходить на полюдье, на охоты, съ нею пируетъ и веселится. Чѣмъ больше тревоги и войны, тѣмъ дороже князю его дружина. Понятно, что, во время безпрерывныхъ усобицъ, инымъ князьямъ плохо пришлось бы безъ дружины; вотъ почему многие изъ нихъ всячески ублажаютъ ее, щедро осыпаютъ ее своими милостями. Дружины — люди вольные, могутъ переходить отъ одного князя на службу къ другому. У щедраго князя, подъ котораго живется богато и привольно, нѣть недостатка въ удалыхъ сподвижникахъ, да у такого князя вдоволь и богатства. — „Съ удалой дружиной найду и серебро и золото“, говорилъ еще Владимиръ Св.... Князь давалъ своей дружинѣ содержаніе или жалованье деньгами, разными припасами и произведеніями, какіе собирались съ народа, какъ дань, наконецъ, надѣлялъ землей. Сначала поземельная собственность, при частыхъ переходахъ князей изъ одной волости въ другую, не имѣла большой цѣны; но потомъ, когда князья остаются въ своихъ вотчинахъ, т.-е. земляхъ, унаследованныхъ отъ отцовъ, становятся, такъ сказать, осѣдлыми, поземельная собственность получаетъ большое значеніе, и дружины дѣлаются богатыми землевладѣльцами.

Дружина дѣлилась на старшую и младшую. Къ первой принадлежали бояре, княжы мужи, ко второй — отроки, дѣтскіе, бывшіе тѣлохранителями князя, его ближайшими слугами, составлявшими его дворъ. Число дружиныхъ при князѣ обыкновенно не было велико, едва ли доходило до тысячи. Ихъ было достаточно въ мирное время для охраны порядка въ области да для мелкихъ междуусобицъ; но въ случаѣ большой войны князя не только ссыпали всю свою дружину, но вербовали рать по селамъ и городамъ. Дружины составляли самую главную часть войска. Нерѣдко, болѣе удалые ратники, или вои, свыкшись съ боевой жизнью, поступали въ дружину.

Бояре были главными совѣтниками, или „думцами“ князей, изъ нихъ князя избирали разныхъ должностныхъ лицъ, назначали ихъ намѣстниками въ города, воеводами, тысяцкими, и проч. Въ ту пору не было еще точнаго разграничения властей и обязанностей, такъ что княжы мужи, намѣстники, или посадники, получавши отъ князя въ управлѣніе города, имѣли въ своихъ рукахъ и военную власть, и судъ творили, и дань собирали. Сверхъ княжаго жалованья въ пользу намѣстниковъ шла часть разныхъ сборовъ и судебныхъ пошлинъ. Случалось, что князь поручалъ даже и въ томъ городѣ, где самъ жилъ, своимъ тѣунамъ (слугамъ) творить судъ, а тѣ иногда притѣсняли народъ.

Главные доходы князя состояли въ дани, которая собиралась съ волости; затѣмъ, ему шли судебные пени или „виры“ и торговая пошлины. Кромѣ различныхъ припасовъ и разныхъ естественныхъ произведеній: хлѣба, меду, мѣховъ, которые давались князьямъ въ видѣ дани, — они получали со своихъ

собственныхъ имѣній доходы, иногда огромные. При нѣкоторыхъ княжескихъ сelaхъ были княжы дворы съ кладовыми и погребами, полными всякаго добра: и сѣстыныхъ припасовъ и дорогихъ вещей, тканей и проч. Богатству князя Святослава Черниговскаго, какъ сказано, удивлялись иноземцы. Табуны, въ вѣсколько тысячъ коней паслись на привольныхъ княжескихъ пастбищахъ; тысячи стоговъ хлѣба собирались на пажитяхъ; въ погребахъ были сотни пудовъ меду; въ кладовыхъ и клѣтахъ хранилось много дорогихъ, златотканыхъ одеждъ, украшеній и дорогого оружія. Охоты и ловы могли доставлять

Обѣдъ князя съ митрополитомъ (по сказанию о Борисѣ и Глѣбѣ).

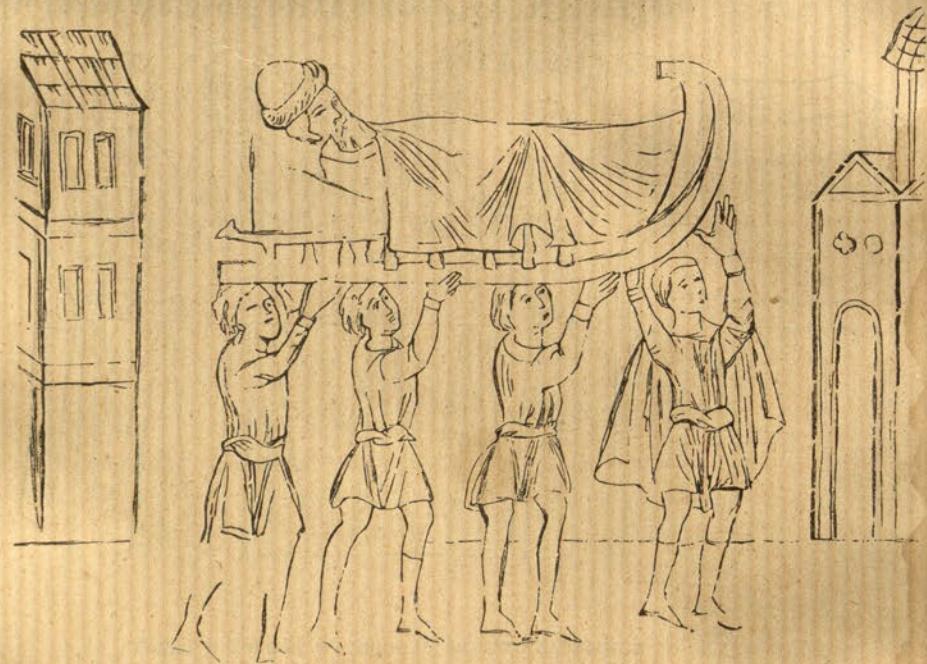
тоже порядочный доходъ князьямъ. Было у нихъ, на что содержать дружину и разные придворные чины (дворскій, стольникъ, меченосца, ключникъ, конюший и пр.).

Въ лѣтописяхъ находимъ не мало извѣстій о частной жизни князей. При рожденіи князя давали ему два имени: одно княжее (языческое), а другое христіанско (Святополкъ — Михаиль, Ярославъ — Георгій, Владимиръ — Василій и т. д.). Когда княжичу исполнялось три или четыре года, совершался надъ нимъ обрядъ „постригъ“ и „всаженія на конь“: у ребенка стригли волосы и торжественно сажали его на коня. Обрядъ этотъ, какъ думаютъ, вѣдь начало отъ древняго обычая князей и знатныхъ людей на Руси и въ Болгаріи брить бороду и плотно выстригать или брить голову, оставляя только клокъ волосъ,

чубъ. Къ маленькимъ княжичамъ приставляли такъ называемыхъ „кормильцевъ“, т.-е. дядекъ, изъ опытныхъ бояръ. Они должны были всячески оберегать и воспитывать своихъ питомцевъ. Княжихъ дѣтей, какъ сыновей, такъ и дочерей, учили грамотѣ. Объ учениіи видимо заботились; не даромъ между князьями встрѣчались большие книголюбцы.

Браки у русскихъ князей были очень ранніе: 15 — 17-лѣтнихъ княжичей женили на 10 — 12-лѣтнихъ княжнахъ (извѣстенъ даже случай женитьбы четырнадцатилѣтняго князя на восьмилѣтней княжнѣ).

Рано также сажали князей на престоль, иногда 12 лѣтъ; въ такихъ случаяхъ дѣлами заправляли родичи или кормильцы юныхъ князей. Обрядъ вocationia, или „посаженіе на столъ“ совершался, конечно, высокопоставленными духовными лицами, митрополитомъ или епископами.

Погребеніе князя (по сказанію о Борисѣ и Глѣбѣ).

Крещеніе, постриги, посаженіе на столъ, свадьбы сопровождались веселыми пирами.

Какъ обыкновенно проводили лучшіе князья день, — это ясно видно изъ поученія Владимира Мономаха. Вставали по большей части рано, до зари, совершали молитву или слушали заутреню, затѣмъ завтракали, а послѣ того занимались дѣлами, обсуждали разные вопросы съ думцами своими, или творили судъ; если никакихъ важныхъ дѣлъ не было, отправлялись на охоту съ дружинниками. Въ полдень обѣдали и спали. Остальное время до вечера, если не представлялось неотложныхъ дѣлъ, отдыхали или пировали съ дружиной своей. Русскій человѣкъ всегда любилъ повеселиться и радъ былъ всякому случаю развернуться, потѣшить свою душу широкимъ

пиромъ. Меду крѣпкаго, стоялаго да вина заморскаго было вдоволь въ княжескихъ погребахъ; были пѣсельники, плясуны, скоморохи, игрецы... Конечно, въ такомъ порядкѣ жизнь князей протекала въ мирное время; но войны и усобицы безпрестанно нарушили спокойное теченіе ея. Впрочемъ, князья по большей части уже не походили на древнаго Святослава, и нерѣдко возили за собой даже въ походѣ большие обозы съ разными припасами, такъ что могли пировать и во время войны. Во время усобицъ сражавшіяся дружины старались обыкновенно отбить у своихъ противниковъ княжескій обозъ, — знали, что тамъ будетъ чѣмъ поживиться. Среди веселыхъ пировъ, охотъ и потѣхъ молодецкихъ, князя по большей части не забывали о церкви и духовенствѣ. Набожность была сильна въ древности: многіе князья ежедневно посѣщаются богослуженія, дѣлаютъ богатые вклады въ церкви, строятъ новые храмы, роскошно украшаютъ ихъ, даже основываютъ новые монастыри, заботятся о благоустройствѣ ихъ, жертвуютъ въ пользу ихъ не только деньги, но цѣлѣя помѣстя со всякими угодьями, стараются снабдить церкви книгами, завести училища. Съ этой стороны раздробленіе Русской земли на удѣлы было даже полезно: князя соревнуются между собою, каждый старается свой городъ украсить храмами, чтобы они по богатству и красотѣ превзошли иногородные. До сихъ поръ во многихъ древніхъ городахъ нашихъ, где сохранились старинныя церкви, можно видѣть множество драгоценной церковной утвари, образовъ въ богатыхъ серебряныхъ и золотыхъ окладахъ, евангелій въ дорогихъ переплетахъ, усыпанныхъ драгоценными камнями и проч., — все это по большей части — даръ щедрыхъ князей, строителей этихъ церквей. Иные князья искали спасенія отъ грѣховъ и успокоенія отъ мірскихъ тревогъ и соблазновъ въ стѣнахъ монастырей, постригались въ монахи. Многіе предъ смертью принимали схиму.

Князей хоронили при церквяхъ въ оградѣ или въ самомъ храмѣ. Обрядъ погребенія совершался обыкновенно на другой день послѣ кончины. По смерти князя, всѣ родичи и домочадцы надѣвали скорбное (черное) платье. За гробомъ князя несли его стягъ (змѣя) и вели его коня; у гроба ставилось копье. Обыкновенно послѣ смерти князя раздавалась щедрая милостыня нищемъ и убогимъ и дѣлались большие вклады по церквамъ на поминъ души усопшаго. Надъ гробомъ не только пѣли похоронныя пѣсни, но произносились прічитанія людьми, близкими къ покойнику. Лѣтописецъ, напр., подробно говорить подъ 1078 годомъ о похоронахъ Изяслава. Весь Киевъ вышелъ навстрѣчу тѣла своего князя; его положили на сани (онѣ встарину замѣняли дороги) и сначала повезли, а потомъ понесли на рукахъ по городу, и, по словамъ лѣтописи, „нельзя было слышать пѣнья отъ великаго плача и вопля: плакаль по князѣ весь городъ Киевъ“. Ярополкъ же шелъ за нимъ съ дружиной и, оплакивая умершаго, прічиталъ:

— „Отче, отче мой! много ли безъ печали пожилъ ты на семъ свѣтѣ, и сколько напасти принялъ ты отъ людей и отъ браты своей? И вотъ теперь не отъ брата погибъ ты, но за брата своего положилъ главу свою!“

Жизнь бояръ, конечно, во многомъ походила на княжескую.

Все население, кроме дружины и духовенства, называлось „люди“; крестьянъ именовали обыкновенно „смердами“, къ нимъ же причисляли купцовъ, разныхъ промышленниковъ и ремесленниковъ (гончаровъ, плотниковъ и проч.). Крестьяне занимались преимущественно земледѣліемъ, а гдѣ было удобно—скотоводствомъ и бортничествомъ, т.-е. собирали мёда въ бортахъ (дуплахъ старыхъ деревьевъ). Рыбная ловля и разнаго рода охоты и ловы были тоже очень распространены. Занятія и жизнь простого люда очень устойчивы: цѣлые вѣка проходять, а перемѣнъ въ народномъ бытѣ почти никакихъ не происходитъ. Крестьяне нашего времени такъ же просто живутъ, какъ жили предки ихъ за пятьсотъ, за шестьсотъ лѣтъ тому назадъ: почти тѣ же у нихъ способы обработки земли, такъ же ведется хозяйство,— словомъ, жизнь простого сельского люда такъ же медленно измѣняется, какъ и та природа, среди которой онъ живетъ. И пища въ тѣ времена мало чѣмъ отличалась отъ теперешней. Больѣ всего употребляли ржаной хлѣбъ, а на югѣ и пшеничный, кашу, овсяный кисель, различные овощи. Мясная пища была встарину обильна и доступна для простого люда, чѣмъ теперь, такъ какъ, кроме домашней птицы и животныхъ, употреблялась разнаго рода дичь, которую полны были первобытные лѣса, и рыба, которую изобиловали озера и рѣки. Предки наши не гнались мясомъ медвѣдей и бѣлокъ; но духовенство сильно возставало противъ этого, считая этихъ животныхъ нечистыми, а также и противъ употребленія въ пищу давленины, т.-е. птицъ, не зарѣзанныхъ и не застрѣленныхъ, а удавленныхъ силками.—Изъ напитковъ употреблялись квасъ, брага, пиво, мѣдь. Заморскія же вина были доступны, конечно, только болѣе богатымъ.

Крестьяне были въ XII—XIII вѣкахъ люди свободные, могли переходить съ мѣста на мѣсто, какъ вольные работники; они нерѣдко и переходили съ одного участка земли на другой, болѣе удобный; на сѣверѣ, когда почва въ одномъ мѣстѣ истощалась, они передвигались на другое, очищали или выжигали себѣ въ лѣсахъ поляны и жили здѣсь, пока можно было прокормиться...

На югѣ въ степной полосѣ тучная черноземная почва могла бы надолго привязать сельчанъ къ одному мѣсту; но здѣсь постоянные налеты степныхъ хищниковъ да безпрерывныя княжескія усобицы сильно мѣшали мирному земледѣльческому быту, и населеніе подвигалось все болѣе и болѣе къ сѣверу.

Кроме свободныхъ людей, были полусвободные, такъ называемые „закупы“, какъ бы временные рабы, обязанные отработать известное число лѣтъ своему заимодавцу за долгъ; были и холопы, т.-е. рабы, находившиеся вполнѣ въ рукахъ своихъ господъ. У князей и бояръ по селамъ было много такихъ работниковъ, которые носили общее название „челядь“.

Городовъ на Руси въ лѣтописяхъ упоминается до половины XIII столѣтія около трехсотъ, но, конечно, ихъ было больше; о многихъ городахъ лѣтописцамъ не пришло упоминать. Больше города, подобно Новгороду, о которомъ сказано раньше, состояли изъ „кремля“, или дѣтинца, въ которомъ находились главный соборный храмъ и дворъ князя или его намѣстника, дворы иѣкоторыхъ бояръ и духовныхъ лицъ; тутъ же во дворялась часть

младшей дружины, „дѣтскіе“ (отсюда и слово „дѣтинецъ“). Къ дѣтинцу примыкалъ окольный городъ, или острогъ; онъ тоже ограждался валомъ, стѣной съ башнями, а съ наружной стороны и рвомъ. Стѣны и башни городскія были по большей части деревянныя; позже окольный городъ стали называть „посадомъ“; въ немъ жило болѣе всего торговое населеніе и различные ремесленники. Главнымъ мѣстомъ посада было „торговище“, или „торжокъ“, куда въ известные дни съѣзжались жители ближнихъ сѣль и деревень для обмѣна своихъ произведеній. Иѣкоторые города, особенно стоявшіе на торговыхъ путяхъ, быстро разрастались; къ острогу или посаду примыкали новые поселки, предгорода, или слободы, жители которыхъ обыкновенные поселки, предгорода, или слободы, жители которыхъ обыкновенные

Одежда русскихъ XI вѣка.

новенно занимались земледѣліемъ, огородничествомъ и рыбной ловлей. Эти слободы нерѣдко впослѣдствіи тоже обводились валомъ. Таковы были большия города; но, кроме нихъ, было множество малыхъ городовъ, или городковъ, представлявшихъ села, огражденныя рвомъ и валомъ съ бревенчатымъ частоколомъ или тыномъ. Такіе-то городки, конечно, и устраивали князья для обороны степной Украины отъ половцевъ. Гдѣ было менѣе опасности, напр., на сѣверѣ, тамъ населеніе мало-по-малу раскидывалось небольшими, неукрѣпленными поселками; городки тоже понемногу разрастались и превращались въ открытые города, въ которыхъ развивалась мирная промышленность; наоборотъ, въ беспокойныхъ мѣстахъ, какъ на южной и восточной

окраинахъ, населеніе все больше и больше сбивалось въ городки, окружалось, ограждалось отъ опасности и складывалось въ военные общины, всегда готовыя къ войнѣ и даже любившія ее.

Жилища строились, понятно, болѣе всего изъ дерева: лѣсу на сѣверѣ было пропасть, а камень могли добывать только въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ. Жилья складывались обыкновенно изъ бревенчатыхъ срубовъ. Срубъ, или „клѣтъ“, если устраивалась въ ней печь или очагъ, называли „истопкой“ (откуда и слово „изба“). Нѣсколько клѣтей, соединенныхъ между собой, составляли хоромы. Богатыя жилища отличались отъ бѣдныхъ прежде всего количествомъ клѣтей и величиною хоромъ, — состояли они изъ трехъ глав-

Одежда русскихъ князей и зажиточныхъ людей XII вѣка.

ныхъ частей: зимняго жилья съ печью (избы), лѣтняго (клѣти) безъ печи и находившагося межъ ними свѣтлаго покоя, сѣней, или сѣнницы, служившихъ приемной для гостей. Хоромы строились обыкновенно высокія; названные части ихъ были во второмъ ярусь; подъ ними находились подклѣти; здесь были складочныя мѣста для разныхъ хозяйственныхъ принадлежностей; тутъ же были погреба, медуши и проч. Къ сѣнямъ пристраивалось крыльцо, состоявшее изъ лѣстницы, верхней площадки, которая утверждена была на столбахъ, а сверху прикрыта кровлей. Надъ сѣнями надстраивалась еще свѣтлая горница, теремъ, или повалуша. Кровля была обыкновенно крутая, двухсторонняя; у богатыхъ она покрывалась тѣсомъ, или гонтомъ, т.-е. мел-

кими дощечками, въ видѣ чешуи, а у бѣдныхъ — соломой. Хоромы ставились обыкновенно посреди двора, огороженного тыномъ или плетнемъ; по концамъ двора располагались службы для челяди, бани, конюшни, хлѣвы и проч. Чѣмъ зажиточнѣе былъ хозяинъ, тѣмъ просторнѣе былъ и его дворъ, тѣмъ больше построекъ находилось на немъ.

Терема княжескіе особенно украшались рѣзными затѣйливыми украшениями, раскрашивались внутри и снаружи разноцвѣтными красками, особенно пестрѣли ими украшенія вокругъ оконъ. Каменныя зданія считались на Руси въ тѣ времена большою рѣдкостью.

Домашняя утварь (столъ, скамья, кровать, бочки, вѣдра, лохани и проч.)

Одежда русскихъ зажиточныхъ людей XII вѣка.

дѣлалась преимущественно изъ дерева. Видно, что столярное, токарное и бондарное промыслы процвѣтали уже въ XI—XII ст. Были въ большомъ ходу работы изъ лыка, лубка, мочалы (коробья, рѣшета, рогожи и проч.). Процвѣталь и кузнецкий промыселъ (выдѣлывались котлы, сковороды, косы, серпы, гвозди и проч.). Дорогія издѣлія, напр., церковная серебряная утварь, серебряные блюда, чаши, ложки и проч., тоже выдѣлывались частію русскими мастерами; но многое, особенно украшенія, шли изъ Греціи и съ Востока. Были и у насъ на Руси забѣжіе художники, греки и нѣмцы, отъ которыхъ понемногу перенимали искусство и русскіе мастера.

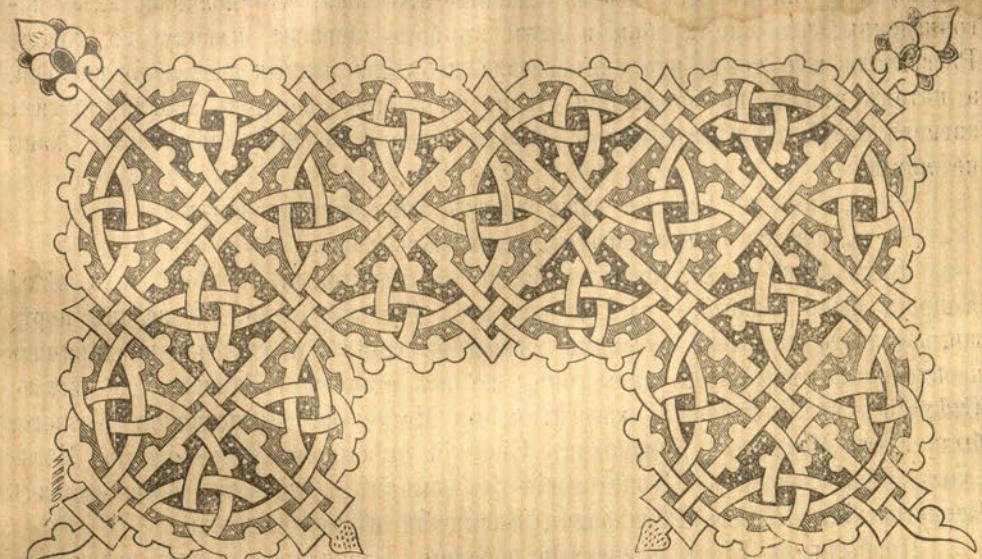
Мужская одежда состояла изъ полотняной сорочки, или рубашки, и

узкаго нижняго платья, запущенного въ сапоги. Затѣмъ сверхъ сорочки надѣвалась „свита“, или „коужукъ“, длинный, спускавшійся ниже колѣнъ и подпоясанный. Дружины и купцы сверхъ свиты накидывали плащи, называли ихъ „корзами“ или „мятлями“. Они застегивались запоной обыкновенно на правомъ плечѣ, — такъ, чтобы свободно можно было дѣйствовать правой рукой. Простой и бѣдный людъ дѣлалъ себѣ одежду, конечно, изъ болѣе дешевыхъ полотенъ и шерстяныхъ тканей; а богатые носили тонкія шелковыя или суконныя ткани, а также греческія паволоки, синія, зеленыя, красныя (багряницы), оксамиты, златотканная узорчатая матерія, стоявшія, безъ сомнѣнія, недешево. По краямъ одежда обыкновенно обшивалась золотой каймой. Сапоги носили тогда сафьянныя, разноцвѣтные, нерѣдко расшитые золотыми узорами. Шапки или „клобуки“ дѣлались иногда довольно высокіе съ мѣховыми опушками. Князья не снимали съ головы своихъ клобуковъ даже и во время богослуженія. Зимою, конечно, одежда была мѣховая, у богатыхъ изъ дорогихъ мѣховъ, а у бѣдныхъ — баранья, — то, что теперь называется „полушубкомъ“. Одежда простого люда, какъ лѣтняя, такъ и зимняя, была въ сущности та же, что и теперь.

Въ древности русскіе выбивали не только бороду, но и голову, оставляли лишь чубъ да усы; но мало-по-малу подъ вліяніемъ Византіи стали покидать этотъ обычай, и въ концѣ XII вѣка мы видимъ по изображеніямъ князей, что носили уже длинныя бороды.

Богатство наряда болѣе всего сказывалось въ разныхъ дорогихъ украшеніяхъ. Гравни, ожерелья, мониста, кольца серебряныя и золотыя, — вотъ что особенно разнообразило наряды. Князья въ торжественныхъ случаяхъ носили еще бармы, — широкое оплечье, вышитое золотомъ, усыпанное жемчугомъ, дорогими каменьями и золотыми бляхами и проч. Покрой и виль одежды въ древности очень медленно измѣнялся, такъ что въ XIII в. она почти та же, что и въ XI вѣкѣ.

Женскій нарядъ еще болѣе отличался всякими украшеніями. Они, конечно, служили необходимую принадлежностью женской одежды, которая во многомъ походила на мужскую, но была длиннѣе. У замужнихъ женщинъ голова прикрыта была повоемъ, сверхъ которого иногда надѣвали родь кокошника; девушки волосъ не закрывали; головные ихъ уборы иногда имѣли видъ вѣнцовъ.

VII.

ЗЛЫЯ ВРЕМЕНА ТАТАРЩИНЫ.

Первая встрѣча русскихъ съ татарами.

аздоры и усобицы княжескія ослабили Русскую землю. Къ концу XII вѣка распалась она на нѣсколько отдельныхъ областей; каждая изъ нихъ въ свою очередь дѣлилась на болѣе мелкіе удѣлы, гдѣ были свои князья. Эти князья, хотя были и близкіе родичи между собою, но тоже нерѣдко враждовали другъ съ другомъ. Все шло врозь. Хотя владимирскіе великие князья и задумали подчинить себѣ всѣ русскія области, всѣхъ удѣльныхъ князей сдѣлать своими „подручниками“, но они далеко еще не достигли этого, какъ обрушилась на Русскую землю тяжелая бѣда.

Въ 1223 году, когда Мстиславъ Удалой былъ въ Галичѣ, сюда неожиданно явился главный половецкій ханъ Котянъ; съ нимъ было еще нѣсколько хановъ, его подручниковъ. Никогда еще не видали русскіе князья половецкихъ хановъ въ такомъ положеніи: они въ страшной тревогѣ, смѣренno, даже униженно, съ поклонами просятъ Мстислава о помощи, приносить ему обильные дары.

— „Пришли на насъ, говорятъ они: лютые враги, разорили нашу землю. Помогите намъ, а не то они придутъ и къ вамъ и сдѣлаютъ съ вами то же!“

— „Кто такие эти враги?“ спрашивали князь и бояре.
Но половцы сами мало знали о врагахъ своихъ, могли разказать

только, что они пришли изъ-за Каспийского моря; что полчища ихъ многочисленны; что они храбры и люты въ бою, пощады никому не даютъ. Разсказали и о томъ, что они сначала побѣдили разныя кавказскія племена, а потомъ напали на половецкія степи, множество половцевъ побили, другихъ загнали за Донъ и за Днѣпръ. Больше ничего сообщить половецкіе ханы не могли.

— „Какъ же зовутся ваши враги?“ спрашиваютъ русскіе.

— „Зовутся они татарами“, отвѣчаютъ ханы.

Какъ быть? — Вступать въ борьбу съ невѣдомымъ врагомъ, или нѣть? Вопроѣ былъ важный,—касался онъ всей Русской земли. Мстиславъ порѣшилъ созвать въ Киевъ русскихъ князей на совѣтъ и сообща предпринять необходимыя мѣры. Понеслись гонцы во всѣ стороны съ тревожною вѣстью. Сѣхалось въ Киевѣ много князей: кромѣ Мстислава Мстиславича Удалого, были здѣсь Мстиславъ Романовичъ Киевскій съ сыномъ Всеволодомъ, Мстиславъ Святославовичъ Черниговскій съ сыномъ, Михаилъ Всеволодовичъ Черниговскій, Даниилъ Романовичъ Волынскій и многіе другіе.

Прибыли въ Киевъ и знатные половцы. Кланялись они тутъ всѣмъ русскимъ князьямъ, умоляли ихъ о помощи, дарили щедрые подарки: коней, верблюдовъ, быковъ, невольницъ... Одинъ изъ хановъ даже христіансскую вѣру принялъ, чтобы расположить къ себѣ русскихъ. Главный же ханъ Котянъ больше всего старался подѣйствовать на зятя своего, на Мстислава Удалого. Побудить къ войнѣ воинственного князя было, впрочемъ, и не трудно: у него и такъ горѣло уже сердце страстнымъ желаніемъ перевѣдаться съ храбрымъ и лютымъ врагомъ, творившимъ неправду и насилие, грозившимъ бѣдою всей Русской землѣ.

Долго толковали между собою на совѣтѣ русскіе князья.

— „Если мы, убѣждали ихъ Мстиславъ Удалой: не поможемъ теперь половцамъ, то они передадутся татарамъ и вмѣстѣ съ ними нападутъ на Русскую землю, хуже тогда будетъ.“

Рѣшено было итти навстрѣчу врагамъ.

— „Лучше намъ ихъ встрѣтить, порѣшили русскіе князья:— на чужой землѣ, чѣмъ на своей.“

Князья разѣхались,—торопясь снарядить поскорѣе войска. Съ наступленіемъ весны, съ апрѣля мѣсяца, потянулись со всѣхъ сторонъ полки: одниѣ хали на ладьяхъ, другіе на коняхъ, третьи шли пѣшкомъ. Днѣпръ былъ совсѣмъ покрытъ ладьями, такъ что воды не видно было, и можно было по ладьямъ перейти съ одного берега на другой. Отряды половцевъ тоже прибывали ежедневно. Сила собралась большая. Всѣ вѣрили въ успѣхъ и бодро двинулись въ половецкія степи.

Лѣто въ тотъ годъ было знойное; солнце невыносимо палило; дождя не выпадало ни капли; отъ засухи земля трескалась; лѣса и травы загорались...

Татары, провѣдавъ о томъ, что на нихъ идетъ большое русское ополченіе, послали сказать русскимъ князьямъ:

— „Слышишь, что идете вы противъ насъ, послушавшись половцевъ; а мы не трогаемъ ни вашей земли, ни городовъ вашихъ, ни сѣль. Не на-

вась мы пришли, но по Божьей волѣ пришли мы на холоповъ нашихъ, на поганыхъ половцевъ. Возьмите съ нами миръ. Придуть къ вамъ половцы,— бейте ихъ и добычу берите себѣ. Слышали мы, что они и вамъ много зла творятъ“.

Русскіе князья, по совѣту половцевъ, приказали избить татарскихъ пословъ и продолжали походъ. Когда русская рать подошла къ устью Днѣпра, во второй разъ явились татарские послы.

— „Послушались вы половцевъ, сказали они: — пословъ нашихъ избили. Мы васъ не трогаемъ, а вы идете противъ насъ,—пусть Богъ насть разсудитъ!“

Этихъ пословъ князья отпустили, не причинивъ имъ никакого зла.

Русская рать шла далѣе... Вдругъ разнеслась по всему войску вѣсть, что передовой (сторожевой) отрядъ завидѣлъ татаръ. Молодой Даниилъ Романовичъ понесся на своемъ борзомъ конѣ впередъ: сильно ему хотѣлось поскорѣе увидѣть невиданныхъ еще враговъ. За нимъ поскакало еще нѣсколько молодыхъ князей. Завидѣвъ толпу всадниковъ, передовой татарскій отрядъ скрылся.

Вернувшіеся съ развѣдки молодые князья говорили разно: однимъ татары казались — „простыми людьми“ и плохими воинами, а другіе утверждали, что они, татары, какъ по всему видно, — „настоящіе воины“. Молодымъ князьямъ и Мстиславу Удалому не терпѣлось: горѣли они желаніемъ поскорѣе схватиться съ врагомъ. Съ небольшимъ отрядомъ Мстиславъ переправился черезъ Днѣпръ, встрѣтилъ въ степи сторожевой отрядъ татаръ, напалъ на него и разбилъ. Воины Мстислава угнали множество рогатаго скота, который татары водили обыкновенно за собою. Этотъ успѣхъ ободрилъ русскихъ. Всѣ князья переправились черезъ Днѣпръ, десять дней шли по степи на востокъ, наконецъ, дошли до рѣки Калки. За рѣкою стояла вся сила татаръ.

Мстиславъ Удалой понадѣялся на свои силы, — не даль вѣсти Мстиславу Киевскому, съ которымъ не ладилъ, — думалъ, что и самъ безъ его помощи одолѣть татаръ. Онъ велѣлъ юному Даниилу Волынскому перейти черезъ рѣку, переправился и самъ.

Даниилъ первый ударили на татаръ, — отважно помчался впередъ и врубился въ толпу враговъ; за нимъ неслась другіе удальцы. Раненый въ грудь, онъ сгоряча не замѣчалъ своей раны и продолжалъ биться. Много татаръ было избито. Въ это время вступили въ бой и половецкія орды; на бѣду не выдержали онъ напора татаръ, смѣшались и побѣжали. Нестройныя, бѣгущія толпы половцевъ навалились на русскіе полки, которые не успѣли еще изготовиться къ бою. Все пришло въ смятеніе! Съ дикими криками со всѣхъ сторонъ налетали конные отряды татаръ на нестройную толпу половцевъ и русскихъ и множество ихъ избили. Никто не зналъ, что дѣлать, куда итти. Пѣши, конные, телѣги — все перемѣшалось. Устоять нельзѧ было. Повернулъ Даниилъ своего коня къ рѣкѣ. Жажда мучила князя; припалъ онъ къ водѣ. Тутъ только почувствовалъ свою рану, оглянулся, увидѣлъ, что все бѣжитъ въ разныя стороны, — и понялъ, что дѣло проиграно, что ничего не остается и ему, кроме бѣгства... Бѣжалъ и Мстиславъ Удалой, — бѣжалъ

въ первый разъ отъ роду! Татары гнались до самаго Днѣпра за бѣгущими русскими. Множество ихъ погибло. Шесть князей было убито. Мстиславъ Мстиславичъ съ остатками войска переправился чрезъ Днѣпръ и велѣлъ изрубить и скечь всѣ лодки, чтобы затруднить переправу татарамъ.

Мстиславъ Романовичъ стоялъ въ то время станомъ съ подручными князьями на каменной горѣ, неподалеку отъ мѣста битвы. Увидѣлъ онъ съ высоты бѣгство русскихъ, но самъ не тронулся съ мѣста, не помогъ имъ и думалъ, видно, своими силами отбиться отъ враговъ; велѣлъ укрѣпить станъ, окружить его валомъ и колышами. Три дня отбивался онъ отъ татаръ... Тогда они пустились на хитрость: начальникъ надъ бродниками, приставшимъ къ татарамъ, клялся князю и цѣловалъ крестъ, что татары не причинятъ вреда русскимъ, отпустятъ ихъ за выкупъ. Мстиславъ ясно видѣлъ, что ему не отбиться отъ враговъ, и согласился, наконецъ, сдаться. Жестоко поплатились русские за довѣрчивость своего вождя: лишь только татары заняли укрѣпленіе, тотчасъ же перебили всѣхъ бывшихъ тамъ русскихъ воиновъ, а князей, свя- завши ихъ по рукамъ и ногамъ, положили на землю, навалили на нихъ доски и сами сѣли на доскахъ пировать. Несчастные плѣнники были раздавлены!

Татары шли дальше, предавая все огню и мечу. Напрасно жители нѣкоторыхъ городовъ съ покорностью выходили навстрѣчу имъ, — всѣхъ избивали лютые враги безъ пощады. Ужасъ охватилъ всю Русскую землю. Не дошедъ до Киева верстъ около ста, полчища татаръ повернули неожиданно назадъ и скрылись въ азіатскихъ степяхъ столь же быстро, какъ появилась. Все стихло.

Разсказавъ о несчастной битвѣ на Калкѣ (16-го іюня 1224 года), лѣтописецъ смиренно прибавляетъ:

„Совершилось это съ нами за грѣхи наши. Богъ наслалъ на насъ неразуміе; людей погибло безъ числа; были вопли, стоны и печаль по всѣмъ городамъ и волостямъ. Этихъ злыхъ татаръ мы и не знаемъ. Откуда они пришли на насъ, куда дѣлись потомъ, — только Богъ про то вѣдастъ!“...

Татары.

У иноземныхъ писателей сохранилось больше свѣдѣній о татарахъ, чѣмъ у нашего лѣтописца. Въ азіатскихъ степяхъ, къ сѣверу отъ Китая, издавна кочевали орды татаръ, народа монгольского племени. Были они небольшого роста, широкоплечи, коренасты, съ большими головами, которыхъ они брили. Ихъ широкія, смѣглыя и скуластыя лица, съ небольшими узкими глазами, казались нашимъ предкамъ отвратительными и страшными. Занимались татары скотоводствомъ; у нихъ было множество разнороднаго скота: верблюдовъ, быковъ, особенно же овецъ и лошадей. Были татары всяко мясо и жидкую кашу изъ проса, — брали куки пищи нечистыми руками, обтирали ихъ о свои кафтаны, сапоги или траву. Любимымъ напиткомъ ихъ былъ кумысъ (лошадиное молоко). Владѣя огромными стадами, они не оставались долго на одномъ и томъ же мѣстѣ, а безпрестанно перекочевывали съ пастбища на пастбище, съ реки на реку. Городовъ и прочныхъ постоянныхъ жилищъ поэтому они не строили, а жили въ круглыхъ юртахъ (кибиткахъ), сплетенныхъ изъ хво-

росту и покрытыхъ войлокомъ. Посрединѣ юрты разводили огонь; дымъ отъ него уходилъ въ отверстіе, бывшее наверху. Такія юрты легко разбирались, когда надо было, а то и неразобранныя ставились на телѣги и перевозились на другое мѣсто.

Мужчины у татаръ обыкновенно присматривали за стадами. Люблили они тѣшиться верховой Ѣздою и стрѣльбою изъ лука. Стрѣлки и наѣздники они были превосходныe. Дѣти у нихъ съ малыхъ лѣтъ уже Ѣздили верхомъ и пускали стрѣлы въ цѣль. Они сами собою пріучались къ войнѣ, потому что круглый годъ проводили на охотѣ. Дѣвушки и женщины тоже Ѣздили верхомъ и хорошо владѣли луками, притомъ были очень трудолюбивы, — все хозяйство лежало на ихъ рукахъ: они стряпали, шили платье, сапоги, чинили телѣги, вьючili верблюдовъ. У татаръ было многоженіе: каждый имѣлъ столько женъ, сколько могъ содержать.

Пока татары дробились на мелкія орды, они могли тревожить своихъ сосѣдей только такими набѣгами, какъ набѣги печенѣговъ и половцевъ на Русскую землю. Орды татаръ часто враждовали между собою; постоянныe усобицы ослабляли ихъ, и потому они не были особенно опасны для сосѣднихъ народовъ; но въ концѣ XII вѣка дѣло измѣнилось. Между татарскими ханами явился необыкновенный человѣкъ. Это былъ Темуджинъ. Уже вѣнчаниемъ видомъ своимъ онъ рѣзко отличался отъ всѣхъ своихъ соплеменниковъ: огромнаго роста, съ широкимъ лбомъ и длинной бородой, властолюбивый и необычайно мужественный, Темуджинъ обладалъ непреклонной твердой волей и былъ безпощадно жестокъ. Когда, послѣ смерти его отца, нѣкоторые изъ подвластныхъ хановъ хотѣли отложитьсь, онъ разбилъ мятежниковъ и въ семидесяти огромныхъ котлахъ велѣлъ сварить главныхъ виновниковъ возстанія. Послѣ того никто изъ подчиненныхъ не смѣлъ ему противиться. Ханы различныхъ татарскихъ ордъ частію добровольно, частію отъ страха покорились ему. Подчинивъ себѣ силою тѣхъ хановъ, которые не хотѣли добровольно признать его своимъ владыкою, Темуджинъ въ 1206 г. собралъ подручныхъ князей (хановъ), и клялся дѣлить съ ними все горькое и сладкое въ жизни. Преданіе говорить, что какой-то старецъ-отшельникъ неожиданно явился въ собраніе хановъ и пророчески возвѣтилъ, что Богъ отдастъ Темуджину подъ власть всю землю, и потому онъ долженъ именоваться Чингизъ-ханомъ (т.-е. великимъ ханомъ). Темуджинъ принялъ этотъ титулъ.

Съ этого времени начались завоеванія татаръ.

— „Какъ на небѣ существуетъ одно солнце, такъ на землѣ долженъ быть одинъ властелинъ, а всѣ другіе независимые властители и государства, не признавая его власти, тѣмъ самыемъ оскорбляютъ волю неба и должны быть наказаны“. Такого взгляда держался Чингизъ-ханъ.

Вся среднеазіатская степь, сѣверный Китай, Бухара, Туркестанъ испытали на себѣ силу страшной орды и должны были признать надъ собою власть Чингизъ-хана. Войска монгольскія обогнули южный берегъ Каспійскаго моря, вошли на Кавказъ, въ Грузію, затѣмъ проникли въ степь Потловецкую. Вотъ съ этими-то полчищами, бывшими подъ начальствомъ двухъ вождей — Чепе и Субудая, — и пришло русскимъ встрѣтиться на рекѣ Калкѣ.

Татары представляли могучую военную силу. Они безпрекословно повиновались своимъ начальникамъ; ни одинъ народъ въ мірѣ не отличался такимъ послушаніемъ и уваженіемъ къ начальникамъ своимъ, какъ татары. Чингизъ-ханъ далъ имъ строгое военное устройство. Надъ каждымъ десяткомъ человѣкъ былъ свой начальникъ—десантникъ; надъ десятью десятниками начальствовалъ сотникъ, надъ десятью сотниками—тысячникъ, надъ десятью тысячниками особый начальникъ—темникъ. Сторожевые отряды назывались караулами.—Бѣглецы съ поля битвы (если только не все войско бѣжало) предавались смерти. Если изъ десятка одинъ или нѣсколько храбро бились, а остальные не слѣдовали ихъ примѣру, то послѣднихъ умерщвляли. Если изъ десятка одинъ или нѣсколько попадали въ плѣнъ, товарищи, не освободившіе ихъ, также предавались смерти. Понятно, что, при такихъ жестокихъ военныхъ обычаяхъ, татары поневолѣ отчаянно бились.

Каждый татаринъ долженъ былъ имѣть лукъ, колчанъ со стрѣлами, топоръ и веревки, чтобы тащить осадные машины. Богатые, кромѣ того, имѣли сабли, копья, брони, шлемы, лошадей. Нѣкоторые дѣлали брони для себя и лошадей изъ кожи. Щиты у многихъ были хворостяные. На всемъ скаку могли наѣздники очень мѣтко пускать стрѣлы. Ведя постоянная войны при Чингизъ-ханѣ, татары научились брать укрѣпленные города, имѣли стѣно-битныя и метательныя машины.

Необычайна была выносливость татаръ: легко сносили они голодъ и жажду, стужу и палящій зной. Притомъ, по словамъ древняго персидскаго историка, — „у нихъ было львиное мужество, собачье терпѣніе, хитрость лисицы, хищность волка“.

Вступая въ непріятельскую землю, они посыпали передовыя легкіе отряды, которые не пустошили страны, а старались только избить какъ можно больше людей. За ними шло цѣлое войско, которое безпощадно истребляло все на пути. При встрѣчѣ съ непріятелемъ, передовой отрядъ татаръ пускалъ въ него стрѣлы и, если видѣлъ, что не справиться съ врагомъ, обращался въ бѣгство, чтобы заманить непріятеля къ засадѣ. Прямо на врага они посыпали обыкновенно войска изъ покоренныхъ племенъ, а отряды самыхъ храбрыхъ татарскихъ наѣздниковъ шли въ обѣзѣдь направо и налево, въ дальнемъ разстояніи, чтобы потомъ внезапно окружить непріятеля и напасть на него со всѣхъ сторонъ. Если непріятель упорно сражался и одолѣть его оказывалось не подъ силу, тогда татары всѣмъ войскомъ обращались въ бѣгство и поражали преслѣдующаго врага стрѣлами. Неохотники они были до рукопашного боя, — старались сперва перебить и переранить стрѣлами какъ можно болѣе лошадей и людей, и тогда уже, увѣренные, что легко одолѣютъ ослабленаго непріятеля, вступали съ нимъ въ рукопашную схватку. — Татары между собою были честны (воровъ у нихъ не было, и потому ихъ юрты, или кибитки, не запирались), другъ съ другомъ были обходительны, помогали одинъ другому въ нуждѣ; но къ чужимъ, особенно къ врагамъ, они относились совершенно иначе; здѣсь допускали обманъ, ко-варство и крайнюю жестокость. Убить человѣка имъ ничего не стоило. Плѣнныхъ они избивали иной разъ такимъ образомъ: сотники раздавали ихъ

своимъ людямъ по 10 человѣкъ на каждого, и тѣ рубили несчастныхъ топорами или разстрѣливали стрѣлами. Безпощадны они были особенно къ знатнымъ. Чингизъ-ханъ постановилъ законъ: не давать пощады ни имѣнію ни жизни врага. Изъ жителей покоренного города татары щадили только тѣхъ, кто зналъ какое-либо полезное для нихъ ремесло, да сильныхъ молодыхъ людей, которыхъ обращали въ рабовъ.

Нашествіе татаръ на сѣверную Русь.

Казалось бы, несчастное побоище на Калкѣ должно было заставить князей русскихъ одуматься, собраться съ силами, чтобы въ случаѣ новаго нападенія татарскихъ полчищъ дать имъ сообща мужественный отпоръ, спасти отъ лютости ихъ Русскую землю. Къ несчастію, князья обѣ этомъ вовсе и не помышляли: каждый только и думалъ о самомъ себѣ. Начались снова и на югѣ и на сѣверѣ безконечныя ссоры, смуты и усобицы; въ Новгородѣ происходили попрежнему народныя волненія.

Необычайныя явленія въ природѣ пугали суевѣрный народъ,—предѣщали, по его мнѣнію, страшныя бѣды... Явилась на небѣ огромная звѣзда (комета), съ виду похожая на копье. Затѣмъ началась такая засуха, какой никто изъ самыхъ старыхъ людей не помнилъ: лѣса, болота воспламенялись; густыя облака дыма закрывали солнце; гарью былъ пропитанъ воздухъ; птицы мертвыя падали на землю. Припоминали сказанія, что при Всеволодѣ I было на Руси такое же лѣто, и Русская земля страдала тогда и отъ нападеній враговъ, и отъ голода, и отъ язвы. Въ 1230 году прошло землетрясеніе по всей Русской землѣ. Особенно сильно было оно на югѣ: каменные церкви разсыпались. 3-го мая, когда праздновали въ Киево-Печерской лаврѣ память св. Феодосія, во время самой обѣди, гдѣ присутствовали князь, бояре и митрополитъ, всѣ почувствовали вдругъ сильный подземный ударъ. Трапезница, гдѣ стояло уже кушанье для монаховъ и гостей, разсыпалась, и кирпичи изъ свода падали на столъ. Десять дней спустя, произошло солнечное затменіе; небывалыя разноцвѣтныя облака пробѣгали по небу; показалось какое-то огненное облако. Суевѣрный народъ пришелъ въ ужасъ. Многіе плакали, молились, каялись въ грѣхахъ, просили другъ у друга прощенія, прощались, ждали смерти, думали, что наступаетъ свѣтопреставленіе...

Въ томъ же году въ Новгородѣ былъ голодъ и моръ. За четверть ржи приходилось платить гривну серебра и больше. Бѣдные щели мохъ, липовую кору, собакъ, кошекъ... Чернь, обезумѣвшая отъ голода, поджигала дома зажиточныхъ людей, имѣвшихъ запасы хлѣба, и грабила ихъ. Нѣсколько десятковъ тысячъ людей погибло отъ голода и болѣзней. На улицахъ, на площади, на мосту голодныя собаки терзали непогребенныхъ тѣлъ. Родители, чтобы не слышать воплей дѣтей своихъ, отдавали ихъ чужеземцамъ въ рабство.

— „Не было у людей жалости, говорить лѣтописецъ:— казалось, что отецъ сталъ чужимъ для сына, дочь для матери. Сосѣдъ сосѣду не хотѣлъ уломить куска хлѣба!“

Кто могъ, бѣжалъ въ другія области. Но бѣствіе было тогда по всей Русской землѣ, кромѣ Киева; въ одномъ Смоленскѣ, тогда очень многолюд-

номъ, умерло около тридцати тысячъ людей. Весною слѣдующаго года вдовавокъ губительный пожаръ опустошилъ Новгородъ. Казалось, пришелъ ему конецъ. Къ счастію, нѣмцы изъ-за моря привезли хлѣбъ, и такимъ образомъ голодъ въ Новгородѣ прекратился, и жители стали мало-по-малу оправляться.

Такимъ образомъ одна бѣда за другою обрушивалась на Русскую землю; но самое горшее было еще впереди.

Въ 1227 году умеръ Чингизъ-ханъ. Великимъ ханомъ провозглашенъ былъ сынъ его Угедей. Новый властелинъ отправилъ племянника своего Батыя съ огромнымъ полчищемъ на западъ для покоренія странъ къ ѿверу и западу отъ Каспійскаго моря.

Въ началѣ зими 1237 г. двинулъ Батый свои безчисленныя полчища на болгаръ (жившихъ по Волгѣ). Столица ихъ была обращена въ пепель, жители беспощадно избиты. Сквозь густые лѣса татары вступили въ южную часть Рязанской области.

Они послали требовать у рязанскихъ князей покорности и десятины (т.-е. десятой части) всего имѣнія ихъ. Князья отвѣтили посламъ:

— „Когда изъ насъ никого не останется въ живыхъ, тогда возьмите все!“

Послали князья во Владимиръ къ великому князю Юрію просить помощи; но ему надо было еще собрать войско. (Есть въ одной лѣтописи сказаніе, что рязанскій вел. князь послалъ сына своего Феодора къ Батыю съ дарами. Феодоръ былъ умерщвлѣнъ, а жена его, прекрасная Евпраксія, узнавъ о гибели любимаго мужа, не хотѣла пережить его и покончила самоубіствомъ, — бросилась съ младенцемъ своимъ съ высокаго терема.)

Батый двинулся къ Рязани; на пути татары разорили города: Пронскъ, Бѣлгородъ и другіе, безъ милосердія избивая людей; 16-го декабря осадили Рязань и устроили вокругъ города тынъ, или острогъ, чтобы скрываться отъ русскихъ стрѣль. Могъ ли устоять городъ противъ враговъ, когда ихъ было во сто разъ больше, чѣмъ защитниковъ? Всѣ защитники города должны были безотлучно находиться на стѣнахъ, ожидая съ часу на часъ приступа, а татарскіе отряды, стоявшіе подъ городомъ, могли смѣяться и дратиться со свѣжими силами. Пять дней татары томили осажденныхъ постоянной тревогой и поражали ихъ стрѣлами; на шестой, 21-го декабря, подошли къ стѣнамъ города, начали бить ихъ стѣнобитными машинами, бросать въ городъ огонь, и зажгли крѣпость. Сквозь дымъ и огонь ворвались они въ городъ. Никому не давали пощады: князь, его супруга, мать, бояре, народъ погибли.. Хищники распинали плѣнниковъ или разстрѣливали ихъ стрѣлами, связывали руки; грабили церкви, оскверняли ихъ. Весь городъ съ окрестными монастырями былъ обращенъ въ груду развалинъ и пепла. Нѣсколько дней продолжались дикия убийства.

Въ нѣкоторыхъ лѣтописяхъ есть любопытное сказаніе о подвигѣ одного рязанскаго боярина — Евпатія Коловрата. Узнавъ о нападеніи татаръ, онъ спѣшилъ на родину, чтобы принять участіе въ оборонѣ; но было уже поздно: предъ нимъ были только пепелища да трупы избитыхъ людей. Пылая чувствомъ мести, Евпатій съ 1700 воиновъ пустился вдогонку за врагами, нагналъ ихъ

и неожиданнымъ нападеніемъ смялъ ихъ заднѣ отряды. У татаръ поднялся страшный переполохъ. Нѣкоторымъ изъ нихъ почудилось, будто избитые рязанцы возстали на нихъ. Батый спросилъ у взятыхъ въ плѣнъ, кто они такие.

— „Слуги князя рязанскаго, отвѣчали они: полку Евпатіева. Намъ вѣльно съ честью проводить тебя, какъ русскіе провожаютъ отъ себя ино-племенниковъ, — стрѣлами и копьями!“

Долго татары не могли управляться съ Евпатіемъ и его удальцами. Онъ былъ, по преданію, настоящій богатырь: громаднаго роста и непомѣрной силы; своимъ тяжелымъ мечомъ избиль онъ много враговъ, — однихъ перерубалъ пополамъ, другихъ разсѣкалъ вдоль до самаго сѣда. Тысячи татаръ побито было имъ и его дружиной.

Евпатій и смѣлая дружина его, конечно, погибли; немногіе изъ нихъ попали въ плѣнъ. Батый, говорить сказаніе, уважая такое рѣдкое мужество, вѣлько освободить ихъ.

Одинъ городъ за другимъ гибли подъ ударами свирѣпыхъ враговъ... Сузdalская рать, шедшая на помощь рязанцамъ, была разбита; взята и разрушена Коломна, сожжена Москва. Здѣсь попалъ въ плѣнъ врагамъ второй сынъ Юрія — Владимиръ. Пришелъ въ ужасъ великий князь Юрій, когда услыхалъ о новыхъ побѣдахъ и неистовствахъ татаръ: тутъ только увидѣлъ онъ, что приходится имѣть дѣло съ могучимъ и страшнымъ врагомъ. Поручилъ онъ защиту Владимира двумъ сыновьямъ своимъ, Всеволоду и Мстиславу, а самъ съ небольшою дружиною удалился въ Ярославскую область, расположился становомъ на берегахъ Сити и сталъ поспѣшно отовсюду собирать къ себѣ войско.

2-го февраля подступили татары къ стѣнамъ Владимира. Ужаснулся народъ, увидѣвъ огромное полчище враговъ. Князья Всеволодъ и Мстиславъ и воевода ободряли жителей. Небольшой конный отрядъ татаръ подѣхалъ къ Золотымъ воротамъ, и посланные Батыемъ люди спросили:

— „Здѣсь ли великий князь, или нѣть?“

Вмѣсто отвѣта со стѣнъ было пущено нѣсколько стрѣль.

— „Не стрѣляйте!“ кричали изъ татарскаго отряда.

Затѣмъ татары выставили впередъ взятаго въ плѣнъ князя Владимира Юрьевича и спросили:

— „Узнаете ли вашего князя?“

Изможденного, исхудалаго Владимира трудно было узнать. Заплакали отъ горя братья его и воины, когда наконецъ признали его. Всеволодъ и Мстиславъ порывались немедля выйти изъ города и ударить на татаръ въ открытомъ полѣ.

— „Умремъ, — говорили они дружинѣ: — но умремъ съ честью и въ полѣ!“

Опытный воевода Петръ сдерживалъ ихъ: надѣялся онъ, что великий князь соберетъ войско и подоспѣеть вѣ-время на выручку своей столицы.

Часть войска Батыева отправлена была къ Суздалю. Городъ этотъ былъ скоро взятъ. Нѣмного спустя та же участъ постигла и Владимира. Татары окружили его стѣны, установили свои пороки (стѣнобитныя машины) и стали громить городъ. 6-го февраля начали готовиться къ приступу. Князья и бояре вполнѣ сознавали, что спасенія нѣть, что имъ не совладать съ безчислен-

ными полчищами враговъ; но унижаться и просить мира они считали постыднымъ да и бесполезнымъ: имъ хорошо было известно, что татары никому пощады не даютъ. Оставалось одно — умереть, обороняя родныя стѣны. Князья и нѣкоторые бояре постриглись въ иноческое и приготовились къ смерти. 7-го февраля, въ воскресенье, начался приступъ; ворвались татары въ городъ у Золотыхъ воротъ и съ сѣверной стороны отъ рѣчки Лыбеди и еще въ нѣсколькихъ мѣстахъ. Князья съ дружиною укрылись въ Старый или Печорный городъ, а епископъ Митрофанъ, великая княгиня, супруга Юрия, съ дочерью, внуками, снохами, съ боярами и многими изъ жителей, заперлись въ главной соборной церкви. Татары отбили, наконецъ, церковную дверь, ворвались во храмъ, и начался грабежъ. Драгоценные камни, золото, серебряные сосуды, ризы съ иконъ, древнія княжескія одежды, которыя хранились въ церкви, — все попало въ руки хищниковъ. Татары зажгли ее. Епископъ громко молился и благословляя всѣхъ несчастныхъ, осужденныхъ погибнуть въ пламени. Одни погибли отъ огня, другіе задохлись отъ дыма. Жители отъ старого до малаго были безпощадно избиваемы; тѣ немногіе, которыхъ хотѣли татары увести въ рабство и тащили за собой босыхъ и нагихъ, гибли отъ стужи и болѣзней.

Князья Всеволодъ и Мстиславъ, видя, что никакой возможности нѣть отразить татаръ, отважились съ небольшимъ отрядомъ пробиться сквозь полчище враговъ, и оба погибли въ бою.

Послѣ того татары раздѣлились на нѣсколько отдѣльныхъ отрядовъ: одни пошли къ Ростову и Ярославлю, другіе на — Галич и Городецъ. Переяславль, Юрьевъ, Дмитровъ и др. были взяты. Въ одинъ февраль мѣсяцъ татары овладѣли четырнадцатью городами, кромѣ множества слободъ и деревень.

Великій князь Юрий стоялъ въ это время съ войскомъ на рѣкѣ Сити. Когда ужасная вѣсть о гибели столицы и семьи дошла до князя, онъ, по словамъ лѣтописца, зарыдалъ...

— „Господи, проговорилъ онъ: развѣ пришелъ для меня конецъ Твоему милосердію?! Лучше мнѣ умереть, чѣмъ жить на этомъ свѣтѣ. Ради чего останусь жить?“

Но мужество не покинуло его: онъ рѣшился вступить въ бой съ врагомъ. Отрядъ, посланный на разведку, вернулся съ вѣстью, что татарскіе полки уже обходятъ русскихъ. Юрий, братъ его Святославъ и племянники изготовили войско къ бою.

Словно грозныя тучи надвинулись полчища татаръ со всѣхъ сторонъ на русскую рать... Закипѣлъ кровавый бой... Отчаянно бились русскіе, направляли они всѣ силы, — бились на смерть... Все было напрасно! татары одолѣли: ихъ и числомъ было больше, и въ военномъ дѣлѣ у нихъ было больше споровъ, чѣмъ у русскихъ воиновъ, изъ которыхъ многіе держали и оружіе въ рукахъ первый разъ въ жизни. Въ этой несчастной битвѣ, 4-го марта, былъ убитъ и великий князь, и множество воиновъ. — Одинъ изъ племянниковъ вел. князя Василько попался въ пленъ. Татары предлагали ему перейти на ихъ сторону и помочь имъ въ походѣ своими указаніями... Василько съ негодованіемъ отвѣтилъ, что онъ не можетъ быть заодно съ лютыми кровопийцами и врагами отечества. Татары его убили.

Полчища Батыя направились къ Новгороду. Слышали хищники много о богатствахъ его. Взяли они Волокъ-Ламскій, Тверь и подступили къ Торжку. Дѣлъ длилась осада. Жители оборонялись мужественно, — надѣялись, что новгородцы вѣ-время подоспѣютъ на помощь и выручать ихъ изъ бѣды. Но помощь не приходила. Городъ былъ взятъ и жители безпощадно истреблены. Двинулись татары дальше, уничтожая все на пути, „кося людей, по выражению лѣтописи, какъ траву“. Около ста верстъ оставалось врагамъ до Новгорода, но они неожиданно повернули назадъ. Дѣло въ томъ, что наступала весна; начиналось весеннее половодье рѣкъ и озеръ. Новгородская область изобиловала рѣками, озерами и болотами, и потому татарамъ приходилось безпрестанно устраивать переправы. И въ наше время очень нелегкое дѣло устраивать ихъ, особенно для многочисленнаго войска, а для татаръ это было гораздо труднѣе. Если нельзѧ было перейти въ бродъ, то переправлялись они черезъ рѣки обыкновенно такъ: дѣлали большие кожаные мѣшкы, набивали ихъ сѣномъ или клали въ нихъ одежду, сгоняли лошадей въ воду, къ хвостамъ ихъ привязывали мѣшкы, и на нихъ, какъ на плотахъ, переправлялись. Понятно, что, при широкомъ разливѣ рѣкъ и быстромъ теченіи ихъ, такой способъ переправы былъ очень опасенъ; кромѣ рѣкъ, въ Новгородской области на пути татарамъ безпрестанно встрѣчались бы и широкія озера, и вязкія болота. Притомъ степняки привыкли къ степному сухому воздуху, и сырость порождала между ними болѣзни. Такимъ образомъ природныя свойства Новгородской области спасли Новгородъ отъ татарскаго погрома.

На возвратномъ пути упорное сопротивленіе татарамъ оказалъ городъ Козельскъ. Семь недѣль Батый ничего не могъ сдѣлать. Жители рѣшились умереть, но не сдаваться татарамъ.

— „Хотя князь нашъ и молодъ, сказали они: но положимъ жизнь свою за него: и на землѣ славу пріобрѣтемъ, и на небѣ вѣнцы небесные получимъ!“

Послѣ долгихъ усилій татары, наконецъ, разбили городскія стѣны и ворвались въ городъ; но и тутъ жители отчаянно рѣзались съ врагомъ. Часть ихъ вышла изъ города, напала на татарскіе полки и перебила болѣе 4000 враговъ. Горсть этихъ смѣльчаковъ была вся истреблена. Ханъ въ яности приказалъ избить въ городѣ всѣхъ безъ различія: и женщинъ и младенцевъ. Кровь лилась потоками. Татары прозвали Козельскъ „Злымъ городомъ“. Молодой князь Козельскій (по имени Василий) пропалъ безъ вѣсти; нѣкоторые говорили, будто онъ утонулъ въ крови.

По взятии Козельска, Батый съ полчищами своими двинулся въ половецкія степи. Половецкій ханъ былъ разбитъ и удалился съ остатками своего народа въ Венгрию, гдѣ получилъ земли для поселенія.

Нашествіе татаръ на Южную Русь.

Въ слѣдующемъ 1239 году татары совершили нашествіе на Южную Русь. Пошли они тѣмъ же путемъ, какимъ обыкновенно дѣлали свои набѣги половцамъ.

Взять былъ городъ Переяславль и опустошены. Церковь св. Михаила, великолѣпно украшенная золотомъ и серебромъ, была разграблена и разрушена до основанія. Большая часть жителей безпощадно истреблена... Затѣмъ

татары осадили Черниговъ, но здѣсь встрѣтили сильный отпоръ. Городъ стоялъ на высокомъ берегу рѣки Десны, и жители отчаянно оборонялись, поражали непріятелей съ высоты большими камнями. Наконецъ, татары осилили; сожгли Черниговъ и направились къ Киеву. Батый слышалъ давно уже о богатствѣ и красотѣ древней русской столицы. Онъ послалъ съ передовымъ отрядомъ своего родича Менгу, внука Чингизъ-хана, осмотрѣть Киевъ. Увидаль Менгу городъ съ лѣвой стороны Днѣпра.

На противоположномъ крутомъ берегу величественнаго Днѣпра красовался городъ. Гористый и обрывистый берегъ съ его лѣсами и садами, бѣльющія стѣны, сверкающія главы многочисленныхъ церквей,—все это вмѣстѣ представляло необыкновенно красивую картину. Менгу, по словамъ лѣтописца, не могъ надивиться красотѣ мѣстоположенія древней русской столицы...

Въ 1240 году Батый явился подъ Киевомъ. Несметная полчища татаръ со всѣхъ сторонъ облегли городъ. Отъ скрипа безчисленныхъ телѣгъ, рева верблюдовъ, мычанія быковъ, ржанія лошадей и свирѣпыхъ криковъ татаръ такой гуль стоялъ надъ Киевомъ, что, по словамъ лѣтописца, жители, разговаривая между собой, едва могли слышать другъ друга. Киевъ тогда былъ въ рукахъ Даниила Романовича Галицкаго, но самого князя въ городѣ не было. Для защиты его былъ оставленъ воевода Димитрій. Отъ одного взятаго въ плѣнъ татарина онъ узналъ, что Батый стоитъ подъ стѣнами Киева со всѣми важнѣшими своими ханами, и что вражьей рати нѣть числа. Но русскій воевода выказалъ замѣчательную неустрашимость: онъ рѣшился защищать городъ до послѣдней крайности. Татары съ той стороны города, где лѣсъ близко примыкалъ къ городскимъ воротамъ (Лядскимъ), день и ночь били стѣны стѣнобитными орудіями (пороками). Наконецъ, стѣны рухнули, и татары ворвались въ городъ. Тучи стрѣлъ летѣли на защитниковъ города. Загорѣлся отчаянный рукопашный бой... Трескъ ломающихся копій, стукъ щитовъ, лязгъ мечей и сабель, дикіе вопли татаръ, стоны раненыхъ, полираемыхъ ногами, крики сражающихся,—все это вмѣстѣ сливалось въ тяжелый, страшный гуль. Къ вечеру татары овладѣли стѣною. Утомленные мужественнымъ сопротивленіемъ, остановились они на отдыхѣ. За ночь русскіе устроили наскоро тынъ вокругъ Десятинной церкви и готовились снова къ борьбѣ. Множество жителей съ пожитками своими заперлись въ самой церкви. Спасенія не было... Но никто и не думалъ умолять лютаго врага о пощадѣ. Воевода Димитрій, страдая отъ раны, мужественно готовился къ новому бою. Утромъ татары начали битву. Слабая, наскоро устроенная ограда не долго сдерживала ихъ напоръ; но русскіе были такъ отчаянно, что татары, хотя и достигли до церкви, но устали весь путь своими трупами. Димитрій былъ схваченъ татарами. Батый, безпощадно истреблявшій плѣнныхъ, уважалъ воинскую доблесть, и мужественному воеводѣ была дарована жизнь.

Нѣсколько дней дикіе побѣдители торжествовали свою побѣду. Совершились всевозможные ужасы истребленія и разрушенія. Древній Киевъ исчезъ, и исчезъ навѣки! Десятинный храмъ былъ разрушенъ до основанія. Та же участъ постигла Печерскую лавру и другія зданія. (Хотя впослѣдствіи Печерская

лавра и была возстановлена, но, по словамъ позднѣйшаго лѣтописца, прежнєе строеніе лавры было величественнѣе и красивѣе, чѣмъ новое).

Вѣсть о гибели Киева нагнала страхъ и на западныхъ сосѣдей. Даниль Галицкій послѣдний въ Венгрію просить помощи. Батый шелъ дальше на западъ. Города—Каменецъ, Владимиръ, Галичъ и много другихъ были взяты, разграблены и разорены. Тогда плѣній Димитрій, по словамъ лѣтописи, желая спасти русскія земли отъ окончательной гибели, сталъ говорить Батью:

— „Будеть тебѣ здѣсь воевать; время ити на венгровъ. Если станешь еще медлить, то тамъ соберутся съ силами и не пустятъ тебя въ свою землю!“

Батый, конечно, и самъ это понималъ, и двинулъся къ венгерскимъ границамъ.

Ужасъ охватилъ Западную Европу, когда разнеслась повсюду грозная вѣсть о приближеніи татарскихъ полчищъ. Разсказы о жестокостяхъ ихъ на Руси, о свирѣпой кровожадности ихъ разносились по всей Германіи. Суевѣрны и невѣжественны были тогда европейцы: рассказывали, будто войско татаръ такъ громадно, что занимаетъ пространство на двадцать дней пути въ длину и на пятнадцать въ ширину; будто огромные табуны дикихъ лошадей слѣдуютъ за полчищемъ татаръ; будто татары вышли прямо изъ ада, ужасны своимъ наружнымъ видомъ и не похожи на другихъ людей...

Германскій императоръ (Фридрихъ II) разсыпалъ повсюду воззванія, чтобы всѣ вооружались и готовились къ отпору.

„Настало время, писалъ онъ: пробудиться отъ сна! Лежить уже сѣкира при деревѣ, и по всему свѣту разносится вѣсть о врагѣ, который грозитъ гибелю всему христіанству. Давно уже слышали мы объ ужасномъ врагѣ, но считали опасность далекою, такъ какъ между врагомъ и нами было столько храбрыхъ народовъ и князей. Теперь, когда одни изъ этихъ князей погибли, а другіе обращены въ рабство, настала пора стать всему христіанству противъ свирѣпаго врага“.

Но воззваніе это не привело ни къ чему: въ это время и въ Германіи не было единодушія; императоръ сильно враждовалъ тогда съ папою; а безъ благословенія его многіе подчиненные императору князья и бароны не хотѣли ити въ походъ.

Весною 1241 года перешелъ Батый Карпаты, разбилъ венгерскаго короля, потомъ поразилъ двухъпольскихъ князей. Затѣмъ татары вторглись въ Силезію; здѣсь разбили герцога силезскаго. Путь въ Германію былъ открытъ. Спасли ее войска чешскаго короля. При осадѣ города Ольмюца въ первый разъ татары потерпѣли пораженіе; разбили ихъ здѣсь чешскій воевода Ярославъ изъ Штернберга. Послѣ этого орды татаръ скоро отхлынули снова на востокъ, и Западная Европа была спасена. Весь тяжкій гнетъ дикой орды пришлось выдержать только нашему отечеству!...

Ужасное зрѣлище представляла Русская земля послѣ татарскаго погрома. Словно моровая язва, землетрясеніе и лютые пожары—всѣ вмѣстѣ свирѣпствовали здѣсь... Груды обгорѣвшихъ развалинъ вмѣсто городовъ и сѣль, бѣлью-

щія кости непогребенныхъ людей, поля, заросшія сорной травой,— вотъ что представляла Русская земля въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ проходили дикія орды татаръ!

Когда мы проѣзжали по Русской землѣ, говорить путешественникъ (Плано-Карпини), видѣвшій ее чрезъ пять лѣтъ послѣ татарскаго погрома: то видѣли безчисленное множество череповъ и костей человѣческихъ въ степи. Киевъ былъ прежде и великъ и многолюденъ, а нынѣ въ немъ едва ли 200 домовъ.“

Многіе храбрые князья пали въ битвахъ, другіе скитались въ чужихъ краяхъ,— искали помощи у иноземныхъ государей и не находили. Запустѣла земля Русская. Сотни тысячъ людей были избиты, десятки тысячъ уведены въ плѣнъ. Рѣдкая мать, оставшаяся въ живыхъ, не оплакивала участіи своихъ дѣтей, или погибшихъ въ бою, или замученныхъ татарами, или уведенныхъ въ тяжелую неволю. Успѣвшіе скрыться отъ свирѣпости враговъ хотя и возвращались на родныя пепелища, но что была имъ за жизнь, когда приходилось быть постоянно въ страхѣ, чтобы не попасть въ руки враговъ!... Живые завидовали спокойствію мертвыхъ...

Поѣздки русскихъ князей въ Орду.

Узнавъ о гибели Юрия, слѣдующій за нимъ по старшинству братъ—Ярославъ прибылъ княжить во Владимиръ. Онъ оказался княземъ твердаго нрава, очень дѣятельнымъ и распорядительнымъ. Дѣла было много. Приходилось возстановлять изъ пепла города и сёла, собирать разсѣявшихся жителей, ободрять ихъ,— словомъ, обновить государство. На дорогахъ, на улицахъ, въ развалинахъ домовъ, въ обгорѣлыхъ церквяхъ тлѣло множество непогребенныхъ тѣлъ. Ярославъ приказалъ немедленно убрать ихъ и схоронить, чтобы отвратить заразу. И мало-по-малу на сѣверѣ возстановился порядокъ, благодаря распорядительности великаго князя. Роздалъ онъ братьямъ своимъ волости въ управлѣніе и возстановилъ правосудіе.

Татары оставляли въ покой только тѣ народы, которые выказывали имъ полную покорность. О сопротивлѣніи хану, конечно, Ярославу нечего было и думать: одна мысль о новомъ вторженіи дикой орды приводила всѣхъ въ трепетъ. Приходилось смириться и выразить покорность предъ самимъ ханомъ, и великій князь отправился къ Батыю, который сталъ станомъ на берегу Волги. Ханъ, по словамъ лѣтописи, принялъ Ярослава съ честію и сказалъ ему:

— „Будь ты старшимъ между всѣми князьями въ Русской землѣ.“

За великимъ княземъ отправились въ Орду и всѣ родичи его, и другіе князья. Но этимъ дѣло не ограничилось: пришлося Ярославу ѣхать въ Татарию къ самому великому хану съ изъявленіемъ покорности. Здѣсь Ярославъ въ 1246 г. и скончался.

Князьямъ приходилось въ Ордѣ подвергаться разнымъ унизительнымъ обрядамъ: проходить между пылающими кострами, разложенными подъ ханской ставки, преклоняться предъ изображеніемъ великаго хана, становиться на колѣни, пить кумысъ и пр.

Вотъ какъ описываетъ свое представлѣніе Батыю папскій посолъ (Плано-Карпини): „Когда мы прибыли къ хану, насы помѣстили въ разстояніи одной

мили отъ жилища его. Прежде, чѣмъ вести насы въ палатку Батыя, намъ объявили, что мы должны пройти между огней. Сначала мы не соглашались, но намъ сказали: „Не бойтесь! мы требуемъ этого лишь потому, что огонь уничтожить зло, если оно есть въ намѣреніи вашемъ противъ нашего повелителя, или если вы несете съ собою ядъ.“ Тогда мы отвѣтили: „Мы готовы пройти межъ костровъ, чтобы не дать повода подозревать насы въ чемъ-либо подобномъ.“

Когда пришли мы въ Орду, чиновникъ Батыя спросилъ, чѣмъ мы намѣрены ему ударить челомъ, т.-е. какіе поднесемъ подарки. Когда подарки были даны, тотъ же чиновникъ спросилъ насы о причинѣ нашего прїезда. Послѣ этихъ переговоровъ насы повели въ юрту; на порогѣ ея сѣдѣли намъ наставленіе, какъ вести себя. Вошедши въ юрту хана, мы стали на колѣни и сказали нашу рѣчь, затѣмъ подали письмо и просили дать намъ переводчиковъ для перевода его.

Батый окружаетъ себя большимъ великолѣпіемъ, имѣть тѣлохранителей и разныхъ придворныхъ чиновниковъ, какъ императоръ. Садится онъ на болѣе возвышенномъ мѣстѣ, какъ-бы на тронѣ, съ одною изъ женъ; другія жены, братья, сыновья и прочіе младшіе родичи садятся ниже на скамьяхъ; остальные же лица—за ними, на землѣ, мужчины—вправо, женщины—влѣво. Палатка Батыя просторна и очень красива. Мы, объяснивъ наше дѣло, сѣли по лѣвой сторонѣ, такъ какъ обычай требуетъ, чтобы прїезжающіе послы садились по лѣвой сторонѣ, а отѣзжающіе по правой. Среди палатки, ближе къ двери, поставленъ былъ столъ съ напитками въ золотыхъ и серебряныхъ сосудахъ. Ни ханъ ни вельможи его, особенно въ собраніи, не пьютъ безъ пѣнія и музыки. — Когда ханъ єдетъ на лошади, чадъ головой его несутъ всегда зонтикъ на длинной палкѣ; такой же обычай соблюдается и всѣми болѣе знатными татарами и женами ихъ.“

Татары въ то время, какъ настоящіе кочевники, не имѣли еще домовъ, жили въ юртахъ, хлѣбопашства не знали, а кормились однимъ скотоводствомъ. Постоянныхъ мѣстъ поселенія у нихъ не было, а были какъ-бы по-движные огромные города: состояли они изъ множества юртъ (кибитокъ). Гдѣ пожелаетъ ханъ, тамъ и устраивали кочевой городъ. Потомъ, по приказу хана, все укладывалось на телѣги, навьючивалось на верблюдовъ, и огромный обозъ изъ нѣсколькихъ тысячъ телѣгъ, запряженныхъ волами и лошадьми, со стадами овецъ и другого скота, съ табунами лошадей, нѣсколько дней шелъ по степи и располагался станомъ на новомъ мѣстѣ, гдѣ приказывалъ ханъ.

Всѣ князья, которые хотѣли сохранить свою волость, должны были єхать въ Орду на поклонъ хану и получить отъ него ярлыкъ, т.-е. утвердительную грамоту. Тѣмъ изъ нихъ, которые не выказывали хану полной покорности, грозила большая бѣда.

Въ лѣтописи сохранилось слѣдующее сказаніе о смерти въ Ордѣ черниговскаго князя Михаила и боярина его Феодора.

Ханскіе сановники стали дѣлать на Руси перепись оставшимся въ живыхъ жителямъ, налагали тяжкую поголовную дань на всѣхъ,—отъ крестьянина до боярина. Прибыли они между прочимъ и въ Черниговскую область и велѣли князю черниговскому Михаилу єхать въ Орду на поклонъ къ хану.

Нечего дѣлать,—надо было повиноваться. Когда князь прибылъ въ Орду, отъ него потребовали, чтобы онъ исполнилъ всѣ обряды: прошелъ бы между огнями, поклонился бы изображеніемъ умершихъ хановъ. Михаилъ воспротивился и сказалъ:

— „Недостойно христіанамъ исполнять языческие обряды и поклоняться лоламъ, которымъ кланяются язычники. Вѣра христіанская заповѣдуетъ не кланяться ни тварямъ ни идоламъ но чтить святую Троицу: Отца, Сына Св. Духа.“

Сильно разгневался Батый, когда узналъ, что князь не хочетъ исполнить требуемыхъ обрядовъ, и велѣлъ сказать Михаилу:

— „Если ты исполнишь волю мою, то и живъ останешься, и всю область свою получишь; если же не исполнишь, то погибнешь лютою смертью!“

На это князь отвѣтилъ:

— „Тебѣ, царю, кланяюсь, такъ какъ Богъ далъ тебѣ царство и славу міра сего; но тому, чому кланяются язычники, не поклонюсь.“

— „Но зной, говорили ему татары:—неминуемая смерть ждетъ тебя!“

— „Хочу я пострадать за Христа и за истинную вѣру кровь свою пролить!“ отвѣчалъ твердо Михаилъ.

Онъ досталъ запасные дары, которые были при немъ, причастился Св. Таинъ, читалъ молитвы и пѣлъ псалмы. Любимый бояринъ его Феодоръ желалъ раздѣлить участъ своего князя, пострадать вмѣсть съ нимъ. Напрасно внукъ Михаила, Борисъ Васильковичъ, бывшій съ нимъ, и бояре уговаривали его подчиниться требованію хана.

— „Всѣ за тебя, спитимю примѣмъ, князь,—умоляли они:—со всею областью твою; подчинись волѣ хана!“

— „Не хочу я, возразилъ князь: быть только по имени христіаниномъ, а творить дѣла язычниковъ... Для вѣси не погублю души своей!“

Затѣмъ, онъ сорвалъ съ себя княжескую мантю, бросилъ ее и сказалъ:

— „Возьмите славу сего міра; хочу славы небесной!“

По данному знаку, на князя бросились татары, повалили его, били въ грудь, топтали ногами. Трепетали отъ ужаса русскіе бояре... Только бояринъ Феодоръ стоялъ спокойно и ободрялъ несчастнаго мученика, говоря, что умираеть онъ, какъ подобаетъ истинному христіанину. Наконецъ, одинъ изъ отступниковъ, перешедшихъ въ вѣру татаръ, житель города Путивля, быть можетъ, изъ сожалѣнія къ несчастному Михаилу, отсѣкъ ему голову. Такой же участіи подвергся и бояринъ Феодоръ. Мужество этихъ мучениковъ и твердость ихъ въ вѣрѣ, говорять, удивили самого Батыя, и онъ назвалъ князя „великимъ мужемъ“. Церковь наша признала обоихъ мучениковъ святыми.

Даниилъ Романовичъ.

Въ первыя времена тяжкаго для Русской земли владычества татаръ было два замѣчательныхъ русскихъ князя: Даниилъ Галицкій и Александръ Невскій.

Галиція, или Червонная Русь, стала сильною областью со времени Владимира, сына Володаря: онъ первый объединилъ ее, усилилъ присоединеніемъ новыхъ земель, и его единственному сыну Ярославу досталось уже богатое и могучее княжество. Довольно мирно и спокойно шли дѣла въ Галиціи во времи-

умнаго управлѣнія Ярослава (за большой умъ онъ былъ прозванъ „Осмомысломъ“). Хотя онъ и вмѣшивался въ усобицы князей за Кіевъ и посыпалъ свои дружины на половцевъ, но большая часть его княженія протекла мирно. Торговля, промышленность и земледѣліе стали процветать. Богата природа, тучная почва, густое населеніе, близость къ Византіи и западнымъ государствамъ,—все это дѣлало Галицію богатѣйшою областью на Руси. Но при Ярославѣ впервые сказалось и то зло, которое много бѣды принесло Галичу,—это боярскія смуты. Бояре стали вмѣшиваться не только въ правительственные, но даже и въ семейныя дѣла князя... Нигдѣ на Руси бояре не имѣли такой силы, какъ въ Галиціи: здѣсь они владѣли большими и богатыми помѣстьями и не только хотѣли жить такъ же независимо отъ князей своихъ, какъ жили паны въ Польшѣ да бароны въ сосѣднихъ германскихъ земляхъ, но думали и заправлять дѣлами княжества по-своему.

При сынѣ Ярослава—Владимирѣ шли почти безпрерывно боярскія смуты, и сосѣди—венгры, поляки, нѣмцы стали вмѣшиваться въ галицкія дѣла. По смерти Владимира (около 1200 г.) Волынскій князь Романъ завладѣлъ Галичемъ.

Рѣшительный, властолюбивый и суровый, онъ задумалъ сломить боярскую крамолу... Начались жестокія казни мятежныхъ бояръ, не успѣвшихъ бѣжать. Романъ не давалъ имъ пощады...

— „Не передавивши пчель,—говаривалъ онъ обыкновенно:—и меду не Ѣѣсть!“

Забравши въ руки галицкое боярство, Романъ ~~принадлежалъ~~ иноземныхъ враговъ Русской земли и не разъ побивалъ половцевъ, литвовъ. Современники сравнивали его съ орломъ и львомъ, а великий лѣтописецъ величаетъ его даже „самодержцемъ“ всей Русской земли. Иноземные властители заискивали въ немъ. Папа предложилъ ему если онъ принесетъ латинство, королевскій вѣнецъ и мечъ апостола Петра, то завоевалъ новые земель.

Въ отвѣтъ на это Романъ, говорить, обнажилъ свой мечъ и спросилъ:

— „У папы такой ли? Пока мечъ при бедрѣ моемъ, мнѣ нѣть нужды покупать себѣ города иначе, какъ кровью!...“

Такой князь былъ нуженъ Русской землѣ въ ту пору, когда такъ много было смуты на ней. Къ несчастью, онъ скоро былъ убитъ въ сраженіи съ поляками (1205 г.), а старшій сынъ его Даниилъ былъ еще ребенкомъ. Снова начались въ Галичѣ смуты и беспорядки. Хотя Романъ и не мало истребилъ бояръ, но все-таки и послѣ него боярство въ Галиціи было гораздо сильнѣе, чѣмъ въ другихъ русскихъ областяхъ.

Трудно было Даниилу утвердиться на отцовскомъ престолѣ. Нашествие татаръ заставило его на время совсѣмъ даже покинуть родную страну. Онъ былъ одаренъ блестящими способностями, а тѣ бѣды, изгнаніе и нужды, какія пришлось ему вытерпѣть въ дѣтствѣ и юности, закалили въ немъ твердость, выносливость и нравственную силу. Много ему пришлось вынести зла и обиды, но онъ не слѣдался жестокимъ, умѣлъ сдерживать свой гнѣвъ, гдѣ надо было...

Только въ 1249 году удалось Даниилу окончательно утвердиться въ Галиціи. Пришлось и ему подобно отцу безпрестанно вести борьбу съ сосѣдями: съ венграми, ятвягами и литовцами.

Литовское племя, сначала разрозненное и потому слабое, мало-по-малу стало уже подчиняться русским князьямъ, но упорная борьба съ нѣмцами, которые старались покорить литовцевъ и силою распространить среди нихъ христіанство, заставила ихъ мелкія племена сплотиться; нашлись у нихъ храбрые вожди, и они стали не только мужественно отбиваться отъ враговъ, но сдѣлались сильнымъ и завоевательнымъ народомъ. Пришлось Даниилу оборонять отъ Литвы русскія области. Войны его были по большей части счастливы; принималъ участіе онъ и въ спорахъ королей венгерского и чешскаго...

Не одними виѣшими дѣлами прославился Даниилъ; онъ оказался и замѣчательнымъ устроителемъ своего государства. Слѣды татарскаго погрома быстро исчезли въ его области: онъ обстроилъ снова разоренные города, основывалъ новые, привлекаль въ свою область населеніе. Много перешло народу въ Галицкую землю изъ другихъ южныхъ русскихъ областей; не мало явилось сюда и иностранцевъ: нѣмцевъ, поляковъ, армянъ, но болѣе всего евреевъ. Закипѣла и промышленность и торговля...

Даниилъ устроилъ себѣ новую столицу. Разъ во время охоты ему очень приглянулось одно мѣсто; онъ спросилъ у приближенныхъ своихъ, какъ называется оно.

— „Холмъ“, отвѣчали ему.

— „Пусть здѣсь будетъ городъ Холмъ“, сказалъ онъ и посвятилъ его св. Иоанну Златоусту. Тогда по обычью всякой новой городъ посвящали какому-нибудь святому.

Не даромъ умный Даниилъ поселился на новомъ мѣстѣ: въ Галичѣ слишкомъ сильны были еще бояре, и крѣпко держалась память объ ихъ власти; въ новомъ же городѣ князь могъ жить, окруженный вѣрною дружиною, не боясь боярскихъ козней.

Но завѣтною мечтою Даниила было освободить Русскую землю отъ татарскаго ига. Онъ былъ въ то время самымъ сильнымъ русскимъ княземъ: кроме Галиціи, Волынская и Киевская области были въ его рукахъ. Онъ не считалъ себя еще данникомъ хана, но, зная, что съ татарами дѣло у него мирно не обойдется, завѣль сношенія съ Римомъ,—надѣялся, что папа побудить европейскихъ государей помочь русскимъ въ борьбѣ съ татарами. Обрадовался папа,—задумалъ онъ при помощи Даниила подчинить себѣ Русскую Церковь, послать къ нему своего архіепископа и объявилъ, что, признавъ главенство его, папы, русские ничего не потеряютъ и обряды Греческой Церкви не будутъ нарушены; кроме того, предложилъ князю, чтобы задобрить его, королевскій вѣнецъ; но Даниилъ не того искалъ.

— „Что мнѣ въ королевскомъ вѣнцѣ?“ сказалъ онъ папскому послу:—татары не перестаютъ причинять намъ зло. Зачѣмъ я буду принимать вѣнецъ, когда мнѣ не даютъ помощи!“

Когда уѣдился Даниилъ, что папа болѣе хлопочетъ о своемъ владычествѣ надъ Русскою Церковью, чѣмъ о помощи русскимъ противъ татаръ, то прервалъ сношенія съ Римомъ и удалилъ изъ Галиціи архіепископа, котораго папа назначилъ было главою духовенства въ южной Руси.

Думалъ Даниилъ, что дѣло какъ-нибудь обойдется, и ему можно будетъ

неѣхать на поклонъ хану, но ошибся. Въ 1250 году прибыли къ нему послы Батыя съ грознымъ требованіемъ: „Дай Галичъ!“ Опечалился Даниилъ: понималъ онъ, что ему одному не подѣ силу бороться съ татарами,—понималъ, какая бѣда грозитъ родной землѣ, если нагрянуть на нее снова дикия полчища татаръ. Помощи ждать было неоткуда. Подумалъ обо всемъ этомъ онъ и, скрѣпя сердце, порѣшилъ єхать въ Орду и поклониться грозному и ненавистному хану.

Когда прибыль Даниилъ въ Орду, обошлисъ здѣсь съ нимъ очень привѣтливо, но все-таки онъ долженъ быть покорно кланяться Батыю и главной женѣ его, пить кумысъ, которымъ тотъ любезно угощалъ его. Прожилъ въ Ордѣ онъ 25 дней и былъ милостиво отпущенъ. Батый отдалъ ему всѣ области его въ „вотчину“, т.-е. въ потомственное владѣніе.

Радовались родичи князя и близкіе ему люди, когда увидѣли, что вернулся онъ цѣлъ и невредимъ,—радовались, но и скорбѣли въ то же время... Да и какъ было не скорбѣть?! Знаменитый русскій князь долженъ быть преклоняться предъ „поганымъ“ ханомъ... Всѣмъ русскимъ тяжело было это униженіе „О, злѣ зла честь татарская!—восклицаетъ лѣтописецъ:—Даниилъ Романовичъ, князь великий, владѣвшій Русской землей,—Кievомъ, Волынью, Галичемъ, стоять на колѣняхъ, холопомъ называется, дань обѣщаетъ платить, за жизнь свою трепещеть, угрозъ страшится!“

Невыносима была для Даниила мысль, что долго еще ему придется спосѣть подобное униженіе. Король венгерскій примирилъ его снова съ Римомъ; прислалъ папа ему драгоцѣнныи королевскій вѣнецъ и другія царскія украшения, обѣщалъ ему помошь христіанскихъ государей Западной Европы. Въ 1255 году Даниилъ былъ коронованъ.

Понадѣялся онъ на помощь Запада и рѣшился начать борьбу съ татарами. Готовясь къ оборонѣ отъ нихъ въ случаѣ неудачи, укрѣпилъ онъ города свои, но ошибся и на этотъ разъ въ расчетахъ: помочь ниоткуда не было; пришлось снова смириться предъ татарами... даже съ ними итти по волѣ хана воевать въ Литву; пришлось даже по его приказу собственными руками уничтожать свои укрѣпленія. Стѣны городовъ—Львова, Стожка, Кременца и Луцка были размѣяны. Бурундай, татарскій военачальникъ, отправился самъ съ Василькомъ, братомъ Даяила, къ городу (Волынскому); неподалеку отъ него остановился на ночлегъ и сказалъ Васильку:

— „Иди и размечи свой городъ!“

Василько пріѣхалъ въ свой Владимиръ, и, увидѣвъ, что нельзя скоро разобрать стѣнъ, приказалъ сжечь ихъ. Когда прибыль Бурундай, онъ уже договорали. Съ радостью глядѣлъ онъ на погасавшіе остатки ихъ. Погасала съ ними и всякая надежда у русскихъ на скорое освобожденіе отъ ига татаръ...

Много потрудился Даниилъ. Почти вся Южная Русь была въ его власти, и казалось, здѣсь соберется вся сила Русской земли; но не исполнилась завѣтная мечта его, не смогъ онъ своими силами выбиться изъ-подъ татарскаго владычества, не смогли и преемники его совершилъ это... Въ другомъ концѣ Русской земли собралась сила ея, сбросившая съ русскаго народа тяжкое иго и соединившая разрозненные области въ одно цѣлое, а Галицкая Русь распалась на части и подпала подѣ власть чужеземцевъ.

Въ 1264 году Даниилъ умеръ. Не столько доблестные воинскіе подвиги его и многочисленныя побѣды остались въ памяти народа, сколько то, что онъ въ тяжкіе годы народныхъ бѣдствій не потерялся, сумѣль не только загладить ужасные слѣды татарскаго погрома, но и привести свою землю въ цвѣтущее состояніе, украсить ее богатыми городами, великолѣпными зданіями, усилить промышленность и торговлю, успокоить свой народъ, утѣшить его... Эта умная, хозяйственная распорядительность Даниила особенно поражала современниковъ. Другая черта, которую высоко цѣнили въ немъ,—это безпримѣрная дружба его къ брату Васильку: съ дѣтскихъ лѣтъ они были неразлучны, дѣлили вмѣстѣ — и горе и радости, жили одною мыслью, однимъ сердцемъ. Въ тѣ печальные времена не часто встрѣчалось на Руси такое братское согласіе; понятно, почему лѣтописецъ высоко цѣнилъ его. О Даниилѣ можно сказать, какъ о Мономахѣ, что „былъ онъ братолюбецъ и добрый страдалецъ за землю Русскую!“

Александръ Невскій.

Въ то время, когда Даниилъ трудился на пользу Русской земли на югѣ, на сѣверѣ стоялъ за нее другой знаменитый князь — Александръ Ярославичъ.

Высокій ростомъ, статный, сильный, красивый, онъ поражалъ всѣхъ своею прекрасною, мужественною наружностью. Когда говорилъ онъ на вѣчѣ или предъ войскомъ, его звучный голосъ, по выраженію лѣтописца, „грѣмѣлъ предъ народомъ какъ труба“.

Во то время, какъ татары громили Русскую землю съ юго-востока, бѣда надвигалась на нее и съ сѣверо-запада: шведы задумали, пользуясь бѣдствіемъ ея, завладѣть финскими и сосѣдними новгородскими землями, чтобы по желанію папы распространить здѣсь римско-католическую вѣру. Зять короля Биргеръ велъ большую шведскую рать и послалъ Александру надменный вызовъ:

— „Если можешь, сопротивляйся, но знай, что я уже здѣсь и плѣню землю твою!“

Въ 1240 году шведскіе корабли съ большими войсками подъ начальствомъ Биргера вошли въ устье Невы и стали на якорь при впаденіи въ нее рѣчки Ижоры. Шведы, видно, разсчитывали подняться по Невѣ, плѣть чрезъ озеро и врасплохъ напасть на Ладогу, затѣмъ по Волхову ити на Новгородъ. Но Александръ тоже не медлилъ: помолился у св. Софіи, получилъ благословеніе отъ владыки, вскорѣ собралъ сколько могъ ратной силы. Невелика была она, но онъ бодро двинулся къ устью Волхова.

— „Не въ силѣ Богъ, а въ правдѣ!“ говорилъ онъ.

Въ воскресеніе (15-го июля, 1240 г.) ударили онъ на шведовъ. Они не ждали нападенія: суда ихъ стояли у берега; на берегу были раскинуты шатры... Новгородцы внезапно кинулись на шведовъ съ топорами и мечами прежде, чѣмъ тѣ успѣли схватиться за оружіе. Застигнутые врасплохъ шведы смѣшились, и страхъ обуилъ ихъ. Въ бѣгствѣ искали они спасенія... Нѣсколько витязей новгородскихъ особенно отличились: одинъ изъ нихъ, гонясь за бѣгущимъ Биргеромъ, заѣхалъ сгоряча верхомъ на конѣ на корабль по опущенной на берегъ сходнѣ. Его сбросили съ конемъ въ воду, но онъ, выбравшись невредимо изъ рѣки,

Побѣда великаго князя Александра Невскаго надъ шведами.

снова ринулся въ бой и поразилъ многихъ. Другой съ пѣшимъ отрядомъ ударила на непріятельскія суда и три изъ нихъ уничтожилъ. Третій врубился въ толпу шведовъ, пробился до большого златоверхаго Биргерова шатра, подсѣкъ столъ, и шатерь рухнулъ къ сильной радости новгородцевъ. Были и другіе удальцы, показавшіе себя въ этомъ бою. Самъ Александръ нагналъ Биргера и нанесъ ему рану въ лицо, „воздложилъ ему печать на лицо“, по словамъ сказанія. Побѣда была блестящая. Убитые шведы покрыли все боевое поле. Ночью, не дожидаясь разсвѣта, остатки шведскаго войска поспѣшили уплыть на своихъ судахъ въ море.

Велика была радость новгородцевъ, и всѣ славили Александра, какъ неустрешимаго вождя, какъ защитника православія. За эту побѣду и стали звать его „Невскимъ“.

Сохранилось сказаніе о томъ, что ему въ этой битвѣ была оказана помощь свыше; что свв. Борисъ и Глѣбъ помогли ему.

Былъ въ землѣ Ижорской, говорится въ этомъ сказаніи, старшина по имени Пелгусій. Онъ принялъ крещеніе (христіанское имя его было Филиппъ). Жилъ онъ очень благочестиво, соблюдалъ посты и улостоился видѣнія... Незадолго до невской побѣды стоялъ онъ на берегу Невы на стражѣ, всю ночь не спалъ, а подъ утро поразилъ его сильный плескъ на водѣ. Увидѣлъ онъ лодку. Посреди нея стояли свв. мученики — Борисъ и Глѣбъ въ свѣтлыхъ ризахъ, въ такомъ видѣ, какъ обыкновенно изображаютъ ихъ на иконахъ. Гребцы были скрыты какъ будто мглою. И услышалъ Пелгусій, какъ Борисъ сказалъ Глѣбу:

— „Братъ Глѣбъ, вѣли грести, поможемъ нашему сроднику, князю Александру Ярославичу!“

Пелгусій рассказалъ ему обѣ этомъ видѣній.

Какъ ни любили новгородцы Александра, — а ужиться съ ними долго онъ не могъ: хотѣлось ему большей власти и противны были ему вѣчевые беспорядки. Скоро послѣ невской побѣды уѣхалъ онъ изъ Новгорода, а между тѣмъ здѣсь очень нуженъ былъ въ то время такой именно князь, какъ Александръ: большая опасность грозила Новгородской области со стороны нѣмцевъ.

Восточное побережье Балтійского моря (гдѣ теперь Эстляндская и Лифляндская губернія) заселено было чудскимъ и латышскимъ племенами. Они въ XII ст. были еще язычниками и считались данниками отчасти Новгорода, отчасти полоцкаго князя. Русскіе мало обращали вниманія на эту страну. Въ 1158 году во время сильной бури выбросило на берегъ въ устьѣ Западной Двины корабль нѣмецкихъ купцовъ (изъ города Бремена); съ этого времени нѣмцы завели мѣновую торговлю съ жителями, — увидѣли, что это выгодно, стали чаще прѣѣзжать сюда, устроили тутъ на берегу и складочное мѣсто для товаровъ. Полоцкіе князья имъ позволили завести колонію.

Задумали тогда нѣмцы распространить между язычниками-туземцами христіанство; но это дѣло у нихъ не ладилось: язычники здѣсь крѣпко держались за свою старину, и встрѣтили проповѣдниковъ враждебно. Нѣмцы увидѣли, что мирными средствами скораго успѣха не добьешься, и стали силою принуждать народъ креститься. — Епископъ Альбертъ съ разрешенія папы

учредилъ для этого орденъ (общину) рыцарей. Это были монахи и воины въ то же время: они исполняли монашескія обязанности и вмѣстѣ съ тѣмъ должны были вести непрерывную войну съ врагами христіанства. Такихъ военно-монашескихъ общинъ было въ Западной Европѣ уже нѣсколько. Новая община воиновъ-монаховъ стала называться орденомъ „Меченосцевъ“.

Въ 1201 году заложенъ былъ при устьѣ Двины сильный нѣмецкій городъ Рига, и съ этого времени нѣмцы — рыцари пускаютъ въ дѣло оружіе; не словомъ и убѣженіемъ обращаютъ язычниковъ въ христіанство, а силою: захватываютъ земли у нихъ, устраиваютъ здѣсь себѣ замки (небольшія укрѣпленія), обращаютъ туземцевъ въ рабство... Ожесточились порабощенные. Нѣкоторые изъ нихъ бросались въ Двину, думая такимъ образомъ смыть съ себя то крещеніе, которое насилиемъ было навязано имъ и вело за собою для нихъ рабство и другія несчастія. Были при возстаніяхъ озлобленныхъ туземцевъ случаи безчеловѣчной жестокости: они злобно мучили и убивали попавшихся въ ихъ руки враговъ, жарили ихъ... Но и нѣмцы, побѣдивъ восставшихъ, не давали имъ никакой пощады: казнили ихъ цѣлыми тысячами, выжигали до тла ихъ єёла и т. д. Изъ Германіи безпрестанно прибывали новые рыцари, желая послужить „дѣлу вѣры“, и пополняли убыль въ орденѣ меченосцевъ. Скоро онъ сдѣлался многочисленнымъ и могущественнымъ.

Спохватились тогда полоцкіе князья, поняли, какъ оипошли, позволивъ нѣмцамъ утвердиться при устьѣ Западной Двины, да было ужъ поздно!...

Съ 1206 г. начинаются безпрерывныя войны между орденомъ и сосѣдними русскими княжествами. Одолѣть рыцарей было нелегко: они были отличны вооруженные и лихіе бойцы. Закованые съ ногъ до головы въ желѣзное вооруженіе, рыцари съ ихъ тяжелыми и длинными мечами были страшными противниками. Эти „желѣзные люди“ не разъ наносили пораженія русскимъ князьямъ, которые обыкновенно дѣйствовали неединодушно.

Завладѣли нѣмцы и нѣсколькоими русскими городами, настроили новыхъ на мѣстѣ русскихъ поселеній.

Послѣ татарскаго погрома нѣмцы могли разсчитывать, что легко овладѣютъсосѣдними русскими землями. Имъ даже удалось захватить Псковъ, и стали они мало-по-малу покорять и новгородскія земли. Непріятельскіе отряды доходили уже до окрестностей Новгорода, стояли въ тридцати верстахъ отъ него, перехватывали купеческие обозы и наносили большой ущербъ новгородской торговлѣ. Тогда новгородцы стали просить Александра выручить ихъ изъ бѣды; самъ владыка новгородскій отправился къ нему съ просьбой обѣ этомъ. Дѣло касалось не одной Новгородской области, а всей Русской земли,— Александръ согласился и прибыль въ Новгородъ.

Немедленно принялъ онъ очищать Новгородскую область отъ враговъ, разогналъ ихъ отряды, взялъ Копорье, гдѣ было уже утвердились нѣмцы. Съ плѣнными обходился онъ очень милостиво, но измѣнниковъ безпощадно вѣшалъ. Затѣмъ онъ дошелъ до Пскова, освободилъ его отъ нѣмцевъ, двухъ здѣшнихъ нѣмецкихъ намѣстниковъ отправилъ въ оковахъ въ Новгородъ. Послѣ этого Александръ вошелъ въ Чудскую землю, во владѣнія ордена. Здѣсь русская рать остановилась на Чудскомъ озерѣ и стала поджидать непріятеля. Нѣмцы дви-

иули противъ русскихъ большую силу, и на льду озера (5-го апреля 1241 г.) произошла знаменитая битва.

При видѣ враговъ Александръ поднялъ руки къ небу и громко сказалъ:

— „Разсуди, Боже, споръ мой съ этимъ высокомѣрнымъ народомъ!“

Нѣменскіе рыцари, построившись особеннымъ боевымъ строемъ — клиномъ, врѣзались въ ряды русскихъ, разорвали ихъ строй надвое и думали уже, что побѣда на ихъ сторонѣ. Тяжелый гулъ отъ ударовъ мечей о щиты и шлемы, отъ треска ломающихся коней, отъ воинскихъ криковъ и стоновъ раненыхъ стоялъ надъ побоищемъ; ледъ побагровѣлъ отъ крови и мѣстами трескался. Русские пришли въ смятеніе, а нѣмцы уже радовались побѣдѣ, какъ вдругъ къ ужасу ихъ Александръ съ запаснымъ полкомъ ударилъ на нихъ съ тылу и разстроилъ ихъ ряды. Нѣмцы обратились въ бѣгство. Русские гнали ихъ семь верстъ. Множество враговъ было избито, многое попало и въ плѣнъ.

Торжественно вступалъ Александръ послѣ этой знаменитой битвы, названной въ нашихъ лѣтописяхъ „Ледовыемъ побоищемъ“, во Псковъ. Весь городъ вышелъ навстрѣчу своему избавителю. Игуны и священники встрѣтили его съ крестами. Онъ ѿхалъ верхомъ. За нимъ вели знатныхъ рыцарей, взятыхъ въ плѣнъ; а позади гнали огромную толпу простыхъ плѣнныхъ. Долго не умолкали радостные клики, которыми народъ привѣтствовалъ знаменитаго побѣдителя.

Важную службу сослужилъ Русской землѣ Александръ Невскій своими побѣдами. Невская битва и Ледовое побоище на долгое время отвадили и шведовъ и нѣмцевъ отъ попытокъ завладѣть сѣверными русскими областями. Западные враги Русской земли убѣдились, что русские, и поработленные татарами, могутъ еще постоять за себя. Цара, сильно жѣлавшій подчинить Русскую Церковь себѣ, тоже увидѣлъ, что силою тутъ ничего не подѣлаешь, сталь заискывать расположенія Александра, присыпалъ даже, говорять, ему любезное посланіе (1238 г.) и затѣмъ послольство съ цѣлью убѣдить его подчинить Русскую Церковь Риму; но Александръ, не знавшій страха, не поддавался ни лести, ни хитрымъ уловкамъ, — все попытки папы не привели ни къ чему.

Пришлось Александру оборонять Новгородскую область еще отъ третьяго врага — отъ литовцевъ, которые стали дѣлать разбойничьи набѣги и доходили до Торжка. Александръ три раза разбивалъ ихъ, истребилъ многихъ вождей ихъ и на нѣкоторое время избавилъ сѣверную Русь и отъ литовскихъ набѣговъ.

Твердо, съ оружiemъ въ рукахъ, отстаивалъ доблестный князь Русскую землю отъ западныхъ недруговъ, но иначе относился онъ къ могучему восточному врагу. Умный и разсчетливый князь хорошо понималъ, что отбиться отъ отрядовъ нѣмцевъ и шведовъ — это не то, что бороться съ громадною ордою свирѣпыхъ враговъ, предъ которою трепетала не только вся Русь, но и Европа. Огромное и хорошо устроенное войско нужно было для борьбы съ безчисленными полчищами степняковъ; а земля Русская, опустошенная, обезлюденная, обѣднѣвшая, разрозненная, могла ли выставить большую рать? Понималъ Александръ, что тутъ волей-неволей приходится дѣйствовать инымъ путемъ и, какъ ни горько, а надо, скрѣпя сердце, выказывать смиреніе и покорность хану.

Наши лѣтописцы говорятъ, что самъ Батый потребовалъ къ себѣ Александра.

— „Миѣ покорилъ Богъ многіе народы, велѣль ханъ сказать ему: — ты ли одинъ не хочешь покориться державѣ моей? Если желаешь сберечь себѣ землю свою, приходи на поклонъ ко мнѣ, и увидишь честь и славу парства моего.“

Александръ отправился въ Орду. По словамъ лѣтописей, ханъ, познакомившись съ нимъ, сказалъ своимъ приближеннымъ:

— „Все, что миѣ ни говорили о немъ, — все правда: пѣть князя подобного этому!“

Въ Ордѣ Александръ ближе приглядѣлся къ татарскимъ порядкамъ, узналъ, чѣмъ сильны были татары: полное повиновеніе начальникамъ, беспрекословная покорность волѣ хана слачивали суровыхъ, выносливыхъ и стѣпныхъ хищниковъ въ одну несокрушимую воинственную орду.

Александръ всѣми средствами старался ублажить хана и его саповниковъ, чтобы избавить Русскую землю отъ новыхъ бѣдъ. Трудна была эта задача, когда даже и съ родными братьями приходилось Александру враждовать! — только въ 1252 году ханъ призналъ его великимъ княземъ и далъ ему городъ Владимиръ.

Съ этого времени пришлося Александру взять на себя тяжкое дѣло. — Не легко было ему раньше отбиваться отъ западныхъ враговъ; но зато блестящія побѣды, воинская слава, чувства народной радости и благодарности были наградою ему за тяжелые воинскіе труды. Теперь приходилось унижаться предъ ханомъ, лукавить, заискивать расположенія саповниковъ его, одаривать ихъ, чтобы спасти родную землю отъ новыхъ бѣдъ; приходилось скрѣпя сердце уговаривать свой народъ не противиться татарамъ, позволить сдѣлать перепись, уплатить требуемую дань; даже иной разъ онъ самъ долженъ былъ, въ случаѣ сопротивленія, силою заставлять своихъ исполнять требованія враговъ. Многіе въ то время думали, что онъ не жалѣлъ своего народа, дѣйствовалъ сообща съ врагами, и злобились и клеветали на него. Многіе ли понимали тогда, что только тяжелая необходимость заставляла его такъ поступать; что, поступи онъ иначе, новый страшный погромъ татарскій обрушился бы надъ несчастной Русской землей?!

Въ 1256 году новый ханъ (Берке) велѣль сдѣлать вторую перепись па Руси. (Первая была сдѣлана еще при Ярославѣ Всеволодовичѣ). Въ земли Рязанскую, Муромскую и Сузdalскую явились татарскіе численники, ставили своихъ десятниковъ, сотниковъ, тысячниковъ; всѣхъ жителей, исключая духовныхъ лицъ, переписывали, чтобы обложить поголовною данью. Новый ханъ пожелалъ, чтобы перепись была сдѣлана и въ Новгородѣ. Когда вѣсть объ этомъ дошла сюда, здесь поднялся мятежъ: Новгородъ не былъ подобно другимъ русскимъ городамъ покоренъ татарскимъ оружiemъ, и новгородцы не думали, чтобы имъ пришлось добровольно платить постыдную дань. Чувствовалъ Александръ, что быть бѣдѣ, но не могъ ничего сдѣлать въ пользу Новгорода. Прибылъ онъ сюда съ татарскими послами, которые требовали десятины. Новгородцы наотрѣзъ отказались уплатить дань; однако ханскихъ пословъ не

только не обидѣли, но даже одарили и съ честью отпустили домой. Народъ волновался. Сильно злобились на Александра за то, что онъ держалъ сторону татаръ. Новгородскій князь Василій, сынъ его, — и тотъ былъ на сторонѣ недовольныхъ новгородцевъ. Тяжело было положеніе юнаго князя: не понималъ и онъ, какъ большинство новгородцевъ, какая бѣда можетъ постигнуть послушниковъ хана: стать на сторону отца, по мнѣнию Василія, значило — измѣнить Новгороду, а противиться отцу было ему тяжело... Кончилъ онъ тѣмъ, что бѣжалъ во Псковъ. Александръ на этотъ разъ сильно разгневался, выгналъ сына изъ Пскова, а нѣкоторыхъ новгородскихъ бояръ, главныхъ зачинщиковъ мятежа, безъ пощады казнилъ.

Заволновались новгородцы... Напрасно болѣе благоразумные уговаривали народъ безропотно покориться тяжелой необходимости.

— „Умремъ честно за св. Софію и дома ангельскіе, кричалъ народъ: сложимъ головы наши у св. Софіи!“

Однако грозная вѣсть о томъ, что ханскіе полки уже идутъ на Новгородъ, и увѣшанія нѣкоторыхъ благоразумныхъ бояръ, наконецъ, подѣствовали. Волненіе улеглось. Татарскіе численникиѣздили по новгородскимъ улицамъ, переписывали дворы и удалились. Хотя послѣ этого татарскіе чиновники не прїѣзжали въ Новгородъ собирать дань, но новгородцы должны были участвовать въ платежѣ даніи,—отдавать свою долю ея великимъ князьямъ. Только что успокоился Новгородъ, — въ другихъ городахъ поднялась смута. Татарскіе сборщики собирали дань самымъ безчеловѣчнымъ способомъ: брали ее съ лихвою, забирали и пожитки въ случаѣ недоимокъ, а изъ бѣдныхъ семей уводили людей въ неволю; при томъ крайне грубо обращались съ народомъ, и стало ему не въ моготу терпѣть: въ Суздалѣ, Ростовѣ, Ярославѣ, Владимирѣ и въ другихъ городахъ поднялись волненія, и сборщики даніи были перебиты...

Ханъ пришелъ въ ярость. Въ Ордѣ собирались уже полчища; — готовилась безпощадная кара мятежникамъ. Александръ поспѣшилъ къ хану... Видно, не легко было князю ублажить хана и его приближенныхъ, — зиму и лѣто прожилъ онъ въ Ордѣ, но зато удалось не только спасти родную страну отъ грозившаго ей погрома, но и выпросить для нея важную льготу: по просьбѣ Александра ханъ освободилъ русскихъ отъ обязанности поставлять татарамъ вспомогательное войско. Тяжело было бы русскимъ проливать свою кровь за злѣйшихъ враговъ!...

Изъ Орды Александръ возвращался больнымъ. Крѣпкое его здоровье было надорвано постоянными тревогами и заботами. Съ трудомъ, еле перемогаясь, продолжалъ онъ путь, — доѣхалъ до Городца, и здѣсь окончательно слегъ. Чувствуя приближеніе смерти, онъ принялъ схиму. Ночью на 14-е ноября 1263 г. его не стало.

Скоро долетѣла до города Владимира скорбная вѣсть о кончинѣ Александра. Митрополитъ Кириллъ, служившій въ это время обѣдню, обратился къ народу со слезами на глазахъ и сказалъ:

— „Дѣти мои милые, закатилось солнце земли Русской!“

Народъ горько оплакивалъ своего князя.

Тѣло усопшаго князя перевезли во Владимиръ. Несмотря на зимнюю стужу, митрополитъ съ духовенствомъ встрѣтилъ тѣло у Боголюбова, и отсюда

со свѣчами и кадилами все духовенство провожало его до города. Огромная толпа тѣснилась около гроба: каждому хотѣлось приложитьсь. Многіе громко плакали. 23-го ноября тѣло Александра Невскаго погребли во Владимирскомъ монастырѣ Рождества Богородицы.

Потрудился Александръ для Русской земли, — мужественно и побѣдоносно боролся съ западными врагами, разсчетливо, умно берегъ свой народъ отъ хищныхъ татаръ. Среди трудныхъ княжескихъ дѣлъ не забывалъ благочестивый князь и христіанскихъ обязанностей: много серебра и золота передавалъ онъ въ Орду, и не мало несчастныхъ выкупилъ изъ тяжкой неволи татарской.

Многіе звали его своимъ „ангеломъ хранителемъ“. Русская Церковь причла его къ лицу святыхъ.

Смуты при сыновьяхъ Александра Невскаго.

Великокняжескій столъ послѣ Александра занимали два его брата: сначала Ярославъ Тверской (до 1272 г.), потомъ Василій Костромской (до 1276 г.). Въ это время на западѣ шведы и ливонцы снова начинаютъ беспокойить Новгородъ и Псковъ. Впрочемъ, новгородцы съ успѣхомъ отбиваются отъ враговъ; особенно достопамятна битва при Раковорѣ (Везенбергѣ) 1268 г.; здѣсь новгородцы послѣ долгаго и упорнаго боя нанесли сильное пораженіе ливонцамъ и латчанамъ. А Псковъ оборонялъ отъ пѣмцевъ и литовцевъ доблестный Довмонтъ, литовскій князь, перешедшій на сторону русскихъ и принявшій крещеніе. Онъ послужилъ своимъ мечомъ Пскову такъ же доблестно, какъ служилъ Новгороду Александръ Невскій.

Недолго продержалось на Руси то спокойствіе, о которомъ такъ радѣлъ Александръ Невскій. Сыновья его (Димитрій и Андрей) начали кровавый споръ за великое княженіе. Два раза приводилъ Андрей полчища татаръ на Русскую землю (1282 и 1294 гг.), которую такъ берегъ отъ вражескихъ нашествій его отецъ. Хищники всегда рады были случаю пограбить, нагнать страху на русскихъ, напомнить имъ времена Батыя. Десятки лѣтъ нужны были, чтобы области, опустошенныя при этомъ новомъ погромѣ, сколько-нибудь оправились.

Усобицы сѣверныхъ князей въ триадцатомъ и четырнадцатомъ столѣтіяхъ отличаются отъ старыхъ усобицъ на югѣ. Прежде князья, враждую между собою, старались овладѣть Кіевской великокняжеской областью или другимъ какимъ-либо старшимъ и лучшимъ удѣломъ. Князья безпрестанно переходили съ дружинами своими изъ одиѣхъ областей въ другія и считали ихъ только временными своимъ достояніемъ. Послѣ смерти удѣльныхъ князей земли ихъ переходили не къ ихъ сыновьямъ, а къ родичамъ, слѣдующимъ за ними по старшинству въ родѣ. Понятно, что южные удѣльные князья мало заботились о томъ, чтобы получше устроить, расширить и обогатить земли, гдѣ были они только временными гостями.

На сѣверѣ установился мало-по-малу другой порядокъ. Подобно Андрею Боголюбскому, который, сдѣлавшись даже великимъ княземъ, остается въ своемъ Владимирѣ, а неѣдетъ въ Кіевъ, и другие сѣверные князья предпочитаютъ

жить въ своихъ городахъ: Тверской князь, сдѣлавшись великимъ княземъ, не переѣзжаетъ во Владимиръ, а остается въ Твери, Переяславскій — въ Переяславль, Московскій — въ Москвѣ. Каждый изъ этихъ князей старается свою область обогатить, увеличить на счетъ другихъ земель, сдѣлать главною и упрочить ее вмѣсть съ титуломъ великаго князя за своимъ потомствомъ.

Прежде перѣдко тотъ князь, у котораго было много удали да дружина лихая, бралъ верхъ надъ другими; а теперь не то: одна страшная сила, словно туча грозовая, повисла надъ Русской землей, — то сила хана. Отъ него все зависитъ, — отъ него получаютъ русские князья и власть свою, и землю; въ его рукахъ и жизнь и смерть князей. Кто изъ нихъ лучше умѣеть спискать милость хана и воспользоваться ею, въ рукахъ того больше и силы. Прежде и съ удалымъ княземъ, говорившимъ о себѣ, что онъ никого не боится, кроме Бога, можно было попытать счастья въ борьбѣ: силы этого удалца-князя, т.-е. его дружина и войско, были не Богъ вѣсть какія многочисленныя. Теперь же и робкій, и вовсе невинственный князь, успѣвшій спискать „великую милость хана“, могъ быть страшень самыи храбрыи князьяи, — стоило ему только сѣздить въ Орду, и онъ могъ привести оттуда рать хищниковъ „безъ числа“; а нашествія татаръ на Руси боялись пуще грома небеснаго. При такихъ обстоятельствахъ бралъ верхъ не князь-удалецъ съ пылкимъ сердцемъ, а князь съ холоднымъ, разсчетливымъ умомъ, — князь „политикъ“, т.-е. способный обдумывать каждый шагъ свой, сообразоваться да приоравливаться; умѣющій пользоваться удачей, ловко извернуться въ бѣдѣ, перехитрить врага. Та область, где у князей было больше способности къ осторожной и дальновидной политикѣ, должна была мало-或多或少 стать главною и подчинить себѣ остальныя русскія земли.

Болѣе ловкии политиками оказались князья московскіе.

Лѣтописное сказаціе говоритъ, что Москва была основана Юріемъ Долгорукимъ. Въ первый разъ въ лѣтописи упоминается о ней подъ 1147 годомъ.

На мѣстѣ ея, по преданию, раньше было имѣніе боярица Кучки. Онъ былъ казненъ княземъ за какуко-то вину. Мѣстность на берегу рѣки Москвы очень приглянулась Юрію, и онъ основалъ здѣсь городокъ, названный по имени рѣки — Москвою.

Москва досталась въ удѣль младшему сыну Александра Невскаго — Даниилу. Ему уже удалось сильно увеличить свой удѣль: онъ получилъ по завѣщанію отъ родича своего, умершаго бездѣтнымъ, Переяславль-Залѣскій съ богатою областью. Напрасно великій князь (Андрей Александровичъ) хотѣлъ завладѣть Переяславлемъ, — Даниилъ не выпустилъ изъ своихъ рукъ богатаго приобрѣтенія.

Юрій и Иванъ Даниловичи.

Особенно много потрудились для усиленія Москвы сыновья Даниила — Юрій и Иванъ. Хорошо понимали они, какую силу имѣть „ханская милость“ и умѣли спискать ее. Кто приходился хану по душѣ, былъ угоденъ ему, того онъ могъ назначить великимъ княземъ, не стѣсняясь ничѣмъ.

Чтобы спискать милость хана, надо было всячески выражать предъ нимъ покорность, угождать и ему, и главнымъ приближеннымъ его; задабривать ихъ приходилось богатыми подарками. На дѣлѣ выходило такъ, что кто изъ князей былъ побогаче, пощедрѣ и умѣль расположить къ себѣ хана и вельможъ его, — тотъ и получалъ ярлыкъ на великое княженіе.

По смерти Андрея Александровича сталъ добиваться великокняжескаго достоинства племянникъ Александра Невскаго Михаилъ Ярославовичъ, князь тверской. Юрій Даниловичъ московскій тоже поѣхалъ въ Орду попытать счастья. На этотъ разъ верхъ взялъ Михаилъ: онъ былъ богаче московскаго князя и могъ дать и обѣщать татарамъ больше, чѣмъ тотъ, — тягаться Москвѣ съ Тверью было еще рано. Юрій понялъ, что надо еще успѣть Московскую область и увеличить свои средства. Раньше уже удалось ему присоединить къ своимъ владѣніямъ городъ Можайскъ; затѣмъ отнялъ онъ отъ юнаго рязанскаго князя Коломну. Теперь владѣнія его порядкомъ разрослись; можно было снова попытать счастья въ борьбѣ съ Тверью. Борьба съ нею началась у него изъ-за Новгорода. Юрію пришлосьѣхать въ Орду. Три года прожилъ онъ тамъ, не жалѣлъ поклоновъ, не щадилъ казни своей, щедро одаривъ приближенныхъ ханскихъ, вкрадя въ такое довѣріе къ хану, что тотъ женилъ его на своей любимой сестрѣ Кончакѣ, принявшей христіанскую вѣру, и назначилъ великимъ княземъ. Юрій съ торжествомъ возвращался изъ Орды: онъ вѣль съ собою полчища татаръ, — сильно хотѣлось ему наказать своего противника. Рать Юрія стала безпощадно опустошать Тверскую землю; но въ декабрѣ 1317 года произошла битва, и Юрій былъ разбитъ. Многіе попали въ плѣнъ, въ томъ числѣ татарскій вождь и Кончака. Михаилъ Тверской готовъ былъ помириться, даже уступить достоинство великаго князя своему сопернику, лишь бы тотъ не разорялъ Тверской области. На бѣду Михаила, Кончака умерла у него въ плѣнѣ; враги его стали говорить, будто она умерла отъ отравы. Юрій съ нѣсколькими своими сторонниками поспѣшилъ въ Орду, къ хану Узбеку, съ жалобою на тверского князя. Михаилъ чуялъ бѣду и самъ спѣшилъ къ хану. На пути уже встрѣтилъ онъ ханскаго посла, который сказалъ ему:

— „Зоветъ тебя царь, — поѣзжай скорѣе. Если черезъ мѣсяцъ не будешь тамъ, то ханъ назначилъ уже войско на тебя и на твой городъ!“

Бояре и сыновья Михаила уговаривали его неѣздить; но онъ стоялъ на своесть.

— „Если я уклонюсь, говорилъ онъ: земля моя будетъ полонена и множество христіанъ перебито: лучше ужъ мнѣ одному положить свою душу за многія души!“

Когда прибылъ Михаилъ въ Орду, надъ нимъ былъ наряженъ судь. Пущены были въ ходъ всякие клеветы и наговоры. Михаилъ былъ обвиненъ въ томъ, что „не давалъ царевой дани, бился противъ царскаго посла и уморилъ княгиню, жену Юрія“. Послѣ того къ Михаилу приставили стражу; наложили на шею ему колодку (тяжелую доску съ отверстиемъ для головы и рукъ); нельзя было ему ни лечь, ни спиной опереться. Промучили несчастнаго князя такимъ образомъ съ мѣсяцъ и наконецъ убили.

Юрій торжествовалъ: Тверь была унижена; опаснаго соперника его не было въ живыхъ; Новгородъ подчинился ему. Онь оборонялъ его отъ шведовъ, построилъ у истока Невы крѣпость Орѣшекъ (теперь Шлиссельбургъ), удачно защищалъ Новгородскую область отъ литовскихъ набѣговъ.—Однако бѣда не миновала и его. Онъ былъ позванъ въ Орду: сынъ Михаила Тверского Димитрій, по прозванию „Грозныя очи“, обвинялъ его, будто онъ, взявъ дань съ тверскихъ князей, не отдалъ ее татарскому послу. Вѣроятно, Юрій извернулся бы изъ бѣды и оправдался бы, но Димитрій Михайловичъ при встрѣчѣ съ нимъ не стерпѣлъ: чувство мести, которое онъ со времени мученической кончины отца своего таилъ въ сердцѣ, вспыхнуло въ душѣ его, и онъ поразилъ заклятаго врага своего мечомъ. За это самоуправство Димитрій былъ казненъ въ Ордѣ.

Братъ Юрія Иванъ, по прозвищу Калита (слово „калита“ значить: мѣшокъ съ деньгами), уже раньше, когда тому приходилось быть въ Новгородѣ, управлялъ Московскою областью. Онъ больше всѣхъ прежнихъ князей помогъ возвышению Москвы; часто єздилъ онъ въ Орду, пріобрѣлъ большое довѣріе и расположение Узбека. Какъ вѣрный слуга хана, онъ получилъ право собирать дань ханскую и отвозить ее въ Орду: часть дани онъ удерживалъ себѣ и такимъ образомъ увеличивалъ годъ отъ году свою казну. При немъ татары не беспокоили Московской земли. Посыщенія татаръ были всегда ужасны для русскаго народа; даже послы отъ хана, проѣзжая по русскимъ землямъ, творили на пути насилия, безчинства и всячески оскорбляли русскихъ. Благодаря тому, что Иванъ Калита былъ въ большой милости у хана и самъ уплачивалъ дань, никто не смѣлъ обижать его людей.

„Перестали, говорить лѣтописецъ: поганые воевать Русскую землю, отдохнули христіане отъ великой истомы и многой тягости и отъ насилия татарскаго, и съ этихъ поръ наступила тишина по всей землѣ.“

Московская область, благодаря этому спокойствію, все больше и больше населялась: шель сюда отовсюду рабочій людъ; бояре тоже охотно переходили отъ другихъ князей къ Московскому. Это было очень выгодно для Московской области, потому что бояре приводили съ собою цѣлые тысячи „своихъ людей“, и такимъ образомъ сильно содѣйствовали заселенію области. Гуляющей земля было у московскаго князя вдоволь, и онъ охотно давалъ большія помѣстья переходившимъ къ нему боярамъ. Они за это обязывались отправлять воинскую повинность: въ случаѣ надобности являться на войну и приводить съ собою известное число вооруженныхъ на свой счетъ людей; стало быть, переходы бояръ съ ихъ людьми умножали и военные силы Московской области. Переселялись сюда и иноземцы; даже татарскіе мурзы (мелкие князья) стали поступать на службу къ богатому Московскому князю.

Калита заботился и о томъ, чтобы въ его области процвѣтали промыслы и торговля; онъ строго преслѣдовалъ и безпощадно казнилъ воровъ и разбойниковъ. Москва стала наполняться торговцами со всѣхъ сторонъ; на устьѣ Мологи возникла тогда знаменитая ярмарка, куда съѣзжалось множество купцовъ съ Запада и Востока. Росла промышленность и торговля, росли и доходы князя отъ пошлинъ, собираемыхъ съ купцовъ. Городъ Москва въ книженіе Калиты

очень выросъ и украсился. Въ это время, кромѣ укрѣпленія—Кремля, и посадъ былъ обнесенъ крѣпко дубовою стѣною.

Особенно важнымъ событиемъ для Москвы было перенесеніе сюда митрополіи. Раньше митрополиты жили въ Киевѣ; но со временемъ татарскаго погрома, когда южная Русь запустѣла, и Кіевъ былъ разоренъ и обищалъ, митрополиты хотя попрежнему и считались кіевскими, но болѣе всего жили во Владимирѣ.—Митрополитъ св. Петръ сошелся съ Иваномъ Даниловичемъ, полюбилъ его, подолгу проживалъ въ Москвѣ, и убѣжалъ князя воздвигнуть каменную церковь во имя Богородицы.

— „О бого любезнѣйшій и великій князь, говорилъ онъ: если ты моего совѣта послушаешь и соборную церковь каменную поставишь во имя Пречистой Богоматери, то тебя Господь благословить, прославить больше всѣхъ другихъ князей, и городъ этотъ распространить Богъ больше всѣхъ другихъ городовъ, и Имя Его святое прославится въ немъ. Потомство твое не оскудѣть и властители изъ племени твоего, царствуя въ мѣстѣ этомъ изъ рода въ родъ, одолѣютъ враговъ своихъ. Святители стануть жить здѣсь и мои кости будутъ положены.“

Слова эти оказались пророческими. Переходя отъ поколѣнія къ поколѣнію, они въ тяжелыя времена ободряли и успокаивали московскихъ государей. Соборъ во имя Успенія Богородицы былъ заложенъ 1325 г. 4-го августа. Это была первая каменная церковь въ Москвѣ; построена она была по образцу Владимира Успенского собора. Митрополитъ собственноручно устроилъ себѣ гробницу близъ престола, а въ слѣдующемъ году скончался (1326 г. 21-го декабря). Великій князь исполнилъ его завѣщаніе, похоронилъ его въ приготовленной гробницѣ и достроилъ Успенский соборъ. Кромѣ того, соорудилъ каменную церковь во имя Михаила Архангела (нынѣшній Архангельский соборъ); со временемъ Калиты здѣсь погребались всѣ московскіе государи. Эти два храма принадлежать къ главнымъ святынямъ Москвы.

Преемникъ митрополита Петра—Ѳеогностъ и слѣдующіе за нимъ митрополиты стали постоянно жить въ Москвѣ. Такимъ образомъ этотъ городъ сдѣлался столицею всей Русской Церкви.

Ловко пользовался Иванъ Калита всякимъ случаемъ, чтобы увеличить свои владѣнія, подчинить себѣ другихъ князей, унизить своихъ соперниковъ. Обстоятельства ему благопріятствовали.—Въ 1327 году въ концѣ лѣта явился въ Твери ханскій посолъ Чоль-ханъ (народъ звалъ его Щелканомъ) съ отрядомъ татаръ. Они, какъ всегда, безчинствовали въ городѣ, творили всякия насилия. Самъ Чоль-ханъ занялъ княжескій дворъ и хозяйничалъ здѣсь, какъ дома. Безчинства татаръ возбудили сильный ропотъ въ народѣ; стали ходить слухи, будто татары хотятъ вмѣсто русскихъ князей посадить по всѣмъ городамъ для управления своихъ чиновниковъ; что скоро начнутъ христіанъ обращать въ басурманъ. Тверской князь Александръ, носившій титулъ великаго князя, не умѣлъ или не хотѣлъ сдержать свой народъ. Одинъ случай послужилъ поводомъ къ возстанію. Нѣсколько татаръ вздумали отнять у тверитянина лошадь; тотъ крикнулъ къ народу, чтобы защитили его отъ обиды. Народъ и безъ того былъ уже раздраженъ наглыми насилиями татаръ. Удалили въ вѣч-

вой колоколъ. Сбѣжались тверитяне со всѣхъ концовъ и начали съ яростью избивать татаръ... Съ утра до самаго вечера происходила на улицахъ безпощадная рѣзня. Чоль-ханъ съ остаткомъ своего отряда заперся въ княжьемъ домѣ; но домъ сожгли, и всѣ скрывшися тамъ погибли. Даже купцовъ ординскихъ не пощадила расходившаяся чернь. Не многимъ изъ татаръ удалось спастись.

Тверитянъ должно было постигнуть лютое мщеніе. Въ Ордѣ могли думать, что избеніе татаръ въ Твери не было случайнымъ и мѣстнымъ восстаніемъ; что вся Русская земля хочетъ подняться на татаръ. Иванъ Даниловичъ поспѣшилъ въ Орду. Случай ему представился удобный погубить соперника. Во главѣ большой татарской рати шелъ Калита на Тверь; сузdalский князь долженъ былъ ему помогать. Тверская область такъ безпощадно была опустошена, такъ обезлюдила, что цѣлые десятки лѣтъ не могла оправиться отъ этого погрома; особенно сильно пострадали города: Тверь и Кашина.

За эту расправу Узбекъ очень хвалилъ Ивана Даниловича,—и съ этой поры онъ пользовался полнымъ довѣріемъ и расположениемъ хана. Александръ Михайловичъ бѣжалъ во Псковъ, а княземъ въ Твери сталъ братъ его Константинъ. Великій князь по приказу хана долженъ былъ представить Александра въ Орду на судъ. Когда псковичи не хотѣли отпустить его отъ себя, то Иванъ Даниловичъ готовился уже двинуть рать на Псковъ; но до войны дѣло не дошло. Митрополитъ Феогностъ, по желанію великаго князя, отлучилъ непокорныхъ псковичей отъ церкви, наложилъ на нихъ церковное проклятие: во Псковѣ приходилось запереть церкви и прекратить всякое богослуженіе и церковные обряды.

Александръ не захотѣлъ подвергать псковичей такой бѣдѣ.

— „Братья и друзья мои, сказалъ онъ имъ: пусть изъ-за меня не будетъ на васъ проклятия и отлученія. Я уѣду, а вы не выдавайте врагамъ моей княгини!“

Александръ бѣжалъ въ Литву. Псковичи тогда послали сказать Ивану Калитѣ:

— „Князь Александръ уѣхалъ. Весь Псковъ тебѣ, великому князю, кланяется отъ мала до велика — и попы, и чернцы, и черници, и сироты, и жены, и малыя дѣти.“

Такимъ образомъ, Псковъ въ первый разъ выразилъ Москвѣ свою покорность. Иванъ Калита оставилъ Псковъ въ покой; митрополитъ снялъ съ псковичей церковное запрещеніе.

Сила Москвы все росла да росла. Князья другихъ сѣверныхъ русскихъ областей боялись московского князя и должны были подчиняться ему. Одну дочь свою выдалъ онъ за ярославскаго князя, другую за ростовскаго; на зятьевъ своихъ смотрѣлъ онъ какъ на князей-подручниковъ и самовластно распоряжался въ ихъ областяхъ. Онъ былъ въ большой чести у хана, и никто не смѣлъ противиться ему. Какъ только представлялся удобный случай, Калита, владѣя большимъ богатствомъ, покупалъ земли, сёла и даже, говорить, цѣлые города. Принудилъ онъ и Новгородъ подчиниться Москвѣ и платить дань. Около Москвы мало-по-малу собирались и объединились разрозненные русскія области. Ивана Калиту не даромъ прозвали „собирателемъ Русской земли“.

Ловкому, разсчетливому и дальновидному Калитѣ, казалось, все благопріятствовало. Разъ только страстъ было падь имъ бѣда. Александра Михайловича тоска взяла по Твери, и захотѣлось ему во что бы то ни стало вернуться въ свой родной городъ. Рѣшился онъ на смѣлую попытку,— отправился въ Орду къ хану Узбеку и сказалъ ему, по свидѣтельству лѣтописца:

— „Господинъ, самовластный царь! много я совершилъ дурного противъ тебя; теперь пришелъ я къ тебѣ принять либо жизнь, либо смерть,— какъ Богъ тебѣ на душу положить, а я на все готовъ!“

Такая прямota и покорность понравились Узбеку.

— „Видите ли, сказалъ онъ своимъ вельможамъ: какъ князь Александръ смиренною мудростью спасъ себя отъ смерти.“

Ханъ позволилъ ему снова вернуться княземъ въ Тверь.

Сильно опечалился Калита, когда заклятый врагъ его опять явился въ Тверь, да еще вернулся „по милости хана“. Эта милость хана, дававшая большую силу Ивану, была страшна для него въ рукахъ его врага. Надо погубить его, думалъ неразборчивый въ средствахъ Калита, чтобы не погибнуть самому отъ него,— отправился въ Орду, взялъ съ собою туда двухъ старшихъ сыновей своихъ, представилъ ихъ Узбеку какъ будущихъ важнѣйшихъ и надежнѣйшихъ слугъ его рода, льстилъ ему и вельможамъ его, не жалѣлъ щедрыхъ даровъ. Дѣло кончилось тѣмъ, что онъ сильно оговорилъ предъ ханомъ своего врага, и участъ послѣдняго была рѣшена. Его потребовали въ Орду. Хотя и предчувствовалъ бѣду Александръ, но на этотъ разъ не послушался, отправился къ хану, быть можетъ, чувствуя свою правоту и надѣясь на „милость хана“. Привезъ онъ щедрые дары; но ничто не помогло. Сынъ его Феодоръ, пріѣхавшій впередъ въ Орду, со слезами на глазахъ извѣстилъ отца, что дѣло плохо. Доброхоты тверского князя не скрывали отъ него опасности и говорили ему:

— „Царь хочетъ убить тебя! Сильно тебя оклеветали предъ нимъ!“

Александру ничего болѣе не оставалось, какъ по-христіански подготовиться къ смерти. Онъ и сынъ его, по приказанію хана, были убиты.

Послѣ этого ничто уже не мѣшало Ивану быть полнымъ хозяиномъ на сѣверѣ.

Состояніе Русской земли въ XIII—XIV ст.

Въ то время, какъ росло могущество Москвы и около нея собиралась мало-по-малу Русская земля, Кипчакская орда слабѣла отъ безпрерывныхъ внутреннихъ раздоровъ. Одинъ ханъ свергалъ другого. Подчиненные мурзы (мелкие князья) иногда совсѣмъ выходили изъ повиновенія сарайскихъ хановъ (Сарай, татарскій городъ на Ахтубѣ, протокѣ Волги, былъ въ это время главнымъ мѣстопребываніемъ хана Кипчакской, или Золотой орды, названной такъ по ханской ставкѣ, изукрашенной золотомъ). Но, несмотря на все это, владычество татаръ для русскихъ было попрежнему грозно и тяжко. Ханы смотрѣли на Русскую землю, какъ на свой улусъ (владѣніе), на князей, какъ на

слугъ своихъ, заставляли ихъ унижаться предъ собою, творили надъ ними судъ и расправу. Къ счастію, татары не преслѣдовали христіанской вѣры; хотя во время первого нашествія грабили и разоряли церкви, но вообще отличались вѣротерпимостью. Одинъ ханъ говорилъ европейскому послу о своей вѣрѣ:

— „Мы, татары, вѣруемъ во единаго Бога, по волѣ котораго живемъ и умираемъ; но какъ рукѣ Богъ далъ различные пальцы, такъ и людямъ далъ разные пути къ спасенію. Вамъ Богъ далъ писаніе, намъ далъ колдуноў; мы и дѣлаемъ то, что они намъ указываютъ и живемъ въ мирѣ.“

По законамъ Чингисъ-хана служители всѣхъ вѣроисповѣданій освобождались отъ платежа даніи; хотя татары взимали тяжелую дань со всѣхъ сѣль и городовъ, но съ монастырей и церквей ничего не брали. Потомъ ханъ Мангу далъ духовенству ярлыкъ, по которому духовенство бѣлое и черное освобождалось отъ платежа даніи и всякихъ пошлинь, — „пусть, говорится въ ярлыкѣ, — беспечально молятся за хана и за все его племя“. Отъ даніи освобождались и всѣ родичи священнослужителей, живущіе съ ними. Церковныя вещи (книги, сосуды и пр.) объявлены неприкосновенными. Подъ страхомъ лютой смерти запрещено было хулить православную вѣру. — Изъ этого видно, что христіанской вѣры татары никакъ не тѣснили; быть можетъ, разсчитывали они этимъ смягчить духовенство, которое могло возбуждать народъ противъ нихъ. Если и случалось, что они казнили тѣхъ, кто отказывался пройти межъ огней и исполнить нѣкоторые обряды, то не за вѣрованія послушниковъ, а за то, что они выказывали непокорность волѣ хана.

Въ 1313 году ханъ Узбекъ принялъ магометанство; оно стало распространяться у татаръ. Магометане всегда старались искоренять всѣ вѣры, всюду водворять свою; можно было думать, что съ этого времени и татары начнутъ гоненіе противъ христіанства на Руси; но они попрежнему относились ко всѣмъ вѣрованіямъ вполнѣ равнодушно. Въ столицѣ хана, Сараѣ, даже были христіанскія церкви и жилье епископъ. Русскіе митрополиты должны были подобно князьямъ ёздить въ Орду на поклонъ хану.

Тяжелѣе всего татарское иго было для рабочаго народа. Русскія области были обложены тяжелою данью. Сначала ханъ посыпалъ своихъ баскаковъ (чиновниковъ) съ воинскими отрядами собирать дань, а потомъ ханы стали отдавать ее на откупъ хивинскимъ (бессерменскимъ) купцамъ; откупщики эти впередъ уплачивали хану деньги, а потомъ собирали дань, конечно, съ большімъ барышомъ для себя. Они ходили по селамъ и городамъ съ отрядами татаръ и производили сборъ даніи съ безчеловѣчной жестокостью. Если кто не платилъ, ссылаясь на бѣдность, того заподазрывали, что онъ только притворяется неимущимъ, и безпощадно били его палками на улицахъ или на перекресткахъ, на рыночныхъ площадяхъ. Забирали у крестьянъ часто всѣ пожитки, лошадей, земледѣльческія орудія; многіе послѣ такихъ поборовъ оставались безпомощными нищими. Если нечего было взять у бѣдняковъ, то отбирали у нихъ дочерей, сыновей или ихъ самихъ уводили въ рабство. До сихъ поръ народъ въ пѣсняхъ своихъ вспоминаетъ, какъ „злой татаринъ собираль дань“:

Съ князей бралъ по сту рублей,
Съ бояръ по пятидесяти,
Съ крестьянъ по пяти рублей;
У котораго денегъ нѣть,
У того дитя возьметъ;
У кого дитя нѣть,
У того жену возьметъ;
У котораго жены-то нѣть,
Того самого головой возьметъ.

Не одни сборщики податей притѣсняли народъ. Часто по русскимъ землямъ ёздили къ разнымъ князьямъ татарскіе послы съ конными отрядами. Всюду, гдѣ приходилось имъ проѣзжать или останавливаться, они распоряжались, какъ полные хозяева, безчинствовали, грабили, оскорбляли всячески народъ, требовали, чтобы всѣ выказывали имъ рабскую угодливость. Не только простой людь, но и купцы и бояре терпѣли отъ нихъ оскорблѣнія. Съ этой поры, думаютъ, и усилился на Руси обычай у зажиточныхъ людей скрывать своихъ женъ и дочерей, даже держать ихъ взаперти, чтобы охранить отъ обидъ и оскорблѣній. Нерѣдко подъ видомъ пословъ заходили въ русскія области бродячія шайки татаръ и творили всякия насилия. Они охотно захватывали дѣвицъ и молодыхъ женщинъ въ рабство. У татаръ было многоженство, и потому невольницъ въ Ордѣ охотно покупали.

Сохранилась у народа до сихъ поръ память о ненавистныхъ родственныхъ связяхъ съ татарами. Въ одной колыбельной пѣснѣ говорится о такомъ случаѣ: попала въ татарскую неволю русская дѣвушка, когда была еще семилѣтнимъ ребенкомъ; стала она потомъ женою татарина, а чрезъ нѣсколько лѣтъ попала въ плѣнъ къ этому татарину и ея мать.

— „Привезъ я тебѣ русскую нянюшку, говорить татаринъ своей молодой женѣ: — ты заставь ее дѣлать три дѣла: ковры вышивать, гусей стеречь и дѣтей качать.“

Узнаеть мать въ женѣ татарина свою родную dochь, убаюкиваетъ ребенка, сына „своего злого ворога и родной доченьки“. Больно щемить сердце няни, когда она поетъ:

Ты, баю, баю, мое дитятко,
Ты по батюшкѣ злой татарченочекъ,
Ты не крещеный, не молитвенный,
А по матушкѣ миль внушеночекъ,
Мой внушеночекъ — русска косточка!

Изъ южныхъ и юго-восточныхъ русскихъ областей, куда безпрерывно заходили шайки татаръ, народъ толпами уходилъ на єхъверъ. И тутъ была жизнь тяжелая, „сиротское житье“, какъ выражался народъ; но все же сюда порѣже заходили татары. Страшно обѣдились народъ отъ татарскихъ поборовъ. Много обнищалыхъ крестьянъ принуждены были ити въ кабалу, въ холопы къ зажиточнымъ людямъ. Охотнѣе всего крестьяне селились на монастырскихъ земляхъ и княжескихъ: здѣсь было больше охраны отъ татарскихъ насилий.

Сильную ненависть затаилъ въ сердцѣ русскій народъ къ своему лютому врагу. До сихъ поръ еще въ народной рѣчи удержались выраженія и пого-

ворки, указывающія на эту ненависть: „Злѣе злого татарина“, У „татарь, что у собакъ, души нѣть: одинъ паръ“, „Не въ пору гость хуже злого татарина“ и др.

Тяжель былъ татарскій гнетъ, порождалъ онъ глухую злобу; но не умирала у народа и надежда высвободиться изъ тяжкой неволи, отомстить за всѣ неправды и насилия своему лютому врагу.

Въ одной колыбельной народной пѣснѣ мать напѣваетъ своему малюткѣ сыну, чтобы онъ отомстилъ злымъ татарамъ, которые разграбили имѣніе его отца:

Встань, пробудясь, мое дитятко,
Снимай со стѣны сабельки
И всѣ-то мечи будатные.
Ты коли, руби сабельками
Злыхъ татаръ съ татарченками;
Ты сѣки, кроши губителей
Все мечами да будатными.

Тяжкая неволя, нищета, вѣчный страхъ, подавленная глухая злоба къ лютому губителю породили много бѣдъ въ жизни народа. Силенъ, крѣпокъ иной работникъ, за троихъ наработасть; стоять только ему за дѣло взяться,—да стоять ли? Заведеть онъ себѣ хорошее хозяйство, заживеть своимъ домкомъ,—только приманка для лютыхъ хищниковъ! Ласкастъ мать своего ребенка, ласкастъ, да не радустся: „А что, думаетъ она: какъ рошу я его только на потѣху злому татарину?“ Думастъ это, и тоскою щемить ея сердце.

Не жилось на Руси въ тяжкія времена татарщины хорошою трудовой и семейной жизнью. Вмѣсто „лихихъ работниковъ“, являлись все чаще и чаще „лихіе разбойники“, вмѣсто хорошихъ семьянъ — безпросыпные пропойцы. Пьянство, воровство и разбои умножились. Чаще, чѣмъ прежде, случались на Руси голодные годы, повалныя болѣзни.

Духовенство и благочестивые люди видѣли въ этомъ Божию кару за грѣхи и всякия беззаконія, въ которыхъ утспалъ несчастный народъ.

Глубокою скорбью проникнута рѣчь проповѣдника (Серапіона, епископа Владимира), обращавшагося съ пастырскимъ назиданіемъ къ народу лѣтъ сорокъ спустя послѣ татарскаго нашествія.

„Не такъ скорбить мать, видя дѣтей своихъ больными, какъ скорблю я, грѣшный отецъ вашъ, — говорить проповѣдникъ: — видя вѣсль болѣющихъ дѣлами беззаконными. Многократно бесѣдоваль я съ вами, но не вижу вѣсль никакой перемѣны. Всегда сюю я на нивѣ сердцаъ вашихъ сѣмя божественное, но никогда не вижу, чтобы оно прозишло и принесло плодъ... Чего мы не навлекли на себя? Какихъ не понесли мы наказаній отъ Бога? Не была ли пѣнена земля наша? Не были ли взяты города наши? Не въ короткое ли время отцы и братья наши пали мертвы на землѣ? Не отведены ли въ пѣнъ жены и дѣти? А мы, оставшіеся, не порабощены ли были горькимъ рабствомъ отъ иноплеменниковъ? Вотъ уже сорокъ почти лѣтъ продолжается томленіе и мѣка, и тяжкіе налоги не прекращаются, также голодъ и моръ

скота нашего. Мы и хлѣба не можемъ бѣть въ сладость. Отъ воздыханій и печали сохнуть кости наши. Что же довело наась до этого? — Наши беззаконія и наши грѣхи, наше непослушаніе, наша пераскаянность.“

Въ заключеніе убѣждаетъ снова Серапіонъ своихъ слушателей покаяться и исправиться.

Въ другомъ поученіи тотъ же проповѣдникъ горько сѣтує, что не видить въ людяхъ исправленія и напоминастъ имъ ужасную картину татарскаго разоренія.

„Мы ни въ чемъ, говорить онъ: не оказывались лучшими. Тогда Господь навелъ на насъ народъ немилостивый, народъ лютый, народъ, не щадящій ни юной красоты, ни немощи старцевъ, ни младости дѣтей; ибо мы подвигли на себя гнѣвъ Бога нашего... Разрушены Божіи церкви, осквернены священные сосуды, попрана святыня, святители сдѣлались добычею меча, тѣла преподобныхъ иконъ брошены въ пищу птицамъ; кровь отцовъ и братьевъ нашихъ, какъ вода обильная, наполнила землю. Исчезла крѣпость нашихъ князей, военачальниковъ; храбрые наши бѣжали, исполненные страха, а еще болѣе братьевъ и чадъ нашихъ отведено въ пѣнъ. Поля наши поросли травою, и величие наше смирилось, красота наша погибла, богатство наше досталось въ удѣль другимъ, труды наши достались невѣрнымъ. Земля наша стала достояніемъ иноплеменниковъ, мы сдѣлались предметомъ поношенія для сосѣдей нашихъ, посѣщающими для враговъ нашихъ. Свели мы на себя гнѣвъ Господа, какъ дождь съ неба, подвигли на себя ярость Его, отвратили отъ себя великую Его милость, и довели себя до того, что на насъ смотрѣть съ сожалѣніемъ. Нѣть наказанія, которое не постигло бы насъ.“

„Земля колеблется отъ грѣховъ нашихъ,—не можетъ носить нашихъ беззаконій,—говорилъ тотъ же проповѣдникъ, напоминая о землетрясеніи.—Отступимъ отъ всѣхъ злыхъ дѣлъ, умоляетъ онъ: отъ разбоя, грабительства, пьянства, скупости, обиды, воровства, лжи, клеветы, резоиманія“ (ростовщичества) и др.

Грубый и суевѣрный народъ, по своему невѣжству, приписывалъ часто разныя бѣдствія: засухи, болѣзни, падежъ скота, разныя волхвованія и безпощадно мучилъ и сжигалъ людей, слившихъ колдуны и волшебники. Просвѣщенный Серапіонъ сильно возставалъ противъ такого грубаго суевѣрія и насилия народа.

„Я думалъ, говорить проповѣдникъ: что вы уже утвердились въ вѣрѣ и съ радостью принимаете божественное писаніе... Межлу тѣмъ вы еще держитесь языческихъ обычаевъ, вѣрите волхвованію и сжигаете невинныхъ людей... Изъ какихъ книгъ, изъ какого писанія узнали вы, что отъ волхвованія бываетъ голодъ на землѣ, и что опять волхвованіемъ умножается хлѣбъ?“

По не всѣ пастыри церкви дѣствовали подобно Серапіону: были и между ними люди, погрязшіе въ беззаконіяхъ и грѣхахъ. Главнымъ хранителемъ чистоты Русской Церкви, митрополитамъ, приходилось не разъ обращать вниманіе на грѣховную жизнь священнослужителей. Съ цѣлью исправить разныя злоупотребленія въ Церкви митрополитъ Кириллъ II созвалъ соборъ во Владимирѣ. Въ поученіи священникамъ Кириллъ говорить между прочимъ:

„Простець (мірянинъ) согрѣшилъ, — онъ дасть отвѣтъ передъ Богомъ за одну свою душу; а когда іерей согрѣшилъ, то соблазнить многихъ и за ихъ души приметъ осужденіе. Блюдитесь же отсѣлѣ всякаго грѣха: не работайте плоти, отстаньте отъ пьянства и объяденія, прекратите тяжбы, свары, вражды... Блюдите и порученныхъ замъ людей, какъ научить ихъ и представить непорочными на судъ предъ Богомъ. Ложныхъ книгъ не читайте, еретиковъ уклоняйтесь, чародѣевъ бѣгайте, говорящимъ не отъ божественныхъ писаний заграждайте уста.“

Чѣмъ дальше, тѣмъ все сильнѣе и сильнѣе глохло просвѣщеніе на Руси, рѣже и рѣже звучала задушевная обличительная проповѣдь, певѣчество и суетѣrie охватывало не только народъ, но и священниковъ: не могли они объяснять народу, какъ слѣдуетъ, Священное писаніе, сами путались въ разныхъ суетѣрияхъ и лжеученіяхъ, не могли отличать истинныхъ книгъ отъ ложныхъ. Всю бѣду эту причинило предкамъ нашимъ монгольское владычество.

Бѣдность, ищета отъ татарского разоренія и поборовъ больше всего мѣшали просвѣщенію. Не до ученія, не до книгъ было, когда большинству приходилось думать о томъ, какъ бы не умереть съ голода. Во время татарского погрома много погибло книгъ и дорогихъ рукописей. Еще дороже, чѣмъ прежде, стали цѣниться онѣ; еще недоступнѣе, чѣмъ раньше, сдѣлались онѣ для недостаточныхъ людей.

Сношенія съ образованной Византіей затруднились: далекъ былъ путь туда изъ сѣверной Руси, да и опасенъ. Надо было проходить по безлюднымъ областямъ да по степямъ, гдѣ кочевали орды татаръ. Къ тому же и Византія въ концѣ XIV ст. доживала свои послѣдніе дни: турки со всѣхъ сторонъ уже тѣснили ее. Отъ западнаго латинскаго образованія русское духовенство бережно сторонилось, опасаясь вреда православію. Сношенія съ Западомъ чрезъ Новгородъ были исключительно торговыя. Только монастыри являлись хранителями древняго благочестія и образованія. Конечно, образованіе монастырское заключалось по большей части въ простой начитанности, въ умѣніи читать да списывать книги. Но все-таки хотя простая грамотность держалась въ монастыряхъ, тогда какъ у мірянъ и она составляла большую рѣдкость. Въ XIV — XV вѣкахъ не только бояре, но и князья нерѣдко были вовсе безграмотны.

Сѣверные монастыри.

И прежде, до татарского погрома, монастырская жизнь считалась на Руси образцомъ праведной жизни, а въ XIII и XIV вѣкахъ, когда страшныя бѣдствія обрушились на Русскую землю, монастырская жизнь получила въ глазахъ нашихъ предковъ еще большую цѣну. Страшно караль Богъ въ глазахъ благочестивыхъ людей Русскую землю за грѣховную плотскую жизнь въ „міру“; надо было думать о душѣ, жить жизнью духовною въ святой „обители“.

— „Не для того мы созданы, говорить одинъ проповѣдникъ: чтобы есть, пить и одѣваться въ различныя одежды, а для того, чтобы угодить Богу и наслѣдовать будущія блага.“

Понятно, что число монастырей во времена татарского владычества

очень увеличилось; особенно много ихъ было основано начиная съ XIV вѣка. Въ этомъ столѣтіи не сколько разъ ощущали Русскую землю страшныя заразительныя болѣзни; ужасъ и уныніе распространились всюду отъ этой новой Божіей кары. И прежде былъ обычай на Руси, что благочестивый человѣкъ, готовясь умереть, старался загладить грѣхи свои, постригался въ монахи, принималъ схиму, а теперь, когда людя смерть грозила всякому, многие въ молодыхъ даже лѣтахъ поступали въ иноки и отдавали все имущество монастырямъ. До двухсотъ монастырей во времена татарщины возникло преимущественно въ сѣверныхъ лѣсахъ. Дикий, суровый сѣверъ съ его непроходимыми лѣблями заселялся пустынножителями, около которыхъ потомъ собирались братія и возникали новые монастыри.

Изъ сѣверныхъ монастырей особенно замѣтителенъ Троице-Сергіевскій.

Основателемъ его [былъ св. Сергій Радонежскій. Вареоломей (мірское имя св. Сергія) былъ боярскаго происхождѣнія. Родители его, когда онъ былъ еще ребенкомъ, переселились изъ Ростова въ мѣстечко Радонежъ. Уже съ дѣтства Вареоломей выказывалъ склонность къ строгой подвижнической жизни. До двѣнадцатилѣтняго возраста онъ удручалъ себя постомъ; въ постные дни недѣли неѣль ничего, а въ другіе питался только хлѣбомъ да водою. Большую часть ночи проводилъ безъ сна, въ молитвѣ.

— „Дитя мое, увѣщавала его мать: не сокрушиай тѣла своего многимъ воздержаніемъ! Ты слишкомъ еще молодъ, — впадешь въ болѣзнь. Тѣло твое растеть и цвѣтеть. Никто въ годы твои такому посту не предастся.“

Увѣщанія эти не дѣйствовали на благочестиваго ребенка.

Съ трудомъ ему лавалась сначала грамота; но потомъ чудеснымъ образомъ открылась у него способность къ ней, и онъ сталъ бойко читать и помогать при церковной службѣ. Рано почувствовалъ силу и призвание къ отшельничеству. Кротость, благочестіе, доброта и ~~хлѣбъ ко всемъ~~ — вотъ свойства, которыми отличался онъ отъ своихъ сверстниковъ и ~~хлѣбъ ко всемъ~~.

Когда достигъ онъ юношескаго возраста, ~~сталъ онъ~~ проситься у родителей въ „пустынѣ“.

— „Потерпи немного, — просили его родители: — мы стары и немощны. Братья твои женились и заботятся о своихъ женахъ. У тебя же одна забота, — какъ бы угодить Богу. Твоя благая часть не отнимется у тебя. Послужи намъ еще немного, а когда проводишь насъ до могилы и землей покроешь, тогда твори, что желаешь.“

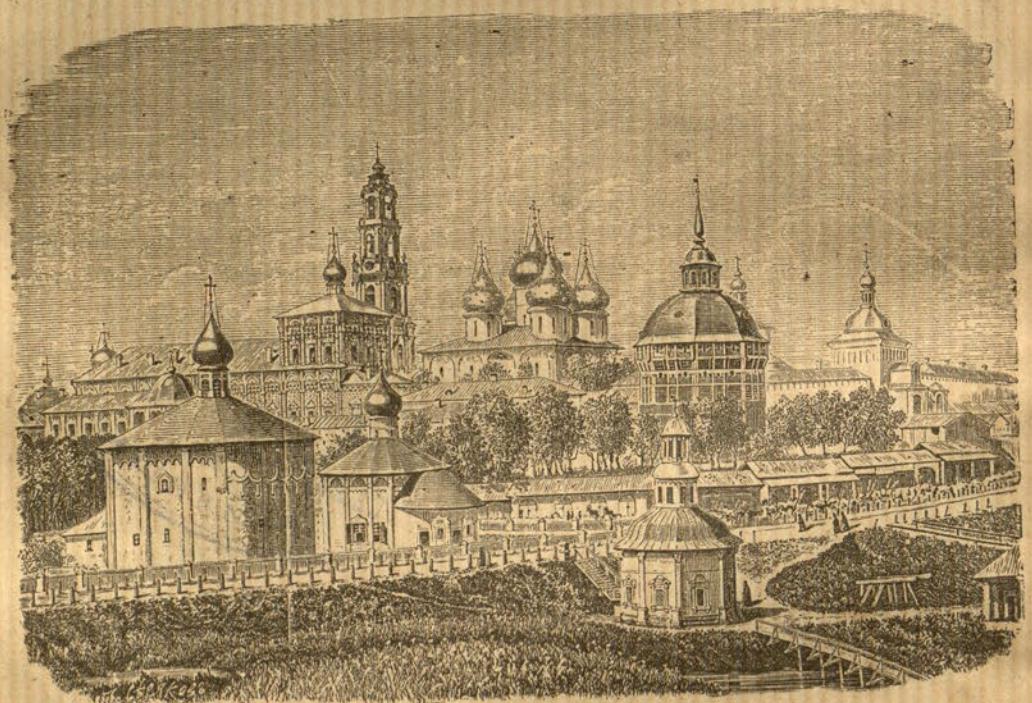
Когда почувствовали родители Вареоломея приближеніе смерти, они постриглись. По смерти ихъ Вареоломей отдалъ свою часть наслѣдства женатому брату и пошелъ искать въ окрестностяхъ мѣста для пустыннаго житія. Съ нимъ пошелъ и старшій братъ его Стефанъ: онъ послѣ смерти жены хотѣлъ тоже посвятить себя Богу. Въ 12 верстахъ отъ Радонежа, въ глухомъ лѣсу, срубили они себѣ келейки и маленькую церковь (на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ нынѣ стоитъ богатый Троицкій соборъ Сергиевской лавры). По просьбѣ Стефана митрополитъ послалъ священниковъ освятить церковь Св. Троицы, какъ желалъ Вареоломей.

Недолго пожили вмѣстѣ братья!... Не вынесъ Стефанъ скорбнаго житія

среди глухого лѣса и тяжкихъ лишеній, какія приходилось переносить отшельнику, ушелъ въ общежительскую обитель, въ Москву. Варосломей принялъ постриженіе отъ игумена одного изъ монастырей, ближайшаго къ его „пустыни“, и нареченъ былъ Сергиемъ. Ему было тогда всего двадцать-три года.

Прожилъ Сергій около двухъ лѣтъ въ своей пустынѣ, въ полномъ одиночествѣ среди глухого, непрогляднаго лѣса. Подкрѣпляясь онъ себя непрестанной молитвой. Не разъ въ ночное время, когда бушевалъ вѣтеръ, стоялъ лѣсъ, когда стаи голодныхъ волковъ вышли подлѣ его кельи, жутко ему становилось; ужасъ одолѣвалъ его; слышались ему члы-то страшныя слова:

— „Бѣги отсюда! чего здѣсь ищешь? Развѣ не боишься умереть съ голода? Душегубцы-разбойники убьютъ тебя, или звѣри плотоядные растерзаютъ тебя!“

Троице-Сергиевская лавра.

Но Сергій превозмогъ всѣ эти страхи... Непрестанная молитва и твердая надежда на Бога давали ему несокрушимую твердость; пересталъ онъ даже бояться и лютыхъ звѣрей; спокойно встрѣчался съ ними, и они не трогали его. Разъ, говорится въ его житіи, увидѣлъ онъ предъ своей кельей медведя. Замѣтивъ, что звѣрь голоденъ, Сергій вынесъ кусокъ хлѣба и положилъ ему на пнѣ. Медведь сталъ часто приходить за пищей, и пустынникъ дѣлилъ съ голоднымъ звѣремъ свою скучную трапезу; бывали случаи, что Сергій отдавалъ ему послѣдній кусокъ хлѣба, а самъ голодалъ.

Когда стало известно, что въ лѣсу, близъ Радонежа, спасается отшельникъ, начали приходить къ нему монахи одинъ за другимъ и строили подлѣ

его хижинъ свои кельи. Скоро собралось 12 членовъ. Они служили сами въ деревянной церкви заутреню, вечерню и часы, а для литургіи призывали по временамъ соѣдняго священника. Чрезъ нѣсколько времени съ большимъ трудомъ уговорили самого Сергія принять игуменство. Онъ былъ рукоположенъ въ священники и сдѣлался игуменомъ.

Таково было начало Троице-Сергиевскаго монастыря.

Сначала эта обитель была очень бѣдна. Братія было всего двѣнадцать членовъ. Скудость во всемъ была такая, что богослуженіе совершилось при свѣтѣ березовой лучины, богослужебныя книги были писаны на березовой корѣ, священные сосуды были деревянные, священническія ризы сдѣланы были изъ простой крашенины. Случалось, что по нѣсколько дней хлѣба не было, и братія голодала... Самъ игуменъ одѣвался такъ бѣдно, что его принимали иногда за нищаго; однако онъ постановилъ строгімъ правиломъ для братіи жить своимъ трудомъ, а просить милостынью было строго запрещено; позволялось принимать только добровольныя, невыпрошенныя даянія. Св. Сергій подобно св. Феодосію подавалъ братіи примѣръ строгой жизни и трудолюбія: самъ пекъ хлѣбъ, шилъ обувь, носилъ воду, рубилъ дрова. Никогда не видали его празднѣмъ. Питался онъ только хлѣбомъ и водою; но крѣпкое его здоровье помогало ему выносить всѣ страшныя лишенія и труды. Денно и нощно наблюдалъ онъ, чтобы всѣ въ его обители строго выполняли свои монашескіе обѣты.

Молва о святой жизни Сергія и его обители разносилась все шире и шире. Являлись новые ревнители святой жизни, и число братіи стало расти. Сергій не иначе постригалъ новыхъ лицъ, какъ послѣ долгаго и строгаго испытанія. Много богомольцевъ стало посѣщать обитель: приходили сюда толпами и нищіе странники, и немощные, нуждавшіеся въ помощи монастыря; прѣѣзжали и богатые люди, бояре, князья, и дѣлали щедрыя пожертвованія въ пользу монастыря. Обитель стала богатѣть. О Сергіи шла молва, что онъ обладаетъ даромъ предвидѣнія; что молитва его имѣть чудесную силу. Но смиренный подвижникъ ни въ чёмъ не измѣнился: попрежнему вѣль суровую жизнь, полную всевозможныхъ лишеній и тяжкихъ трудовъ; попрежнему былъ онъ простъ и добродушенъ въ обхожденіи съ другими; съ тою же добротою обращался онъ какъ съ нищими, питавшимися на счетъ монастыря, такъ и съ князьями и боярами, дѣлавшими богатые вклады.

Лѣса падали кругомъ обители; раскинулись около нея пажити и луга; вырастали починки и сёла. Крестьяне охотно шли работать на монастырь. Дорога къ святой обители прорубалась сквозь лѣсную чащу все шире и шире. Молва о подвижнической жизни Сергія дошла до Константинопольскаго патріарха. Предложилъ онъ подвижнику ввести въ его монастырь общежительскій уставъ. Митрополитъ св. Алексій любилъ Сергія, навѣщалъ его, совѣтовался съ нимъ. Чувствуя близость смерти своей, митрополитъ очень желалъ сдѣлать его преемникомъ своимъ: лучшаго блестителя Русской Церкви, по мнѣнію Алексія, нельзя было найти. Сергій рѣшительно отказался, даже не хотѣлъ принять золотого креста.

— „Прости, владыка, — сказалъ онъ: — отъ юности моей я не былъ златоносцемъ, а въ старости тѣмъ паче хочу въ нищетѣ остаться.“

Смиреніе было главнымъ свойствомъ св. Сергія: ему страшны были блескъ и величіе земли. Но и въ смиренномъ званіи игумена онъ принесъ, какъ увидимъ, большую пользу Русской землѣ.

Дивилась братія строгости жизни своего игумена, его необыкновенной выносливости, его способности въ глубокой старости неустанно трудиться.

— „Ищите прежде всего царствія Божія, говорилъ онъ своей братіи: а все это дастся вамъ.“

Св. Сергій скончался 78 лѣтъ, въ 1397 году. Основанная имъ обитель имѣла такое же важное значеніе для съверной Руси, какъ Кіево-Печерская лавра для южной.

Въ настоящее время Троицкая лавра — одинъ изъ самыхъ богатыхъ русскихъ монастырей. Много святыни, драгоцѣнной для русского человѣка, хранится въ ней; много дорогихъ историческихъ воспоминаній связано съ нею.

И при жизни св. Сергія, по его благословенію, и по его смерти ученики его основывали новые обители. Особенно замѣтатель впослѣдствії былъ Кирилло-Бѣлозерскій монастырь, основанный ученикомъ св. Сергія св. Кирилломъ. Ученики послѣдняго въ свою очередь распространяли монашество...

Великую службу сослужили Русской землѣ свв. подвижники. Въ годы тяжкой неволи, рабскаго униженія, злобы, горькой нищеты, голода, повальныхъ болѣзней легко человѣку упасть духомъ, опуститься, зажить грубою, животною жизнью. И вотъ въ такую тяжкую пору въ разныхъ концахъ Русской земли, въ глухихъ мѣстахъ, гдѣ не бывала человѣческая нога, гдѣ ютились только дикіе звѣри, являются одинъ за другимъ пустынники. Почесть, богатство, семейная радость, — все, что такъ дорого людямъ на землѣ, — все презрѣли эти подвижники; все это въ ихъ глазахъ ничто въ сравненіи съ иною жизнью, жизнью вѣчною, духовною. Провѣдаются о подвижникахъ люди, дивятся ему: стариkъ одинъ-одинешенекъ живеть въ безлюдной глупши, ни хищнаго звѣря не страшится, ни лихого человѣка не пугается, боится только одного грѣха, — боится его пуще лютой смерти. Тяжкіе труды несетъ онъ, голодъ и холодъ добровольно терпить и все Богу молится. Рассказываютъ тѣ, кому доводилось видѣть пустынножителя, что привѣтливъ онъ, свѣтель душою, что готовъ утѣшить всякаго скорбнаго, что сладко слушать слова его.

— „Самъ Богъ, говорить онъ: претерпѣль всякія лишенія, нужду и страданія за грѣхи людей, а намъ, грѣшнымъ людямъ, не великое дѣло — потерпѣть нужду и лишенія за свои грѣхи, которыхъ паче мѣры... Ничтожна эта земля съ ея кратковременнымъ страданіями и горестями въ сравненіи съ царствомъ небеснымъ, гдѣ жизнь вѣчная, красота неизреченная и радость безъ конца.“

Свѣтлѣ становилось на душѣ у несчастнаго, подавленнаго горемъ человѣка отъ такихъ рѣчей: вѣра въ лучшую будущую жизнь согрѣвала душу его. Учился онъ у старца, немощнаго тѣломъ, но крѣпкаго духомъ, добровольно терпѣвшаго всякія лишенія и нужду, терпѣливо сносить свою горькую долю, не падать духомъ.

Недоступны были простому, темному люду священные книги, не приходилось ему слышать церковную проповѣдь: въ тяжкое время татаршины и въ боль-

шихъ городахъ на Руси все рѣже и рѣже раздавалась она, наконецъ, и совсѣмъ смолкла. Но сильнѣе книгъ и проповѣдей дѣйствовалъ на простыхъ людей живой примѣръ подвижниковъ и ихъ простое задушевное слово. Молва объ ихъ подвигахъ широко расходилась и повсюду проникала въ самые глухіе уголки и поддерживала у темныхъ людей вѣру въ Бога и въ будущую лучшую жизнь.

Симеонъ Гордый, Іоаннъ II и Димитрій Донской.

Всякими способами — честными и нечестными — Калита усилилъ Московскую область, прибралъ къ рукамъ удѣльныхъ князей, управился съ Тверью, съ Новгорода бралъ окупы, а въ случаѣ отказа посыпалъ рать на новгородскую землю. Тягаться съ Москвою уже было не подъ силу удѣльнымъ князьямъ. Хотя Калита и подѣлилъ земли между тремя сыновьями и женой своей, но все же по смерти его (1341 г.) никто не могъ соперничать съ его сыновьями: довѣріе и милость хана отъ него перешли и къ нимъ. Ханъ призналъ старшаго изъ нихъ, Симеона, великимъ княземъ и, по словамъ лѣтописи, „всѣ князья русскіе даны были подъ руку его“. Держалъ себя онъ съ подручными князьями властно и гордо, за что и прозванъ былъ „Гордымъ“; но, несмотря на свою гордость, подобно отцу, онъ, какъ видно, умѣлъ и смиряться, гдѣ нужно было: пять разъѣздилъ въ Орду и возвращался оттуда съ большою честью и ханской милостью. Зато татары никакого зла не причиняли Московскому люду; ханъ даже помогъ Москвѣ выйти изъ бѣды, когда литовскій князь напалъ на нее.

Ловко пользуясь милостью хановъ, всячески ублажая ихъ, Калита и сынъ его спасали землю свою отъ татарскихъ насилий и подъ рукой исподволь увеличивали свою область и силу. Хитро усыпля подозрительность хановъ, смиренно кланяясь имъ, они взорвали Москвскую землю, и она мало-по-малу послѣ нихъ вошла въ такую силу, что сбросила съ себя татарское иго. Вотъ почему, несмотря на много зла, какое творили они своимъ соперникамъ, въ концѣ концовъ ихъ политика оказалась выгодной не только для нихъ самихъ и ихъ потомковъ, но и для всего русскаго народа.

Симеонъ умеръ отъ моровой язвы (1353), которая свирѣпствовала тогда на Руси. Послѣ его смерти пытался было сузальскій князь Константинъ захватить великое княженіе, да не удалось, несмотря на то, что Иванъ II, братъ Симеона, не походилъ на него, — былъ, по словамъ лѣтописи, кроткій, тихій и милостивый князь; какъ видно, оказался онъ богаче и щедрѣе своего соперника, — ярлыкъ на великое княженіе достался ему. При немъ сказалась въ Московской области сила бояръ, которые, послѣ прекращенія княжескихъ переходовъ изъ одной земли въ другую, стали обзаводиться помѣстьями и сдѣлались богатыми землевладѣльцами. Они начали даже выходить изъ повиновенія князю и поднимать смуты; особенномъ значеніемъ изъ нихъ пользовался „тысяцкій“, — воевода, начальникъ военныхъ силъ, который порою могъ передать свою власть, словно наследство, сыну. — Послѣ смерти Ивана II (1359 г.) остался десятилѣтній Димитрій. Трудное время наступило тогда для Москвы: сузальскій князь — Димитрій Константиновичъ — пытался удержать за собою

великокняжеское достоинство; но московские бояре вступились за своего малолѣтняго князя: для нихъ самихъ важно было, чтобы за Москвою осталось первенство, чтобы князь, которому они служили, былъ великимъ княземъ, а не подручнымъ. Бояре, при поддержкѣ митрополита св. Алексія, добились того, что великокняжеское достоинство осталось за малолѣтнимъ московскимъ княземъ. Началась было усобица, но сузdalский князь скоро примирился съ московскимъ, уступилъ ему и даже породнился съ нимъ, — выдалъ за него свою дочь.

У сузdalского князя шла въ это время усобица съ братомъ Борисомъ за Нижній-Новгородъ, и помошь Москвы была ему нужна. По просьбѣ Дмитрія Ивановича митрополитъ послалъ въ Нижній-Новгородъ преподобнаго Сергія — требовать Бориса Константиновича на судъ въ Москву. Борисъ не послушался; тогда пр. Сергій, по приказу митрополита и великаго князя, заперъ всѣ церкви въ Нижнемъ-Новгородѣ, и дѣло кончилось въ пользу Дмитрія Сузdalского.

Болѣе тяжелую борьбу пришлось вести Москвѣ съ Тверью. Тверской князь Михаилъ Александровичъ, князь властолюбивый и рѣшительный, вовсе не желалъ быть подручникомъ московскаго князя и не терпѣлъ вмѣшательства его въ дѣла своей области. Ему было не подѣ силу одному тягаться съ Москвою, но была у него сильная помошь: въ соѣднѣй Литвѣ княжилъ въ это время Ольгердъ, женатый на сестрѣ Михаила Александровича.

Два раза онъ приводилъ литовскаго князя на Москву.

Въ обычай хитраго Ольгерда было не говорить никому заранѣе о томъ, куда направляетъ онъ войско, походы совершать чрезвычайно быстро и нападать неожиданно. Дмитрій Ивановичъ не успѣвалъ и рати собрать, какъ Ольгердъ являлся подъ стѣнами Москвы. Взять городъ, впрочемъ, ему не удавалось: въ это время вмѣсто прежнихъ деревянныхъ стѣнъ Дмитрій Ивановичъ построилъ здѣсь крѣпкій каменный Кремль (1367 г.); но литовцы страшно разоряли Московскую землю, жгли сёла, грабили пожитки, угнали скотъ, избивали или уводили въ плѣнъ людей, неусѣвшихъ бѣжать и скрыться въ лѣсахъ. Дмитрій по уходѣ Ольгерда мстилъ тверскому князю тѣмъ же, — безпощадно опустошалъ его землю и добычею, взятою въ Тверской области, вознаграждалъ убытки Московской. Пробовалъ Михаилъ Тверской другимъ путемъ осилить своего соперника, ѻздилъ въ Орду, добылъ ярлыкъ на великое княженіе; но изъ этого тоже ничего не вышло. Вести татарскую рать на Русскую землю, предать ее на разореніе хищникамъ, у Михаила не хватало духу, а своей силой ему было не совладать съ Москвою. Тѣмъ временемъ Дмитрій Ивановичъ успѣлъ задобрить хана подарками и остался великимъ княземъ. Въ концѣ концовъ пришлось Михаилу, чтобы избѣжать полнаго разоренія своей земли, примириться съ противникомъ своимъ и заключить договоръ, по которому онъ обязывался за себя и своихъ наслѣдниковъ подчиняться московскому князю, по приказу его ходить на войну самому или посыпать своихъ воеводъ, не искать и не принимать отъ хана великокняжескаго достоинства, отказаться отъ союза съ Литвою. Особенно важно было условіе о союзѣ противъ татаръ.

„Будемъ ли мы въ мирѣ съ татарами, — говорится въ договорѣ отъ имени

московскаго князя, — дадимъ ли выходъ (дань) или не дадимъ, — это наше дѣло. Если татары пойдутъ на насъ или на тебя, то намъ биться вмѣстѣ; если мы пойдемъ на нихъ, то и тебѣ ити съ нами вмѣстѣ.“

Изъ этихъ словъ видно, что Дмитрій Ивановичъ считалъ себя уже въ силахъ бороться съ татарами и предвидѣлъ, что скоро наступить время борьбы съ ними.

Орда въ это время уже слабѣла и распадалась на части; сразу явилось по нѣскольку хановъ, которые свергали одинъ другого. Случалось, что сыновья убивали отцовъ, чтобы скорѣе завладѣть престоломъ, — и ханы безпрестанно мѣнялись: во второй половинѣ XIV вѣка было десятилѣтие, въ которое перемѣнилось ихъ пятнадцать. Нѣкоторые вожди стремились отложить и сдѣлаться самостоятельными ханами. Трудно было въ это время московскому князю и ладить съ Ордою: ему приходилось сразу у двухъ враждебныхъ хановъ добывать себѣ ярлыкъ на великое княженіе. Когда являлось нѣсколько хановъ, враждовавшихъ между собою, какъ было знать, кому угодить, кто изъ нихъ возьметъ верхъ, да и одаривать сразу нѣсколькихъ хановъ было не подѣ силу даже и богатому московскому князю. Казалось, настала удобная пора для русскихъ покончить съ тяжелымъ и постыднымъ для нихъ владычествомъ татаръ.

Послѣ долгихъ смутъ въ Ордѣ овладѣлъ ханской властью воевода Мамай. Злобился онъ сильно на Дмитрія Ивановича за то, что тотъ не обращалъ большого вниманія на его требованія, не хотѣлъ платить ему той дани, какую прежде платили московскіе князья ханамъ. Къ тому же въ Нижнемъ-Новгородѣ была избита татарская дружина, пришедшая съ ханскимъ посломъ и творившая всякия насилия. Убить былъ и посолъ. Никто изъ русскихъ князей не поѣхалъ оправдываться и смягчать ханскій гнѣвъ. Ясно было, что русскіе князья выходили изъ повиновенія. Мамай еще не собрался съ силами, чтобы итти самому, а сталъ для острѣстки посыпать небольшія орды на земли подручныхъ Москвѣ князей.

Въ 1376 году напала съ дозвolenіемъ Мамая орда, подъ предводительствомъ какого-то Араши, на Нижній-Новгородъ. Русская рать пошла на встречу. Русскіе думали, что татары еще далеко, и расположились у рѣки Пьяны отдыхать. День (2-го августа) былъ очень знойный. Доспѣхи, копья, сушки и рогатины были на возахъ. Воины, не ожидая близкой опасности, прохладились въ однихъ дхабняхъ (плащахъ), попивали себѣ медъ, пиво и вино. Многіе хвастались своею силою и удалью и не чаяли близкой бѣды. Тѣмъ временемъ татары, раздѣлившись на пять отрядовъ, кинулись вдругъ съ пяти сторонъ на безоружныхъ русскихъ такъ, что тѣ не успѣли и оружія вынуть изъ телъ. Много тутъ пало русскихъ воиновъ напрасною смертю; многіе кидались въ рѣку Пьяну, думая спастись, и перетонули.

Въ слѣдующемъ году опять Мамай послалъ свою орду на Русь. Татары напали на Нижній, взяли его и разорили; а другое татарское войско пошло на великаго князя. Князь самъ вышелъ навстрѣчу ему. На рѣкѣ Вожѣ произошла битва. Москвичи выждали, чтобы татары переправились, а затѣмъ ударили на нихъ разомъ съ трехъ сторонъ. Татары не выдержали напора и по-

бѣжали. Множество ихъ перетонуло. Русскіе переправились и гнались за татарами. Множество шатровъ, телѣгъ, кибитокъ и всякаго добра досталось русскимъ.

Радовались русскіе, когда увидѣли, что и они могутъ бить татаръ. Сильнѣе стала надежда на полное освобожденіе отъ лютыхъ враговъ. Побѣда эта должна была, конечно, повести къ большой войнѣ. Мамай пришелъ въ ярость. И задумалъ онъ нагнать на русскихъ такого страха, чтобы навсегда отбить у нихъ всякую охоту противиться ханской волѣ,—понять, что иначе владычеству татаръ придется конецъ. Сталъ собирать Мамай огромное войско. Кромѣ татаръ, въ ополченіи этомъ были черкесы, ясы и разные наемные иностранцы. Онъ хотѣлъ повторить времена Батыя, разгромить Русскую землю.

Великая пора настала. Рѣшался вопросъ: быть ли Москвѣ и Русской землѣ, или окончательно погибнуть подъ ударами татаръ?...

Воинъ (вохдь) въ юшманѣ, шишакѣ и приволокѣ.

Воинъ въ куякѣ и стеганой шапкѣ.

Мамай, по словамъ одного сказанія, говорилъ своимъ сановникамъ:

— „Возьму Русскую землю, разрушу церкви русскихъ, вѣру ихъ на свою переложу, прикажу имъ поклоняться Магомету. Гдѣ были христіанскія церкви, тамъ велю поставить мечети, посаджу своихъ баскаковъ по всѣмъ русскимъ городамъ, а князей русскихъ перебью!“

Олегъ Рязанскій, который еще раньше вѣль борьбу съ Димитриемъ Ивановичемъ, измѣнилъ русскому дѣлу, вступилъ въ тайные переговоры съ Мамаемъ,—боялся, что Рязань пострадаетъ больше всѣхъ, такъ какъ черезъ

нее лежалъ путь татарамъ. Увѣренъ былъ Олегъ, что Москвѣ пришелъ конецъ: въ это время Мамай заключилъ союзъ съ литовскимъ княземъ,—можно было думать, что Москвѣ не выдержать удара двухъ такихъ противниковъ.

Въ исходѣ лѣта 1380 года узналъ Димитрій Ивановичъ, какая гроза собирается надъ его головой. Рязанскій князь, желая скрыть свою измѣну, извѣщалъ его объ опасности.

— „Но еще наша рука высока, писалъ онъ Димитрю Ивановичу: бодрствуй и мужайся.“

Куликовская битва.

Усердно помолившись, Димитрій Ивановичъ разослали гонцовъ по всѣмъ областямъ, чтобы ратная сила скорѣе отовсюду собиралась къ Москвѣ. Скоро вся сѣверная Русь пришла въ движение. Цѣлые города вооружались въ не сколько дней; тысячами ратники спѣшили къ Москвѣ. Отрядъ за отрядомъ вступалъ въ столицу. Бряцаніе оружія, топотъ и ржаніе коней не умолкали на улицахъ. Народъ любовался бодрымъ видомъ воиновъ, блестящимъ вооруженіемъ князей и бояръ. Все встрепенулось, будто проснулось отъ долгаго сна: ожila надежда на освобожденіе отъ позорного ига!

Димитрій, по совѣту духовенства, отправилъ въ Орду послы и предложилъ уплатить дань; но она казалась Мамою мала, — войны нельзя было миновать...

Предъ выступленіемъ въ походъ отправился великий князь въ Троицкую обитель. Живъ былъ еще великий подвижникъ ея св. Сергій. Преподобный устроилъ для князя трапезу. Примѣтилъ Димитрій двухъ иноковъ, которые были прежде ратными людьми и слыши богатырями, одинъ звался Пересять, другой Ослябя,—и сказалъ св. Сергію:

— „Дай мнѣ, отче, на брань этихъ двухъ иноковъ! Вѣдомо мнѣ, что были они великие ратники, крѣпкие богатыри, смыщеніе въ военномъ дѣлѣ.“

Сергій приказалъ имъ ити съ великимъ княземъ, взялъ схими съ нашитыми крестами, возложилъ имъ на головы.

— „Носите ихъ вмѣсто шлемовъ, сказалъ онъ: — это вамъ доспѣхъ нетѣнныи, вмѣсто тѣннаго.—Пострадайте, прибавилъ онъ потомъ: — какъ доблестные воины Христовы!“

Затѣмъ послѣ трапезы Сергій благословилъ всѣхъ бывшихъ съ нимъ крестомъ, окрошилъ святою водою и сказалъ князю:

— „Господь Богъ будетъ тебѣ помощникъ и заступникъ. Онъ побѣдить и низложитъ супостатовъ твоихъ и прославить тебя.“

Радостно забилось сердце Димитрия Ивановича, когда услышалъ онъ эти пророческія слова.

На 20-е августа было назначено выступленіе рати изъ Москвы. Въ этотъ день великий князь усердно молился въ Успенскомъ соборѣ, у мощей св. Петра-митрополита, первого заступника Москвы, молился и въ Архангельскомъ соборѣ, гдѣ были гробницы предковъ...

Въ это время священники съ иконами и хоругвями обходили ряды воиновъ, наполнившихъ всѣ площади и улицы у Кремля, и кропили ихъ освя-

щенной водой. Величавое зрелище представляло русское воинство. Еще никогда Москва не видала такой большой ратной силы. Блестящие мѣдные и стальные доспѣхи сверкали на солнцѣ. Множество стяговъ (знаменъ) развѣвалось надъ войскомъ, цѣлый лѣсъ копій поднимался надъ нимъ. Но болѣе всѣхъ привлекали взоры вожди въ ихъ позолоченныхъ доспѣхахъ и приволокахъ (плащахъ), расшитыхъ золотыми узорами.

Вся Москва вышла провожать ратниковъ. Матери и жены плакали и голосили. Великая княгиня Евдокія, прощаюсь у Кремлевскихъ воротъ съ мужемъ, отъ слезъ и слова вымолвить не могла...

Ратникъ въ бахтерцѣ и въ шишакѣ съ еловцемъ.

Затрубили въ трубы, ударили въ бубны, и войско тронулось...

24-го августа великий князь съ московскими полками вступалъ въ Коломну. Епископъ встрѣтилъ ихъ съ крестомъ у воротъ города. Здѣсь присоединились къ русскому ополченію еще нѣкоторые отряды. Устроенъ былъ смотръ всему войску. Никогда еще на Руси не собиралось такого большого ополченія: болѣе ста пятидесяти тысячъ конныхъ и пѣшихъ стояло въ стройныхъ рядахъ.

Тутъ пришла вѣсть, что Мамай съ огромными силами недѣли три уже стоятъ за Дономъ и поджидаетъ своего союзника — литовскаго князя Ягелла.

И обѣ измѣнѣ Олега Рязанского узналъ въ это время Дмитрій Ивановичъ. Опечалился онъ, назвалъ сѣ горестью Олега вторымъ Святополкомъ.

Не всѣ еще отряды собрались, но медлить нельзя было; надо было итти скорѣе чрезъ Рязанскую область въ степи, чтобы не допустить Мамая съ его страшною ордою ворваться въ русскія земли. Принявъ напутственное благословеніе коломенскаго епископа, Дмитрій Ивановичъ выступилъ къ устью рѣки Лопасни. Вожаками взяли десять купцовъ, которые вѣли съ Востокомъ торговлю, частоѣзжали туда и потому хорошо знали пути.

26-го августа русское войско переправилось за Оку, въ Рязанскую землю. Олегъ, узнавъ о силахъ Дмитрія Ивановича, испугался, недоумѣвалъ, что и дѣлать, переѣжалъ безпрестанно съ мѣста на мѣсто, посыпалъ гонца за гонцомъ къ татарамъ, къ литовскому князю, — не зналъ, кого больше опасаться ему — Дмитрія или Мамая. Совѣсть мучила Олега; но вражда къ московскому князю и боязнь татарскаго погрома были въ немъ сильнѣе укоровъ совѣсти.

Войска русскія бодро шли впередъ. Погода стояла хорошая: осеніе дни были ясны и теплы, земля суха. Когда рать подходила уже къ Дону, прибыли навстрѣчу люди изъ передового отряда, посланного для разведки, и принесли важную вѣсть:

— „Мамай стоитъ на Дону, на Кузьминой гати, и дожидаетъ къ себѣ Олега и литовскаго князя (Ягелла); а силы у Мамая столько, что и перечесть нельзя.“

Собралъ Дмитрій Ивановичъ на совѣтъ князей и воеводъ. Надо было рѣшить вопросъ: переходить ли русскому войску за Донъ и напасть на татаръ, или же переходить и ждать нападенія враговъ? Одни говорили:

— „Лучше остаться на этой сторонѣ рѣки. Врагъ силенъ: на всякий случай должны мы удержать себѣ путь назадъ.“

Другие, болѣе рѣшительные, особенно Ольгердовичи, говорили иное:

— „Лучше переправиться какъ можно скорѣе. Надо, чтобы ни у кого не было и мысли назадъ возвращаться; пусть всякий безъ хитрости бѣется, пусть не думаетъ о спасеніи. Говорить, сила велика у враговъ. Что на это смотрѣть! — Не въ силѣ Богъ, а въ правдѣ!“

Въ это время гонцы отъ преподобнаго Сергія привезли грамоту великому князю. Св. подвижникъ благословлялъ его и обѣщалъ ему помощь Бога и Пречистой Богородицы.

Это посланіе очень ободрило великаго князя. Прочель онъ въ кругу своихъ соратниковъ-вождей грамоту. Великую силу въ глазахъ всѣхъ русскихъ имѣло слово преподобнаго Сергія, — Дмитрій Ивановичъ больше не колебался. Присоединился онъ къ мнѣнію Ольгердовичей.

— „Честная смерть лучше позорной жизни, — сказалъ онъ въ отвѣтъ слишкомъ осторожнымъ совѣтникамъ своимъ: — ужъ лучше было намъ не начинать похода противъ безбожныхъ татаръ, чѣмъ, пришедши сюда и ничего не сдѣлавши, вернуться назадъ.“

Да и надо было поспѣшить, чтобы не допустить литовцевъ соединиться съ татарами.

Стали русские искать на рекѣ бродовъ для конницы и строить мосты для пѣшихъ. Въ ночь съ 7-го на 8-е сентябрь русская рать перешла черезъ Донъ.

Въ эту ночь, говорить сказаніе, пришелъ къ великому князю воевода Димитрій Боброкъ, родомъ волынецъ. Онъ былъ смѣшленый, опытный воинъ и слытъ искуснымъ гадателемъ.

— „Не желаешь ли, — сказалъ онъ великому князю: — я покажу тебѣ примѣты, по которымъ ты узнаешь, что случится впередъ?“

Князь согласился, условившись держать это гаданіе втайне, — сѣлъ на коня и вмѣстѣ съ Боброкомъ выѣхалъ впередъ.

Ратникъ въ юшманѣ и мисюркѣ.

Воинъ въ колонтарѣ и стеганой шапкѣ.

Ночь была тихая и теплая. Предъ ними разстипалось широкое ровное поле, звалось оно Куликово; позади нихъ былъ Донъ, впереди протекала рѣчка Непрядва, притокъ его. Димитрій съ гадателемъ остановились посреди поля. Ночная мгла скрывала оба стана.

— „Оборотись къ татарской сторонѣ, князь, и слушай!“ сказалъ Боброкъ.

Нѣсколько времени стояли они молча. Слышались имъ отъ татарского стана сильные крики, стукъ, звуки трубъ. Слышали они, какъ за вражескимъ станомъ страшно завывали волки, а по правой сторонѣ зловѣще кри-

чали птицы, граяли вороны, стаями перелетали съ мѣста на мѣсто; на рекѣ Непрядвѣ гуси и лебеди крыльями плескали, предвѣща грозу.

— „Что, князь, слышалъ?“ спросилъ Боброкъ.

— „Слышалъ грозу великую!“ отвѣчалъ Димитрій Ивановичъ.

— „Оборотись теперь на полки русскіе!“ сказалъ Боброкъ.

Послушалъ князь нѣсколько времени и сказалъ:

— „Не слыхать ничего. Тишина великая; вижу только множество огней и зарево отъ нихъ!“

— „Князь-господинъ, сказалъ Боброкъ: огни — это доброе знаменіе тебѣ. Призывай помощь небесную и вѣрою не оскудѣвай!“

— „Есть у меня еще примѣта“, сказалъ гадатель, — сошелъ съ коня, припалъ къ землѣ ухомъ, долго пролежалъ онъ, — все къ чему-то прислушивался. Наконецъ поднялся, но стоялъ съ опущенной головой, съ грустнымъ лицомъ и молчалъ...

— „Ну что, братъ, какова примѣта?“ спросилъ его великій князь.

Боброкъ въ тяжеломъ смущеніи молчалъ. Князь сталъ его упрашиватъ, умолять. Боброкъ прослезился. Заныло сердце у князя.

— „Братъ Димитрій, скажи мнѣ, тревожно упрашивалъ онъ Бобрука: — сердце у меня очень болитъ!“

— „Господинъ князь!“ сказалъ наконецъ Боброкъ: — повѣдаю тебѣ только одному объ этихъ примѣтахъ; ты же никому не говори о нихъ. Одна примѣта тебѣ на великую радость, а другая на великую скорбь!... Слышалъ я, какъ земля горько, горько плакала: съ одной стороны казалось, будто женщина-мать о дѣтяхъ своихъ плачетъ, по-татарски причитаетъ, голосить и слезами разливается; съ другой стороны слышалось мнѣ, будто девица плачетъ въ великой скорби и печали, плачетъ нѣжнымъ голосомъ, тонкимъ, какъ свирѣль. Много видывалъ я битвъ, не разъ извѣдывалъ я всякия примѣты, знаю я ихъ. Уповай на милость Божію, татарь ты одолѣешь; но твоего христіанскаго воинства на полѣ ляжетъ отъ вражьяго меча многое множество!“

Заплакалъ князь отъ этихъ словъ, но потомъ сказалъ:

— „Какъ Богу угодно, пусть такъ и будетъ! Кто волѣ Его противникъ?!“

Еще разъ Боброкъ просилъ князя никому не говорить о гаданіи, чтобы не напало на воиновъ уныніе. Когда князь съ Боброкомъ ѿхали съ поля въ свой станъ, слышали они, какъ вдали страшно завывали волки, каркали вороны, и орлы клектали.

Страшная была эта ночь!

Въ эту же ночь, говорить сказаніе, одинъ воинъ, стоявшій на стражѣ, видѣлъ видѣніе: по воздуху двигалось съ востока, словно туча, громадное полчище татаръ. Навстрѣчу ему неслись два юноши въ свѣтлыхъ, сѣяющихъ ризахъ, съ мечами въ рукахъ, и слышень ему былъ голосъ: „Кто вѣмъ, татарамъ, велѣлъ губить наше отечество?“ И начали юноши рубить враговъ. Многихъ изрубили, а остальныхъ разбѣжались. Когда воинъ рассказалъ о своемъ видѣніи Димитрію, догадался онъ, что то были свв. Борисъ и Глѣбъ...

Раннимъ утромъ войско стало готовиться къ бою. Сначала густой туманъ лежалъ на землѣ. Русскимъ это было кстати: Владимиръ Андреевичъ, князь

Серпуховский, и воевода Димитрий Боброкъ съ отборнымъ отрядомъ успѣли занять незамѣтно для татаръ лѣсъ неподалеку отъ русскаго стана, вверхъ по Дону. Съ разсвѣтомъ туманъ сталъ подыматься. Засіяло солнце. Русское войско стояло уже въ боевомъ строю. Впередъ по обыкновенію былъ выставленъ сторожевой полкъ. Средними полками, преимущественно пѣшими, начальствовали князья Андрей и Димитрий Ольгердови. На правомъ крылѣ были князь Андрей Федоровичъ Ростовскій, князь Стародубскій и др., на лѣвомъ—князь Ярославскій, Василій Васильевичъ. Много было и другихъ князей,—вождей отдѣльныхъ полковъ.

Великій князь съ холма глядѣлъ на свою рать. Стройные, необозримые ряды войска занимали громадное пространство; развѣвались безчисленныя знамена и хоругви; сверкали на солнцѣ доспѣхи и оружіе воиновъ; еловцы (маленькие красные значки на шлемахъ) словно огнемъ пылали... Прекрасенъ былъ видъ великаго воинства! Нѣсколько времени любовался Димитрий Ивановичъ своимъ войскомъ. Тяжело стало, конечно, у него на душѣ, когда подумалъ онъ, что многое множество воиновъ его сложить головы свои на этомъ полѣ. Онъ паль на колѣни предъ своимъ чернымъ знаменемъ, на которомъ сиялъ образъ Спасителя, и долго усердно молился.

— „Обрати, Господи, взывалъ онъ: лице Твоє съ яростю на нечестивыхъ, творящихъ зло рабамъ твоимъ!“

Сѣль затѣмъ великий князь на коня и стала объѣзжать ряды своего войска. Предъ каждымъ отрядомъ онъ останавливался и старался добрымъ словомъ всѣхъ ободрить.

— „Отцы и братя, говорилъ онъ: Бога ради, подвизайтесь, святыхъ ради церквей и вѣры христіанской! Сія смерть не въ смерть, но въ жизнь вѣчную!“

Затѣмъ Димитрий сталъ снова подъ свое черное знамя, снялъ съ себя княжескую приволоку (плащъ). Своего коня и приволоку отдалъ онъ боярину своему Михаилу Бренку, снова помолился и вкусила благословленнаго хлѣба, присланному ему Сергиемъ. Великій князь хотѣлъ самъ биться въ рядахъ какъ простой воинъ. Воеводы удерживали его, говорили, что ему, какъ главному вождю, слѣдуетъ беречь себя, уговаривали его, но все было напрасно...

— „Браты мои милые, добрыя ваши рѣчи,—отвѣчалъ Димитрий: но хочу я общую чашу съ вами пить. Умру, такъ умру вмѣстѣ съ вами; живъ буду,—вмѣстѣ съ вами же!“

Русское войско двинулось къ устью Непрядвы, къ татарскому стану. Часу въ шестомъ днѣ русскіе увидѣли Мамаево полчище. Словно грозовая туча двигалось оно, сходя съ холма. Пѣши татары шли рядами. Заднѣ клали свои копья на плечи переднимъ,—копья у воиновъ второго ряда были длиннѣ, чѣмъ у переднихъ. Татары по большей части сверхъ доспѣховъ надѣвали кафтаны, сверхъ шлемовъ мѣховые или кожаные колпаки; одежда у нихъ была темнаго цвѣта, и потому татарское войско не имѣло такого наряднаго и блестящаго вида, какъ русское.

Мамай съ мурзами своими остановился на холмѣ, чтобы наблюдать за битвою. Уже враждебныя полчища стояли одно противъ другого и ждали знака, чтобы начать бой. Тогда изъ татарскаго войска выѣхалъ наѣздникъ по имени

Телебей. Онъ былъ громаднаго роста и необыкновенной силы. Бой долженъ былъ начаться поединкомъ. По обычаю татаръ, удальцы-силачи начинали битву и показывали другимъ примѣръ. Сталъ богатырь громко вызывать себѣ противника. Не сразу нашелся между русскими охотникъ биться съ великаномъ; но вотъ выступаетъ Пересвѣтъ. Шлемъ его былъ покрытъ схимою, которую возложилъ на инока-воина св. Сергій. Помолился Пересвѣтъ, принялъ отъ священника благословеніе, низко поклонился и русскому воинству.

— „Отцы и братя, сказалъ онъ: простите меня грѣшнаго!“

Затѣмъ сѣль онъ на боевого коня и со словами: „Преподобный Сергіе, помоги мнѣ твою молитвою!“ пустилъ коня во всю прыть... Навстрѣчу несся татарскій богатырь. На всемъ скаку, съ налету, сшиблись они копьями. Ударъ былъ такъ силенъ, что кони ихъ едва устояли и присѣли на заднія ноги, а бойцы упали наземь оба мертвые...

Грянули трубы, и начался бой.—„Боже, помоги намъ!“ кричали русскіе. Татары призывали помочь Магомета. Загорѣлась лютая схватка. Такой битвы не бывало никогда еще на Руси! На пространствѣ десяти верстъ кругомъ кипѣла кровавая сѣча. Нѣсколько сотъ тысячъ воиновъ бились съ яростью. Казалось, земля дрожала, и страшно гудѣло все поле отъ ярыхъ криковъ, стоновъ раненыхъ, треска оружія и конскаго топота. Бились оружіемъ, рукаами терзали одинъ другого. Часа два уже длилось жестокое побоище. Кровью было залито все поле; тѣлами было устлано оно, такъ что трудно было пройти. Трупъ валился на трупъ. Татары стали одолѣвать. Въ русскомъ войскѣ были отряды молодыхъ новобранцевъ, не бывалыхъ еще въ бою; притомились уже они, не выдержали нового напора враговъ и обратились въ бѣгство. Погнались за ними татары, пробились до чернаго великокняжескаго знамени; тутъ стоялъ любимецъ великаго князя, воевода Бренкъ; принялъ его враги за великаго князя и убили. Много уже русскихъ вождей пало. Знамя падало за знаменемъ. Ужасъ охватилъ русскихъ. Дрогнули самые смѣлые. Все бѣжало... Пораженіе русскихъ было полное. Мамай торжествовалъ...

Давно уже порывался князь Серпуховскій Владимиръ Андреевичъ удастъ изъ лѣсу на татаръ, спасти своихъ отъ пораженія; воевода Боброкъ удерживалъ его, говорилъ, что еще не время.

Владимиръ Андреевичъ уже терялъ терпѣніе.

— „Что жъ это такое,—съ досадой говорилъ онъ Боброку: къ чему же стоимъ мы тутъ? Кому отъ этого польза?! Бѣда пришла русскому войску!“

— „Да, бѣда великая, отвѣчалъ Боброкъ: но еще не пришла наша пора. Кто не въ пору начинаетъ, тотъ бѣду себѣ принимаетъ!“

Наконецъ, когда татары, считая русскихъ окончательно разбитыми, гнались за ними нестройными толпами и были уже сильно утомлены, Боброкъ крикнулъ:

— „Пора! Да поможетъ намъ благодать Св. Духа!“

Кинулись русскіе изъ засады на татаръ, словно соколы на стаю журавлей; съ громкимъ крикомъ ударили они на враговъ съ тылу.

Неожиданный ударъ ошеломилъ татаръ. Какъ испуганное стадо, замѣтились они, не зная, что дѣлать...

— „Бѣда намъ! — кричали они: — русскіе перехитрили нась. Худшихъ изъ нихъ мы побили, а теперь лучшіе ударили на нась!“

Съ переполоху чудилось татарамъ, что они уже вконецъ разбиты; что рать, напавшая на нихъ, безчисленна. Ободренные успѣхомъ, русскіе смѣло разили враговъ, прорывали ихъ толпы, врубались въ средину ихъ полчища, рубили ихъ и справа, и слѣва, и сзади, и спереди. Татары въ ужасѣ кидали оружіе и бѣжали.

Мамай, увидѣвъ неожиданный повороть битвы, такъ оторопѣлъ и растерялся, что не послалъ на помощь своимъ запаснымъ силамъ, бывшія у него, а самъ пустился въ бѣгство. Татары бѣжали толпами: одни кинулись за Непрядву, и множество ихъ потонуло въ рѣкѣ, другіе бросились направо къ рѣкѣ Красивой Мечи. Русскіе гнали ихъ и безпощадно избивали. Множество возовъ со всяkimъ добромъ досталось въ добычу побѣдителямъ.

Часть русскаго войска преслѣдовала татаръ до рѣки Мечи. Князь Владимиръ Андреевичъ остановилъ своего коня на мѣстѣ побоища и велѣлъ труить сбортъ. Стали сѣзжаться къ нему вожди, оставшіеся въ живыхъ и не пострадавшіе въ бою. Великаго князя не было...

— „Гдѣ великий князь? тревожно спрашивалъ Владимиръ Андреевичъ: — кто изъ васъ его видѣлъ?“

Поѣхалъ Владимиръ Андреевичъ межъ воиновъ и со слезами на глазахъ спрашивалъ, не видѣлъ ли кто великаго князя, не слыхалъ ли, гдѣ онъ. Одинъ изъ воиновъ сказалъ, что видѣлъ его въ пятомъ часу, какъ онъ крѣпко бился; другой видѣлъ, какъ четыре татарина напирали на него; третій разсказывалъ, какъ онъ самъ старался выручить великаго князя изъ бѣды. Но свѣдѣній о томъ, живъ ли онъ, и гдѣ находится, — никто дать не могъ.

По приказу Владимира, отроки княжы и множество ратныхъ людей разсѣялись по бранному полю отыскивать великаго князя. Долго искали его. Наконецъ, двумъ ратникамъ посчастливилось найти его. Подъ вѣтвями срубленной березы лежалъ Димитрій. Глаза его были закрыты; но воины замѣтили, что онъ дышитъ.

— „Живъ, живъ!“ радостно закричали они. — „Великий князь Димитрій Ивановичъ здравствуетъ!“

Владимиръ Андреевичъ съ князьями и воеводами поскакалъ къ тому мѣсту, гдѣ лежалъ великий князь. Доспѣхи его были избиты и измяты ударами татарскихъ сабель. Когда сняли съ князя его вооруженіе, то оказалось, что ранъ на тѣлѣ не было. Лишился чувствъ онъ отъ чрезмѣрнаго напряженія силъ и утомленія. Димитрій Ивановичъ, хотя былъ крѣпкаго тѣлосложенія, высокъ ростомъ, широкоплечъ, но, по словамъ лѣтописца, былъ весьма тученъ и тяжелъ.

Мало-по-малу пришелъ онъ въ чувство и открылъ глаза.

— „Кто тутъ? что за рѣчи слышу я?“ проговорилъ онъ.

Тогда Владимиръ Андреевичъ громогласно возвѣстилъ:

— „Милостію Бога и Пречистой Матери Его, помошью сродниковъ твоихъ, святыхъ мучениковъ Бориса и Глѣба, моленіемъ св. Петра и Сергія игумена, супостаты наши побѣждены!“

Куликовская битва.

Когда великий князь со всеми пришел въ себя и понялъ, въ чём дѣло, то прежде всего благодарилъ Бога за дарованную русскимъ побѣду. Узнавъ о томъ, какъ нападеніе засаднаго войска на врага повернуло дѣло въ пользу русскихъ, великий князь обратился къ Димитрию Бобру и сказалъ:

— „Пойстина разумѣнъ ты: тебѣ всегда должно быть воеводою!“

Поѣхалъ великий князь со своими главными сподвижниками по бранному полю. Ужасно было это поле! Было оно устлано убитыми, умирающими, ранеными. Казалось, все поле тяжело стонало... Тихо подвигались впередь кони: едва находили они мѣсто, гдѣ ступить. Съ поникшими головами, съ тяжелой скорбью, со слезами на глазахъ,ѣхали великий князь и спутники его. Давно ли восходящее солнце озаряло блестящіе ряды русскихъ воиновъ, бодрыхъ, полныхъ жизни и силы? Давно ли лучи его весело играли на блестящихъ доспѣхахъ? а теперь, на закатѣ, освещало оно груды окровавленныхъ тѣлъ, лица убитыхъ, обезображенія мучительной смертью, лица раненныхъ, искашенія страданіями, лужи и потоки крови, избитые доспѣхи, обломки и осколки всякаго оружія! Все говорило о страшной жестокости боя: въ одномъ мѣстѣ убитый русскій воинъ упалъ на трупъ побѣженного врага, въ другомъ — убитый татаринъ лежалъ на русскомъ; здѣсь, крѣпко переплетясь руками и ногами, лежали мертвые татаринъ и русскій, боровшіеся, очевидно, даже и въ предсмертныхъ страданіяхъ; а тамъ поднималась цѣлая груда тѣлъ русскихъ и татаръ, бившихся въ тѣсной схваткѣ до послѣдняго издыханія. Русская и татарская кровь смѣшивалась и струилась однимъ потокомъ изъ-подъ груды тѣлъ...

Предъ нѣкоторыми трупами князь останавливался. Увидѣлъ онъ князей Бѣлозерскихъ, отца и сына, — лежали они вмѣстѣ.

— „Братья, князья русскіе, молвилъ со слезами Димитрій, сдержавъ коня своего: молите Господа Бога о насть, да соединить Онъ насъ вмѣстѣ съ вами въ будущей жизни!“

Постояль великий князь съ тяжелой грустью и предъ тѣломъ боярина своего Михаила Андреевича Бренка, лежавшаго въ велиокняжеской приволокѣ.

— „Вотъ, братья, нашъ починальникъ!“ сказалъ Димитрій Ивановичъ, узнавъ по схимѣ инока Переяслава. — „Безъ него многимъ бы изъ настѣ пришлось испить здѣсь горькую чашу отъ руки татарскаго витязя!“

Тутъ же, подъ Переяславомъ, лежалъ трупъ его противника, великана-татарина. Многихъ храбрыхъ князей и воителей узналъ Димитрій между мертвыми. Тяжкая скорбь давила ему сердце, когдаѣхали онъ съ побоища: онъ, по словамъ современника, „умывался слезами“ при видѣ множества погибшихъ. Правда, убитыхъ татаръ было гораздо больше, чѣмъ русскихъ; но и русскихъ легло на Куликовомъ полѣ великое множество!...

Побѣда была великая, но вмѣстѣ съ тѣмъ и скорбная! Изъ огромнаго русскаго войска едва уцѣлѣло тысяча сорокъ. Больше двухсотъ тысячъ человѣкъ, татаръ и русскихъ, пало на Куликовомъ полѣ, и Донъ, по словамъ сказанія, три дня текъ кровью...

Такъ представляется намъ, по разнымъ преданіямъ и сказаніямъ, достопамятная Куликовская битва.

Восемь дней стояли русскіе на мѣстѣ побоища: подавали помощь раненымъ, разбирали тѣла убитыхъ, русскихъ погребали, а татаръ оставляли на полѣ въ добычу хищному звѣрю и птицѣ...

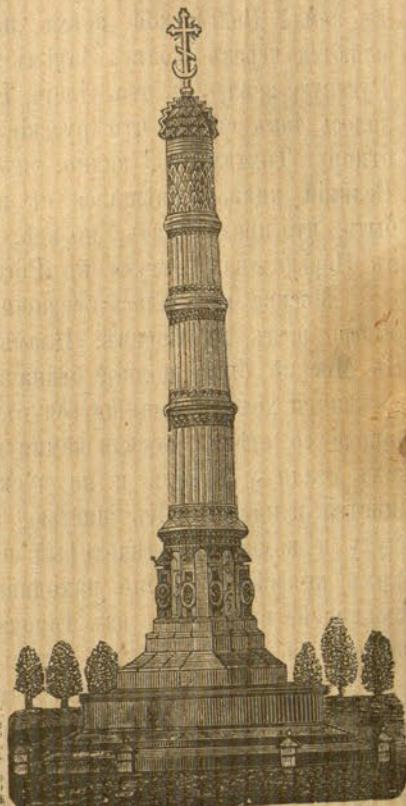
Димитрій установилъ обычай вѣчно праздновать память воиновъ, убитыхъ въ Куликовской битвѣ (Димитровская суббота).

На Куликовомъ полѣ стоить теперь памятникъ, поставленный въ память о великой побѣдѣ.

Литовскій князь Ягелло, спѣшившій соединиться съ Мамаемъ, въ день битвы былъ верстахъ въ сорока отъ мѣста боя. Узнавъ о побѣдѣ русскихъ, онъ поспѣшилъ отступить.

Понеслись гонцы отъ Димитрія въ Москву, въ Переяславль, въ Кострому, во Владимиръ и другіе города съ радостною вѣстю о побѣдѣ. Всѣ со страхомъ и нетерпѣніемъ ждали извѣстій изъ войска, денно и нощно молились во храмахъ. Наконецъ, желанныя вѣсти пришли. Восторгъ былъ неописанный. Все встрепенулось и ожило... Думали, что орда пала навсегда, что пришелъ конецъ татарскому владычеству!... Димитрія прославляли, сравнивали его съ Ярославомъ Великимъ, съ Александромъ Невскимъ, прозвали „Донскимъ“, а Владимира Андреевича — „Храбрымъ“.

Но радоваться было еще рано!...

Памятникъ на Куликовомъ полѣ.
ЧЕМНИЦКАГО ГЛАВЪЙЩА

Нашествіе Тохтамыша

Мамай былъ разбитъ Тохтамышемъ, ханомъ орды, кочевавшей за рѣкою Яикомъ (Ураломъ). Тохтамыш воцарился въ ордѣ, и послалъ извѣстить русскихъ князей, что онъ побѣдилъ ихъ врага Мамая. Димитрій принялъ ласково ханскихъ пословъ, отпустилъ ихъ съ честью, и всѣль за ними отправилъ своихъ людей съ богатыми подарками хану. То же сдѣлали и другие князья. Думали всѣ, что этимъ дѣло и обойдется, но ошиблись: Тохтамышъ хотѣлъ властвовать надъ Русской землею, какъ Батый.

Въ слѣдующее лѣто явился отъ хана сановникъ съ отрядомъ воиновъ въ 70 человѣкъ, и отъ имени хана потребовалъ, чтобы русскіе князья, какъ его подданые,ѣхали немедленно въ Орду. Требование это поразило всѣхъ князей какъ громомъ: неужели, думали они, напрасно лилась русская кровь на Куликовомъ полѣ, и все пойдетъ по-старому?! Мысль объ этомъ приводила всѣхъ въ негодованіе. Ханскому послу, доѣхавшему до Нижнаго-Новго-

рода, было дано знать, что великий князь не ручается за его безопасность, если онъ явится въ Москву съ отрядомъ своимъ. Побоялись татары народной ярости и уѣхали. Прошло еще около года: казалось, что они оставили русскихъ въ покой; но вдругъ пришла тревожная вѣсть, что татары захватили въ землѣ Болгарской всѣхъ нашихъ купцовъ и на ихъ судахъ переправляются черезъ Волгу. Затѣмъ пронесся слухъ, что Тохтамышъ идетъ уже на Русскую землю, и что Олегъ Рязанскій показываетъ ему пути. Все это сдѣлалось такъ скоро, что русские не успѣли и опомниться и приготовиться къ отпору. Тохтамышъ, видно, и разсчитывалъ напасть на Москву врасплохъ. Великий князь совѣщался съ воеводами и съ нѣкоторыми князьями, какъ быть, что предпринять, но всѣ, казалось, потеряли голову; Димитрій поѣхалъ въ Переяславль, оттуда въ Ростовъ и Кострому собирать полки.

Москва оставалась беззащитна. Тохтамышъ взялъ уже гор. Серпуховъ и быстро шелъ къ Москвѣ. Пламя и дымъ горѣвшихъ сѣль обозначали его путь. Въ Москвѣ было полное беззначаніе. Поднялся народный мятежъ... Одни изъ москвичей хотѣли защищаться въ Кремлѣ, другіе — спасаться бѣгствомъ. Толпы народа со стѣнъ бросали камни въ бѣглцовъ. Нѣкоторые съ оружиемъ въ рукахъ стали у воротъ и не пускали никого изъ города, творили всякия безчинства и насилия. Къ счастью, нашелся опытный вождь, который прекратилъ смуту и водворилъ нѣкоторый порядокъ. Это былъ Остей, одинъ изъ литовскихъ князей, случайно находившійся въ ту пору въ Москвѣ. Онъ убѣдилъ москвичей выпустить изъ города всѣхъ искавшихъ спасенія въ бѣгство и затворился въ Кремлѣ съ готовыми защищаться до послѣдней крайности.

Бояре и купцы свозили въ Кремль свои пожитки и товары. Множество драгоценной церковной утвари, богослужебныхъ книгъ изъ окрестныхъ церквей было спесено въ Кремль. Всѣ надѣялись на каменные стѣны его. Постройки вокругъ Кремля, которыми могли воспользоваться татары, т.-е. весь посадъ, были сожжены москвичами.

23-го августа появились татарскіе передовые отряды. Обѣзжали они кругомъ Кремля, осматривали рвы и стѣны его. Видя малое число враговъ, нѣкоторые изъ москвичей храбрились, со стѣнъ ругали татаръ и старались всячески оскорблять ихъ. Татары въ отвѣтъ грозили русскимъ своими саблями. Татарскіе отряды все подходили да подходили къ Москвѣ; къ вечеру ихъ была уже несметная сила. Пріуныли тутъ москвичи. Нѣкоторые изъ нихъ, болѣе благочестивые, стали готовиться къ смерти, каялись въ грѣхахъ, причащались...

Сначала шла перестрѣлка. Тучи стрѣлъ летѣли съ той и съ другой стороны. Татарскіе наездники носились на своихъ легкихъ коняхъ передъ стѣнами Кремля и на всемъ скаку били русскихъ стрѣлами безъ промаха; ихъ стрѣлки были гораздо искуснѣе русскихъ. Пробовали татары взять Кремль приступомъ, ставили лѣстницы и лѣзли на стѣны. Русскіе валили на враговъ бревна, тяжелые камни, сшибали ихъ съ лѣстницы въ ровъ, обдавали кипяткомъ. Три дня пытались татары взять Кремль приступомъ, но были отбиты. Лѣтописецъ въ первый разъ говорить, что нѣкоторые изъ русскихъ были враговъ изъ огнестрѣльного оружія. Большой уронъ потерпѣли татары. Увидѣлъ Тохтамышъ, что силою ему города не взять: стѣны Кремля были

крѣпки; стѣнобитныхъ машинъ у татаръ на этотъ разъ не было; русскіе мужественно бились. Пустился Тохтамышъ на хитрость. На четвертый день подѣхали къ стѣнамъ знатнѣйшия мурзы и отъ имени хана вступили въ переговоры.

— „Царь нашъ, говорили они: не хочетъ разорять своего улуса; не бойтесь ничего, выйдите только къ нему съ честью и дарами. Царь нашъ хотѣлъ наказать холопа своего Димитрія, но его тутъ нѣтъ. Отворите городъ, царь вѣсъ пожалуетъ.“

Москвичи сначала не повѣрили этимъ словамъ; но суздальскіе князья, пришедшие съ Тохтамышемъ, клялись, что татары зла не сдѣлаютъ москвичамъ.

— „Намъ повѣрьте, говорили суздальскіе князья: — мы ваши христіанскіе князья, мы ручаемся за то, что это — правда!“

Быть можетъ, они и въ самомъ дѣлѣ вѣрили, что Тохтамышъ говорилъ правду. Повѣрили на этотъ разъ и москвичи; посовѣтовались между собою, какъ быть. Надежда на скорую помощь была плоха; долго выдержать осаду нельзя было; — порѣшили сдаться на милость хана.

Отворились ворота Кремля, и защитники его стали выходить; впереди шелъ Остей; за нимъ несли богатые дары хану; затѣмъ слѣдовало духовенство въ полномъ облаченіи, съ иконами и крестами, далѣе шли бояре и народъ. Татары выждали, пока защитники Кремля вышли изъ воротъ, затѣмъ вдругъ, какъ хищные звѣри, ринулись на нихъ и принялись рубить саблями всѣхъ безъ разбору и топтать конями... Это была уже не битва, а дикая, ужасная бойня! На мѣстѣ ея остались растерзанные, раздавленные трупы, втоптаннны въ грязь иконы, кресты, священническія ризы... Ворвались татары въ Кремль. Оставшаяся здѣсь толпа народа обезумѣла отъ страха: люди въ беспамятствѣ метались туда и сюда, ища, где бы укрыться отъ дикихъ губителей. Многіе прятались въ церквяхъ. Все напрасно! Татары разбивали церковныя двери, вламывались въ алтари, и рубили нещадно всѣхъ — и стариковъ, и женщинъ, и дѣтей... Церковные сосуды, одежды, княжеское имущество, пожитки бояръ, товары купцовъ, спесено въ Кремль, — все было разграблено. Множество книгъ, собранныхъ отовсюду въ кремлевскія церкви, погибло. Что не было разграблено, то было уничтожено пожаромъ. Татары зажгли съ нѣсколькихъ концовъ городъ и отступили отъ Москвы, насытившись дикою местью.

Ужасный видъ представляли развалины Москвы!...

„Былъ дотолѣ, — говорить лѣтописецъ о ней: — городъ великий, чудный, многолюдный! Много было въ немъ всякаго богатства, и вотъ въ одинъ день все измѣнилось: видны только земля, пыль, пепель, множество лежащихъ труповъ да святая церкви, разоренный, пустыя и осиротѣлые!“

Татарскіе отряды рыскали по всей великокняжеской области и страшно опустошили волости городовъ: Юрьева, Звенигорода, Дмитрова, Можайска и другихъ. Изъ князей русскихъ только Владимиръ Андреевичъ Серпуховскій не потерялъ мужества: онъ неожиданно ударила на сильный татарскій отрядъ и разбилъ его. Эта победа и слухъ о томъ, что великий князь собралъ у Костромы сильную рать, побудили Тохтамыша отступить.

Когда Димитрій вернулся на свое родное пепелище, то, по словамъ лѣтописи, заплакалъ.

— „Отцы наши, сказалъ онъ:— не побѣждали татаръ, но были менѣе насть злополучны!“

Дѣйствительно, со временемъ Калиты до Димитрія Донского Москва не терпѣла такого разоренія.

Тяжелое дѣло предстояло Димитрію. Немедленно велѣлъ онъ погребать тѣла убитыхъ. Собрано было ихъ на пепелищѣ одной Москвы до 24,000. А сколько было убито во всей области, сколько было сгорѣвшихъ, изувѣченныхъ и уведенныхъ въ неволю,—этого и сосчитать нельзѧ было! Кремлевскія стѣны, башни и стѣны нѣкоторыхъ церквей были пѣлы, и Москва могла скоро вновь обстроиться; но нескоро она могла стать такимъ многолюднымъ и цвѣтущимъ городомъ, какимъ была до татарскаго погрома.

Пришлось опять русскимъ князьямъ ъздить въ Орду, искать ханской милости; пришлось попрежнему городамъ и деревнямъ русскимъ уплачивать татарамъ тяжелую дань.

Димитрій Ивановичъ умеръ въ 1389 году, 39-ти лѣтъ отъ роду.

Предъ смертью онъ назначилъ великимъ княземъ сына своего Василія, благословилъ его великимъ княженіемъ Владимирскимъ. Увѣренъ былъ Димитрій, что ни татары уже не помѣшаютъ Василію, ни другіе русскіе князья не посмѣютъ оспаривать великокняжеское достоинство у него.

Въ тяжелые годы пришлось княжить Димитрію Донскому. Два раза Московская земля была при немъ страшно опустошена литовцами, потерпѣла ужасный татарскій погромъ. Кромѣ виѣщаихъ враговъ, были и свои русскіе враги. У Московскаго великаго князя шла постоянная война съ Тверью и Рязанью. Послѣ нашествія Тохтамыша московская рать за измѣну Олега сильно разорила Рязанскую область. Вражда эта долго не кончилась бы, если бы преподобный Сергій не помирілъ Олега съ Димитріемъ. Сверхъ того пришлось Димитрію Ивановичу унимать новгородцевъ. Слишкомъ уже расходилась буйная удаль новгородской вольницы: два раза ушкуйники грабили Кострому, нападали на Нижній-Новгородъ, на Вятку; мало того,—они хватали людей и продавали ихъ иноземцамъ въ рабство. Разбои этихъ невольниковъ такъ озлобили всѣхъ, что 26 городовъ съ радостью послали свои сполченія на помощь Димитрію, когда онъ порѣшилъ силою обуздать новгородцевъ. Сначала новгородцы думали было обороняться, но скоро смирились, уплатили за всѣ убытки, понесенные купцами отъ новгородскихъ разбойниковъ, и обязались уплачивать ежегодно великому князю такъ называемый „черный боръ“ (подать съ черныхъ людей). Кромѣ бѣдствій отъ усобицъ, были и другія несчастія: страшная моровая язва свирѣпствовала на Руси (въ 1363—1364 год.), такъ что живые не успѣвали хоронить мертвыхъ. Отъ сильныхъ засухъ не разъ были голодовки и падежъ скота.

Печальная слѣдствія татарскаго владычества тоже уже ясно сказывались. Отъ погромовъ татарскихъ и поборовъ бѣдность, нищета и горе были повсюду. Хотя народу стало легче, когда вмѣсто татарскихъ сборщиковъ начали русскіе князья сами собирать дань и отвозить ее въ Орду, но и князья принуждены были брать съ народа своего очень много, чтобы насытить корыстолюбіе хановъ, ихъ женъ и ханскихъ вельможъ. Кромѣ прямой дани, приходилось еще

установить разные налоги и поборы. За право торговли, за провозъ товаровъ должны были платить извѣстные налоги; собирались пошлины и съ разныхъ промысловъ: съ рыбныхъ ловель, съ мельницъ и пр. Со всѣхъ почти промысловъ и занятій шли пошлины. Прежде до татарскаго нашествія этого не было: платили только дань князьямъ, да и то небольшую. Понятно, что подъ владычествомъ татаръ не могли на Руси процвѣтать ни промыслы ни торговля.

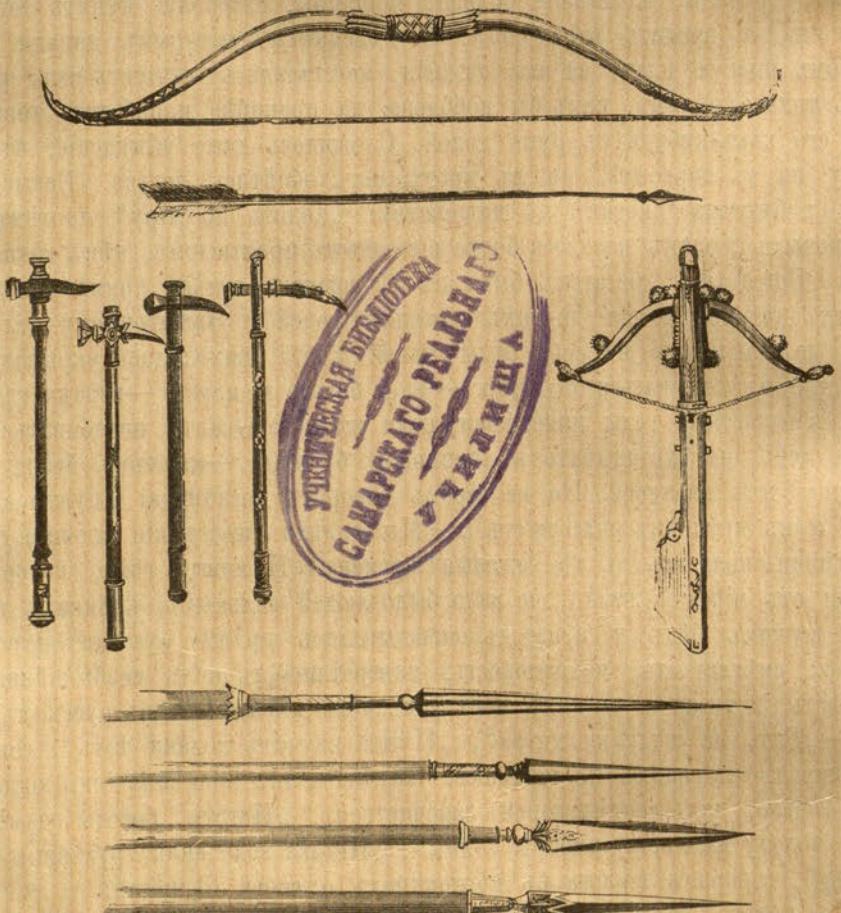
Бѣдность да неволя вредили сильно и нравамъ: бѣдняки привыкли уничтожаться, прибѣгать къ разнымъ уловкамъ и обманамъ, чтобы соблюсти свои выгоды. Торговцы, платившіе большія пошлины, старались купить товаръ за безцѣнокъ, а продать втридорога. Ремесленники, которымъ давали купцы слишкомъ низкую плату за ихъ издѣлія, не старались улучшить ихъ, и забоились только о томъ, какъ бы побольше да поскорѣе наработать товару да сбыть его какъ-нибудь съ рукъ долой. Сложилось даже убѣжденіе, что безъ обману ни въ торговлѣ, ни въ промыслахъ обойтись нельзѧ. Безысходная нужда побуждала многихъ къ нищенству: „ходить по міру“ многимъ даже и здоровымъ людямъ казалось болѣе выгоднымъ промысломъ, чѣмъ какая-либо работа. Богатство, достатокъ были въ тѣ времена только приманкою и для хищныхъ татаръ, и для другихъ „лихихъ людей“. Зажиточному человѣку, чтобы не накликать на себя бѣды какой-либо, приходилось скрывать свое имущество, прикидываться бѣдникомъ,—„съ босого да нагого—взятки гладки!“ Въ тѣ злосчастные годы привыкали люди жить кое-какъ, перебиваться изо дня въ день, не заглядывать въ невѣрное будущее,—являлась беспечность, привычка жить на-авось. Но не даромъ говорить пословица: „нужда слабаго мнеть, а въ крѣпкомъ волю куетъ“.—Мы видѣли уже, какіе сильные духомъ подвижники являлись въ тѣ тяжелыя времена. И между тѣми, которые не уходили отъ мірской жизни, не мало было людей сильныхъ, крѣпкихъ волею. Среди всякихъ бѣдъ и невзгодъ складывались нравы русскаго народа и свойства: смѣливость, находчивость, изворотливость и та необычайная выносливость, которая и до сихъ поръ удивляетъ иноземцевъ въ русскомъ человѣкѣ.—„Голь на выдумки хитра“, „Нужда научить колачи Ѣсть“, говорить нашъ народъ въ своихъ пословицахъ. Научился онъ посмѣиваться, хоть иной разъ и горько, надъ своимъ горемъ-злосчастьемъ. „Наготы, босоты изувѣшены шесты; холоду да голоду амбары полны“, „Шапка волосяная, рукавицы свое- кожаныя“, говорилъ народъ въ пословицахъ о своей бѣдности.

Не только въ народѣ была бѣдность, была она и въ другихъ сословіяхъ; такихъ богатыхъ людей, какіе встрѣчаются въ наше время, тогда и въ поминъ не было. Даже и князья того времени были не богаче нынѣшихъ крупныхъ помѣщиковъ.

Печальная, непріглядна была жизнь русскаго народа въ концѣ XIV столѣтія; но она скрашивалась свѣтлою надеждою на скорое освобожденіе отъ тяжкаго татарскаго ига. Послѣ Димитрія Донского надежда эта уже не казалась никому несбыточной мечтой. Куликовская битва была великимъ событиемъ для русскаго народа: послѣ нея у русскихъ прибыло смѣлости настолько, насколько убыло ея у татаръ. Битва эта была блестишней пробой соединенныхъ русскихъ силъ. Сами ханы на бѣду себѣ, не понимая, конечно, этого, по-

могли усилиться московскимъ князьямъ и начать то „собирание Русской земли“, которое сдѣлало ее могучею, дало ей силы справиться съ сильными врагами.

Дѣвь великия задачи обозначились ясно для потомковъ Ивана Калиты и Димитрия Донского: первая—довершить собирание Русской земли, вторая—покончить съ позорнымъ татарскимъ владычествомъ. Выяснилась уже и третья великая задача—борьба не на жизнь, а на смерть, съ Литвою, которая, пользуясь бѣствиями Русской земли во время татарщины, завладѣла многими русскими областями, окрѣпла, усилилась и постоянно грозила бѣдою Москвѣ.

Лукъ и стрѣла.—Чеканы, или клевцы.—Самострѣль.—Копья.

Много тяготы и труда пришлось еще вынести русскому народу, много крови пролить, чтобы выполнить эти задачи. Для князей московскихъ ратное дѣло долгое время должно было быть самымъ важнымъ.

Во время татарского владычества русское военное искусство сильно измѣнилось. Прежде русские князья во время своихъ усобицъ и борьбы съ половцами дѣйствовали обыкновенно небольшими отрядами, а теперь въ борьбѣ съ татарскими полчищами пришлось выставлять огромныя ополченія. Постоянного войска, кроме небольшой княжеской дружины, не было. Собиралось оно только

въ случаѣ надобности. По примѣру татаръ, русская рать дѣлилась на тысячи, сотни, десятки.

Конница составляла главную часть войска. Въ древности русскіе дружины и воины вооружались подобно норманнамъ, а въ XV вѣкѣ въ военномъ дѣлѣ многое заимствовано было у татаръ. Конскій уборъ былъ тотъ же, что у татаръ. Кривыя татарскія сабли стали замѣнять мало-по-малу прежніе мечи. Кроме сабель, наступательнымъ оружиемъ служили самострѣлы, луки, различнаго вида копья, сѣкиры и палицы. Хотя и упоминается въ лѣтописи объ огнестрѣльномъ оружіи при Димитрии Донскомъ, но вошло оно въ общее употребленіе позже. Охранительные доспѣхи были очень разнообразны. Встарину не было одного общаго для всѣхъ вооруженія: каждый ратникъ вооружался по своимъ средствамъ и желанію. Исключеніе составляли только княжескіе дружины, которые, вѣроятно, имѣли хорошіе и одинаковые доспѣхи. Щиты, шлемы, панцири, поножи, поручи должны были хорошо охранять отъ вражьихъ ударовъ бояръ и богатыхъ ратниковъ, составлявшихъ конницу. Шлемы были по виду очень разнообразны и носили разныя названія (шишаки, колпаки, ерихонки, мисюрки и др.). Панцири, защищавшіе туловище, были тоже весьма разнообразны: у однихъ воиновъ были простыя кольчуги; у другихъ были баhtерцы, байданы, юшманы и колонтири,—это были тѣ же кольчуги съ прибавленіемъ металлическихъ пластинокъ или щитковъ различнаго вида на груди, спинѣ и бокахъ; у третьихъ были куяки, т.-е. кожаныя или суконныя рубахи, на которыхъ были прикреплены металлическія бляхи различнаго вида. Полное и хорошее вооруженіе стоило очень дорого, и потому было доступно немногимъ. Такъ-какъ оно было и очень тяжелымъ, то для пѣшаго воина не годилось. Бѣники часто довольствовались только тегиляями,—это были толстые, набитые пенькой и простеганные кафтаны, въ толщѣ которыхъ клади куски желѣза и обломки старого вооруженія. На голову такие воины надѣвали, вместо желѣзныхъ шлемовъ, сходные съ тегиляями, толстые, набитые пенькой колпаки. Вооруженные подобнымъ образомъ воины были очень неуклюжи на видъ, но довольно хорошо защищены отъ стрѣль и сабельныхъ ударовъ. Самая названія различныхъ частей русскаго вооруженія въ концѣ XV вѣка показываютъ, что оно было заимствовано отъ татаръ и другихъ восточныхъ народовъ.

Ерихонка.—Шишакъ.—Мисюрки.—Колпакъ.—Шапка бумазная.

РОДОСЛОВНАЯ ТАБЛИЦА.

Родослов.—Синеусъ.—Труворъ.

879.

Олегъ. Пюро. Ольга
912. 945. 969..

Святославъ.

972.

Ярополкъ.—Олегъ.—Владимиръ Св. (Линна, царевна греческая).
980. 977. 1014.

Изяславъ — Святополкъ. — Борисъ. — Глѣбъ. — Святославъ. — Ярославъ. — Мстиславъ
Полоцкий. 1018. 1015. 1015. 1015. 1054. Тмутраканскій и др.
1001.

Брячиславъ. Владимира. — Изяславъ.
1014. 1052. 1078.

Всеславъ. Ростиславъ. Святополкъ. Глѣбъ.—Давидъ. — Романъ. — Олегъ — Ярославъ. — Владимира.
1101. 1066. 1113. 1078. 1123. 1079. Черниговскій. Рязанскій. Мономахъ.
1115.

Василько.—Володарь.
1124. 1124. 1146. 1161. 1146. 1147. 1147. 1166.

Владимирко.—Ростиславъ.
Галицкій. 1126.

Ярославъ. Иоаннъ. Всеволодъ.
1188. 1161. 1215. 1212.

Михаилъ. Олегъ Курский.
1246. 1228.

Святославъ.
1194.

Святославъ.
1202.

Святославъ.
1212.

Святославъ.
1153.

Игорь.
1129.

Игорь.
1166.

Изяславъ — Всеволодъ — Игорь.—Святославъ Ростиславъ.
Волынский. Новгородскій. Смоленскій.
1154. 1138. 1168.

Мстиславъ. Романъ. — Давидъ.—Мстиславъ.—Юрий.
1170. 1180. 1197. Храбрый. 1215.

Романъ. Мстиславъ. Мстиславъ. Мстиславъ
1205. Киевскій. 1230. Удалой.
1224. 1228.

Данилъ.
Галицкій.
1264.

Данилъ. — Андрей — Евфимія — Евфимія — Анастасія — Юрий Долгорукий
1132. 1139. за греч. царевич. Туровскій. за венгерскимъ королемъ. 1141. за польскимъ ж. на Ольгѣ ц. греческой.
1154. 1154.

Изяславъ — Всеволодъ — Ростиславъ.
Волынский. Новгородскій. Смоленскій.
1154. 1138. 1168.

Мстиславъ. Романъ. — Давидъ.—Мстиславъ.—Юрий.
1170. 1180. 1197. Храбрый. 1215.

Романъ. Мстиславъ. Мстиславъ. Мстиславъ
1205. Киевскій. 1230. Удалой.
1224. 1228.

Данилъ.
Галицкій.
1264.

Данилъ. — Андрей — Иоаннъ — Юрий — Данилъ — Данилъ — Константина
1294. 1302. 1302. 1303. 1303. 1326. 1326.

Константинъ. Иоаннъ. — Юрий — Иоаннъ I Димитрій.—Александъ.—Константина
1355. 1355. 1355. 1355. 1355. 1355. 1346.

Данилъ. — Борисъ.
Суздальскій. 1391.

Симонъ — Иоаннъ II.—Андрей.
Гордый. 1359. 1359. 1359. 1359. 1359. 1359.

Димитрій — Борисъ.
Донской. 1383. 1383. 1383. 1383. 1383. 1383.

Симонъ — Иоаннъ III.—Андрей.—Константина
Гордый. 1353. 1353. 1353. 1353. 1353. 1353.

Димитрій Владіміръ.—Храбрый.
Донской. 1410. 1410. 1410. 1410. 1410. 1410.

Михаилъ.
1399. 1399. 1399. 1399. 1399. 1399.

Димитрій Владіміръ.—Храбрый.
Донской. 1389. 1389. 1389. 1389. 1389. 1389.

УЧЕНЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА
САМАРСКОГО РЕАЛЬНОГО
УЧИЛИЩА

ПРИМѢЧАНІЯ КЪ РИСУНКАМЪ.

Стр. 17-я. Каменные орудія (12 изображеній), уменьшены противъ натуральной величины въ 2—3 раза. Верхній рядъ изображеній представляетъ груботесаныя орудія, нижній—отшлифованыя и съ пробуравленными отверстіями (см. атласъ при Трудахъ 1-го археологич. съѣзда, въ «Очеркахъ Рус. Исторіи» П. Полевого и въ «Матер. по ист. рус. одеждъ» В. Прохорова).

Стр. 18-я. Бронзовыя и желѣзныя орудія (13 изображ.), уменьш. въ 2—3 раза. (Топоры, молоты, наконечники стрѣль и копій) (см. Труды арх. съѣзда, Полевого «Очерки» и Прохорова «Материалы» и пр.).

Стр. 19-я. Видъ кургана Александровского («Очерки» и пр. П. Полевого).

Стр. 20-я. Каменные бабы (истуканы) (3 изображ.). Обыкновенная величина около 2-хъ арш. въ вышину (у Прохорова и у Полевого).

Стр. 22-я. Золотая ваза изъ Куль-обского кургана, уменьш. въ 2 раза.— Серебряная ваза изъ Чертомлыцкаго могильника (уменьш. почти въ 7 разъ) (см. у Прохорова).

Стр. 24-я. Совѣщаніе скиѳовъ.—Скиѳы, стояножащій коня (тамъ же).

Стр. 25-я. Скиѳские котлы. (Полевого. «Очерки»).

Стр. 37-я. Норманская ладья (см. у Погодина).

Стр. 55-я. Русскій дружинникъ X вѣка. (См. Русск. историч. одежды С. Стрекалова, а также «Историч. опис. одеждъ и вооруж. россійск. войскъ»). Рисунокъ составленъ по описанію Льва Диакона. Изъ разсказовъ его о славянскихъ воинахъ видно, что они носили кольчужныя брони и шлемы, большие щиты. Какъ наступательное оружіе, russы употребляли скиѳы, мечи, длинныя копья и стрѣлы. Ни Левъ Диаконъ, ни Ибнъ-Фоцланъ, говоря о вооруженіи russовъ, не даютъ подробнаго и точнаго описанія его, но не подлежитъ сомнѣнію, что вооруженіе древнихъ russовъ было сходно со скандинавскимъ. А изображенія древняго скандинавскаго вооруженія, къ счастію, сохранились.

Шлемы были остроконечные, съ забралами, или личинами для защиты лица; для защиты затылка и шеи къ шлему прикреплялась кольчужная желѣзная сѣтка. Кольчуга имѣла видъ рубахи, длиною была иногда до колѣнъ, иногда короче. Кроме того, надѣвали иногда еще кольчужные штаны. Щиты, полукруглые сверху, заострялись книзу и были обтянуты снаружи красною кожею. Скиѳы и обоюдоострые мечи были массивны и тяжелы.

Стр. 56-я. Одежда Святослава. Рисунокъ составленъ по описанію Льва Диакона (оно приведено у насъ въ текстѣ). См. Древн. Русск. Исторія М. Погодина.

Костюмъ русскаго воина X вѣка по описанію Ибнъ-Фоцлана. Русскіе въ древности, по словамъ его, никогда не ходили безъ оружія. Обыкновенное оружіе простого человѣка (не-дружинника) составляли топоръ (скиѳы), мечъ и ножъ. Вместо рубахи иные въ лѣтнюю пору накидывали на плечи кусокъ грубой ткани, такъ что правой рукой можно было действовать. Несомнѣнно,

что въ бою они сбрасывали эти плащи и дрались полунагие. Обувью служили обыкновенно лапти; но на ряду съ ними употреблялась и кожаная обувь.

Стр. 59-я. Древній мечъ, 2 топора, 3 кинжалы и 2 ножа (8 изображеній) (Прохорова «Материалы»).

Стр. 60-я. 2 ожерелья и 4 подвески (6 изображеній) (тамъ же).

Стр. 61-я. 5 обручей (браслетовъ), 7 серегъ и 2 кольца (14 изображеній) (тамъ же).

Стр. 62-я. Турій рогъ въ серебряной оправѣ (у Прохорова).

Стр. 70-я. Корсунскіе кресты (у Полевого Художеств. Россія).

Стр. 72-я. Памятникъ крещенія въ Киевѣ (по фотографіи).

Стр. 78-я. Памятникъ Владимиру Св. въ Киевѣ (по гравюрѣ).

Стр. 82-я. Воины-варяги XI вѣка. Изображенія эти воспроизведены Оленинымъ по древнимъ памятникамъ норманскимъ и русскимъ. Вооруженіе лучшихъ русскихъ воиновъ, т.-е. дружинниковъ, было совершенно таково же.

Первая фигура представляетъ воина въ кольчугѣ и кольчужныхъ штанахъ. Голова его защищена остроконечнымъ шлемомъ. Лѣвой рукой воинъ опирается на остроконечный желѣзный щитъ, а правой на древко сѣкiry. На лѣвомъ боку видна рукоять тяжелаго меча.

Другая фигура изображаетъ воина въ бронѣ дощатой, т.-е. въ кольчугѣ, прибавлены на груди желѣзныя полосы. Щитъ четырехугольный, выпнутый. Шлемъ тоже остроконечный, но несолько другой формы. Къ шлему иногда прибавлялось такъ назыв. забрало, или личина, имѣвшая иногда видъ полумаски, закрывающей верхнюю половину лица. Въ правой руцѣ у воина боевое копье. На лѣвомъ боку висить мечъ. (См. Погодина).

Стр. 84-я. Софійскій соборъ въ Киевѣ. Рисунокъ сдѣланъ по фотографіи (см. у Полевого). Со времени постройки Киево-Софійскаго собора Ярославомъ зданіе это несолько разъ подвергалось исправленіямъ и измѣненіямъ, но все-таки Киево-Софійскій соборъ представляетъ лучшій образецъ церковнаго зодчества XI вѣка у насть на Руси. Стѣны зданія уцѣлѣли. На стѣнахъ подъ штукатуркой найдены въ 1843 г. древнія стѣнныя изображенія (фрески). Эти изображенія, по соображеніямъ археолговъ, современны постройкѣ собора. (См. Христіанскія древности В. Прохорова).

Стр. 85-я. Князь на тронѣ и оруженосецъ. (См. у Стрекал. и Погодина). Одно изъ стѣнныхъ изображеній (фресокъ) по стѣнамъ обѣихъ лѣстницъ, ведущихъ на полати въ Киево-Софійскомъ соборѣ. Фрески эти драгоценны для исторіи. Хотя они несомнѣнно сдѣланы греческими художниками, но они, очевидно, хотѣли изобразить сцены изъ russкой жизни. Объясненіе ниже.

Стр. 86-я. Музыканты и плясуны. Этотъ замѣчательный фрескъ даетъ намъ понятіе о музыкальныхъ инструментахъ и потѣхахъ XI вѣка. Здѣсь видимъ, что употреблялись струнныя инструменты (родъ гитары и арфы), духовые (трубы и флейты) и ударные (тарелки). Интересны и костюмы. Очевидно, они представляютъ обыкновенную комнатную одежду. Одѣты плясуны и музыканты въ рубахи, опоясаны поясами. Штаны широкіе вправлены въ голенища сапогъ. Главнымъ украшеніемъ служатъ оплечія (нечто въ родѣ княжескихъ бармы). Головной уборъ представляютъ остроконечная высокія шапки или невысокія круглые съ окольшемъ. Изображенія музыкантовъ и плясуновъ несомнѣнно представляютъ вообще образецъ простой домашней одежды княжихъ людей. Лѣтняя одежда простолюдиновъ была такова же.

Стр. 89-я. Князь и княжна. Рисунокъ представляетъ торжественный княжескій уборъ. Нарядъ этотъ очень напоминаетъ византійскій. Рисунокъ составленъ на основаніи фресокъ Киево-Софійскаго собора.

Одежда князя и княжны почти одинакова, съ тою лишь разницею, что одежда княжны немного длиннѣе. На плечахъ накинуты плащи (корзна). Корзна эти украшены спереди златоткаными вошвами, драгоценными камнями.

Корзно охватываеть шею, скрѣпляясь у праваго плеча запоной. Корзны были обыкновенно пурпурового цвѣта (багряницы). Подъ корзномъ надѣть костюмъ въ родѣ кафана съ тою разницею, что онъ не разрѣзанъ спереди и рукава широкіе. Костюмъ этотъ съ нижнаго края украшень златотканной обшивкой съ драгоцѣнными камнями, на рукавахъ тоже есть (у князя) круглые вошы изъ златотканной матеріи. Изъ-подъ широкихъ рукавовъ видны узкие рукава рубахи, стянутые нарукауниками, опястями (родъ браслетовъ, или обручей, какъ назывались они встарину). На головахъ у князя и княжны золотые вѣнцы, или короны, украшенные драгоцѣнными камнями.

Одежда княгинь была совершенно та же, какъ и княженъ. Разница была только въ головномъ уборѣ. Волосы княгини, какъ замужней женщины, были скрываемы подъ покрываломъ.

Одежда зажиточныхъ людей была той же формы, какъ и княжеская (за исключениемъ княжескихъ вѣнцовъ). См. княжескаго оруженосца на стр. 85. Позади книги изображенъ его тронъ, украшенный драгоцѣнными камнями.

Стр. 90-я. Золотыя и серебряныя монеты Св. Владимира. (См. Onken. Allg. Gesch.).

Стр. 91-я. Ярославово серебро. (См. тамъ же и у Куника въ его изслѣдований о русско-византійскихъ монетахъ Ярослава I; у Погодина т. III). Сначала смотрѣли сомнительно на нѣсколько монетъ, относимыхъ ко времени Владимира и Ярослава; но кладъ, найденный въ 1852 г. въ Нѣжинѣ, разсѣялъ всякия сомнѣнія. Здѣсь найдено было значительное число монетъ, относящихся ко времени Владимира Св., Ярослава, Владимира Мономаха, Юрия, т.-е. къ промежутку времени отъ 988 по 1157 годъ.

Стр. 93-я. Гробница Ярослава (въ Софійск. соборѣ) (см. у Полевого).

Стр. 95-я. Князь и княгиня съ дѣтьми. Рисунокъ составленъ по изображенію въ Изборникѣ Святослава. Объясненія см. ниже, къ рисунку на стр. 137

Стр. 105-я. Русскій конный воинъ XI—XII ст. (см. Исторія одѣждъ и вооруженія русск. войскъ). Шлемъ съ лициною. Шея и задняя часть головы защищены кольчугой. Кольчужный кафтанъ и штаны. Щитъ сверху круглый, книзу остроконечный. Щиты обыкновенно обтягивались кожей и окрашивались красною краской. Копье съ пропорцемъ (маленькій значокъ).

Стр. 120-я. Древніе шлемы, кольчуга, мечъ, лукъ и копье. Рисунки взяты у Стрекалова (см. л. 27) и у Погодина, см. т. III. Среднее изображеніе шлема представляеть шлемъ, найденный въ Кіевѣ на берегу Днѣпра. Шлемъ этотъ съ длиннымъ выступомъ, представляющимъ какъ-бы забрало, предохраняющее отъ ударовъ меча, можетъ быть отнесенъ къ XI, даже X вѣку. (См. рисунокъ на стр. 59). Крайніе два рисунка представляютъ шлемы позднѣйшаго времени. Кольчуга относится къ XII вѣку. Найдена она въ Подольской губ. Мечъ, очевидно, очень древній, XI или даже X вѣка. Лукъ самой простой формы. Такіе луки, вѣроятно, употреблялись въ Хвѣкѣ. Судиша, особый видъ копья, съ двумя остріями, найдена въ окрестностяхъ Кієва. Эти воинскіе доспѣхи хранятся въ археографическомъ музеѣ Кіевскаго университета.

Стр. 130-я. Кіево-Печерская лавра. Зданіе представлено въ теперешнемъ видѣ (по фотографіи). Хотя зданіе перестраивалось нѣсколько разъ, но, принявъ во вниманіе, что предки наши всегда высоко чтили старину и старались, насколько возможно, ближе держаться ея, можно смѣло предположить, что новое зданіе въ общемъ видѣ близко подходитъ къ древнѣйшему.

Стр. 136-я. Образчикъ изъ Остромирова Евангелія. Это Евангеліе представляеть древнѣйшую и одну изъ самыхъ изящныхъ нашихъ рукописей. Писано оно уставомъ, на хорошемъ пергаменѣ, крупными буквами, несоединенными между собою; нѣкоторыя заглавныя буквы, затѣйливо рисованыя,

представляютъ старательную работу. Рукописи, подобныя Остромирову Евангелію, стоили очень дорого.

Стр. 137-я. Княжеская семья (изъ Сборника Святослава). Контурный снимокъ съ рисунка въ Сборникѣ Святослава. Оригинальный рисунокъ сильно попорченъ, краски полиняли, выцвѣли; отъ одной фигуры (изображающей князя Глѣба) осталось только нѣсколько неопределенныхъ пятенъ. (На нашемъ контурномъ рисункѣ эта фигура вовсе и не обозначена). Несмотря на испорченность рисунка, по нему можно все-таки ясно судить о покроѣ одеждъ и о цвѣтахъ ея.

На Святославѣ круглая, низкая шапка, отличная отъ шапокъ дѣтей, въ родѣ треуха. У нея, кажется, подняты вверхъ мѣховыя уши, цвѣтъ которыхъ сбивается теперь на синій. Околошъ у шапки бурый, а туля была, вѣроятно, золотая. Святославъ изображенъ съ большими усами, съ подстриженными бородою и волосами на головѣ. Епанча, или корзно, Святослава Ярославича синяго цвѣта, обшитая золотымъ галуномъ и подбитая красною тканью, застегнута на правомъ плечѣ запоной. (Покрой корзна имѣть видъ полукруга. Края обшивались золотымъ или серебрянымъ галуномъ или шитьемъ). Подъ корзномъ подризникъ, родъ, кафтанъ, синеватаго или зеленоватаго цвѣта. Подризникъ подпоясанъ, но пояса не видать. Подоль у него обложенъ широкою красною каймою. Сапоги востроносые изъ зеленаго хуза, или сафьяна.

Меньшой сынъ изображенъ въ настоящемъ русскомъ платьѣ. На головѣ у него шапка, какъ и у всѣхъ другихъ братьевъ; туля у нея синяго цвѣта. Кафтанъ, какъ и у прочихъ князей, одинакового малиноваго цвѣта. Онъ застегнутъ золотыми петлицами отъ шеи до пояса. Поясь также золотой, неширокій; по бокамъ висятъ отъ него по два конца, ладони въ двѣ длины. Воротникъ у кафтана золотой и оканчивается на груди двумя широкими закругленными концами. У этого ворота, подъ шеи, виденъ воротъ рубашки, или сорочки. Подоль кафтана обложенъ широкою золотою каймою.

Позади меньшаго сына стоять княгиня Ода въ тогдашнемъ общемъ европейскомъ костюмѣ. Это одѣяніе состояло изъ платка, или фаты, обверченной около головы. Одно лицо оставалось неокрытое. Верхнее платье состояло изъ широкаго глухого балахона, краснаго цвѣта, съ широкими и довольно длинными рукавами, въ видѣ монашеской рясы. Воротъ у этого платья обложенъ былъ особаго цвѣта широкимъ отложнымъ воротникомъ, а подоль широкою каймою. Подъ этимъ платьемъ, подпоясаннымъ золотымъ поясомъ, была другая одежда съ узкими рукавами и съ золотыми поручами (одѣждъ эта по формѣ подобна была священническимъ подрясникамъ). Башмаки у княгини были, кажется, парчевые или красные сафьянны, шитые золотомъ; форма ихъ круглоносая.

Другие же взрослые сыновья Святослава и Оды представлены въ тѣхъ же самыхъ шапкахъ, платьѣ и обуви, какъ малолѣтній ихъ братъ. (См. у Погодина, т. III, стр. 37).

Стр. 139-я. Пещера и гробница препод. Нестора въ Кіево-Печерской лаврѣ (у Полевого «Очерки Исторіи»).

Стр. 141-я. Планъ древняго Новгорода. (См. у Полевого Худож. Россія). Изображеніе древняго Новгорода находится въ иконостасѣ, на деревянной доскѣ, подъ чудотворною иконою Знаменія Богородицы въ Новгородскомъ Знаменскомъ соборѣ. Это изображеніе тщательной иконной живописи древняго греческаго стиля, круглое, 19 дюймовъ въ диаметрѣ. На немъ представлены приступъ къ Новгороду сузальцевъ и битва. Кремль и нѣкоторыя зданія на Софійской и Торговой сторонахъ (церкви, башни) находятся и понынѣ въ томъ же видѣ.

По этому рисунку можно хорошо судить о расположениіи стѣнъ и частей

города. Что же касается расположения домовъ, то, конечно, трудно ожидать здѣсь точности.

Стр. 145-я. Софійскій соборъ въ Новгородѣ. (Рисунокъ взятъ изъ Исторіи Русской литературы П. Полевого). Соборъ основанъ въ 1045 г. и освященъ 1052 г. вторымъ епископомъ новгородскимъ Лукою Жидягою. Построенъ изъ дикаго камня, крупнаго и мелкаго, обтесанныхъ плитъ и кирпича разной величины и формы. Храмъ имѣеть видъ правильнаго, почти равносторонняго четвероугольника. На восточной сторонѣ выдается шесть полукруглыхъ выступовъ. Изъ нихъ три средніе принадлежатъ главному алтарю, а остальные—придѣльнымъ алтарямъ. Надъ жемѣзною кровлюю собора возвышаются на круглыхъ каменныхъ трибунахъ шесть большихъ главъ. Изъ нихъ 5 посрединѣ, а 6-я на юго-западной сторонѣ, надъ лѣстницей. Внутри собора стоять десять массивныхъ, четырехгранныхъ столбовъ, на которыхъ утверждены верхніе своды съ куполомъ, 8 изъ нихъ среди собора, а два на главномъ алтарѣ. (См. у Погодина, т. III, стр. 29).

Зданіе Софійскаго собора подвергалось сильнымъ измѣненіямъ.

Стр. 147-я. Старо-Ладожская крѣпость. (См. у Прохорова). «Староладожская крѣпость поставлена на лѣвомъ берегу Волхова, при впаденіи рѣчки Ладожки, гдѣ образуется довольно возвышенный мысъ. Внутренность крѣпости имѣеть длину около 62 саженей, а въ ширину почти половину; она представляеть форму утюга. Стѣна изъ большихъ булыжныхъ камней и плитъ дубовыми связями, которая и теперь еще видны по угламъ въ полуразвалившихся круглыхъ башняхъ, съ узкими, продолговатыми отверстіями для метанія стрѣль. Подъ стѣнами идутъ тайные ходы, или тайники, обложеніе тесаной плитой съ полукруглыми сводами. Въ опустѣлой заросшей травой крѣпости находятся двѣ церкви: каменная св. Георгія и деревянная св. великомученника Димитрія».

Построена эта крѣпость, по соображенію Погодина, посадникомъ Павломъ въ 1116 г. (См. Погодина, т. III, стр. 43).

Стр. 153-я. Старинная церковь св. Георгія въ Старой Ладогѣ. (См. Христіанскія древности, В. Прохорова).

Каменная церковь построена въ XII вѣкѣ во имя св. великомученника Георгія. Церковь эта представляеть одинъ изъ древнѣйшихъ памятниковъ нашего зодчества. Зданіе это, представляющее храмъ въ простѣйшей формѣ, претерпѣло нѣсколько измѣненій.

Въ древнихъ русскихъ церквяхъ окна дѣлались очень узкія, длинныя и притомъ, очень высоко отъ фундамента. Впослѣдствіи эти окна задѣлывались, а вмѣсто нихъ пробивались окна ниже и притомъ болѣе широкія. Древніе церковные куполы представляли видъ полушара. И окна и куполь церкви св. Георгія новѣйши; но стѣны остались старинныя. На этихъ стѣнахъ уцѣлѣли древніе фрески, весьма важные для истории иконописи.

На этомъ же рисункѣ изображена маленькая деревянная церковь во имя св. Димитрія. Хотя постройка эта, конечно, не древняя, но, думаемъ, она можетъ служить хорошимъ образцомъ того, какъ строились и въ древности у насъ самыя простыя церкви въ бѣдныхъ городахъ и селахъ. Одинъ срубъ, болѣй, составляетъ большую часть церкви, другой, меньшій—алтарь, третій—переднюю часть церкви (стѣни). Небольшой куполь съ крестомъ на среднемъ срубѣ показываетъ издали назначение постройки.

Стр. 154-я. Ярославъ Всеволодовичъ (фресковое изображеніе XII ст.) въ Спасо-Нередицкой церкви въ Новгородѣ,—драгоценное для исторіи одѣждъ. Строители храмовъ изображались обыкновенно съ церковью въ рукѣ. (См. у Прохорова).

Стр. 155-я. Гривна кievская, гривна новгородская, рубль псковской и рубль новоторжской. (См. у Шодуара).

Стр. 156-я. Юрьевскій монастырь близъ Новгорода. (Полевой, Худож. Россія).

Стр. 158-я. Успенскій соборъ во Владимирѣ (у Полевого «Очерки исторія»).

Стр. 160-я. Золотыя ворота во Владимирѣ (тамъ же).

Стр. 161-я. Изображенія на иконѣ (Полевого Худож. Россія).

Стр. 165-я. Входъ на лѣстницу, гдѣ былъ убитъ вел. кн. Андрей. (Полевого Очерки).

Стр. 166-я. Остатки дворца Андрея въ Боголюбовѣ. (См. у Погодина, т. III, стр. 40). Великокняжеская горница и стѣни въ Боголюбовѣ (обстоятельное описание см. въ сочиненіи г. Доброхотова). (См. у Полевого Очерки).

Это, по мнѣнію г. Доброхотова, придворная комната, пристроенная къ сѣверной стѣнѣ Рождественской церкви, ведшая во храмъ и извѣстная подъ именемъ молельни, и стѣни, гдѣ кончилась свою жизнь вел. кн. Андрей.

Материалъ стѣнъ комнаты и стѣнѣ—бѣлый известковаго свойства камень. Длина всего зданія съ наружной стороны 5 саж. и 1 арш., а ширина 2 саж. 1 арш. и 2 верш. Внутри стѣнѣ, подлѣ сѣверо-восточнаго угла, виденъ задѣланный бѣлыми же камнями выходъ на сѣверную сторону. «Это, говоритъ г. Доброхотовъ,—безъ сомнѣнія, дверь, которая вела въ княжескіе покои... далѣ же долженъ быть находиться уже самый княжій домъ, основанія которого, какъ говорятъ, видны были при копаніи рвовъ для фундамента зданія новыхъ монастырскихъ келій. Итакъ, домъ княжій не существуетъ и слѣдовательно уже нѣть той комнаты, куда вломились Кучковичи и ихъ соумышленники и гдѣ изранили безоружнаго князя».

Стр. 168-я. Димитріевскій соборъ во Владимирѣ. (У Прохорова, Христіанскія древности). «Основанъ великимъ княземъ Всеволодомъ въ 1197 году. Это—одна изъ самыхъ замѣчательныхъ владимирскихъ церквей, какъ по своимъ оригинальнымъ наружнымъ украшеніямъ, такъ и по сохранившимся (болѣе, чѣмъ въ другихъ церквяхъ) древнимъ формамъ. Полушарообразный куполь, узкія окна, пробитыя высоко надъ основаниемъ, и алтарные выступы,—все это признаки глубокой старины. Стѣны церкви снаружи украшены въ изобилии рельефными изображеніями. Владимирскіе мастера, славившіеся своимъ камнетеснымъ искусствомъ, видимо, употребили здѣсь все свое стараніе и знаніе. Весьмаѣроятно, что работами руководилъ какой-нибудь греческій архитекторъ, пріѣхавшій изъ Сѣверной Италии». (Планъ и фасадъ этой церкви чисто греческій, а нѣкоторая изъ украшеній сходны съ греческими постройками Сѣверной Италии).

Разные мастера, по мнѣнію г. Прохорова, высѣкали на камняхъ всякие попавшіеся имъ подъ руки узоры для украшенія стѣнъ, вовсе не думали о какомъ-либо символическомъ значеніи изображеній. Фигуры растеній, звѣрей, птицъ и разныхъ фантастическихъ животныхъ,—все перемѣшано между собою, какъ пришло, безъ всякаго порядка и значенія.

Стр. 175-я. В. кн. Владимиръ посыаетъ Бориса съ дружиной на печенѣговъ. Сказаніе о Борисѣ и Глѣбѣ. (См. Полевого Очерки).

Стр. 177-я. Обѣдъ князя съ митрополитомъ и священниками (факсимile въ нѣсколько уменьшенному видѣ съ рисунка въ Сказаніи о Борисѣ и Глѣбѣ XIV стол.) см. у Погодина.

Стр. 178-я. Погребеніе князя (по Сказанію о Борисѣ и Глѣбѣ) см. Полевого «Очерки».

Стр. 181-я. Одежда русскихъ XI столѣт. (3 фигуры: одежда зажиточныхъ людей: 1) замужней женщины, 2) мужчины и 3) девицы. Рисунки составлены по византійскимъ источникамъ и по изображеніямъ въ Изборнику Святослава 1073 г.) см. у Стрекалова «Русскія историческія одежды».

Стр. 182-я. Одежда русскихъ князей и зажиточныхъ людей XII ст. (3 фигуры. Составлены на основании рисунковъ въ древнихъ рукописяхъ) у Стрекалова «Русскія историческія одежды».

Стр. 183-я. Одежда русскихъ зажиточныхъ людей XIII ст. (3 фигуры на основаніи древнихъ рукописныхъ изображеній) у Стрекалова.

Стр. 224-я. Троице-Сергіевская лавра (по фотографії) у Полевого «Исторія Русской литературы».

Стр. 230 я. 1) Воинъ въ юшманѣ, шишакѣ и приволокѣ и 2) воинъ въ куякѣ и стеганой шапкѣ (у Савваитова. Описаніе старинныхъ царскихъ утварей, оружія и проч., а также въ «Историч. опис. одеждъ и вооруженія»).

Стр. 232-я. Ратникъ въ бахтерцѣ и шишакѣ съ еловцемъ. Оттуда же.

Стр. 234-я. Ратникъ въ юшманѣ и мисюркѣ (Изъ «Историч. опис. одеждъ и вооруж. российск. войскъ»).

Стр. 234-я. Воинъ въ колонтарѣ и стеганой шапкѣ. Оттуда же.

Стр. 241-я. Памятникъ на Куликовомъ полѣ (по фотографії).

Стр. 246-я. Лукъ и стрѣла, 4 чекана, или клевца, самострѣль, 4 начечника копій и рогатинъ. (См. у Савваитова и въ «Исторіи одеждъ и вооруженія русскихъ войскъ»).

Стр. 247-я. Шлемы. Дѣлались они изъ булата, стали, мѣди или жѣлѣза. Для защиты лица отъ поперечныхъ сабельныхъ ударовъ мечомъ или саблею придѣлывалась съ передней стороны личина (т.-е. забрало). По большей части пропускалась у козырька металлическая полоса или такъ называемый носъ, который можно было поднимать и опускать по желанію. Для прикрытия ушей и затылка привѣшивались къ шлему металлическія пластинки или кольчужная сѣтка. Шлемы иной разъ богато украшались золотомъ и серебромъ. Къ остроконечнымъ верхамъ шлемовъ прикрѣплялись иногда маленькие флаги, обыкновенно краснаго цвета (еловцы). Шишаки отличались отъ шлемовъ высокимъ навершьемъ, которое имѣло видъ длинной трубки и оканчивалось яблокомъ. Такое навершье называлось шишомъ, отчего произошло и название шишаковъ. Колпаки представляли высокую остроконечную тулю, сдѣланную изъ прямыхъ пластинъ или щитовъ. Ерихонки. Такъ назывались красивые шлемы азіатской формы съ носомъ, наушниками и назатыльникомъ. Название или отъ города Ерихона, или отъ слова: Юргенскій (Грузинскій). Мисюрки. Египетскіе или арабскіе шлемы, имѣвшіе видъ черепа, къ краямъ которого прикрѣплялась бармица, т.-е. кольчужная сѣтка.

Бумажныя, или стеганыя шапки употреблялись обыкновенно при куяшномъ вооруженіи и при тегиляяхъ. Они дѣлались съ наушнями и затылкомъ на подобіе треуховъ и состояли изъ жѣлѣзныхъ бляхъ или пластинокъ, укрѣпленныхъ въ ватѣ между верхней шелковой или суконной покрышкой и подкладкой и простегивались насѣвъ. (См. у Савваитова).

